
UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 01568605 8

Исторія Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и новое время.

Изд. подъ ред. Н. И. Карѣева и И. В. Лучицкаго.

А. Я. ЕФИМЕНКО.

ИСТОРІЯ УКРАИНСКАГО НАРОДА.

ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

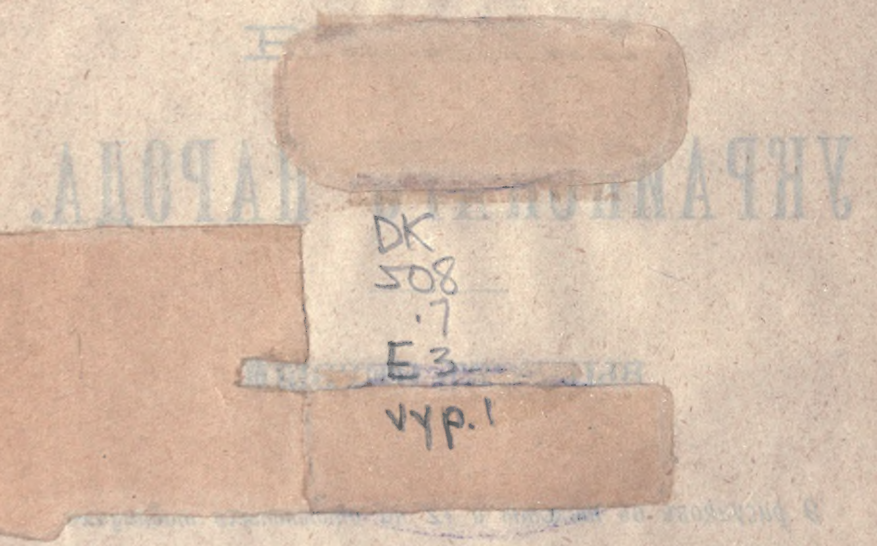
9 рисунковъ въ текстѣ и 12 на отдѣльныхъ таблицахъ.

Изданіе Акц. Общ. „Брокгаузъ-Ефронъ".

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Акц. Общ. Брокгаузъ-Ефронъ. Прачешный пер. № 6.

1906.

DK
508
.7
E3
vyp.1

LIBRARY
DEC 28 1967
UNIVERSITY OF TORONTO

Отъ автора.

Происхожденіе настоящаго труда слѣдующее. Въ январѣ 1896 года „Кіевская Старина“—спеціальный журналъ, посвященный вопросамъ южно-русской исторіи—обнародовала програму научно-популярной „Исторіи Южной Руси“. Программа эта была составлена мѣстными учеными спеціалистами предмета и имѣла въ виду свести во-едино существеннѣйшее, что дала до сихъ поръ детальная разработка вопросовъ южно-русской исторіи, приспособивъ изложеніе къ интересамъ и потребностямъ большой публики.

Такъ какъ я уже въ теченіе нѣсколькихъ предшествовавшихъ лѣтъ занималась южно-русской исторіей—правда, главнымъ образомъ, не политической, а внутренней,—то я рѣшилась взять на себя предлагаемую задачу, сознаваемую мной за общественно-необходимую.

Указаннымъ обстоятельствомъ опредѣляется до извѣстной степени характеръ предлагаемаго труда, его формальныя рамки. Но въ этихъ формальныхъ предѣлахъ, принятыхъ мною за обязательные, я сохранила за собой свободу группировки матеріала и его освѣщенія. Я не оставляю въ пренебреженіи фактовъ исторіи внѣшней, политической, но отвожу имъ относительно скромное мѣсто по сравненію съ фактами исторіи внутренней; по отношенію къ внутренней жизни южно-русскаго народа я менѣе останавливаюсь на описаніи отдѣльныхъ явленій этой жизни, чѣмъ на уясненіи того соціально-историческаго процесса, которымъ обусловливаются эти явленія.

Чтобы читателю было ясно мѣсто настоящаго труда въ ряду родственныхъ ему историческихъ работъ, я остановлю его вниманіе на нѣкоторыхъ обстоятельствахъ, можетъ-быть, ему неизвѣстныхъ.

Русская исторія, какъ наука, должна складываться изъ двухъ самостоятельныхъ и параллельныхъ частей: изъ исторіи сѣверо-восточной или Московской Руси и изъ исторіи Руси южной и западной или Литовско-Польской *). Такая постановка вполнѣ оправдывается историческими отношеніями обѣихъ половинъ: сравнительными величинами ихъ территорій и населенія, взаимной самостоятельностью ихъ культуръ и хода исторической жизни. А между тѣмъ въ русской научной литературѣ принято понимать подъ выраженіемъ „русская исторія“ лишь исторію сѣверо-восточной ея половины. Все это производитъ такую односторонность историческаго пониманія, которая граничитъ въ иныхъ случаяхъ съ фальсификаціей общественнаго самосознанія, хотя въ большинствѣ случаевъ совершенно невольной и безсознательной.

---

*) Строго говоря, лишь южная Русь жила самостоятельной политической жизнью; Русь западная—племя бѣлорусское—прекратила свое политическое существованіе съ поглощеніемъ ея Литовскимъ государствомъ.

Я не считаю возможнымъ вдаваться здѣсь въ разсмотрѣніе причинъ такого положенія дѣла. Указываю лишь на то, что историческое изученіе судебъ Руси Литовско-Польской, составляющее предметъ настоящаго труда, долго было въ полномъ забросѣ. Правда, послѣднее время замѣчается усиленное вниманіе къ изученію памятниковъ и источниковъ литовскаго періода южно-русской исторіи; появляются и цѣнныя монографіи по тѣмъ или инымъ вопросамъ этой исторіи. Но все-таки остается во всей своей силѣ фактъ, что въ современной русской литературѣ совсѣмъ нѣтъ систематическихъ трудовъ ни научнаго, ни популярнаго характера, посвященныхъ этому предмету. Лицу, заинтересованному въ томъ, чтобы составить общее понятіе объ исторіи этой половины Руси, ничего не остается, какъ обратиться къ трудамъ Бантыша-Каменскаго и Маркевича, относящимся къ тридцатымъ и сороковымъ годамъ прошлаго вѣка. Труды эти подъ названіемъ „Исторіи Малороссіи" дѣйствительно представляютъ собою систематическое обозрѣніе предмета. Но оба эти сочиненія такъ устарѣли по своимъ пріемамъ, такъ страдаютъ отсутствіемъ исторической критики, такъ отстали по отношенію къ своимъ источникамъ, что ихъ значеніе въ настоящее время лишь библіографическое: ни исторической наукѣ въ ближайшемъ смыслѣ этого слова, ни публикѣ они ничего не даютъ. А, между тѣмъ, „Исторія" Бантыша-Каменскаго не далѣе какъ въ прошломъ году переиздана вновь: такъ крайне ощущается недостатокъ въ систематическомъ трудѣ*).

Отсутствіе должнаго вниманія къ исторіи южной и западной половинъ Руси отражается на положеніи нашихъ изученій родной исторіи однимъ общимъ, крупнымъ ихъ дефектомъ. Всякому образованному человѣку извѣстно, какъ рѣзко противопоставляется нашими учеными историками русская исторія западно-европейской—такъ рѣзко, что не допускается и мысли о примѣненіи къ этимъ двумъ дисциплинамъ пріемовъ сравнительнаго изученія, историко-сравнительнаго метода; въ связи съ этимъ стоитъ, конечно, и широко распространенный до сихъ поръ взглядъ на противоположеніе Россіи Европѣ. А, между тѣмъ, изученіе Литовско-Польской Руси отняло бы у этого взгляда значительную часть его рѣзкости и остроты,—отняло бы, несомнѣнно, въ пользу какъ науки, такъ и практической философіи, заимствующей у науки свои исходныя точки. Только основательное изученіе исторіи этой другой половины Руси могло бы установить ясный взглядъ на наши истинныя національныя особенности, на наше дѣйствительное отличіе отъ Европы, кореняшееся не въ однихъ лишь относительно позднихъ условіяхъ и особенностяхъ исторіи Руси сѣверо-восточной.

И еще два слова pro domo sua. Какъ въ житейской практикѣ, такъ въ литературѣ и наукѣ существуютъ нѣкоторые предразсудки, пускающіе часто глубокіе корни въ общественномъ самосознаніи. Къ числу такихъ предразсудковъ принадлежитъ недовѣріе къ безпристрастію южно-русскихъ историковъ и писателей вообще, наклонность разсматривать ихъ труды подъ угломъ зрѣнія предполагаемой національной исключительности, одностороннихъ мѣстныхъ пристрастій. Здѣсь не мѣсто вдаваться въ критику этихъ предразсудковъ. Скажу лишь, что авторъ настоящаго труда, посвященнаго южно-русской исторіи, какъ по своему великорусскому происхожденію, такъ и по симпатіямъ, обнаруженнымъ въ изученіи сѣверо-русскаго юридическаго фольклора**), долженъ стоять внѣ подозрѣній въ южно-русскомъ національномъ субъективизмѣ.

---

*) Уже послѣ того какъ были написаны эти строки, произошли событія, въ силу которыхъ украинская исторія утратила характеръ науки запрещенной, и появилась книга проф. Грушевскаго: „Очеркъ исторіи украинскаго народа" СПБ. 1904.

**) Александры Ефименко: „Изслѣдованія народной жизни. Обычное право". М. 1884 г.

Глава первая.

До-историческая эпоха.—Народы, обитавшіе въ южной Руси въ древности.—До-историческая Русь и славяне.

I.

Есть одно древнее русское сказаніе—сказаніе о „Голубиной книгѣ". Говорится въ немъ, что съ неба, изъ грозовой тучи, упала „Голубиная книга", сорока саженъ въ длину, двадцати въ поперечникѣ. Въ книгѣ этой былъ отвѣтъ на всѣ вопросы „про наше житіе, про свято-русское, про наше житіе свѣту вольнаго", т.-е. про жизнь человѣческую вообще и, въ частности, про нашу русскую жизнь: „Отчего у насъ начался бѣлый вольный свѣтъ? Отчего у насъ солнце красное? Отчего у насъ міръ-народъ? Отчего цари пошли, отчего князья-бояры, отчего крестьяне православные"? и т. д.

Все это, конечно, возбуждаетъ у современнаго человѣка улыбку—и сама „Голубиная книга", и ея дѣтски-наивные вопросы, и еще болѣе наивные отвѣты на эти вопросы...

А, между тѣмъ, „Голубиная книга", лишь несравненно болѣе грандіозная, постоянно лежитъ передъ нами. На ея листахъ написанъ отвѣтъ на самый интересный изъ всѣхъ вопросовъ, какіе только можетъ задать себѣ человѣкъ: вопросъ о томъ, откуда пошелъ самъ онъ—человѣкъ? „Голубиная книга" это—земля, земная кора: на ея напластованіяхъ, какъ на чудовищныхъ листахъ, былая жизнь начертала сама свою исторію, и надо только сумѣть прочесть ея ясныя, точныя, несомнѣнныя показанія. Медленно, такъ сказать, по складамъ, разбираетъ наука эту трудную грамоту; но и въ томъ немногомъ, что она уже успѣла разобрать, разворачивается передъ удивленнымъ человѣчествомъ неожиданная картина его прошлаго.

Вслѣдъ за геологіей, которая прослѣдила шагъ за шагомъ весь процессъ отложенія пластовъ коры на отвердѣвшей оболочкѣ земного ядра, палеонтологія, разыскивая и находя въ этихъ пластахъ слѣды и остатки такъ называемыхъ

„допотопныхъ“ животныхъ, раскрыла картину развитія жизни на землѣ; наконецъ, дошло дѣло и до человѣка, которымъ занялась „до-историческая археологія“.

Существовалъ ли человѣкъ въ до-ледниковый или третичный періодъ, когда среди тропической растительности Европы уже жили млекопитающія животныя и даже человѣкоподобныя обезьяны? Вопросъ спорный: среди многихъ доказательствъ существованія третичнаго человѣка нѣтъ пока ни одного несомнѣннаго. Но вотъ Европа вступаетъ въ новую геологическую эпоху, четвертичную. Мало-по-малу, наступаетъ охлажденіе; громадныя массы снѣга и льда покрываютъ значительную часть Европы, особенно сѣверной; Балтійское, Нѣмецкое моря лежатъ подъ однимъ гигантскимъ ледянымъ покровомъ, долины и равнины средней Европы представляютъ видъ полярныхъ тундръ. Но на окраинахъ ледниковъ, въ мѣстностяхъ болѣе теплыхъ и свободныхъ отъ льда, человѣкъ въ эту эпоху уже несомнѣнно существовалъ. По мѣрѣ того, какъ климатъ Европы смягчался, и ледники отходили къ сѣверу, подвигался къ сѣверу и четвертичный человѣкъ.

Южная Россія, теперешняя Украина, находилась внѣ предѣловъ обледенѣнія. Въ толщахъ лёсса, лежащаго подъ ея черноземомъ, найдены слѣды пребыванія того древнѣйшаго обитателя Европы, который извѣстенъ наукѣ подъ названіемъ палеолитическаго человѣка. Еще въ 1873 г. на берегу р. Удая, въ Лубенскомъ уѣздѣ Полтавской губ., обнаружена въ лёссѣ стоянка человѣка палеолитической (древне-каменной) эпохи: много грубыхъ орудій, характеризующихъ эту эпоху, изъ кремня и кости найдено вмѣстѣ съ костями мамонтовъ и др. животныхъ, частью нетронутыми, частью обугленными. Еще болѣе древняя стоянка — одна изъ древнѣйшихъ во всей Европѣ — найдена недавно въ Кіевѣ. И въ другихъ мѣстностяхъ южной Россіи, главнымъ образомъ, въ бассейнѣ Днѣпра, также Днѣстра и Дона, открыты слѣды и остатки человѣка съ признаками, характерными для той же древнѣйшей эпохи. Всѣ эти находки сдѣланы въ лёссѣ; слѣдовательно, первобытный человѣкъ жилъ до эпохи образованія нашего чернозема.

Очевидно, это былъ человѣкъ, очень мало похожій на насъ, людей XX вѣка, человѣкъ, стоявшій ниже всякаго современнаго дикаря. Но это былъ все-таки несомнѣнно человѣкъ: онъ умѣлъ приготовлять себѣ орудія, чтобы при помощи ихъ вести борьбу съ природой. Орудія эти пока еще такъ просты, что неопытный глазъ, пожалуй, и не признаетъ за орудія эти продолговатые осколки кремня съ острыми краями, отбитые отъ большого куска. Но опытный глазъ ученаго не только отличитъ въ такомъ осколкѣ каменное орудіе палеолитической эпохи, но укажетъ среди этихъ кремневыхъ осколковъ, такъ похожихъ одинъ на другой, нѣсколько типовъ первобытныхъ орудій: ножъ-скребокъ, наконечникъ стрѣлы или копья, молотъ, клинъ. Свѣжій кремень, еще пропитанный влажностью почвы, давалъ при отбивкѣ такія острыя, рѣжущія ребра, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ такъ твердъ, что первобытный человѣкъ отдавалъ ему предпочтеніе передъ всякимъ другимъ сподручнымъ матеріаломъ. Но, не имѣя подъ рукой кремня, онъ отбивалъ свои орудія отъ каменныхъ жел-

ваковъ и иной кристаллической породы; употреблялъ, какъ орудіе, также кусокъ дерева, рогъ, кость.

Разсматривая въ какомъ-нибудь музеѣ древностей эти грубо отбитые осколки кремней, съ трудомъ вѣришь, что человѣкъ, вооруженный подобными ничтожными и жалкими орудіями, могъ успѣшно бороться съ такими колоссальными животными, какъ мамонтъ или носорогъ, исполинскій олень, лось, туръ и т. п. А, между тѣмъ, онъ несомнѣнно съ ними боролся, пользуясь этими орудіями. Кремневые наконечники его стрѣлъ пробивали толстую шкуру мамонта, какъ это ясно обнаруживаютъ находки; длиннымъ кремнемъ съ острыми ребрами—ножомъ—онъ отрѣзалъ куски отъ туши; скребкомъ—т.-е. круглымъ кремнемъ съ однимъ толстымъ краемъ, а другимъ острымъ — онъ отскребалъ мясо отъ кожи и костей; чтобы расколоть кость и достать изъ нея лакомый мозгъ, онъ употреблялъ клинъ, т.-е. большой кремень, заостряющійся къ одному концу и расширяющійся къ другому; на помощь клину являлся молотъ, для котораго годился всякій большой голышъ, немножко приспособленный отбивкой къ своему назначенію. Добытое мясо человѣкъ палеолитической или мамонтовой эпохи уже ѣлъ не сырымъ, а приготовлялъ его на раскаленномъ камнѣ, такъ какъ уже зналъ огонь; изъ шкуры звѣрей приготовлялъ одежду при помощи костяного шила, которымъ прокалывалъ дырки, и жилъ, вытягиваемыхъ изъ убитаго звѣря. Вотъ и всѣ скудныя знанія и умѣнья, которыми несомнѣнно обладалъ палеолитическій человѣкъ; но какой долгій и вполнѣ неизвѣстный намъ путь долженъ онъ былъ пройти, чтобы пріобрѣсть ихъ... Впрочемъ, онъ умѣлъ еще, можетъ-быть, ловить рыбу, умѣлъ слѣпить изъ глины нѣчто въ родѣ звѣринаго или человѣческаго черепа, чтобы пользоваться имъ какъ чашей. Вмѣстѣ съ тѣмъ, этотъ первобытный человѣкъ уже стремился украшать себя ожерельями изъ зубовъ, кусочковъ камня и т. п.; но самое главное и самое знаменательное для будущей судьбы человѣка—то, что этотъ жалкій дикарь уже обладалъ великимъ даромъ свободнаго творчества: на обломкахъ костей, на мамонтовыхъ бивняхъ находятъ не только изображенія отдѣльныхъ животныхъ, но даже попытки представить связную сцену. Правда, все это похоже на рисунокъ современнаго четырехлѣтняго ребенка, но ребенка, очевидно, даровитаго, умѣющаго схватить и передать сходство.

Минули тысячелѣтія... Европейскіе ледники отодвинулись къ полюсу, задержавшись лишь своими остатками на вершинахъ высокихъ горъ. Мощные потоки, которые питались таяніемъ льдовъ, вошли въ русла и образовали рѣки. Южно-русская равнина приняла въ общемъ тотъ видъ, какой она имѣетъ теперь,— съ слабо выраженнымъ рельефомъ, обширной сѣтью многоводныхъ рѣкъ, направляющихся къ югу, полосой степей съ ихъ характерной растительностью, со всѣми чертами, такъ выдѣляющими русскую равнину отъ остальной Европы и дѣлающими изъ южной Россіи какъ бы продолженіе Азіи. Мамонты, носороги, пещерные медвѣди и др. огромные звѣри палеолитической эпохи исчезли; отъ фауны ея сохранились въ лѣсахъ лишь зубръ и туръ. Появились тѣ виды животныхъ, которые мы находимъ и въ настоящее время. Въ напластованіяхъ, лежащихъ надъ тѣми, которыя содержатъ остатки палео-

литическаго человѣка, научныя разслѣдованія открываютъ слѣды и остатки человѣка иной культуры, и наука называетъ его человѣкомъ эпохи неолитической (ново-каменной). Слѣды пребыванія неолитическаго человѣка обнаружены въ южной Россіи во множествѣ мѣстъ, и число находокъ все увеличивается. Находятъ не только орудія, но и мастерскія этихъ орудій, находятъ стоянки съ сорными кучами и такъ называемыми „культурными ямами", а, главное, находятъ мѣста погребенія неолитическаго человѣка, т.-е. скелеты въ ихъ похоронной обстановкѣ. Все это позволяетъ намъ составить довольно полное понятіе о человѣкѣ этой эпохи.

Неолитическій человѣкъ также не знаетъ металловъ и продолжаетъ пользоваться, въ качествѣ матеріала для своихъ орудій, тѣмъ же кремнемъ и другими породами камня. Но взгляните на каменныя орудія этой эпохи, и во многихъ случаяхъ вы просто поразитесь тонкостью, чистотой ихъ отдѣлки. Это уже не грубо отбитые осколки, а тщательно отполированные, отточенные предметы, которымъ придана форма, точно соотвѣтствующая ихъ назначенію. Кромѣ тѣхъ орудій, которыми пользовался палеолитическій человѣкъ, теперь появляются еще новыя: топоръ, булава, кинжалъ, долото, шило, пила съ ихъ разновидностями. Разнообразію орудій содѣйствуетъ то, что человѣкъ уже умѣетъ сверлить камень.

Работая надъ трудной отдѣлкой камня, человѣкъ стремился сдѣлать вещь не только практически пригодную, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и изящную, удовлетворяющую его вкусу, его эстетическимъ потребностямъ. Мало того: очевидно, что уже въ это отдаленное время не каждый человѣкъ работалъ орудія для себя, а нѣкоторые люди приготовляли ихъ для другихъ. На это указываютъ такъ называемыя мастерскія: находятъ при раскопкахъ такія мѣста, гдѣ по массѣ осколковъ и обломковъ кремня можно заключить, что тамъ выдѣлывалось каменное орудіе въ большомъ количествѣ. Но гдѣ человѣкъ работаетъ не для удовлетворенія собственныхъ потребностей, а на другихъ, тамъ уже не только отдѣльные люди, но и человѣческое общество.

Но самая значительная черта, которую мы усматриваемъ въ остаткахъ быта неолитическаго человѣка,—та, что этотъ человѣкъ уже зналъ обрядовое погребеніе, т.-е. хоронилъ своихъ мертвецовъ по установившимся обычаямъ, въ извѣстномъ положеніи, съ извѣстной обстановкой. Несомнѣнно, онъ имѣлъ понятіе о загробной жизни, хотя и представлялъ ее лишь какъ продолженіе земной; поэтому онъ снабжалъ своего мертвеца въ могилѣ пищей, орудіями, всѣмъ, что тому было необходимо или дорого при жизни. Надъ мѣстами погребенія въ нашихъ степныхъ равнинахъ нерѣдко насыпались возвышенія, курганы; они до сихъ поръ указываютъ археологамъ, гдѣ искать этихъ погребеній. Но тамъ, гдѣ нѣтъ кургановъ, только счастливый случай можетъ обнаружить погребеніе съ драгоцѣнными для науки подробностями его обстановки.

Если свести въ одно цѣлое все, что мы узнаемъ о бытѣ неолитическаго человѣка изъ разслѣдованія его погребеній, остатковъ его поселеній и мастерскихъ, у насъ сложится такая картина.

Человѣкъ этой эпохи, какъ и предыдущей, жилъ преимущественно охо-

той. Своими каменными копьями и стрѣлами, булавами и топорами онъ убивалъ звѣрей, которые водились тогда въ изобиліи, и водяныхъ птицъ, ютившихся массами по берегамъ тогдашнихъ многоводныхъ рѣкъ и озеръ. Изъ древесныхъ стволовъ онъ выдалбливалъ лодки и, плавая въ нихъ, ловилъ рыбу посредствомъ гарпуновъ и крючковъ, сдѣланныхъ изъ камня, кости или раковинъ; употреблялъ въ пищу также нѣкоторые виды слизняковъ. Но онъ, этотъ неолитическій человѣкъ, уже, очевидно, предусматриваетъ, что ему нельзя ограничиться хищничествомъ, что необходимо иначе пользоваться природой. Появляются домашнія животныя, прежде всего собака, при помощи которой человѣкъ уже приручаетъ быка, овцу, козу, свинью; есть даже слѣды земледѣлія въ видѣ обугленныхъ хлѣбныхъ зеренъ и каменныхъ зернодробилокъ. Изъ растительнаго волокна онъ плететъ сѣти и дѣлаетъ, при помощи нѣкоторыхъ грубыхъ приспособленій, какую-то ткань для одежды. Но съ особеннымъ предпочтеніемъ занимается онъ гончарнымъ искусствомъ.

Съ этимъ легкимъ искусствомъ, матеріалъ для котораго всюду подъ рукой, человѣкъ освоился, повидимому, очень рано, даже раньше полировки камня. Конечно, искусство это должно было пройти, какъ и все на свѣтѣ, длинный путь развитія, пока достигло той высоты, съ образцами которой мы встрѣчаемся въ неолитическую эпоху. Но и самыя совершенныя изъ гончарныхъ произведеній неолитическаго человѣка все-таки обнаруживаютъ, что они сдѣланы отъ руки, безъ гончарнаго круга. Любопытно, что вся эта масса глиняныхъ сосудовъ разныхъ формъ, величинъ, совершенства, дошедшая до насъ, главнымъ образомъ, въ черепкахъ, непремѣнно украшена какимъ-нибудь орнаментомъ, въ видѣ правильно-расположенныхъ ямокъ, черточекъ, полосъ, желобковъ и т. п. На самыхъ первобытныхъ сосудахъ, неправильныхъ, сдѣланныхъ изъ плохо вымѣшанной глины, едва обожженныхъ, все-таки есть орнаментъ, хотя бы въ видѣ углубленій, сдѣланныхъ ногтемъ.

Жильемъ неолитическаго человѣка, какъ и палеолитическаго, служили пещеры, гдѣ онѣ были; во вторую эпоху человѣкъ умѣлъ выкапывать и искусственныя пещеры тамъ, гдѣ это было удобно по условіямъ мѣстности.

Такихъ пещеръ много въ нагорномъ берегу средняго Днѣпра, между устьями Припети и Тясьмина. Но на нашихъ степныхъ равнинахъ необходимость должна была рано привести человѣка къ изобрѣтенію иного жилища въ видѣ какой-нибудь землянки или шалаша изъ дерева, хвороста, кожи и т. п. Сохранились слѣды такихъ жилищъ, собственно ихъ очаги съ сорными кучами и „культурными ямами", т.-е. углубленіями, наполненными пепломъ и кухонными отбросами. Слѣды жилищъ встрѣчаются то порознь, то группами, которыя указываютъ на поселенія, слѣдов., на общественную жизнь людей описываемой эпохи.

Итакъ, неолитическій человѣкъ былъ человѣкъ общественный. Онъ имѣлъ религіозныя понятія, хотя, быть-можетъ, лишь очень простыя, въ родѣ того почитанія, культа мертвыхъ, какое мы встрѣчаемъ у нѣкоторыхъ современныхъ дикарей. Онъ имѣлъ эстетическія потребности: стремился украшать себя ожерельями изъ глиняныхъ бусъ и раковинъ, кусочковъ янтаря, стремился украшать свою посуду и орудіе, имѣя ясное понятіе о симметріи.

И снова минули тысячелѣтія... Надъ тѣми напластованіями, которыя скрыли неолитическаго человѣка, археологія опять открываетъ иного человѣка съ иной культурой. Человѣкъ этотъ уже знаетъ свойства металловъ и умѣетъ пользоваться ими для выдѣлки орудій. Но желѣзо пока еще недоступно ему: оно трудно для обработки, и его надо добывать изъ руды, такъ какъ оно не встрѣчается въ самородкахъ. Человѣкъ дѣлаетъ свои орудія или изъ чистой мѣди, или—гораздо чаще—изъ сплава мѣди съ оловомъ, т.-е. бронзы; у насъ на югѣ Россіи, въ Донецкомъ кряжѣ, въ Бахмутскомъ уѣздѣ, при горныхъ работахъ находятъ древнія заброшенныя штольни для добыванія мѣди и по находкамъ въ нихъ каменныхъ орудій заключаютъ о томъ, что здѣсь добывалъ нѣкогда мѣдь человѣкъ переходной эпохи. Но надо сказать, что археологія открыла мало слѣдовъ особаго бронзоваго вѣка въ южной Россіи *); въ большинствѣ находокъ вмѣстѣ съ бронзовыми вещами встрѣчаются и желѣзныя. Изъ этого можно заключить, что металлическая культура не развилась у насъ самостоятельно, а зашла путемъ заимствованія или подражанія изъ иныхъ странъ, ушедшихъ впередъ въ культурномъ развитіи.

Такихъ передовыхъ культурныхъ пунктовъ было нѣсколько въ Азіи, въ томъ числѣ Финикія, посылавшая своихъ торговцевъ черезъ Черное море и въ наши страны, а въ Европѣ—Греція, которая была ближайшей сосѣдкой южной Россіи своими многочисленными колоніями по берегамъ Чернаго моря. Изъ колоній этихъ особенное значеніе имѣла для южно-русской территоріи Ольвія на лиманѣ р. Буга и Херсонесъ, Корсунь, около Севастополя, затѣмъ Танаисъ въ устьѣ Дона и Фанагорія, позднѣйшая Таматарха, на Таманскомъ полуостровѣ: колоніи греческія процвѣтали торговлей, главнымъ образомъ, торговлей рыбой и хлѣбомъ. „Отецъ исторіи“, Геродотъ, который въ пятомъ вѣкѣ до Рождества Христова посѣтилъ Ольвію, далъ намъ свѣдѣнія о народѣ, обитавшемъ въ его времена въ южной Россіи; такимъ образомъ, на помощь археологіи съ этихъ поръ уже приходитъ исторія. Археологи раскопали значительное число изъ тѣхъ южно-русскихъ курганныхъ насыпей, которыя относятся къ эпохѣ и народамъ, описаннымъ у Геродота. Нѣкоторые изъ этихъ кургановъ представляютъ собой грандіозныя сооруженія въ нѣсколько саженъ высоты и до полутораста и болѣе саженъ въ окружности, съ внутренними камерами, корридорами, саркофагами. Обстановка погребеній въ этихъ большихъ курганахъ, называемыхъ царскими, необычайно богата и числомъ и цѣнностью предметовъ; но и въ остальныхъ курганахъ этого типа находятъ разныя вещи, относящіяся къ вооруженію, принадлежностямъ домашней обстановки, украшеніямъ какъ людскимъ, такъ и конскимъ: желѣзные мечи и бронзовыя стрѣлы, бронзовыя зеркала и фигурки животныхъ, бусы изъ разноцвѣтныхъ камней, янтаря и стекла, золотыя серьги, ожерелья, браслеты, перстни, разныя бляхи, удила, конскіе налобники, множество глиняной посуды. По скелетамъ видно,

*) Представляя большое развитіе почти во всей Западной Европѣ, у насъ, въ Россіи, бронзовая культура обнаруживается значительно только въ Приуральѣ и на Кавказѣ.

что погребали вмѣстѣ съ господиномъ его рабовъ, жену и лошадей. Сопоставляя эти находки съ дошедшими до насъ свидѣтельствами Геродота, ученые называютъ тѣ народы, которые оставили намъ эти курганы, скиѳами, а курганы, разсыпанные во множествѣ вверхъ отъ устьевъ Днѣстра и Буга, Днѣпра и его притоковъ до Смѣлы и Роменъ, Дона и Кубани, по берегамъ Азовскаго моря, скиѳскими или скиѳо-сарматскими *).

Скиѳскіе народы, очевидно, ушли далеко впередъ отъ людей каменнаго вѣка. Уже не охота даетъ имъ главныя средства къ существованію, а земледѣліе и скотоводство. Такъ и дѣлитъ ихъ Геродотъ: на скиѳовъ кочевыхъ, номадовъ, и скиѳовъ-пахарей, присоединяя къ нимъ еще скиѳовъ царскихъ, т.-е. такое отдѣльное племя, которое имѣло преобладаніе надъ остальными, подчиняя ихъ своей власти. Изъ этого видно, что скиѳы жили не только общественными союзами, но уже знали отношенія политической зависимости. Рабы, которыхъ убивали, чтобы похоронить съ ихъ господиномъ, и подданные, которыхъ хоронили съ царями, также свидѣтельствуютъ, что въ устройствѣ жизни скиѳскихъ народовъ было гражданское и политическое неравенство.

Южно-русская равнина, степь, сливающаяся поверхъ Каспійскаго моря съ широкой азіатской степью, представляетъ исключительныя удобства для жизни кочевниковъ. И исторія, съ самыхъ древнихъ изъ извѣстныхъ ей временъ, говоритъ намъ о томъ, какъ волны кочевого населенія перекатывались по этой безконечной равнинѣ, обычно направляясь съ востока на западъ, изъ глубинъ Азіи въ южную Россію. Здѣсь каждая волна задерживалась—иногда надолго: роскошная растительность черноземной степи, богатой водой, была слишкомъ привлекательна. Задерживалась до той поры, пока Азія не выбрасывала новый потокъ, который заливалъ южно-русскую равнину, проталкивая старыхъ кочевниковъ далѣе въ Западную Европу или смѣшиваясь съ ними. Кочевое населеніе разносило по необозримымъ пространствамъ все, что оно заимствовало отъ богатыхъ культуръ, развивавшихся въ Средней Азіи; вмѣстѣ съ тѣмъ, оно распространяло вкусъ къ торговому обмѣну, которымъ охотно занимался подвижной, дѣятельный кочевникъ.

Скиѳы пришли изъ Азіи вѣковъ за семь до Р. Хр. и затѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій занимали южно-русскую равнину, называясь скиѳами у писателей греческихъ, сарматами — у римскихъ. Съ своими кожаными кибитками, въ которыя впрягались волы, кочевали они по всему степному пространству, окаймляющему сѣверное побережье Чернаго и Азовскаго морей, отъ устьевъ Днѣпра до устьевъ Дона. Ихъ богатство составлялъ скотъ, главнымъ образомъ, лошади, къ которымъ скиѳы имѣли особенное пристрастіе. Кочевая жизнь своимъ разнообразіемъ, вѣчной смѣной впечатлѣній настолько втяги-

*) Народы эти, по сказаніямъ греческихъ историковъ, вытѣснили киммерійцевъ; съ именемъ киммерійцевъ нѣкоторые современные ученые связываютъ тѣ многочисленныя курганныя насыпи, которыя во множествѣ находятся на южно-русской степной территоріи, и раскопки которыхъ обнаруживаютъ скелеты, окрашенные въ красную краску и положенные на бокъ въ скорченномъ положеніи, съ скуднымъ похороннымъ инвентаремъ разнообразнаго характера.

ваетъ въ себя человѣка, что кочевникъ крайне неохотно переходитъ къ осѣдлому существованію: много надо особо привлекательныхъ условій, чтобы соблазнить его на такую перемѣну. Часть скиѳовъ, жившая гдѣ-то въ низовьяхъ Днѣпра, перешла къ земледѣлію, очевидно, подъ вліяніемъ богатыхъ греческихъ колоній: сюда, конечно, сбывали свой хлѣбъ скиѳы-пахари.

Только усиленными торговыми сношеніями и скиѳовъ-земледѣльцевъ и скиѳовъ-номадовъ не только съ сосѣдними, но и очень отдаленными народами, можно объяснить то огромное разнообразіе и цѣнность вещей, которыя находятъ археологи въ скиѳскихъ курганахъ. Стеклянныя бусы и др. издѣлія изъ стекла могли попасть къ скиѳамъ только изъ Финикіи; прекрасные глиняные сосуды или украшенія изъ филиграни (золотыхъ нитей) были, несомнѣнно, греческаго происхожденія; масса золотыхъ вещей съ изображеніями фантастическихъ звѣрей указываетъ на Среднюю Азію. Однѣ изъ вещей носятъ на себѣ слѣды подражанія иноземнымъ образцамъ, слѣдовательно, могутъ быть и мѣстнаго, скиѳскаго, издѣлія; другія вещи были несомнѣнно занесены къ скиѳамъ торговлей. Какъ извѣстно, скиѳы торговали съ греческими колоніями по черноморскому побережью; но, кромѣ того, надо указать еще на тотъ древнѣйшій торговый путь, который пересѣкалъ скиѳскія страны и позже, при возникновеніи Русскаго государства, имѣлъ такое огромное значеніе. Это водный путь изъ Чернаго моря по Днѣпру: высокоцѣнимый древностью янтарь шелъ этимъ путемъ съ береговъ Балтійскаго моря до самыхъ глубинъ Азіи.

Однако, какъ ни многочисленны курганы, оставленные скиѳскими обитателями южно-русскихъ степей, какъ ни богаты они своимъ содержаніемъ, все-таки они ничего не отвѣчаютъ намъ даже на такіе элементарные вопросы: можно-ли отождествлять скиѳовъ съ сарматами, или надо различать ихъ, или, можетъ-быть, поставить въ отношеніе родства или сосѣдства? Какого происхожденія были всѣ эти народы? Каковы были ихъ историческія судьбы — въ частности, когда и какимъ образомъ исчезли они? Есть нѣкоторыя основанія думать, что скиѳо-сарматскіе народы были происхожденія иранскаго, — такіе же иранцы, какъ заступившіе ихъ мѣсто въ южно-русскихъ степяхъ алане, остатки которыхъ до сихъ поръ держатся на Кавказѣ подъ именемъ осетинъ, древнихъ ясовъ.

Но лишь съ III вѣка по Р. Хр. южно-русскія равнины впервые заняты народомъ, который уже не представляетъ собой Ивана Непомнящаго. Мы знаемъ имя этого народа, его родство, его судьбу. Народъ этотъ — готы, одно изъ многочисленныхъ германскихъ племенъ. Онъ образовалъ въ южной Россіи, на побережьяхъ Чернаго моря и въ Крыму большое и сильное государство. На своихъ длинныхъ и легкихъ ладьяхъ пересѣкали готы вдоль и поперекъ Черное море и держали, если не въ подчиненіи, то въ страхѣ всѣ его берега. По преданіямъ, сохранившимся въ Скандинавіи, у готовъ былъ „большой городъ на Днѣпрѣ“ (этимъ городомъ могъ быть, вѣроятно, только Кіевъ); но главное средоточіе ихъ жизни было не на Днѣпрѣ, а на Дону. При царѣ Германарихѣ, въ половинѣ IV вѣка, — по словамъ готскаго историка Іордана, жившаго, правда, вѣка на два позже и тѣмъ самымъ возбуждающаго

извѣстныя сомнѣнія въ достовѣрности своихъ свидѣтельствъ — готамъ принадлежала значительная часть теперешней Россіи, не только южной, но и сѣверной. Готское государство существовало недолго. Въ концѣ IV вѣка началась эпоха великаго переселенія народовъ. Гунны, сплотившись подъ властью Аттилы въ одну чудовищную орду, открыли движеніе изъ степей Азіи къ крайнимъ западнымъ предѣламъ европейскаго материка. На пути своемъ черезъ южно-русскія степи смели они и увлекли съ собой на западъ и готовъ: южно-русское готское государство исчезло. Но слѣды пребыванія готовъ остались опять-таки въ погребальныхъ курганахъ—главнымъ образомъ, въ Области Войска Донского и части бассейна Кубани. Богатые клады большихъ кургановъ представляютъ много вещей людского и конскаго убора изъ массивнаго золота съ инкрустаціями (вставками) изъ стекла и драгоцѣнныхъ камней гранатовъ или изумрудовъ, также принадлежностей домашней обстановки. На всемъ лежитъ отпечатокъ Средней Азіи и Персіи, нѣсколько смягченный вліяніями греческой и римской культуры, съ которыми соприкасались готы, живя въ южной Россіи.

Нашествіе гунновъ какъ бы открыло собой шлюзъ, черезъ который хлынули изъ Азіи въ Европу финско-турецкія орды: непосредственно за ними явились болгары, затѣмъ хозары, дальше авары (обры нашей лѣтописи), позже угры (венгры). Одни задерживались въ нашихъ степяхъ на болѣе или менѣе продолжительное время; другіе лишь перекочевывали черезъ нихъ, двигаясь дальше на западъ, привлекаемые слухами о Византіи и ея богатой культурѣ. Только хозары осѣли прочно и образовали Хозарское государство съ центромъ на нижней Волгѣ—сильное, богатое и торговое. Хозарское государство создало на нѣкоторое время какъ бы плотину между Европой и Азіей, которая съ половины седьмого до половины девятаго вѣка задерживала движеніе кочевниковъ въ южно-русскія степи. Хозары захватили въ районъ своего вліянія сосѣднія славянскія племена какъ-разъ въ ту критическую эпоху, когда среди южно-русскаго славянства зарождались и складывались элементы государственности.

II.

На сѣверной окраинѣ степной полосы, принимающей отъ средняго Днѣпра сѣверо-восточное направленіе, гдѣ степь уже теряетъ свой однообразный характеръ, переходя въ сѣверо-русскій лѣсъ, — разбросаны во множествѣ курганы, представляющіе для насъ исключительный интересъ. Это невысокіе курганы, лежащіе группами (могильники). Раскиданные на огромномъ протяженіи отъ предгорьевъ Карпатъ до бассейна Дона включительно, они представляютъ— въ способахъ погребенія, въ находимыхъ вещахъ—общія характерныя черты. Ученые объединяютъ этотъ типъ именемъ погребеній славянскихъ. Слѣдовательно, въ курганахъ этихъ скрыты останки нашихъ непосредственныхъ предковъ; черезъ нихъ проходятъ тѣ нити, которыя связываютъ современнаго русскаго человѣка съ человѣкомъ до-историческимъ. Эти курганы, сравнительно со скиѳскими и готскими, небогаты обстановкой своихъ погребеній: немного

посуды, немного украшенiй, большею частью серебряныхъ,—вотъ почти и все. Но они, естественно, очень интересуютъ русскихъ археологовъ, и ихъ раскопано сравнительно много, хотя далеко не равномѣрно по всей территорiи. Раскопки и основанныя на нихъ изслѣдованiя позволяютъ сдѣлать такiе выводы.

Волна великаго переселенiя народовъ, двигавшаяся на западъ, въ своихъ дальнѣйшихъ отраженiяхъ захватила и нашихъ предковъ въ какихъ-то неизвѣстныхъ намъ точно мѣстахъ ихъ первоначальной осѣдлости. Ясно, что они двигались по направленiю къ южно-русскимъ степямъ съ запада, отъ Карпатъ. Двигаясь, они несли съ собой свою собственную культуру. Очень характерны для этой культуры такъ называемыя височныя кольца, которыя встрѣчаются во всѣхъ славянскихъ погребенiяхъ.

Нерѣдко при раскопкахъ славянскихъ могилъ находятъ въ числѣ погребальнаго инвентаря арабскiя монеты VII—IX вв. Монета есть всегда для археолога страстно-желаемая находка: она позволяетъ прiурочить погребенiе къ болѣе или менѣе точно опредѣленному времени. А если однородныхъ монетъ встрѣчается много, то онѣ несомнѣнно свидѣтельствуютъ о торговыхъ связяхъ. Слѣдовательно, наши предки вели торговлю съ арабами. Независимо отъ монетныхъ находокъ, мы знаемъ объ этомъ отъ самихъ арабовъ, ученыхъ географовъ и путешественниковъ, сочиненiя которыхъ дошли до насъ.

Арабы въ эту эпоху только-что выступили на историческую сцену со своимъ Исламомъ и разомъ выросли въ огромную политическую силу. Арабскiй калифатъ, съ центромъ въ Багдадѣ, обхватывалъ съ трехъ сторонъ Средиземное море и южную половину Каспiйскаго. Арабскiя суда и купцы появлялись на всѣхъ большихъ водныхъ дорогахъ Европы, развозя восточные товары. Впрочемъ, они не прокладывали новыхъ торговыхъ путей: и до того времени стекло, ткани, металлическiя издѣлiя Сирiи и Египта имѣли доступъ въ наши страны. Арабы встрѣчались съ нашими предками и у насъ, на южно-русской территорiи, повидимому, и у себя дома, но больше всего въ Хозарiи. Хозарское государство на нижней Волгѣ и на Дону служило средоточiемъ торговыхъ сношенiй между европейскимъ западомъ и азiатскимъ востокомъ.

Кромѣ арабовъ, мы имѣемъ свѣдѣнiя о нашихъ предкахъ еще отъ византiйскихъ грековъ, которые даже больше арабовъ имѣли возможность знать южно-русскую территорiю и ея обитателей.

Итакъ, задолго до того, какъ монахъ Кiево-Печерской лавры—Несторъ или Силиверстъ—записалъ сказанiя о томъ, „откуда есть пошла русская земля“, арабскiе и византiйскiе ученые люди уже знали нашихъ предковъ и писали о нихъ. Лѣтопись, изъ которой мы почерпаемъ свѣдѣнiя о началѣ русскаго государства, случившемся якобы во второй половинѣ IX вѣка, записывала факты лѣтъ двѣсти спустя послѣ того, какъ они совершались; между тѣмъ какъ арабы и византiйцы описывали нашихъ предковъ того же IX вѣка какъ современники и очевидцы. Конечно, въ высшей степени любопытно и важно для исторической науки знать, какъ представлялись этимъ постороннимъ наблюдателямъ наши предки, да еще въ такую критическую эпоху, когда ихъ общественная жизнь принимала новый государственный или политическiй характеръ.

И арабы, и византійцы знаютъ на южно-русской территоріи два совсѣмъ различныхъ народа: одинъ народъ—славяне или анты, какъ ихъ называютъ византійцы, другой — русы. При этомъ русовъ арабы и византійцы знаютъ ближе, чѣмъ славянъ. Русы—это, по всѣмъ описаніямъ, народъ мореходный и крайне предпріимчивый: на своихъ судахъ появляются они, съ цѣлями грабежа, то на малоазіатскомъ побережьѣ, то въ Константинополѣ, то, наконецъ, по берегамъ Каспійскаго моря. Вмѣстѣ съ тѣмъ, это народъ торговый—торгующій, по преимуществу, рабами и мѣхами. Управлялись русы, по дошедшимъ до насъ сообщеніямъ, лицомъ, которое носило титулъ хакана или кагана—такъ же назывался и государь Хозаріи. Но гдѣ же жила эта мореходная, слѣдовательно, поморская Русь? Несомнѣнно, около Чернаго моря, которое недаромъ же называлось въ эту эпоху моремъ Русскимъ. Но гдѣ именно? Есть одна мѣстность, которая невольно напрашивается въ отвѣтъ, когда ставится такой вопросъ. Это—Таманскій полуостровъ, Фанагорія,—та пресловутая Тмутаракань, о которой такъ часто и такъ загадочно говоритъ наша начальная лѣтопись: именно около этой мѣстности задержались, какъ достовѣрно извѣстно, остатки готовъ, называвшихся у византійцевъ готами тетракситами или тметракситами (Таматарха, Тмутаракань). Одинъ изъ арабскихъ писателей, Ибнъ-Дастъ, такъ описываетъ землю русовъ: Русь живетъ, по его словамъ, „на островѣ, окруженномъ озеромъ. Окружность этого острова, на которомъ живутъ они, равняется тремъ днямъ пути; покрытъ онъ лѣсами и болотами, нездоровъ и сыръ". Повидимому, Таманскій полуостровъ близко подходитъ подъ это описаніе. Но такъ или нѣтъ, а ясно, что Русь первой половины IX вѣка, нападавшая на Константинополь и малоазіатское побережье, жила не за моремъ Варяжскимъ или Балтійскимъ, а гдѣ-то на берегахъ моря Чернаго или Русскаго. Тотъ же Ибнъ-Дастъ такъ описываетъ отношенія русовъ къ славянамъ. Онъ говоритъ, что русы съ своего острова „производятъ набѣги на славянъ: подъѣзжаютъ къ нимъ на корабляхъ, выходятъ на берегъ и полонятъ народъ, который отправляютъ потомъ на продажу къ хозарамъ и камскимъ болгарамъ... Пашенъ Русь не имѣетъ и питается лишь тѣмъ, что добываетъ въ землѣ славянъ". Картина отношеній вполнѣ ясная. Такими же представляетъ эти взаимныя отношенія русовъ и славянъ византійскій императоръ Константинъ Порфирородный, хотя онъ писалъ уже тогда, когда русы водворились въ Кіевѣ (въ половинѣ X вѣка). Русы, въ его описаніи, тѣ же хищники, господа и купцы, разъѣзжающіе за сборомъ дани—конечно, не всегда добровольной—по землямъ своихъ славянскихъ данниковъ. И въ это время—относительно позднее,—живя уже среди славянъ, русы еще говорили своимъ собственнымъ языкомъ. Императоръ приводитъ названія днѣпровскихъ пороговъ на обоихъ языкахъ, какіе употреблялись тогда въ южной Руси, на славянскомъ и „русскомъ" (т.-е. германскомъ). Совершенно по-нѣмецки звучатъ также имена пословъ и гостей, подписавшихся подъ договорами Олега и Игоря съ греками: конечно, не славянами были эти люди „отъ рода русскаго"—Карлъ, Фарлафъ, Рулавъ, Роалдъ, Игелдъ, Либнаръ, Акунъ, Алданъ, и т. д.

Ясно, что русы представляли собой небольшое, но энергичное, хищное

племя, нѣчто въ родѣ шайки не то купцовъ, не то морскихъ разбойниковъ—занятія, часто сливавшіяся въ одно въ тѣ отдаленныя времена. Такой ихъ обликъ сквозитъ изъ всѣхъ свидѣтельствъ арабскихъ и византійскихъ писателей. Иначе рисуютъ намъ славянъ тѣ же свидѣтельства.

Славяне—народъ многочисленный, занимающій огромное пространство своими разбросанными маленькими поселеніями, ютившимися по берегамъ водъ и лѣснымъ окраинамъ. Даже тѣ славяне, извѣстные у византійцевъ подъ именемъ антовъ, которые жили на нашей южно-русской территоріи, подраздѣлялись на нѣсколько отдѣльныхъ племенъ: эти подраздѣленія хорошо знаетъ и обстоятельно описываетъ начальная лѣтопись. Занимались южно-русскіе славяне, главнымъ образомъ, земледѣліемъ,—и арабы, и византійцы говорятъ о воздѣлываніи ими проса и пшеницы, которыя они ссыпали для сохраненія въ ямы. Тѣмъ не менѣе, жилища ихъ были легки и непрочны, и анты кидали ихъ безъ сожалѣнія. Все болѣе цѣнное они имѣли привычку зарывать въ землю и при первомъ признакѣ опасности оставляли свои дома, укрываясь съ семьями и скотомъ подъ какое-нибудь изъ ближайшихъ своихъ естественныхъ прикрытій. Ихъ изобрѣтательность въ этомъ отношеніи поражала удивленіемъ наблюдателя ихъ быта и нравовъ. Они умѣли прятаться даже подъ водой при помощи камышевыхъ трубокъ, черезъ которыя дышали, лежа на днѣ. Война съ ними на ихъ территоріи представляла непреодолимыя трудности: они какъ-бы „играютъ войной“, дѣлаютъ нечаянныя нападенія и набѣги днемъ и ночью, прибѣгаютъ къ различнымъ хитростямъ, при помощи которыхъ ловятъ непріятелей, устраиваютъ имъ засады. Непріятельскому войску, которое вступаетъ въ предѣлы ихъ страны и видитъ передъ собой густые лѣса и необозримыя степи съ ихъ неуловимыми обитателями, ничего не остается дѣлать, какъ остановиться: такъ горько жалуется императоръ Маврикій въ своей „Стратегикѣ“ на антовъ, которые въ числѣ другихъ варваровъ отравляли существованіе злосчастнаго императора. Очевидно, не чужды они были и торговыхъ сношеній. Арабскіе путешественники видали въ Итилѣ и вообще на Волгѣ не только русскихъ, но и славянскихъ купцовъ; да и самую Волгу, какъ и Донъ, называютъ они то русской, то славянской рѣкой. Но не останавливаясь на показаніяхъ арабовъ, которые много путали въ описаніяхъ этихъ отдаленныхъ и чуждыхъ имъ народовъ, а особенно въ названіяхъ, въ именахъ собственныхъ, мы укажемъ лишь на слѣдующее. Несомнѣнно, на южно-русской территоріи были торговые города, предполагавшіе, конечно, и населеніе, занимавшееся торговлей. Одинъ изъ этихъ городовъ пользовался широкой торговой славой: это Кіевъ. Расположенный въ мѣстности, гдѣ сходились главные рѣчные пути къ югу въ Черное море и къ сѣверу въ Балтійское (великій путь „изъ Варягъ въ Греки“), къ востоку Десной въ систему Волги, къ западу Припетью въ систему Вислы, Кіевъ былъ торговымъ центромъ для огромной территоріи. Ему же, Кіеву, конечно, предстояло сдѣлаться въ ближайшемъ будущемъ и центральнымъ пунктомъ политической жизни южно-русской территоріи. Кромѣ Кіева, были и другіе города: Родня, Переяславль, Черниговъ, Любечъ, Туровъ. Но независимо отъ существованія этихъ городовыхъ центровъ, посторонніе на

блюдатели, особенно византійцы, и нашъ собственный лѣтописецъ представляютъ до-государственную жизнь нашихъ предковъ разрозненной, раздробленной на племена и роды, не только несплоченные между собой, но часто враждебные другъ другу.

Но мы пока оставимъ въ сторонѣ характеристику жизни славянъ на основаніи данныхъ, представляемыхъ посторонними наблюдателями этой жизни, арабскими и византійскими. При всемъ интересѣ и значеніи, какое представляютъ эти источники, они все-таки требуютъ въ высшей степени осторожнаго къ себѣ отношенія. Такого же осторожнаго отношенія требуетъ и начальная лѣтопись.

Между тѣмъ, есть одинъ источникъ свѣдѣній для характеристики быта нашихъ предковъ, до котораго почти не касались историки, въ то время какъ онъ по достовѣрности далеко превосходитъ всѣ остальные источники. Этимъ источникомъ являются археологическія находки и раскопки. Имѣя передъ глазами предметы матеріальной обстановки нашихъ предковъ, извлеченные изъ нѣдръ земли, мы не только получаемъ возможность наглядно представить себѣ ихъ жизнь, но даже сдѣлать извѣстные выводы и относительно иныхъ сторонъ ихъ культуры. Не посторонніе наблюдатели—а, слѣдовательно, и толкователи—говорятъ намъ объ этой угасшей жизни, а сама жизнь говоритъ за себя тѣмъ вразумительнымъ и яснымъ языкомъ, который свойственъ простой фактической дѣйствительности.

Наши отдаленные предки представляли смерть продолженіемъ земной жизни и потому старались обставить дорогихъ мертвецовъ тѣмъ, чѣмъ они были обставлены при жизни. Кромѣ кургановъ и могильниковъ, ищутъ и отыскиваютъ еще предметы славянскихъ древностей въ кладахъ на такъ называемыхъ городищахъ, т.-е. оставленныхъ древнихъ укрѣпленіяхъ. Такихъ городищъ множество на территоріи южной Руси, разныхъ видовъ и эпохъ. Между ними древнія славянскія городища отличаются круглой или овальной формой, опредѣляющейся невысокимъ валомъ, который иногда сопровождается рвомъ. Площадь городища часто такъ незначительна, что многіе ученые не рѣшались признать городища за остатки укрѣпленныхъ городковъ. А, между тѣмъ, едва ли можно въ этомъ сомнѣваться. Жители поселенія, которое могло находиться за чертой вала, укрывались за валомъ въ моментъ опасности такъ точно, какъ они укрывались позже за стѣнами „кремля“, находившагося внутри города.

Линія, за которой къ югу уже не находятъ болѣе славянскихъ кургановъ, могильниковъ или городищъ, идетъ приблизительно отъ Кременчуга, наискось къ Харькову, Воронежу и Тамбову. Южнѣе—степь, которая сливается съ средне-азіатскими степями,—исконный широкій путь кочевыхъ племенъ: здѣсь, на степной равнинѣ, не было мѣста земледѣльческой осѣдлости, которую снесъ бы первый натискъ кочевниковъ.

Земледѣльческій характеръ славянскаго населенія нашей южно-русской территоріи ясенъ изъ находокъ; но ясно также, что занятія этого населенія, его производительная дѣятельность, не ограничивались только земледѣліемъ.

Главный центръ, около котораго группируются находки,—Кіевъ. Его почва, можно сказать, насыщена древностями. Къ югу отъ Кіева славянскія

древности, уже сравнительно рѣдкія, отыскиваются еще въ Черкасскомъ, Каневскомъ, Переяславскомъ уѣздахъ. Къ сѣверу—губерніи Черниговская, Полтавская, Волынская представляютъ въ своихъ погребеніяхъ и кладахъ городищъ многочисленныя находки этой категоріи; но онѣ уже гораздо скуднѣе не только количествомъ вещей, но и качествомъ ихъ.

Вещи, находимыя на всемъ этомъ значительномъ протяженіи съ центромъ въ Кіевѣ, представляются настолько сходными между собой, что можно съ полнымъ правомъ говорить объ единствѣ типа. Главная черта этого типа та, что онъ не есть типъ первобытный, примитивный. Какъ ни скудны находки большинства мѣстностей, все-таки найденныя вещи краснорѣчиво свидѣтельствуютъ, что мы имѣемъ дѣло съ народомъ, уже прошедшимъ въ дѣлѣ культурнаго развитія длинный предварительный путь. Правда, во многихъ случаяхъ можно замѣтить на находимыхъ древностяхъ вліянія иныхъ, высшихъ культуръ. Но это и не можетъ быть иначе. Народность, совершенно обособленная отъ постороннихъ культурныхъ вліяній, окоченѣваетъ, замираетъ въ неподвижности. Заимствованіе, подражаніе есть главнѣйшій рычагъ культурнаго развитія, по крайней мѣрѣ, до извѣстной поры, пока этимъ рычагомъ не дѣлается сознательная мысль. Природная одаренность того или иного племени оцѣнивается не по степени его самобытности въ дѣлѣ культурнаго развитія, а по тому, какъ онъ относится къ постороннимъ вліяніямъ. Взгляните, напр., на вещи, находимыя въ многочисленныхъ финскихъ могильникахъ центральной Россіи, напр., въ бассейнѣ Оки или Ростовскаго озера, и сравните ихъ съ вещами славянскихъ погребеній. Финскія погребенія во многихъ случаяхъ кажутся на первый взглядъ богаче: васъ поражаетъ обиліе тяжелыхъ, шумящихъ украшеній. Но это богатство лишь кажущееся. Финскія вещи—грубое подражаніе изъ мѣди какому-нибудь механически усвоенному образцу, рабски скопированное безъ мысли о красотѣ или хотя бы техническомъ приспособленіи къ данной цѣли. Не то въ древностяхъ славянскихъ. Всюду мы видимъ не механическое подражаніе, а сознательное заимствованіе, руководимое яснымъ представленіемъ о назначеніи предмета и правильнымъ чувствомъ художественнаго его достоинства.

Наши славянскіе предки жили на южно-русской территоріи подъ вліяніемъ иныхъ, высшихъ культуръ,—можно бы сказать, подъ перекрестнымъ вліяніемъ этихъ культуръ. Въ самомъ дѣлѣ, южная Русь была совершенно открыта для двухъ большихъ культурныхъ теченій. Одно теченіе шло съ юга, изъ Византіи, которая стояла на высшей точкѣ культурнаго развитія, какой достигло въ эту эпоху европейское человѣчество. Другое теченіе шло съ востока, изъ Азіи. Оно не представляло собой чего-либо единаго. Это была пестрая смѣсь вліяній различныхъ культуръ, которыя возникали въ разное время въ различныхъ мѣстностяхъ Азіи: персидской, сирійской, средне-азіатской, даже индусской. Восточныя вліянія передавались нашимъ предкамъ арабскими торговцами, какъ уже объ этомъ сказано выше, но еще болѣе, надо думать, черезъ непосредственныя и постоянныя ихъ сношенія съ кочевниками южно-русскихъ степей.

Кочевыя орды, перекатывавшіяся по нашимъ степямъ, представляются намъ теперь въ видѣ какихъ-то сѣрыхъ тучъ саранчи, несущихъ только истребленіе и уничтоженіе. Но такое представленіе очень одностороние. Кочевники, несомнѣнно, сыграли важную роль въ распространеніи восточныхъ культурныхъ вліяній на младенческую Европу, которая нуждалась въ воспитательныхъ вліяніяхъ со стороны старой Азіи. На славянахъ южно-русской территоріи вліянія эти, непосредственно передаваемыя кочевниками, отражались наиболѣе.

Какъ сильно повліяла Азія на бытъ и міровоззрѣніе нашихъ предковъ, нагляднѣе всего видно изъ былинъ. Былины—произведенія народнаго поэтическаго творчества, въ которыхъ отразилась древнѣйшая жизнь кіевской Руси. И вотъ эти-то былины именно полны чертами и образами, носящими ясно восточный характеръ. Одежда богатырей, вооруженіе, обстановка, палаты и города, въ которыхъ происходитъ былинное дѣйствіе, все дышитъ роскошнымъ, яркимъ, причудливымъ востокомъ. Конечно, не домашняго происхожденія тѣ львы и лютыя змѣи, которые упоминаются въ былинахъ. Не палаты кіевскаго князя имѣлъ въ виду былинный пѣвецъ, когда описывалъ терема златоверхіе съ хрустальными оконницами, съ серебряными причалинами, съ золоченными столбами, со всей ихъ „красотой поднебесною". Не русскіе дружинники ѣздили на коняхъ, у которыхъ промежъ глазъ и подъ ушами „насажено каменье самоцвѣтное"; не они наряжались въ панцыри „чиста серебра", кольчуги „красна золота", сидѣли на черкасскихъ сѣдлахъ, держали въ рукахъ „плеточку шемахинскую". Обиліе драгоцѣнныхъ камней, шелковыя ткани, строченныя золотомъ и серебромъ, зонты, которые носятъ надъ знатными людьми, чтобы „отъ солнца краснаго не запеклось лицо бѣлое",—отъ всѣхъ былинныхъ подробностей вѣетъ настоящимъ востокомъ. И вотъ вліяніе этого-то самаго востока мы усматриваемъ на вещахъ нашихъ южно-русскихъ погребеній и кладовъ.

Но восточныя вліянія встрѣчались на южно-русской территоріи съ вліяніями византійскими, взаимно переплетались, и представляется дѣломъ крайне труднымъ, пока даже невозможнымъ отдѣлить эти два культурныхъ теченія одно отъ другого и оцѣнить отдѣльно степень ихъ значенія въ исторіи нашего развитія. Это тѣмъ болѣе трудно, что востокъ сильно вліялъ на самую Византію, на міровоззрѣніе, искусство и бытъ самого византійскаго грека.

Какъ бы то ни было, наша древность относилась къ чужому и заимствованному вполнѣ самостоятельно. Существовало на нашей территоріи—въ Кіевѣ несомнѣнно, а, можетъ-быть, и въ иныхъ мѣстностяхъ- собственное производство даже такихъ вещей, которыя требовали утонченной, такъ сказать, художественной техники. Изъ вещей, находимыхъ въ нашихъ южно-русскихъ кладахъ славянскаго происхожденія, на первомъ планѣ стоятъ предметы личного убора. Предметы эти многочисленны и разнообразны: кольца, ручныя и височныя, браслеты, шейныя гривны, діадемы, серьги, бусы и подвѣски, пояса и пряжки. Все это вещи изъ драгоцѣннаго металла, золота и серебра; послѣднее встрѣчается гораздо чаще. Часть вещей, несомнѣнно, завезена изъ Византіи—особенно изъ византійской колоніи Корсуня, съ которой Кіевъ былъ въ

самой тѣсной связи—или съ востока, но часть, и значительная, мѣстнаго издѣлія, изъ мастерскихъ Приднѣпровья. Здѣсь, въ этихъ мастерскихъ, изготовлялись драгоцѣнныя вещи изъ скани или филиграни, т.-е. тянутой, гладкой или зернистой, расплющенной, металлической нити,—работа, предполагающая очень тонкую технику.

Въ Кіевѣ же изготовлялись украшенія съ такъ называемой перегородчатой эмалью или финифтью *). Нѣкоторыя изъ вещей, дошедшихъ до насъ, напр., эмалевыя серьги, по простотѣ и изяществу формы и красотѣ изображеній представляютъ собой художественные памятники.

Изъ всего этого видно, что предки наши въ до-государственномъ своемъ быту стояли уже на извѣстной высотѣ культурнаго развитія. По крайней мѣрѣ, Кіевъ, средоточіе племени полянъ, рисуется намъ въ своихъ находкахъ, восходящихъ къ VII вѣку, именно такимъ культурнымъ центромъ. О культурности полянъ говоритъ и лѣтописецъ: „поляне бо своихъ отець обычай имуть кротокъ и тихъ... брачный обычай имяху“... Культурныхъ полянъ лѣтописецъ противопоставляетъ другимъ славянскимъ племенамъ, жившимъ на южно-русской территоріи: послѣднихъ онъ изображаетъ дикими, живущими „звѣриньскимь образомь, скотьскы“. Но такая оцѣнка выражаетъ лишь извѣстное пристрастіе лѣтописца къ своимъ соплеменникамъ—полянамъ. Раскопки и находки показываютъ, что между кіевскими полянами и остальными племенами не было такой большой разницы: культура была одна и та же, лишь богаче и сильнѣе выраженная въ кіевскомъ Приднѣпровьѣ.

Однако, несмотря на единство типа, находимыя вещи и особенности погребальнаго обряда, обнаруживаемыя учеными раскопками, показываютъ, что между отдѣльными племенами были и довольно существенныя различія. Археологія вполнѣ подтверждаетъ то дѣленіе русскихъ славянъ на племена, о которомъ говоритъ лѣтописецъ. По лѣвому берегу средняго Днѣпра, въ бассейнѣ нижней Десны и Сейма, по верховьямъ Сулы и Псла, жило широко раскинувшееся племя, которое лѣтописецъ называетъ „Сѣверъ“. Про него говорится въ „Начальной лѣтописи“: „аще кто умряше, творя трызну надъ нимь, и посемь творяху кладу велику, и възложахуть на кладу мертвеца, сожьжаху, и посемь собравъше кости, вложаху въ судину малу“... И, дѣйствительно, на территоріи Черниговской губ. и частью смежныхъ съ ней Полтавской и Курской археологи находятъ множество различныхъ погребеній съ трупосожженіемъ; самый распространенный видъ тотъ, когда остатки отъ трупа, сожженнаго на сторонѣ, помѣщаются въ вершинѣ невысокой курганной насыпи. На правомъ берегу Днѣпра, южнѣе Припети, до р. Случи, сидѣло племя древлянъ, о лѣсной жизни которыхъ такъ неблагосклонно отзывается лѣтописецъ. У нихъ, наоборотъ, раскопки не обнаруживаютъ трупосожженій: скелеты, правда, на

*) Финифть или эмаль стекловидная масса, окрашиваемая въ различные цвѣта при помощи металлическихъ окисловъ и переносимая на металлическія пластинки для ихъ украшенія; чтобы получить на одной пластинкѣ разноцвѣтную эмаль, устраивали на ней металлическія перегородки, въ которыя вливались эмалевыя массы разныхъ цвѣтовъ (эмаль перегородчатая)

слояхъ угля, но нетронутые огнемъ, лежатъ въ деревянныхъ колодахъ или гробовищахъ, сколоченныхъ желѣзными гвоздями, или въ деревянныхъ срубахъ. Къ западу отъ р. Случи, гдѣ жили волыняне, мы опять встрѣчаемся съ трупосожженіемъ, но не полнымъ: это скорѣе обжиганіе покойника, такъ какъ кости только слегка обуглены и лежатъ въ полномъ порядкѣ. Объ улучахъ и тиверцахъ, которые, по словамъ лѣтописи, „сѣдяху по Днѣстру оли до моря“, и которые „ся зваху отъ Грекъ Великая Скуѳь“ (Скиѳія), мы ничего не можемъ сказать за неимѣніемъ правильныхъ археологическихъ разслѣдованій.

Итакъ, по указаніямъ „Начальной лѣтописи“, на южно-русской территоріи жили слѣдующія славянскія племена: поляне, сѣверяне, древляне, волыняне (дулебы, бужане), улучи и тиверцы. Археологическія раскопки и изслѣдованія подтверждаютъ, что между этими племенами были нѣкоторыя бытовыя отличія, но что, тѣмъ не менѣе, они представляютъ единство культурнаго типа, который яснѣе, богаче, разнообразнѣе всего представленъ въ кіевскихъ находкахъ.

Глава вторая.

Откуда пошла Русская земля и первые кіевскіе князья.

I.

Вѣроятно, всякому извѣстно такое явленіе. Неподвижно стоитъ насыщенный растворъ, представляя собой совершенно подобную водѣ прозрачную жидкость; но вотъ жидкость получаетъ сотрясеніе или въ нее попадаетъ инородное тѣло—и картина сразу мѣняется: въ жидкости начинается движеніе, кристаллизація,—и вотъ передъ нами, вмѣсто жидкой массы, масса твердыхъ кристалловъ. Нѣчто подобное можно наблюдать и въ исторической жизни.

Зарожденіе русской государственности относится, какъ извѣстно, къ половинѣ IX вѣка. Но задолго до этой критической эпохи—по крайней мѣрѣ, за 2—3 вѣка, а, можетъ-быть, и больше—славяне занимали южно-русскую равнину, все расширяя свою территорію по направленію отъ запада къ востоку и сѣверо-востоку, но не обнаруживая, повидимому, никакого тяготѣнія къ государственной организаціи. За это время до насъ почти не дошло никакихъ свидѣтельствъ объ общественномъ бытѣ южно-русскихъ славянъ. По раскопкамъ могильниковъ и находкамъ кладовъ мы можемъ составить нѣкоторое понятіе объ уровнѣ ихъ культуры, о матеріальной, бытовой сторонѣ ихъ жизни; но мы ничего не знаемъ объ ихъ соціальномъ строѣ. Правда, нѣкоторыя извѣстія византійскихъ писателей, Прокопія и императора Маврикія, и ученыхъ арабовъ могутъ быть, съ большою вѣроятностью, отнесены именно къ нимъ, напр.: „народы славянскіе и антскіе такъ дорожатъ свободою, что ихъ никоимъ способомъ нельзя уговорить служить или повиноваться“ или „между ними господствуютъ постоянныя несогласія; что постановятъ одни, на то не рѣшаются другіе, и ни одинъ не хочетъ повиноваться другимъ“ и т. д. Но эти и подобныя извѣстія даютъ ли возможность прямыхъ заключеній насчетъ того, въ какихъ соціальныхъ формахъ жили наши южно-русскіе предки въ до-государственную эпоху? Конечно, нѣтъ. А иного характера указаній, кромѣ мимоходомъ брошенныхъ нѣсколькихъ словъ первоначальнаго лѣтописца, мы не имѣемъ.

И, тѣмъ не менѣе, почти не имѣя никакихъ прямыхъ свидѣтельствъ, мы можемъ говорить объ этомъ предметѣ съ извѣстной увѣренностью. Если мы

ничего не знаемъ непосредственно о славянахъ южно-русской равнины, то мы знаемъ многое о тѣхъ ступеняхъ развитія, черезъ которыя неизбѣжно проходятъ всѣ народы, а, слѣдовательно, и тѣ, о которыхъ идетъ рѣчь. Пріурочить же южно-русскихъ славянъ VI—IX вв. къ той или иной ступени соціальнаго развитія представляется уже вопросомъ меньшей трудности,—вопросомъ, для рѣшенія котораго найдется извѣстный, удовлетворительный матеріалъ.

Несомнѣнно, что южно-русскіе славяне разсматриваемой эпохи жили въ родовомъ бытѣ: „живяху кождо съ родомъ своимъ на своихъ мѣстахъ, володѣюще кождо родомъ своимъ", говоритъ лѣтопись. Но само по себѣ это утвержденіе заключаетъ въ себѣ мало. Оно означаетъ лишь, что единственнымъ связующимъ элементомъ общественности признается въ данный моментъ кровное родство и только. Но въ предѣлахъ этого утвержденія возможно большое фактическое разнообразіе. Окиньте взглядомъ все безчисленное множество племенъ и народовъ, населяющихъ земной шаръ, и вы убѣдитесь, что, живя въ кровныхъ, родовыхъ союзахъ, они въ то же время во многомъ и существенномъ различаются другъ отъ друга даже и по отношенію къ формамъ своей общественности. Поэтому необходимо ближе коснуться того, какими чертами характеризовался родовой бытъ нашихъ южно-русскихъ предковъ.

Родъ есть всегда общественная группа, объединенная сознаніемъ происхожденія отъ одного общаго предка, хотя бы даже и фиктивнаго, и на этомъ основаніи обособляющая себя отъ остального міра. Но эта общественная форма также имѣетъ свою долгую эволюцію, и мы застаемъ южно-русскихъ славянъ на относительно поздней стадіи ея развитія. Мы встрѣчаемъ у нихъ патріархальный родъ того же типа, какой исторія застаетъ у грековъ и римлянъ, у кельтовъ и германцевъ. Кровная связь устанавливается по отцу, а не по матери, какъ на болѣе раннихъ ступеняхъ развитія; есть правильный бракъ, семья, извѣстны тѣ же степени родства, восходящаго, нисходящаго, бокового, и свойства, какія признаются и современными взглядами на этотъ предметъ.

Но не только отдѣльная личность, а и семья въ собственномъ смыслѣ слова еще поглощалась родовой группой. Родъ одинъ былъ полноправной единицей, заключая въ себѣ и свой собственный законъ, и право, и единую нераздѣльную собственность, и свою религію, въ основѣ которой лежало обожаніе собственныхъ предковъ какъ боговъ-покровителей. Священный огонь очага, около котораго ютились родичи, земля кругомъ, захваченная ихъ трудомъ и огражденная извнѣ неприкосновенной сторожей могильныхъ кургановъ со священными останками предковъ,—вотъ тотъ довлѣющій самому себѣ мірокъ, въ которомъ жили наши предки того отдаленнаго времени. Мірокъ этотъ отдѣлялся отъ остального міра пустыней, въ которой бродили, подстерегая неосторожнаго, чужіе, а, слѣдовательно, и враждебные духи. Старшій въ родѣ былъ и правитель, и законодатель, и судья, и жрецъ этой родовой общины. И, тѣмъ не менѣе, здѣсь не могло быть рѣчи о произволѣ: всѣ, и старшій въ томъ числѣ, жили тѣми понятіями и чувствами, которыя почитались единственно правильными и какъ таковыя свято и неприкосновенно передавались традиціей изъ поколѣнія въ поколѣніе. Не было мѣста произволу, не было мѣста и той суровости отеческой

власти, которая существовала въ правѣ римскомъ: мягкимъ нравамъ славянъ была противна эта суровость.

Но былъ ли родовой союзъ вполнѣ одинаковымъ, тождественнымъ для всей обширной области, занятой южно-русскими славянами, при всемъ разнообразіи тѣхъ территоріальныхъ, а, можетъ-быть, и этнографическихъ подраздѣленій, которыя лѣтописецъ обозначаетъ названіями отдѣльныхъ племенъ? Несомнѣнно, не былъ тождественнымъ.

Территоріальныя группы, т.-е. племена, прежде всего, не были одинаково культурны, какъ объ этомъ свидѣтельствуютъ, съ одной стороны, раскопки и случайныя находки, съ другой—лѣтопись. Лѣтописецъ дѣлаетъ слѣдующее важное указаніе, отмѣченное чертами полной достовѣрности. Онъ говоритъ, что поляне, т.-е. жители Кіева и примыкающаго къ нему поля (степи), имѣли брачные обычаи („не хожаше зять по невѣсту, но приводяху вечеръ, а завтра приношаху по ней, что вѣдадуче“), въ то время какъ древляне, жители Полѣсья, похищали дѣвицъ, а сѣверяне, т.-е. люди, жившіе къ сѣверу отъ Кіева, по Деснѣ, заключали свои браки „на игрищахъ межю селы“. Указаніе исключительной важности. Различія въ способѣ заключенія браковъ необходимо отражались на характерѣ семьи, характеръ семьи—на характерѣ всей родовой группы, для которой семья была основной ячейкой. Затѣмъ надо принять во вниманіе различія матеріальной, экономической обстановки: жители поля занимались, на первомъ планѣ, земледѣліемъ, жители лѣса—промыслами. Это обстоятельство, прежде всего, отражалось на размѣрахъ отдѣльныхъ родовыхъ группъ. Земледѣльцы, въ силу хозяйственныхъ соображеній, должны были разбиваться на относительно мелкія группы,—первобытное хозяйство съ его безграничной свободой земельнаго захвата указывало выгоды въ томъ, чтобы переносить огонь священнаго очага изъ центра на окраины захваченнаго трудомъ поля. Промышленники-звѣроловы, рыболовы, бортники, наоборотъ, ощущали на первомъ планѣ не неудобства совмѣстной жизни большими родственными группами, а ея выгоды. Оттого на территоріяхъ, по преимуществу, промысловыхъ, какъ, напр., въ Полѣсьѣ, до относительно поздняго времени удержалась форма жизни большими семейными общинами (позднѣйшее названіе—дворище), сохранившими до извѣстной степени черты стараго родового общежитія.

Нельзя предполагать, конечно, чтобъ эти отдѣльныя родовыя клѣточки были такъ разъединены, что не находились между собой ни въ какихъ отношеніяхъ. Отношенія, несомнѣнно, были—дружескія и враждебныя: для разрѣшенія враждебныхъ столкновеній была подъ рукой, какъ необходимое и неизбѣжное, частная война, кровавая месть.

Но, помимо этого, есть полныя основанія предполагать, что въ эпоху, непосредственно примыкающую къ эпохѣ возникновенія государства, отдѣльныя территоріи, занятыя южно-русскими славянами и обозначаемыя у лѣтописца названіемъ различныхъ племенъ, были объединены въ союзы. Это, конечно, были тѣ элементарные политическіе союзы, которые можно и въ настоящее время наблюдать у разныхъ дикихъ племенъ, и которымъ этнографы даютъ названіе „союзовъ мира“. Главной, если не исключительной, цѣлью такихъ

союзовъ мира является защита отъ внѣшняго врага, требующая взаимной поддержки, а, слѣдовательно, и взаимныхъ мирныхъ отношеній, поскольку они необходимы для данной цѣли.

Есть вѣскія доказательства того, что такіе „союзы мира“, иначе политическіе союзы отдѣльныхъ племенъ, дѣйствительно, существовали. Арабскій писатель Аль-Массуди прямо говоритъ о большомъ и сильномъ союзѣ Велинана—волынянъ, какъ можно бы толковать. Еще важнѣе для насъ то, что въ первоначальной лѣтописи упоминаются князья, которые не имѣютъ ничего общаго съ такъ называемыми князьями Рюрикова дома: въ договорѣ Олега съ греками говорится о свѣтлыхъ князьяхъ, которые сидятъ подъ Олегомъ; въ разсказѣ о мщеніи Ольги упоминаются князья древлянскіе. Князья эти—какъ свидѣтельствуютъ упомянутые договоры—сидятъ по городамъ, а города составляютъ, конечно, центры племенныхъ территорій: на территоріи сѣверянъ были города Черниговъ и Любечъ; у полянъ, кромѣ Кіева, Вышеградъ и Витичевъ; у древлянъ—Туровъ и Коростень. Города могли возникнуть только усиліями большого территоріальнаго союза, слѣдовательно, появленіе ихъ всегда предполагаетъ нѣкоторую, хотя бы и зачаточную, организацію политическаго характера.

Итакъ, можно сказать, что общественная жизнь населенія южно-русской равнины была насыщена политическими элементами; но, чтобы произошла кристаллизація, т.-е. государственное объединеніе, необходимо было вторженіе въ эту жизнь, такъ сказать, инороднаго тѣла. Въ качествѣ такого инороднаго тѣла явилась Русь.

Кто бы ни была эта загадочная Русь, пришла ли она съ береговъ Чернаго моря,—какъ полагаемъ мы,—или съ береговъ моря Балтійскаго по принятой гипотезѣ *),—вотъ что можно относительно ея считать за достовѣрное: во-первыхъ, что она была сѣверо-германскаго происхожденія; во-вторыхъ, что она явилась не какъ народъ или племя, а какъ дружина или шайка повольниковъ, въ родѣ тѣхъ новгородскихъ удальцовъ, которые позже пріобрѣтали для Новгорода Великаго огромныя территоріи съ инородческими данниками.

Пришедшая Русь была сильна не численностью, иначе она не потеряла бы такъ скоро своихъ національныхъ особенностей, не расплылась бы въ славянскомъ элементѣ, утративъ свой языкъ и нравы. Она была сильна боевой и торговой опытностью, военной организаціей, связями съ варягами, черноморскими и балтійскими: черезъ великій водный путь „изъ Варягъ въ Греки“, на которомъ господствовали такія варяжскія шайки полу-торговцевъ, полу-пира-

*) Сопоставленіе разныхъ мѣстъ лѣтописи и иныя соображенія выдвигаютъ слѣдующее предположеніе, какъ наиболѣе правдоподобное. Въ возникновеніи русской государственности принимали участіе два элемента, близко между собой родственные—Русь черноморская и скандинавскіе варяги: объ ихъ столкновеніи въ Кіевѣ прямо свидѣтельствуетъ лѣтопись своимъ разсказомъ о нападеніи Олега на Аскольда и Дира, изъ которыхъ послѣдній — лицо историческое, упоминаемое арабскими писателями.

товъ, Русь кіевская всегда могла имѣть помощь отъ своихъ соплеменниковъ. Такимъ образомъ, относительно небольшая кучка пришельцевъ, сидя на Днѣпрѣ въ Кіевѣ, который служилъ узломъ для двухъ главнѣйшихъ притоковъ Днѣпра—Десны и Припети, легко могла пріобрѣсть и удержать власть надъ туземцами, расположившимися какъ по Днѣпру, такъ и по бассейнамъ этихъ притоковъ, т.-е. полянами, сѣверянами и древлянами.

Конечно, причину успѣха пришельцевъ надо отчасти приписать и положенію туземцевъ-славянъ. Имъ угрожали съ востока сильные хозары, которые съ береговъ Волги раскинули свое вліяніе, и не торговое лишь, а прямо завоевательное, черезъ бассейнъ Дона до бассейна Днѣпра: въ разсматриваемую эпоху хозары уже просто брали дань съ полянъ и сѣверянъ „по бѣлѣ и вѣверицѣ отъ дыма", какъ свидѣтельствуетъ лѣтописецъ. Затѣмъ важную потребность мѣстнаго славянскаго населенія составляла охрана торговыхъ интересовъ съ ихъ главнымъ направленіемъ къ Черному морю и Византіи: раскопки краснорѣчиво свидѣтельствуютъ, что населеніе южно-русской равнины уже втянуто было въ культурный обиходъ жизни и потому нуждалось во многихъ предметахъ, которые могло доставать лишь путемъ торговаго обмѣна съ византійскаго юга. Пришедшая Русь прямо взяла въ свои руки эти два существенныхъ интереса мѣстной жизни: защиту отъ хозаръ и охрану торговыхъ сношеній. Что Русь, дѣйствительно, явилась представительницей и торговыхъ интересовъ населенія, это ясно изъ дошедшихъ до насъ торговыхъ договоровъ съ греками Олега и Игоря. Какъ она отстаивала южно-русскихъ славянъ отъ хозаръ, объ этомъ разсказываетъ лѣтопись своей обычной, въ высшей степени сжатой и выразительной, эпической манерой: „Не дастъ (Олегъ) имъ хозарамъ дани платити, рекъ: „Азъ имъ противенъ, а вамъ нечему". У восточныхъ, арабскихъ, писателей сохранились свидѣтельства о томъ, какъ терпѣло Хозарское государство отъ Руси, начиная съ конца IX вѣка; и если можно сомнѣваться въ томъ, была-ли то Русь кіевская, то не подлежитъ сомнѣнію, что въ X вѣкѣ кіевскій князь Святославъ такъ разорилъ Хозарію, что она уже не могла больше оправиться отъ удара, ей нанесеннаго.

Изъ сказаннаго выше легко вывести, что Русь, водворившаяся въ Кіевѣ, безъ особыхъ затрудненій подчинила себѣ южно-русскія племена, сначала ближайшія къ Кіеву, затѣмъ болѣе отдаленныя. Подчиненіе это, конечно, не было призваніемъ, т.-е. подчиненіемъ вполнѣ добровольнымъ; но оно не было и завоеваніемъ. Несомнѣнно, были случаи, когда Руси приходилось прибѣгать къ прямому насилію, „примучивать" къ подчиненію; такъ, Олегъ „примучилъ" древлянъ и „имѣлъ рать съ тиверцами"; такъ, Владиміръ Великій завоевалъ червенскіе города, завершивъ, такимъ образомъ, подчиненіе всей южно-русской территоріи вліянію Кіева.

Но, вообще говоря, подчиненіе это, совпадая, повидимому, съ какими-то серьезными интересами объединяемаго населенія, не встрѣчало серьезнаго сопротивленія. Иначе трудно было бы объяснить ту свободу, которою широко пользовалась кіевская Русь для далекихъ походовъ уже не за данями, а просто за добычей. Кромѣ набѣговъ на Византію и походовъ въ дунайскую Болгарію,

мы знаемъ еще, какъ изъ лѣтописи, такъ и отъ арабскихъ писателей, о большихъ походахъ Святослава на востокъ. Объединявшаяся „Русская Земля" сталкивалась враждебно въ своихъ восточныхъ границахъ съ сильнымъ государствомъ Хозарскимъ; Святославъ положилъ предѣлъ хозарскимъ притязаніямъ. Удачные походы его на ясовъ и касоговъ объясняются связями кіевской Руси съ Русью поморской или тмутараканской.

Но что такое представляла собой эта Русь, и что она вносила во взаимныя отношенія?

Нѣтъ никакихъ основаній предполагать, что Русь оторвалась отъ общества, которое стояло на высшей, по сравненію съ южно-русскимъ славянствомъ, ступени соціальной культуры. Наоборотъ, она жила, очевидно, въ тѣхъ же понятіяхъ родового, патріархальнаго быта: сознаніе взаимной родовой отвѣтственности, власть старшаго въ родѣ, кровавая месть — все это было обще кіевской Руси съ славянскими туземцами. Но большую роль сыграло то обстоятельство, что Русь осѣла въ Кіевѣ не родомъ или племенемъ, а дружиной, т.-е. группой, порвавшей свои кровныя связи. Такимъ образомъ, она вносила въ неподвижность родовыхъ формъ новый элементъ, создавала новыя отношенія, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и новыя понятія. Процессъ созиданія новой формы общественности, политической или государственной, быстро пошелъ впередъ подъ вліяніемъ вторженія въ старое теченіе жизни новаго элемента.

Но надо сказать, что первое время — и не очень краткое — Русь жила своей собственной, обособленной жизнью. Византійскій императоръ Константинъ Порфирородный, хорошо освѣдомленный о томъ, какъ жилось на нашей южнорусской территоріи, описываетъ жизнь кіевской Руси такими словами: „Въ ноябрѣ мѣсяцѣ, съ наступленіемъ зимы, вся Русь со своими князьями выходитъ изъ Кіева и идетъ на „полюдье", т.-е. за сборомъ дани къ своимъ славянскимъ данникамъ. Въ сборѣ дани проходитъ зима; въ апрѣлѣ же, когда Днѣпръ освобождался ото льда, Русь спускалась обратно въ Кіевъ, вѣроятно, на моноксиляхъ или на однодеревкахъ (дубахъ), которые приготовляли имъ тѣ же данники въ верховьяхъ Днѣпра и по его верхнимъ притокамъ. Дань собиралась медомъ и скорою, т.-е. мѣхами, составлявшими главный предметъ торговыхъ сношеній съ греками. Лѣтомъ кіевская Русь занималась торговлей и, надо думать, рыбною ловлей въ устьяхъ Днѣпра, какъ указываетъ одно мѣсто въ договорѣ Игоря съ греками: греки требуютъ, чтобы Русь осенью, въ виду наступленія зимы, непремѣнно возвращалась домой, а не оставалась въ устьяхъ Днѣпра, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, не дѣлала бы зла корсунянамъ, если заставала ихъ здѣсь, въ устьяхъ, на рыбной ловлѣ. Но зачѣмъ могла проживать лѣтомъ въ днѣпровскихъ устьяхъ сама Русь? По всей вѣроятности, для той же рыбной ловли. А что она проживала, и подолгу, въ столицѣ Византіи для торговли—это несомнѣнно.

Проживать здѣсь, какъ видно изъ договоровъ, она могла лишь въ одномъ опредѣленномъ пунктѣ, въ предмѣстьѣ св. Мамы, имѣла право входить въ городъ лишь черезъ извѣстныя ворота, въ количествѣ не больше пятидесяти безоружныхъ людей, подъ наблюденіемъ правительственнаго агента, „царева

мужа"; русскіе „гости" (торговцы) имѣли право получать изъ византійской казны въ теченіе шести мѣсяцевъ мѣсячное содержаніе хлѣбомъ, виномъ, мясомъ, рыбой, овощами, въ дополненіе къ которому еще давалась баня, „елико хотятъ", а на обратный путь—съѣстные припасы и принадлежности судоходства—паруса, якоря и пр.

Вообще говоря, для до-христіанской эпохи нашей исторіи, договоры Олега (911 г.) и Игоря (945 г.) съ греками представляются, можно сказать, единственнымъ источникомъ несомнѣнной, документальной, достовѣрности, и этотъ источникъ изображаетъ намъ людей „роду русскаго" подвижными, торговыми, воинственными мореходами. Конечно, они не только торговали, но и сбирали дани, охраняли своихъ данниковъ, промышляли новыя дани. Такими они, несомнѣнно, были на самомъ дѣлѣ,—такими изображаетъ ихъ и наша первоначальная лѣтопись. Но надо замѣтить, что фактической сторонѣ нашей исторіи языческаго періода, описываемой лѣтописью, мы можемъ довѣрять лишь въ той мѣрѣ, въ какой она подтверждается сторонними свидѣтельствами, главнымъ образомъ, византійскими. Что великіе князья русскіе, Олегъ и Игорь, дѣйствительно, существовали,—этому мы можемъ вполнѣ довѣрять только потому, что имена ихъ подписаны подъ вышеупомянутыми договорами. Что русская княгиня Ольга была въ Константинополѣ и имѣла пріемъ во дворцѣ,—это событіе записано со многими подробностями у императора Константина. Характерная фигура Святослава со всѣми его особенностями, вплоть до наружности, напоминающей запорожца, обстоятельно описана у византійца Льва Діакона. Тайной пружиной всѣхъ подвиговъ Святослава въ Болгаріи была въ значительной степени византійская политика, которая извлекла свои выгоды изъ науськиванія однихъ славянскихъ варваровъ на другихъ. Походъ Святослава въ Хозарію подтверждается арабами. По отношенію къ остальнымъ фактамъ, приводимымъ лѣтописью, трудно разобрать, что принадлежитъ фактической дѣйствительности, что народному творчеству, воплотившемуся въ преданіи, которымъ воспользовался лѣтописецъ, двумя вѣками отдѣленный отъ лицъ и событій, имъ описываемыхъ. Что лѣтопись уклонялась въ своихъ сказаніяхъ болѣе или менѣе значительно отъ фактической правды, это несомнѣнно: конечно, Олегъ не подъѣзжалъ на колесахъ, придѣланныхъ къ судамъ, и подъ парусами къ стѣнамъ Царьграда; несомнѣнно, что Ольга не „переклюкала" греческаго императора и, вѣроятно, не мстила древлянамъ съ той красивой выдержанностью, о какой свидѣтельствуетъ лѣтопись, и т. д. Но зато лѣтопись глубоко правдива въ другомъ отношеніи. Свободный отъ риторики и поползновеній къ индивидуальному творчеству, нашъ прекрасный первоначальный лѣтописецъ отмѣтилъ драгоцѣнныя черты той бытовой атмосферы, въ которой дѣйствовали лица и совершались событія, и далъ, такимъ образомъ, нѣчто болѣе цѣнное, чѣмъ сухая, хотя бы и точная, запись фактовъ. Если князь не совершалъ тѣхъ дѣйствій и подвиговъ, какіе приписываетъ ему лѣтописное преданіе, то, во всякомъ случаѣ, былъ на самомъ дѣлѣ тѣмъ княземъ, какимъ его изображаетъ лѣтопись: предводителемъ своей дружины, который заинтересованъ прежде всего въ томъ, чтобы добывать при посредствѣ этой дружины

золото и новыя дани, а по отношенію къ зависимому населенію лишь въ томъ, чтобы „уставлять дани и уроки, становища и ловища“. Такимъ же изображаетъ князя и былина, хотя она и не имѣетъ ничего общаго съ лѣтописью ни въ источникахъ своихъ, ни въ характерѣ и пріемахъ творчества. До поры до времени князь со своей дружиной былъ самъ по себѣ, земля со своимъ населеніемъ—сама по себѣ. Земли платили свои дани, отбывали уроки—въ видѣ ли помощи князю при устройствѣ городового укрѣпленія, необходимаго для защиты отъ врага, въ видѣ ли устройства какого-нибудь моста или перевоза, безъ котораго было невозможно передвиженіе, или, наконецъ, помощи при княжеской охотѣ, которая была въ тѣ времена не развлеченіемъ, а настоящимъ промысломъ.

II.

Съ христіанствомъ наступилъ рѣзкій поворотъ въ сторону объединенія двухъ чуждыхъ между собою элементовъ, которые положили начало русской государственности. Конечно, надо имѣть въ виду, что само христіанство появилось не такъ внезапно, какъ объ этомъ мы узнаемъ изъ разсказа лѣтописи и основывающихся на ней учебниковъ. Еще въ то время, какъ Русь подписывала со своимъ княземъ Игоремъ упомянутый выше торговый договоръ, Русь „крещенная“ уже составляла, по отношенію къ „некрещенной“, если не большинство, то значительное и вліятельное меньшинство. Очевидно, почва для воспріятія новой религіи подготовлялась въ продолженіе долгаго времени и прежде всего среди самой Руси, которая находилась въ постоянныхъ и непосредственныхъ сношеніяхъ съ византійскими греками. Но разъ христіанство появилось и охватило южно-русскую равнину своими идеями и учрежденіями, оно сдѣлалось сильнымъ орудіемъ сближенія какъ отдѣльныхъ племенныхъ территорій между собой, такъ и дружинной Руси со славянскимъ населеніемъ этихъ территорій. Новое міровоззрѣніе съ его единымъ источникомъ всего сущаго, съ проповѣдью всеобщей любви и единой морали, уничтожало значеніе родовыхъ разграниченій въ умахъ и душахъ людей; церковь съ ея іерархіей, обрядами, письменностью объединяла фактически около извѣстныхъ общихъ и важныхъ интересовъ. А, кромѣ того, съ христіанствомъ явился изъ Византіи цѣлый циклъ новыхъ понятій и взглядовъ, общественныхъ и политическихъ, соотвѣтствующихъ высшимъ формамъ культурной жизни, и эти новые понятія и взгляды захватили прежде всего князей и окружающую ихъ дружинную среду. Ученіе и писаніе христіанское выдвигали новый идеалъ государя-правителя, верховнаго судьи, законодателя управляемой страны, и князья не могли остаться чуждыми этому идеалу, который предъявлялся и истолковывался постоянно духовенствомъ, сначала византійскимъ, затѣмъ своимъ собственнымъ, но воспитаннымъ въ томъ же, византійскомъ, культурномъ духѣ.

Владиміръ Святославовичъ не только крестился самъ съ дружиной и населеніемъ Кіева, но сдѣлалъ все, чтобы привести къ христіанству населеніе всей территоріи, которая тянула къ Кіеву. Незачѣмъ повторять всѣмъ извѣстныя

подробности этого великаго событія. Скажемъ лишь, что многое въ лѣтописномъ разсказѣ объ этомъ предметѣ носитъ на себѣ легендарный характеръ. Конечно, все подробное повѣствованіе объ испытаніи вѣры есть продуктъ позднѣйшаго творчества; также не выдерживаютъ исторической критики и нѣкоторыя подробности, касающіяся самаго факта крещенія Владиміра Св. Но зато здѣсь мы уже стоимъ на порогѣ настоящей исторіи: съ этихъ поръ лѣтопись пріобрѣтаетъ характеръ достовѣрности. Новая вѣра дала власти ту высшую, религіозную санкцію, которой она была лишена, и съ тѣхъ поръ потомки Владиміра Св. пользуются почти никѣмъ и никогда не оспариваемымъ правомъ на управленіе Русской землей. Возросъ авторитетъ княжеской власти, и сами князья все глубже проникались сознаніемъ своихъ обязательствъ быть организаторами и устроителями своихъ земель по тѣмъ образцамъ, которые представлялись ихъ сознанію готовыми, выработанными, единственно правильными.

Лѣтописный Владиміръ Св. является сначала въ образѣ стараго языческаго князя-предводителя своей дружины. Въ теченіе десяти лѣтъ подрядъ лѣтопись приписываетъ ему непрерывные походы изъ края въ край своей обширной территоріи и за ея предѣлы, то къ непокорнымъ данникамъ, то за новыми данями и добычей, на червенскіе города, лежавшіе на границахъ съ ляхами, къ ятвягамъ, къ вятичамъ и радимичамъ *), къ камскимъ болгарамъ и къ Черному морю въ греческіе предѣлы.

Такой же образъ князя, предводителя дружины, остался отъ Владиміра Св. и въ народной памяти, только освѣщающей его фигуру не съ этой, такъ сказать, дѣятельной его стороны: почти весь нашъ такъ называемый былинный эпосъ, съ небольшимъ исключеніемъ, имѣетъ своимъ средоточіемъ Кіевъ и князя Владиміра стольно-кіевскаго. Несмотря на то, что Владиміръ самолично появляется во множествѣ былинъ, черты, которыми онъ характеризуется, сводятся къ немногому. Тѣмъ не менѣе, это немногое освѣщаетъ его фигуру очень опредѣленно. Владиміру былинъ, очевидно, нѣтъ иного дѣла до земли, кромѣ одного: защиты этой земли. Имѣетъ онъ отношеніе лишь къ дружинѣ, которая занимается этой защитой. Со всѣхъ сторонъ, изъ самыхъ отдаленныхъ краевъ территоріи и изъ-за ея предѣловъ стекаются дружинники на службу ласковому князю: тутъ и сѣверскій богатырь Илья Муромецъ, и выходецъ изъ отдаленной западной окраины южной Руси, Галича волынскаго, Дюкъ Степановичъ, и заморскій гость Соловей Будимировичъ. Между ними есть люди и княжескаго рода, какъ Добрыня Никитичъ, и духовнаго происхожденія, какъ Алеша Поповичъ, и Иванъ гостинный сынъ, и мужики Залѣшане. Всѣхъ принимаетъ Владиміръ - князь съ распростертыми объятіями, всѣмъ готова чара вина, пива пьянаго, меда сладкаго, для всѣхъ накрыты дубовые столы, разставлены скамьи окольныя, подаются яства сахарныя. Конечно, не каждому гостю почетъ одинаковый: для человѣка съ извѣстнымъ именемъ и отчествомъ, для славнаго богатыря, готово мѣсто рядомъ съ княземъ или княгиней или

*) Вятичи и радимичи—русскія племена, обитавшія на Сожѣ, верхней Деснѣ и Окѣ, но не входившія въ южно-русскую племенную группу.

супротивъ нихъ; для темнаго пришельца достаточно было „и на нижнемъ конечку мѣстечка немножечко“. Но зато каждому открыто было всякое мѣсто путемъ заслуги, путемъ богатырскаго подвига. Крестьянскій сынъ Илья Муромецъ, благодаря своимъ выдающимся заслугамъ по защитѣ Русской земли, могъ не только выбирать по своему изволенью любое мѣсто за княжескимъ столомъ, но, въ случаѣ неудовольствія на князя, могъ верховодить и въ самомъ Кіевѣ. Вообще надо сказать, что былинные богатыри умѣли цѣнить свои заслуги, умѣли постоять за себя и не особенно церемонились съ княземъ. Припомнимъ кстати разсказъ лѣтописи о томъ, какъ дружина не захотѣла ѣсть деревянными ложками, а потребовала у Владиміра серебряныхъ, и какъ князь тотчасъ же исполнилъ это требованіе: „серебромъ-де и золотомъ не добуду себѣ дружины, а съ дружиной добуду и серебро и золото“. Богатыри защищаютъ землю, расчищаютъ пути-дороги отъ залегавшей ихъ разной вражеской силы, дѣлаютъ заставы, совершаютъ разные богатырскіе подвиги; кромѣ того, исполняютъ личныя порученія князя: ѣздятъ на охоту, ѣздятъ въ чужія земли присмотрѣть невѣсту для князя и т. д. За услуги князь жалуетъ богатырей безсчетною казною, краснымъ золотомъ, чистымъ серебромъ, скатнымъ жемчугомъ. Былинный эпосъ, какъ извѣстно, возбуждаетъ массу недоразумѣній и противорѣчивыхъ теорій касательно его генезиса и отношенія былиннаго матеріала къ историческому; но едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что онъ прекрасно передаетъ духъ первобытныхъ взаимныхъ отношеній князя и дружины. Однако, самъ былинный князь Владиміръ, повидимому, мало соотвѣтствуетъ историческому. Онъ изображается личностью пассивной; цѣлый Божій день пируетъ онъ со своими богатырями и гостями торговыми.

Случается, разсердитъ его какой-нибудь богатырь неумѣстной выходкой, и тогда князь бѣгаетъ по столовой гриднѣ, потряхивая желтыми кудрями, и даже доходитъ въ гнѣвѣ до того, что сажаетъ виновнаго въ погребъ глубокій, но обыкновенно дѣло оканчивается тѣмъ, что онъ раскаивается въ своемъ поступкѣ и проситъ прощенія. Но если эти черты и не напоминаютъ намъ историческаго Владиміра, то, во всякомъ случаѣ, это общія типическія черты дружиннаго князя-предводителя, какимъ исключительно и представляется Владиміръ въ былинахъ.

Такимъ же дружиннымъ княземъ представляется Владиміръ отчасти и нашей лѣтописью. Но она знаетъ и другого Владиміра, строителя земли. Самый фактъ введенія христіанства потребовалъ отъ князя много организаторской дѣятельности: вѣдь новому христіанскому обществу надо было дать церковь во всемъ сложномъ смыслѣ этого слова. Но лѣтопись даетъ понять, что это новое, устроительное направленіе княжеской дѣятельности не ограничилось одной религіозной областью. Единственное, что устраивали старые языческіе князья, это были „дани и уроки“; Владиміръ Св. дѣлаетъ попытки организовать судъ въ болѣе культурномъ смыслѣ этого слова.

Что вмѣшательство это было результатомъ вліянія новыхъ идей, видно изъ той роли, какую играло въ этомъ дѣлѣ духовенство: вѣдь оно было не только главнымъ, но и единственнымъ пока проводникомъ культурныхъ формъ

и понятій. „И сказали епископы Владиміру: „вотъ умножились разбойники; зачѣмъ не казнишь ихъ“. Онъ же сказалъ имъ: „боюсь грѣха“... Они же сказали ему: „ты поставленъ отъ Бога на казнь злымъ и на милованье добрымъ; слѣдуетъ тебѣ казнить разбойниковъ, но съ разслѣдованіемъ („со испытомъ“)“. Такъ наивно разсказываетъ лѣтопись объ этихъ первыхъ попыткахъ устроить правильный судъ.

И защиту своихъ земель Владиміръ, повидимому, понималъ правильнѣе и шире, чѣмъ его предшественники.

Онъ устроилъ для защиты своихъ владѣній со стороны степи цѣлую систему крѣпостей: на правомъ берегу Днѣпра—по Стугнѣ и Ирпени, на лѣвомъ—по Деснѣ, Остру, Трубежу, Сулѣ. Кромѣ крѣпостей служили для защиты еще валы и рвы. Нѣмецкій епископъ Брунонъ, проживши цѣлый мѣсяцъ съ миссіонерскими цѣлями при дворѣ Владиміра, свидѣтельствуетъ, что онъ самъ видѣлъ воздвигнутыя Владиміромъ крѣпкія стѣны съ воротами не только вокругъ Кіева, но и гдѣ-то на Стугнѣ.

Надо сказать, что и потребность въ защитѣ южныхъ границъ выступила къ этому времени съ угрожающей настоятельностью.

Южно-русская степь съ ея кочевымъ населеніемъ, постояннымъ или временнымъ, но всегда враждебнымъ и хищнымъ, опредѣлила собою въ значительной степени всю дальнѣйшую судьбу южной Руси. И не успѣла еще русская земля окончательно сложиться политически, какъ степь уже была готова къ наступленію, уже ставила ей свою вѣковѣчную задачу. Еще со времени Святослава (968 г.) начинаются нападенія печенѣговъ, осаждающихъ даже Кіевъ, и самъ Святославъ, какъ извѣстно, палъ ихъ жертвою. Владиміръ Святой боролся съ ними почти безпрерывно. Хищники отрѣзали молодой политическій организмъ отъ Чернаго моря, которое было, въ извѣстномъ смыслѣ, его колыбелью. „Путь изъ Варягъ въ Греки“ былъ ими перехваченъ въ низовьяхъ Днѣпра. Поморская Русь осуждена на отмираніе, какъ атрофированный членъ: страна насильственно отодвинута къ сѣверу. Но все это сказалось позже въ своихъ окончательныхъ результатахъ. Пока еще Русь успѣшно боролась съ печенѣгами, которые иногда выступали даже и союзниками русскихъ князей, продолжала морскія сношенія съ Греціей, а Тмутаракань дѣятельно участвовала въ общей жизни русской земли.

Ярославъ (1019—1054 г.), одинъ изъ многочисленныхъ сыновей Владиміра, занявши кіевскій престолъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ междоусобій, наступившихъ между братьями по смерти отца, былъ вторымъ княземъ-устроителемъ земли. Черты стараго князя - дружинника въ немъ уже какъ бы совершенно отсутствуютъ, по крайней мѣрѣ, въ лѣтописномъ обликѣ его, какъ великаго князя кіевскаго. Войнъ онъ ведетъ сравнительно мало, и тѣ, какія ведетъ, обусловливаются, главнымъ образомъ, войной съ братьями изъ-за власти и для самозащиты. Борьба со Святополкомъ, такъ называемымъ Окаяннымъ, вовлекла его въ продолжительныя враждебныя столкновенія съ Польшей. Здѣсь, въ Польшѣ, совершалось приблизительно и почти одновременно то же, что у насъ на Руси: складывалось политическое цѣлое, стягивая въ одну массу тянущія врозь пле-

менныя группы, вторгалось христіанство, сплавливая эту массу единствомъ своихъ настроеній и учрежденій. Ярославъ, вовлеченный во враждебное столкновеніе съ Польшей, обнаружилъ въ этихъ столкновеніяхъ сознательный умъ политическаго дѣятеля: въ междоусобной борьбѣ, которая тамъ происходила, онъ поддерживалъ сторону объединенія и христіанства противъ племенныхъ и языческихъ стремленій. Для русской земли это вмѣшательство Ярослава въ польскія дѣла выразилось окончательнымъ присоединеніемъ червенскихъ городовъ, которые лежали, такъ сказать, на периферіи двухъ складывающихся политическихъ организмовъ, русскаго и польскаго; такимъ образомъ, политическая граница совпала, какъ оно и слѣдовало, съ этнографическою. Ярославъ, выведя изъ походовъ своихъ въ Польшу много плѣнныхъ, селилъ ихъ по р. Роси, которую укрѣплялъ городами, продолжая, такимъ образомъ, и расширяя дѣло Владиміра Св.,—защиту южныхъ границъ отъ степныхъ хищниковъ. Надо сказать, что при Ярославѣ печенѣги уже меньше безпокоили кіевское княжество, такъ какъ были ослаблены наступающими на нихъ съ востока новыми кочевниками, узами-торками, за которыми слѣдовали половцы: послѣ рѣшительнаго пораженія подъ Кіевомъ въ 1036 г. печенѣги исчезли навсегда для Руси.

Во внутреннюю жизнь Ярославъ уже вмѣшивается дѣятельно и широко. Существеннѣйшимъ интересомъ общества, во главѣ котораго онъ стоялъ на томъ новомъ пути, на какомъ оно очутилось связью историческихъ условій, были укрѣпленіе и распространеніе христіанской культуры. Прямымъ путемъ къ достиженію этой цѣли было насажденіе грамотности и книжнаго ученія. Всѣмъ извѣстна забота Ярослава объ этомъ: какъ онъ самъ лично „прилежа книгамъ и почитая е часто въ нощи и въ дне“, какъ онъ собиралъ книги, добывая ихъ, конечно, изъ Греціи и Болгаріи, держалъ многихъ писцовъ для переписки, заботился о переводѣ съ греческаго того, чего не хватало на болгарскомъ; извѣстны также его заботы о духовенствѣ, о построеніи и украшеніи церквей. Однимъ словомъ, онъ приложилъ много усилій къ тому, чтобы христіанство изъ внѣшняго и обрядоваго, какимъ оно, по необходимости, было въ началѣ, при Владимірѣ, по возможности дѣлалось внутреннимъ, перешло въ понятія и чувства общества. Ярославъ читалъ книги и, конечно, проникался христіанскими, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и римско-византійскими понятіями о государственномъ строѣ и своихъ обязанностяхъ какъ христіанскаго правителя. А окружающая жизнь, между тѣмъ, неслась мимо него свободнымъ потокомъ—изъ источниковъ, имѣющихъ мало общаго съ христіанскимъ понятіемъ объ истинномъ и должномъ, съ римскимъ понятіемъ о справедливомъ. Естественно, что всякій правитель, не лишенный энергіи, долженъ былъ дѣлать попытки урегулировать эту свободную и неправильную жизнь, приспособить ее къ новымъ требованіямъ, какія ставили ей христіанская нравственность и развивающійся государственный строй. Ярославъ сдѣлалъ эту попытку своей „Русской Правдой“ въ ея древнѣйшей редакціи. „Русская Правда“—сводъ юридическихъ положеній, частью заимствованныхъ изъ правовыхъ понятій, господствующихъ въ жизни, частью изъ византійскаго права.

Благодаря уму и энергіи Владиміра и Ярослава, политическій организмъ Русской земли сложился и до извѣстной степени окрѣпъ. Внѣшніе враги не угрожали его существованію: восточное сосѣднее Хозарское государство не могло оправиться отъ тѣхъ ударовъ, которые нанесъ ему богатырь нашей лѣтописи, Мстиславъ Владиміровичъ Тмутараканскій; о западномъ сосѣдѣ, Польшѣ, только-что сказано, также и объ южныхъ сосѣдяхъ—печенѣгахъ. Дружеское отношеніе съ Византіей нарушено было неудачнымъ морскимъ походомъ на Грецію Ярославова сына Владиміра, причины котораго неизвѣстны: это былъ послѣдній набѣгъ русскихъ на Византію.

Итакъ, ничто извнѣ не угрожало существованію Руси. Но у ней оказался опасный врагъ внутри, въ семьѣ самихъ князей-правителей. Каждый изъ нихъ, когда дѣлался правителемъ, могъ проникаться болѣе или менѣе интересами земли; но въ то же время, всѣ вмѣстѣ и каждый въ отдѣльности, они смотрѣли на власть какъ на свое семейное достояніе, въ которомъ каждый членъ долженъ былъ по праву имѣть непосредственное участіе. Отсюда дробленіе власти, для избѣжанія котораго нѣкоторые князья-правители прибѣгали къ истребленію своихъ братьевъ-претендентовъ на раздѣлъ. Изъ троихъ сыновей Святослава остался отъ взаимнаго истребленія одинъ Владиміръ; старшій сынъ Владиміра, Святополкъ, умертвилъ Бориса, Глѣба и Святослава. Это явленіе далеко не единичное во всемірной исторіи; въ многихъ случаяхъ политическая власть утверждалась лишь истребленіемъ братьевъ и родичей. Но это не могло обратиться въ систему въ христіанскомъ государствѣ: уже Ярославъ не рѣшился убить брата Судислава, а лишь посадилъ его „въ порубъ“ и вынужденъ былъ раздѣлить власть съ братомъ Мстиславомъ Тмутараканскимъ. А за спиной князей-братьевъ, которые всѣ тянулись за своей долей власти, стояли земли съ отдѣльными племенами, въ которыхъ еще далеко не замерло воспоминаніе о самостоятельномъ существованіи, свободномъ отъ даней и уроковъ Кіеву и его князьямъ.

Едва только сложившійся политическій организмъ уже готовъ былъ разложиться на свои составныя части *).

*) Литература указана при главѣ третьей.

Глава третья.

Удѣльная смута и степные кочевники; внутренній бытъ; Галицко-Владимірское княжество.

I.

Современный историкъ, приступая къ исторіи той или другой страны, обыкновенно предпосылаетъ территоріальное ея описаніе,—пріемъ, раціональность котораго не нуждается въ особыхъ доказательствахъ. Мы уклонились отъ этого обычнаго пріема,—и не безъ основанія. Государство, въ зачаточныхъ ступеняхъ своего развитія, не поддается сколько-нибудь точнымъ территоріальнымъ опредѣленіямъ. Если государство Олега, напр.,—буде сюда примѣнимъ терминъ „государство"—захватывало Кіевъ и Новгородъ, то это совсѣмъ не значитъ, чтобы первымъ князьямъ принадлежала вся территорія, лежащая между этими городами, а значитъ лишь, что имъ принадлежала власть надъ обоими этими отдаленными конечными пунктами великаго пути „изъ Варягъ въ Греки", а, слѣдовательно, и извѣстное вліяніе на всемъ протяженіи этого пути, соединенное, можетъ-быть, съ захватомъ еще нѣкоторыхъ пунктовъ по сторонамъ этого пути или его развѣтвленіямъ. Опредѣленіе границъ, въ современномъ смыслѣ этого слова, т.-е. по линіи периферіи политическаго организма, для этой первичной эпохи невозможно: можно опредѣлить территорію лишь по ея, такъ сказать, центральнымъ пунктамъ, по городамъ и рѣчнымъ путямъ.

Настоящая третья глава посвящена такъ называемому удѣльному періоду южно-русской исторіи. Всякому извѣстно, что періодъ этотъ, съ внѣшней стороны, характеризуется расчлененіемъ территоріи. Благодаря этому расчлененію, дѣлаются возможными болѣе точныя территоріальныя опредѣленія, хотя все-таки только приблизительныя; поэтому мы ограничимся здѣсь лишь самыми краткими и насущно-необходимыми географическими указаніями.

Кіевская земля, область или княжество, захватывала среднее теченіе Днѣпра отъ устья Припети до устья Роси. Главною своею массою она лежала

по правой сторонѣ Днѣпра; по лѣвому берегу ея владѣнія шли лишь какой-то неопредѣлимой, точнѣе, узенькой полосой. Вообще, населенныя мѣста, тянувшія къ Кіеву и, слѣдовательно, считавшія себя частью земли кіевской, лежали на территоріи между Припетью и Случью, южнымъ Бугомъ и Росью. Надо полагать, что населеніе этихъ мѣстъ не было однородно по племенному характеру: здѣсь поляне лѣтописи жили, вѣроятно, вмѣстѣ съ древлянами.

Къ Кіевскому княжеству тѣсно примыкали, территоріально и политически, княжества Туровское (Турово-пинское) съ сѣверо-запада и Переяславское съ юго-востока. Оба они то исчезаютъ въ понятіи Кіевскаго княжества, то появляются отдѣльно: ихъ территорія такъ же неопредѣленна, какъ туманна и блѣдна ихъ исторія. Туровское княжество, земля дреговичей, родственныхъ древлянамъ, расходится своими поселеніями по Припети и достигаетъ ея верховьевъ, врѣзываясь, такимъ образомъ, въ земли княжества Галицкаго.

Переяславская „украина“, по выраженію лѣтописца, тянулась неопредѣленной линіей своихъ укрѣпленныхъ городовъ по лѣвымъ притокамъ Днѣпра отъ Трубежа и Супоя черезъ Сулу, Пселъ до Ворсклы и верхняго Донца, сливаясь съ дикой степью, пріютомъ кочевыхъ хищниковъ. Переяславское княжество даже трудно и назвать областью или землею: это скорѣе сторожевая линія. Относительно населенія, надо полагать, что оно было, главнымъ образомъ, сѣверянское.

Но настоящей землей сѣверянскаго племени было княжество Черниговское, лежавшее къ сѣверу отъ Переяславскаго. Его исконная территорія— бассейны Десны и Сейма. Однако, сѣверными своими поселеніями Черниговское княжество выходило за предѣлы южной Руси въ земли радимичей и вятичей, къ рѣкамъ Волжскаго бассейна. Факты, относящіеся до Черниговскаго княжества, рѣзко выставляютъ на видъ обособленность этой земли отъ земли кіевской: очевидно, политическія отношенія здѣсь укрывали племенной антагонизмъ, исконную племенную рознь.

Въ западной части южно-русской территоріи въ удѣльный періодъ выступили, болѣе или менѣе опредѣленными очертаніями, еще двѣ области, Волынская и Галицкая; онѣ то существовали политически отдѣльно другъ отъ друга, то сливаясь въ одно Галицко-Волынское княжество. Волынь лежала по верхней Припети и правымъ ея притокамъ, также по верховьямъ западнаго и южнаго Буга: это земля дулебовъ, бужанъ или волынянъ лѣтописи. Съ Волынскимъ княжествомъ сливалось по верховьямъ западнаго Буга княжество Галицкое, захватившее тѣхъ же самыхъ бужанъ; но затѣмъ оно отходило подъ Карпатскія горы, по сѣверо-восточнымъ склонамъ которыхъ и раскинулось. Изъ Карпатскихъ горъ разселеніе шло по р. Сану къ сѣверу, пока не наткнулось на поселенія польскихъ племенъ; а къ юго-западу, по Пруту и Днѣстру, оно ушло въ даль, стремясь къ Черному морю. Отдаленность ли территорій, племенная ли рознь была тому причиной, но ни одна изъ южно-русскихъ земель не жила такой обособленной отъ общихъ центровъ, отъ Приднѣпровья и Кіева, жизнью, какъ земля Галицкая.

Таковы были области, на которыя распалась южная Русь послѣ смерти Ярослава I. Не слѣдуетъ думать, что каждая земля была постоянной и

неизмѣнной величиной. Напротивъ, земли эти, княжества, находились въ постоянномъ движенiи. Онѣ то соединялись между собою подъ властью того или другого князя, то разъединялись; та или иная часть территорiи отходила то къ одной области, то къ другой; наконецъ, внутри областей образовывались удѣлы, т.-е. новыя областныя дѣленiя. Но несомнѣнно, тѣмъ не менѣе, что была какая-то сила, тянувшая области къ обособленiю. Надо полагать, что силой этой, объединяющей область въ областную единицу, были, прежде всего, племенное чувство, сознанiе племенного родства, затѣмъ, вѣроятно, общность торговыхъ, промышленныхъ и иныхъ интересовъ. Какъ бы то ни было, во всякой области былъ центръ, иногда и не одинъ, который служилъ узломъ ея общественныхъ интересовъ. Такими центрами были для Черниговской земли Черниговъ и Новгородъ-Сѣверскiй, для Туровской—Туровъ и Пинскъ, для Переяславской—Переяславль, для Волынской—Владимiръ и Луцкъ, для Галицкой—Перемышль и Червень, потомъ Галичъ, позже Холмъ и Львовъ.

Одновременно съ объединенiемъ Русской земли, за ея западными предѣлами, образовались изъ славянскихъ народностей два другихъ политическихъ тѣла—Польша и Чехiя. У нихъ мы замѣчаемъ то же самое дробленiе на удѣлы. Мало того, аналогичныя явленiя усматриваются и въ Сербiи, и въ Болгарiи. Можетъ-быть, на все это не слѣдуетъ смотрѣть какъ на историческую случайность, а какъ на проявленiе особеннаго тяготѣнiя славянъ къ федеративной формѣ политическаго устройства; но крайности этого дробленiя и его большая сложность и запутанность есть уже несомнѣнно случайность русской исторiи, особенное условiе нашихъ историческихъ обстоятельствъ.

У Ярослава было шесть сыновей; у каждаго изъ нихъ были также сыновья. Такимъ образомъ, число претендентовъ на долю участiя въ управленiи Русской землей разрослось значительно въ теченiе даже и перваго полувѣка со смерти Ярослава. По понятiямъ того времени, господствовавшимъ въ княжеской семьѣ, старшiй по семейнымъ отношенiямъ тѣмъ самымъ дѣлался старшимъ и по управленiю государствомъ, садился на старшiй „столъ“, Кiевскiй. Остальные получали свои доли въ управленiи, въ видѣ отдѣльныхъ „волостей“, т.-е. областей, въ извѣстномъ порядкѣ, въ которомъ достоинство получаемыхъ областей находилось въ зависимости отъ положенiя претендента въ порядкѣ семейной iерархiи. Всякое извлеченiе звена изъ этой цѣпи вызывало новое передвиженiе всѣхъ остальныхъ звеньевъ. Такова была идеальная схема княжескихъ отношенiй. Но до осуществленiя ея на практикѣ было такъ далеко, какъ вообще далека практика жизни отъ всякаго теоретическаго идеала. Осуществленiе этой схемы часто наталкивалось на серьезныя практическiя препятствiя; но, прежде всего, противъ нея стоялъ эгоизмъ тѣхъ же князей-старшихъ, а потому и болѣе сильныхъ. Сила всегда находитъ себѣ оправданiе въ правѣ. Въ разрѣзъ положенiямъ архаическаго права выступали новыя понятiя, въ силу которыхъ сынъ не могъ пользоваться тѣмъ, чѣмъ не пользовался его отецъ. Князья старшаго поколѣнiя примѣняли это юридическое понятiе такъ, что лишали правъ тѣхъ изъ младшихъ князей, отцы которыхъ не успѣвали, за раннею смертью, получить самостоятельное положенiе, стать во главѣ отдѣль-

ной волости. Такъ поступили старшіе Ярославичи съ племянникомъ Ростиславомъ, сыномъ перваго Ярославова сына, Владиміра, умершаго еще при жизни отца, и съ его дѣтьми Рюрикомъ, Володаремъ и Василькомъ Ростиславичами. Такіе обездоленные князья, какъ бы выброшенные, изгнанные изъ княжеской семьи, назывались изгоями. Иногда они получали отъ старшихъ родичей, въ видѣ милости, что-нибудь, какой-нибудь городъ, иногда не получали ничего. Но соблазнъ уменьшить число претендентовъ на власть былъ такъ великъ, что старшіе Ярославичи, Изяславъ, Святославъ и Всеволодъ, распространили изгойство и на сыновей младшихъ Ярославичей, Игоря и Вячеслава, хотя отцы ихъ умерли уже самостоятельными князьями отдѣльныхъ волостей. Мало того, два старшихъ Ярославича, Изяславъ и Всеволодъ, послѣ смерти Святослава, оставшись у власти, обратили въ изгоевъ сыновей умершаго, хотя отецъ ихъ былъ даже одно время великимъ княземъ кіевскимъ. Такимъ образомъ мѣсто права заступило простое и грубое насиліе.

Но между изгоями-племянниками были люди и даровитые, и энергичные: таковы были Ростиславъ и Ростиславичи, затѣмъ Олегъ Святославичъ или „Гориславичъ", по живописному выраженію „Слова о полку Игоревѣ"; не обдѣленъ природою былъ, повидимому, и Давидъ Игоревичъ. Они не могли мириться съ своимъ положеніемъ, да съ нимъ не могли мириться и самые заурядные изъ изгоевъ. Въ самомъ дѣлѣ, что такое былъ князь безъ волости? Ничто. Борьба за волость была борьбой за существованіе въ прямомъ смыслѣ этого слова. Къ тому же изгои чувствовали за собою право, и право исконное, нарушенное насиліемъ. Они не могли не вступить въ самую рѣшительную и отчаянную борьбу за свое право надѣла въ Русской землѣ. Планъ борьбы предрѣшался обстоятельствами.

Была одна русская область, куда не могли достать даже и длинныя руки старшаго князя Русской земли, князя кіевскаго—это Тмутаракань: она жила какой-то для насъ уже совсѣмъ темной, обособленною жизнью. Туда бѣжали изгои и находили тамъ гостепріимный пріютъ. Въ Тмутаракани изгои собирались съ силами, скликали дружину, договаривались со степными хищниками, орды которыхъ отдѣляли Тмутаракань отъ остальной Русской земли, и которые всегда были готовы отправиться въ русскіе предѣлы, особенно подъ предводительствомъ русскаго князя. Изготовить такую экспедицію, повидимому, было дѣломъ очень нетруднымъ; и каждый разъ стольные князья-дяди должны были живо чувствовать, какъ непрочны ихъ столы.

Изгою ничего не стоило перенести неудачу: онъ уходилъ назадъ въ Тмутаракань для того, чтобы снарядиться и опять появиться съ новой военной силой: въ этомъ отношеніи степь была неистощима. Во что обходилось это землѣ, видно изъ „горькой славы" изгоя Олега Святославича-Гориславича. Очевидно, надо было покончить съ такимъ положеніемъ: пришли къ сознанію необходимости этого и сами старшіе князья. Надо было придумать какой-нибудь компромиссъ, удовлетворявшій такъ или иначе требованіямъ изгоевъ.

Въ практикѣ княжескихъ отношеній былъ одинъ способъ рѣшать большія и общія затрудненія: это съѣзды князей, какъ бы княжескіе сеймы или вѣча. Первый извѣстный намъ съѣздъ князей, Любечскій (1097 г.), былъ

созванъ именно для того, чтобы уладить дѣла дядей съ племянниками—удовлетворить изгоевъ.

Переговоры князей на Любечскомъ съѣздѣ выяснили, что сыновья должны наслѣдовать своимъ отцамъ: ими утвержденъ былъ, по принятому выраженію, принципъ вотчинности какъ руководящее начало княжескихъ отношеній. Къ даннымъ условіямъ принципъ этотъ примѣнялся такъ: второе поколѣніе Ярославова потомства, т.-е. внуки, должны были пользоваться тѣмъ, чѣмъ владѣло первое поколѣніе—ихъ отцы, по распоряженію дѣда Ярослава. Собственно, этимъ постановленіемъ Любечскаго съѣзда не было установлено ничего рѣшительнаго и новаго. И раньше дѣти князей наслѣдовали отцамъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ эти ихъ права наслѣдованія не наталкивались на препятствія со стороны иного права или просто силы; съ другой стороны, и послѣ съѣзда князья далеко не всегда удерживали за собою свои вотчины. Но навстрѣчу принципу вотчинности шло стремленіе областей къ обособленности. Каждая область была глубоко заинтересована въ томъ, чтобы имѣть князя изъ одной княжеской линіи, т.-е. чтобы столы ея не передавались изъ линіи въ линію, какъ это практиковалось вначалѣ. Такимъ образомъ, принципъ вотчинности, несмотря на всю фактическую путаницу отношеній, на постоянныя его нарушенія, все-таки, въ концѣ концовъ, восторжествовалъ, и отдѣльныя линіи Ярославова дома болѣе или менѣе прочно связали свою судьбу съ исторіей отдѣльныхъ областей.

Важныя послѣдствія для южно-русской исторіи имѣло рѣшеніе Любечскаго съѣзда признать за изгоями Ростиславичами право на червенскіе города, которые составляли ядро Галицкой земли.

Энергичные Ростиславичи и ихъ потомки крѣпко усѣлись въ своихъ удѣлахъ, и такъ дружно держались за нихъ, что сумѣли отстранить всѣ попытки другихъ князей, особенно кіевскихъ, сдвинуть ихъ съ мѣста. Стремленіе Галицкой области къ самостоятельному существованію нашло себѣ дѣятельную поддержку въ энергичныхъ изгояхъ.

Но внутреннее спокойствіе не водворилось въ Русской землѣ ни послѣ Любечскаго, ни послѣ Витичевскаго (1100 г.) съѣзда, который былъ созванъ съ тою же цѣлью. Князей было слишкомъ много, и слишкомъ много было у нихъ поводовъ дли взаимныхъ столкновеній. Каждый стремился къ лучшимъ и большимъ волостямъ, у каждаго была наготовѣ ссылка на какое-нибудь право, а „волоститься“ (спорить о волостяхъ) можно было только на счетъ другого, который никогда не желалъ добровольно оставлять того, что онъ уже занималъ. На первомъ планѣ шла, конечно, ожесточенная борьба между болѣе сильными за лучшій изъ имѣющихся въ наличности кусковъ—за Кіевскій столъ. По отношенію къ столу Кіевскому оставалось, повидимому, въ полной силѣ, не затронутое никакими княжескими съѣздами, ни договорами, старое правило: что Кіевскій столъ долженъ быть занятъ старшимъ въ родѣ.

Но принципъ вотчинности, такъ громко и рѣшительно признанный самими же князьями, подрывалъ авторитетъ этого правила теоретически и создавалъ для его примѣненія практическія препятствія. Поэтому Кіевскій столъ лишь въ рѣдкихъ случаяхъ доставался тому, кто дѣйствительно имѣлъ на него право

старшинства. Одинъ занималъ Кіевскій столъ потому, что „голова идетъ къ мѣсту, а не мѣсто къ головѣ“, другой потому, что его хотѣлъ Кіевъ; третій потому, что чувствовалъ за собою поддержку какой-нибудь внѣшней силы, хотя бы иноземной, въ видѣ поляковъ или угровъ (венгровъ); во всякомъ случаѣ, садился на Кіевскій столъ тотъ, за кѣмъ было въ данный моментъ фактическое преимущество, въ чемъ бы оно ни заключалось. Какъ мало здѣсь значило право старшинства—видно изъ слѣдующаго примѣра.

Внукъ Ярослава, Владиміръ Мономахъ, представляетъ собою самую симпатичную личность всей такъ называемой удѣльно-вѣчевой эпохи, считая отъ смерти Ярослава до нашествія татаръ (1054—1224 г.). Отецъ его, Всеволодъ, былъ однимъ изъ образованнѣйшихъ русскихъ людей своего времени; мать его—греческая царевна. Вѣроятно, вліянію семейной атмосферы обязанъ Владиміръ Мономахъ той относительной культурностью, которая такъ выгодно отличаетъ его въ средѣ другихъ членовъ Ярославова дома. Сохраняя свойства древняго русскаго князя, энергію, предпріимчивость, мужество, настойчивость въ достиженіи цѣли, прямоту и искренность характера, Мономахъ соединяетъ съ этими достоинствами свѣжей натуры варвара стремленіе къ сознательному идеалу, которое прививается человѣку лишь цивилизаціей. Въ его душѣ живетъ идеалъ христіанскаго князя, правителя своей земли и ея защитника, праведнаго судьи, прибѣжища всѣхъ слабыхъ и угнетенныхъ, „братолюбца, нищелюбца и добраго страдальца за русскую землю“. Такимъ образомъ, Владиміръ Мономахъ представляетъ собою рѣдкое сочетаніе варварскихъ добродѣтелей съ христіанскимъ настроеніемъ чувства и культурно развитою мыслью.

И вотъ этотъ-то въ своемъ родѣ идеальный человѣкъ, съ его глубокимъ уваженіемъ къ праву, занимаетъ Кіевскій столъ, нарушая право старшинства, и нарушаетъ не въ увлеченіи страсти, закрывая глаза на долгъ, а нарушаетъ потому, что не видитъ возможности поступить иначе. Онъ могъ сдѣлаться великимъ княземъ еще по смерти отца своего Всеволода (1093 г.), послѣдняго изъ Ярославичей, занимавшаго Кіевскій столъ, но отступилъ, чтобы поддерживать права своего двоюроднаго брата Святополка, сына старшаго изъ Ярославичей Изяслава. Когда же умеръ и Святополкъ, то права на великокняжеское достоинство переходили къ двоюроднымъ братьямъ черниговскимъ—Святославичамъ, сыновьямъ второго Ярослава. Тогда въ Кіевѣ началось смятеніе, такъ какъ горожане не хотѣли имѣть у себя никого изъ Святославичей, а требовали Всеволодовича, возлагая на его совѣсть отвѣтственность за всѣ послѣдствія смуты, которая неизбѣжно произойдетъ, если онъ снова откажется занять Кіевскій столъ. Владиміръ уступилъ. Такъ слабы были правовыя понятія, по которымъ занимался Кіевскій столъ, что даже такіе блюстители права, какъ Мономахъ, вынуждаемы были его нарушать: какъ же могло это шаткое право выдержать борьбу съ эгоизмомъ и хищничествомъ, осаждавшими его со всѣхъ сторонъ?

Борьба за Кіевскій столъ тянулась почти безпрерывно за исключеніемъ нѣкоторыхъ свѣтлыхъ промежутковъ; такимъ промежуткомъ отдыха было княженіе Мономаха (1113—1125 г.), когда даже безпокойные Святославичи, несмотря на всѣ свои права старшинства, не оспаривали Кіевъ у Мономаха, за-

щищаемаго общимъ уваженіемъ къ его личнымъ высокимъ достоинствамъ. Ожесточеніе этой борьбы ослабѣло послѣ разоренія Кіева (1169 г.) суздальскими войсками Андрея Юрьевича, Мономахова внука; Юрьевичи, которымъ достались отъ дѣда Мономаха, на началахъ вотчинности, Суздальскія и Ростовскія земли, перенесли на сѣверъ центръ своихъ интересовъ и не дорожили Кіевомъ. Мало-по-малу, Кіевъ совершенно утратилъ свое прежнее политическое значеніе, а, слѣдовательно, потерялъ и свою цѣну въ глазахъ князей. Во второй половинѣ XII вѣка кіевскій князь все еще назывался великимъ, но великими въ это время назывались уже главные князья и другихъ областей, и великій князь галицкій значилъ на югѣ уже больше, чѣмъ великій князь кіевскій. Соловьевъ въ своей „Исторіи Россіи“ приводитъ слѣдующія интересныя данныя. Онъ вычисляетъ для удѣльнаго періода тѣ годы, которые отмѣчены княжескими усобицами, и получаетъ цифру 80; слѣдовательно, усобицы были, круглымъ счетомъ, черезъ годъ. Конечно, яркое краснорѣчіе этой цифры смягчается тѣмъ соображеніемъ, что каждая смута касалась обыкновенно лишь одной какой-нибудь области, не захватывая всей территоріи; кромѣ того, въ вычисленіе Соловьева вошли и сѣверныя земли, которыхъ мы не касаемся, правда, незначительно повышающія общую цифру, но все-таки повышающія. Насчетъ, собственно, юга данныя Соловьева показываютъ слѣдующее: Кіевское княжество въ это время было мѣстомъ усобицъ 23 раза, Черниговское 20, Волынское 15, Галицкое 6, Туровское 4: цифры довольно выразительныя, особенно если принять во вниманіе, что междоусобія, случалось, тянулись по нѣсколькимъ годамъ подрядъ, иногда больше десяти лѣтъ.

Итакъ, силы молодого политическаго организма тратились на внутреннюю борьбу князей. Минула пора далекихъ походовъ, блестящихъ завоеваній, отмѣченныхъ чужеземными историками. Остатка силъ едва хватало для самозащиты: да и можно ли сказать, что ихъ хватало? Степь—это дикое, хищническое „поле“—наступала на Русскую землю все съ бо́льшей и бо́льшей настойчивостью. Тмутаракань была отрѣзана, отрѣзаны были и торговые пути къ Черному морю. Въ степи печенѣговъ уже не было, они были вытѣснены узами-торками; но и торки должны были уступить мѣсто половцамъ (куманамъ). Половцы были враги несравненно болѣе опасные, чѣмъ остальные степняки, въ силу ли своей многочисленности, большой энергіи характера, или, можетъ-быть, просто въ силу большой относительной слабости и разъединенности самой Русской земли. Русскій народъ въ самомъ названіи выразилъ то значеніе, какое имѣло для него именно это племя: куманы были для него „половцы“, т.-е. жители поля, степи. Да и не мудрено: въ теченіе болѣе чѣмъ 150 лѣтъ обликъ этого хищнаго обитателя поля успѣлъ врѣзаться въ народную память. Половцы это—мрачный задній фонъ нашей южно-русской исторической сцены для всего удѣльно-вѣчевого ея періода.

Современному человѣку трудно и вообразить себѣ всю необезпеченность жизни, какою отражалась на южной Руси эта близость степныхъ хищниковъ. Половцы, раздѣленные на нѣсколько самостоятельныхъ ордъ, наполняли своими кочевьями всю степь по ту и другую сторону Днѣпра, отъ Чернаго моря до

тѣхъ ея сѣверныхъ предѣловъ, гдѣ разливъ кочевниковъ задерживался населенными и защищаемыми городами. Такимъ образомъ, южная Русь, со стороны степи, на каждомъ своемъ пунктѣ была въ состояніи постоянной опасности. „Станетъ поселянинъ весною пахать на лошади, и прійдетъ Половчинъ, ударитъ его самого стрѣлою, возьметъ и лошадь, и жену, и дѣтей, да и гумно зажжетъ": такими словами, трогательными въ своей правдивой простотѣ, описываетъ Мономахъ положеніе земли.

Города, точнѣе городки, понастроенные въ цѣляхъ обороны, далеко не всегда удерживали половцевъ, сильныхъ своею многочисленностью. Да и что это были за городки? Достаточно припомнить, какъ при осадѣ одного изъ нихъ половцами часть городскихъ стѣнъ обрушилась подъ тяжестью своихъ немногочисленныхъ защитниковъ. Одинъ историкъ пересчиталъ число половецкихъ набѣговъ для второй половины XII вѣка, упоминаемыхъ въ лѣтописи: пришлось почти по набѣгу на годъ. А въ этотъ счетъ не вошли тѣ походы на Русскую землю, которые дѣлали половцы по приглашенію самихъ князей въ ихъ междоусобныхъ распряхъ, ни все то множество мелкихъ нападеній и грабежей, которые происходили постоянно на южной границѣ, о которыхъ лѣтописецъ не могъ ничего ни знать, ни сказать. Нападенія на южную Русь были для половцевъ главнымъ, если не единственнымъ, промысломъ послѣ скотоводства, которымъ они кормились. Они поставляли русскихъ рабовъ на рынки центральной Азіи и такимъ образомъ добывали себѣ „злато, паволоки и дорогіе оксамиты", которыми случалось поживиться и русскимъ князьямъ во время удачныхъ набѣговъ на половецкія вежи (стоянки). Близость половцевъ—это была вѣчно раскрытая, вѣчно болящая рана на тѣлѣ южно-русской земли. Когда лѣтопись, такъ рѣдко измѣняющая тону эпическаго спокойствія, касается этого наболѣвшаго мѣста, она начинаетъ звучать нотами, полными трагизма. Вотъ какъ описываетъ она половецкій набѣгъ: „плачъ великій сотворился въ нашей землѣ, и опустѣли села и города наши. Однихъ ведутъ въ плѣнъ, другихъ умерщвляютъ, тѣ трепещутъ при видѣ избиваемыхъ, тѣ умираютъ отъ голода и жажды... Этихъ вяжутъ и толкаютъ ногами и держатъ на морозѣ. Мучимые холодомъ, въ цѣпяхъ, томимые голодомъ и жаждою, съ поблѣднѣвшими лицами и почернѣвшими тѣлами идутъ неизвѣстною страною, съ воспаленнымъ языкомъ, нагіе и босые, съ ногами, растерзанными терніемъ. Одинъ говоритъ другому: „я былъ изъ такого-то города" или „я такого-то села", и со слезами разсказываетъ о своемъ родѣ. Опустѣли наши города; поля, гдѣ паслись стада, кони, овцы и волы, все теперь пусто, нивы сдѣлались жильемъ звѣрей"...

„Слово о полку Игоревѣ", драгоцѣнный перлъ русской древней поэзіи, выброшено было изъ глубины души какого-то великаго народнаго поэта,—души, взволнованной и потрясенной въ своихъ основахъ этимъ страшнымъ народнымъ бѣдствіемъ.

Отсюда страстное сочувствіе походу молодыхъ сѣверскихъ князей, задумавшихъ „переломить копье конецъ поля половецкаго", т.-е. дойти до самаго отдаленнаго предѣла земли Половецкой, и или сложить головы, или „испить шоломомъ Дону". Поэтъ, повидимому, самъ дружинникъ, понималъ неблаго-

разуміе этого похода съ политической точки зрѣнія; но непосредственное чувство уносило его далеко отъ холодныхъ соображеній разсудка, какъ уносило и самихъ князей на вѣрную гибель въ самую середину страшнаго „незнаемаго“ половецкаго поля; тамъ „дѣти бѣсовы въ поганые Половцы собиравшись и отъ Дона, и отъ моря, и отъ всѣхъ странъ“, такъ легко могли окружить, отрѣзать и перебить храбрыхъ русичей, „какъ ни сыпали они стрѣлами калеными, какъ ни гремѣли мечами харалужными о шеломы половецкіе“. Вся природа проникнута глубокимъ сочувствіемъ предпріятію князя Игоря и его дружины. Она хочетъ предостеречь и тѣмъ спасти храбраго князя: солнце заступаетъ тьмою ему дорогу, кровавыя зори предвѣщаютъ кровавый день, съ моря идутъ черныя тучи, въ которыхъ трепещутъ синія молніи. А когда на берегахъ Каялы „докончили пиръ храбрые Русичи, напоили сватовъ и сами полегли за землю Русскую“, тогда и „травы поникли отъ жалости, и дерево преклонилось къ землѣ. Черная земля была посѣяна костями, полита кровью, и посѣвъ взошелъ печально по Русской землѣ: застоналъ Кіевъ тугою, а Черниговъ напастьми, тоска разлилась по Русской землѣ“. Такъ въ живомъ воображеніи поэта „Слова“ и природа, и Русская земля сливаются въ одномъ общемъ воплѣ сочувствія, когда русскій соколъ, залетѣвъ такъ неразумно далеко къ морю, былъ заклеванъ чернымъ ворономъ—поганымъ Половчиномъ.

Какъ „Слово о полку Игоревѣ“, такъ и лѣтопись готовы оцѣнивать всѣ лица и событія съ точки зрѣнія этого насущнѣйшаго интереса южно-русской жизни, защиты отъ половцевъ. Достоинство князя находилось въ прямой зависимости отъ того, сколько энергіи и искусства обнаруживалъ онъ въ борьбѣ со степью. Припомнимъ кстати, какъ кіевляне, несмотря на все свое уваженіе къ Ярославову дому, прогнали безъ всякой церемоніи Изяслава, старшаго и законнаго наслѣдника Ярослава, за то, что онъ отступилъ передъ половцами, и вывели изъ „поруба“ (заключенія) на княженіе Всеслава Полоцкаго, совсѣмъ чужого князя, не пользовавшагося, повидимому, никакимъ сочувствіемъ. Это былъ одинъ изъ первыхъ набѣговъ половецкихъ по водвореніи ихъ въ южно-русской степи, а изгнаніе Изяслава кіевлянами и бѣгство его въ Польшу—первымъ узломъ, перепутавшимъ нити междукняжескихъ отношеній и отношеній ихъ къ Кіевскому столу. Популярность Мономаха и его потомковъ Мономаховичей, конечно, обусловливалась въ значительной степени тѣмъ, что они всегда готовы были на борьбу со степью и никогда не прибѣгали къ услугамъ половцевъ въ своихъ распряхъ съ другими князьями, какъ это нерѣдко практиковалось представителями иныхъ линій Ярославова рода.

Что могли сдѣлать князья для земли, защиту которой они взяли на себя?

Только одно сколько-нибудь существенное: гоняться за половцами, отнимать у нихъ награбленную добычу и отбивать плѣнныхъ. Обремененные добычей половцы теряли свою неуловимость, которая дѣлала невозможной правильную борьбу съ ними. Но, вѣдь, если и удавалось отбить добычу, это только уменьшало причиненное зло, а не исправляло его: смердъ возвращался на свое пепелище, но хозяйство его было разорено. Князья пытались помочь бѣдѣ иными, мирными, способами: вступали, напримѣръ, въ договоры съ

половецкими ханами; но половцы стояли еще на той степени культурнаго развитія, когда люди, какъ Гомеровы циклопы, не знающіе закона и правды, не умѣютъ уважать святости договоровъ.

Пытались связать хановъ узами родства черезъ брачные союзы съ ихъ дочерьми. Это имѣло нѣкоторое значеніе, но только по отношенію къ извѣстному хану или извѣстной ордѣ; но ордъ половецкихъ было нѣсколько, и онѣ всѣ были самостоятельны и дѣйствовали независимо другъ отъ друга.

Очень можетъ быть, что жители южной Руси обратились бы въ половецкихъ данниковъ, если бы Русской землѣ не помогла сама же степь, не выдвинула нѣкоторой обороны.

Дѣло въ томъ, что, когда пришли половцы, они вытѣснили тѣхъ кочевниковъ, которые занимали степь раньше. Отсюда вражда этихъ послѣднихъ къ новымъ пришельцамъ. Тѣснимые половцами, кочевники эти искали защиты у русскихъ. Для русскихъ князей, въ ихъ борьбѣ съ половцами, эти поганые „толковины“ (союзники) были настоящимъ кладомъ. Поселенное на границѣ Русской земли съ половецкимъ полемъ, это полукочевое, полуосѣдлое населеніе играло роль сторожевыхъ линій. Самымъ важнымъ пунктомъ въ этомъ отношеніи было Поросье, территорія между Росью и Стугной; но поселенія кочевниковъ были и на территоріи княжества Переяславскаго и даже Черниговскаго. Кромѣ торковъ и печенѣговъ, лѣтопись упоминаетъ еще берендѣевъ, коуевъ, турпѣевъ, каепичей. Были ли это отдѣльные роды тѣхъ же торковъ и печенѣговъ, или какіе-нибудь самостоятельные народцы тюрскаго племени, теперь уже нельзя рѣшить этого. Всѣхъ ихъ лѣтопись смѣшиваетъ—вслѣдъ, конечно, за разговорною рѣчью своего времени — подъ общимъ названіемъ Черныхъ Клобуковъ (т.-е. шапокъ). Конечно, общая вражда не можетъ такъ крѣпко связывать людей, какъ чувство солидарности, основывающееся на сознаніи племенного родства,—и лѣтопись не разъ жалуется, что „Черный Клобукъ леститъ“ (хитритъ).

Но, селясь подъ защитою городовъ, оставляя привычки кочевой жизни въ пользу осѣдлой, Черные Клобуки понемногу втягивались въ земскіе и политическіе интересы того соціальнаго организма, къ которому пристали волей-неволей. Повидимому, шелъ процессъ ассимиляціи этого торкскаго элемента южно-русской народностью; но исторія не раскрываетъ его передъ нами, а только антропологія указываетъ, что въ этнографическій типъ южно-русскаго племени вошелъ элементъ восточно-тюркскій, точно такъ, какъ въ типъ племени сѣверо-русскаго—элементъ финскій. Такимъ образомъ, дифференцировались двѣ русскія народности, причемъ степень и характеръ первоначальныхъ, такъ сказать, исходныхъ различій этихъ народностей между собою въ настоящее время уже ускользаетъ отъ научнаго опредѣленія.

Итакъ, внѣшняя пестрота и сутолока событій удѣльнаго періода укрываютъ собою большое однообразіе. Все содержаніе политической жизни этого времени—борьба князей изъ-за старшинства, изъ-за Кіевскаго стола, изъ-за волостей, прерываемая лишь половецкими набѣгами. Великій поэтъ „Слова о полку Игоревѣ“ избавляетъ насъ отъ необходимости дѣлать общую характе-

ристику этого печальнаго времени. Въ поэтическихъ выраженіяхъ, полныхъ силы, рисуетъ онъ положеніе дѣлъ во всю первую половину удѣльной эпохи, характеризующуюся борьбой съ изгоями, когда „при Олегѣ Гориславичѣ сѣялось и росло усобицами“, когда „погибала жизнь Дажьбожьяго внука, сокращался вѣкъ людской въ княжьихъ крамолахъ“, и современное ему состояніе земли. „И сказалъ братъ брату“,—говоритъ онъ о современныхъ князьяхъ: „это мое и то мое же“, и начали князья говорить про малое: „это великое“, а сами на себя ковать крамолу, а поганые со всѣхъ сторонъ приходятъ съ побѣдами на русскую землю“.

Но молодое общество было полно жизненныхъ силъ, и жизненные ростки обильно пробивались сквозь тернистые покровы междукняжескихъ отношеній и иныхъ политическихъ бѣдствій.

II.

Политическая жизнь южной Руси была разбита, какъ мы уже указывали, на нѣсколько самостоятельныхъ теченій: Чернигово-Сѣверское княжество жило независимо отъ Переяславскаго или Туровскаго, Кіевское отъ Волынскаго или Галицкаго. Тѣмъ не менѣе, жизненная стихія, пробѣгавшая по этимъ самостоятельнымъ русламъ, была однородна или почти однородна. Это не значитъ, конечно, что волынянинъ, напримѣръ, не представлялъ никакихъ отличій отъ черниговскаго сѣверянина: наоборотъ, такія отличія непремѣнно были, если не въ зависимости отъ различій первоначальнаго антропологическаго типа, то, по крайней мѣрѣ, въ зависимости отъ внѣшней среды, въ которой жило то или другое племя. Мы хотѣли сказать лишь, что соціальная структура этихъ, пока еще очень простыхъ, обществъ была совсѣмъ или почти однородна, въ связи съ однородностью элементовъ, которые, въ данную эпоху, руководили жизнью этихъ обществъ. Подразумѣваемъ князя и его дружину или боярство, церковь и духовенство. Этотъ подвижной слой, который могъ съ бо́льшимъ или меньшимъ удобствомъ передвигаться по всей территоріи, между Кіевомъ и Черниговомъ, Перемышлемъ и Переяславлемъ, давалъ однообразное направленіе русской жизни, хотя она и была разбита по уединеннымъ областнымъ единицамъ. Такимъ образомъ, выросло понятіе „русской земли“ *), какъ оно употребляется въ нашихъ лѣтописяхъ и древнихъ памятникахъ; такимъ образомъ, явилась возможность и намъ вести рѣчь о внутренней жизни южно-русской земли въ удѣльно-вѣчевой періодъ ея существованія.

Итакъ, древне-русское общество этой эпохи представляло собой два слоя:

*) Слово „русскій“ значило въ эпоху первыхъ князей то же, что полянскій, кіевскій. Позже, въ удѣльно-вѣчевую эпоху, оно значило южно-русскій, такъ что „русская земля“ значила, по терминологіи этого времени, южная Русь, напр.: Переяславль Русскій въ отличіе отъ Рязанскаго и Залѣсскаго; подъ 1200 г. лѣтописецъ отмѣчаетъ начало княженія князя Романа „самодержца бывша всей русской земли“ (конечно, южно-русской); въ суздальской лѣтописи: „пойде Гюрги съ Ростовцы и Суздальцы и со всѣми дѣтьми въ Русь“ и т. д.

верхній, руководящій и правящій, подвижной, и нижній, управляемый, прикрѣпленный къ землѣ своимъ промысломъ.

Но между этими слоями уже нѣтъ той противоположности, присутствіе которой чувствуется въ эпоху предыдущую. Жизненный процессъ сглаживалъ рѣзкость.

Уже не варяги или иные иноземцы составляютъ теперь этотъ верхній слой; ряды его пополняются, главнымъ образомъ, болѣе энергичными, предпріимчивыми, даровитыми элементами, выдѣляющимися изъ того же низшаго слоя. Надо думать, что и, съ другой стороны, дружинники, освоившись въ томъ или другомъ княжествѣ, тоже охотно прикрѣплялись къ землѣ, обзаводясь, какъ это дѣлали князья, „селами", т.-е. хозяйственными хуторами съ рабскимъ трудомъ: рабовъ легко можно было пріобрѣсть плѣномъ или покупкой. Такимъ образомъ, жизнь перебрасывала мостки отъ одного слоя къ другому, стремясь къ ихъ сближенію. Въ понятіяхъ времени не было препятствій къ такому сближенію: члены одного и другого слоя были одинаково свободные люди, слѣдовательно, одинаково правоспособны.

Наша „Русская Правда" такъ же, какъ варварскія законодательства другихъ европейскихъ народовъ, уясняетъ эту сторону своими постановленіями о вирѣ и головщинѣ. Вира и головщина—это плата за убійство князю и родственникамъ убитаго, устранявшая родовую месть; она примѣнялась только къ свободнымъ людямъ. Плата эта была различна: въ то время, какъ голова княжескаго мужа оцѣнивалась въ 80 гривенъ, голова людина лишь въ 40 гр. Но эта разница значила лишь, что власть выше цѣнила услуги одного лица, чѣмъ другого, и, больше теряя черезъ убійство, тяжелѣе карала убійцу: тѣмъ не менѣе, и княжъ-мужъ и людинъ все-таки были одинаково свободными, а, слѣдовательно, полноправными. Имъ противопоставлялся только холопъ, рабъ, въ которомъ „виры нѣтуть". Такимъ образомъ, если смотрѣть на элементы древнерусскаго общества не съ точки зрѣнія ихъ общественныхъ функцій, а ихъ общественной правоспособности, то они разбиваются лишь на двѣ группы: людей свободныхъ и рабовъ.

Политическая связь, посредствомъ которой кіевская Русь стягивала въ одно цѣлое южно-русскія племена, понемногу отбирала у старыхъ родовыхъ, кровныхъ союзовъ ихъ функціи; новыя понятія и учрежденія, внесенныя съ христіанствомъ и съ зачатками греко-римской культуры, враждебно сталкивались съ архаическими взглядами и формами быта. Но всѣ эти новыя вліянія гораздо сильнѣе отражались на верхнемъ слоѣ тогдашняго общества, чѣмъ на нижнемъ. Мы видѣли уже, какъ легко относились представители этого верхняго слоя, князья, къ исконному праву старшинства. Они то-и-дѣло твердили другъ другу: „ты въ Володимирѣ племени старѣй еси насъ, а думай-гадай о русской землѣ и о своей чести, и о нашей; а ты мене старѣй, а ты мя съ нимъ и суди; не буди мнѣ возняти руки на брата старѣйшаго; азъ сложю главу свою за тя" (за старшаго) и т. д. Но все это только говорилось, а на дѣлѣ и головы складывались лишь въ эгоистической погонѣ за лучшимъ столомъ, и руки то-и-дѣло поднимались на старѣйшихъ, почти никто не обращался къ суду старѣйшаго, никто не признавалъ за этимъ старѣйшимъ преимуществен-

наго права блюсти землю. Такъ же должны были разставаться съ архаическими правовыми понятіями и рядовые дружинники, когда разрывали, для службы князю, съ тѣми кровными союзами, къ которымъ принадлежали,—разрывали, такъ сказать, съ родною почвой. Если дружинниками были и не иноземцы, оставившіе гдѣ-то далеко свою родную правду, то и это мало мѣняло дѣло. Вмѣстѣ съ княземъ кочевали его дружинники изъ области въ область; да и осѣвши въ предѣлахъ одного княжества, дружинникъ отправлялъ на службѣ князя какія-нибудь обязанности, почти всегда связанныя съ передвиженіемъ. Не сидѣли на мѣстахъ князья, не сидѣли и ихъ слуги: первобытный механизмъ только-что складывающагося государства непремѣнно требовалъ личнаго и самаго дѣятельнаго участія правящаго класса. Сколько энергіи обнаруживали въ этомъ отношеніи князья, видно, между прочимъ, изъ поученія Мономаха; жизнь же дружинниковъ складывалась по типу жизни князя. Вотъ почему „Русская Правда“ своей важнѣйшей задачей, къ которой она многократно возвращается, и ставитъ именно задачу дать членамъ этого, такъ сказать, служилаго класса защиту и обезпеченіе со стороны государства въ замѣнъ отсутствующей или недостаточной защиты со стороны родичей. Цѣли этой „Русская Правда“ стремится достигнуть путемъ точнаго и подробнаго опредѣленія виръ и головщинъ лицамъ упомянутой категоріи.

Архаическій строй въ понятіяхъ и формахъ быта, конечно, цѣльнѣе сохранился въ томъ слоѣ древне-русскаго общества, который сидѣлъ на своей землѣ, прикрѣпленный къ ней земледѣліемъ или инымъ промысломъ, находящимся въ той же непосредственной зависимости отъ земли: скотоводствомъ, звѣроловствомъ, бортничествомъ, рыболовствомъ. Говоря объ этомъ классѣ ранѣе, мы употребили выраженіе „низшій“, но употребили лишь по аналогіи съ явленіями иного, позднѣйшаго, порядка. Въ разсматриваемую эпоху это былъ хотя и управляемый, но не низшій, въ собственномъ смыслѣ, т.-е. независимый классъ. Члены этого класса такъ же, какъ и члены класса дружиннаго, были, какъ уже сказано, свободные и полноправные мужи. Политическое значеніе этого класса, къ которому, по преимуществу, относится терминъ „люди“, опредѣляется тѣмъ значеніемъ, какое имѣло „вѣче“. Вѣче—народное собраніе, т.-е. собраніе людей, или мужей, данной земли. Собранія эти бывали, по преимуществу, въ городахъ, какъ центральныхъ пунктахъ земли. Каждый свободный человѣкъ, глава семьи, имѣлъ право—но не обязанность—принимать участіе въ вѣчѣ. Сбиралось оно не для текущихъ дѣлъ, а лишь въ обстоятельствахъ особенной, исключительной, важности. Въ ряду такихъ обстоятельствъ первое мѣсто принадлежитъ, конечно, призванію князя и договору съ нимъ объ условіяхъ, на какихъ онъ принималъ власть. Князья распредѣляли между собою волости по тѣмъ или инымъ основаніямъ, воевали за нихъ и мирились, приходя къ взаимнымъ соглашеніямъ,—и, тѣмъ не менѣе, они не могли ничего осуществить безъ согласія вѣча. Только черезъ вѣче осуществлялись всѣ эти княжескія соглашенія. „Единеніе“ съ землей или органомъ ея, вѣчемъ, сообщало положенію князя ту устойчивость, какую мы наблюдаемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ; рознь вела къ тому, что вѣче изгоняло князя и призывало другого.

Садясь на столъ, князь заключалъ съ вѣчемъ договоръ, „рядъ" или „докончанье". До насъ не дошло никакихъ договоровъ южно-русскихъ князей съ вѣчами. Лѣтописныя извѣстія лишь доводятъ до насъ, что въ томъ или другомъ случаѣ князь „цѣловалъ крестъ на всей ихъ волѣ", т.-е. принималъ всѣ предъявленныя ему условія, или, по ряду съ вѣчемъ, бралъ столъ „до живота", т.-е. пожизненно: иногда договоръ касался наслѣдованія стола—вѣче отдаетъ столъ князю „съ дѣтьми". Но послѣднее не значитъ, чтобы народная воля ограничивала себя установленіемъ наслѣдственной княжеской власти. Въ случаѣ неудовольствія на князя, вѣче всегда считало себя въ правѣ лишить и князя и его наслѣдниковъ стола и даже обнаруживало какъ бы отвращеніе къ тому, чтобы княжеская власть передавалась по наслѣдству: „не хощемъ быти аки въ задничи" (въ наслѣдствѣ), говоритъ кіевское вѣче, нарушая свой договоръ съ Всеволодомъ Ольговичемъ, которому оно обѣщало взять въ преемники брата Игоря. Но это не мѣшало извѣстнымъ землямъ имѣть тяготѣніе къ той или иной княжеской линіи и по преимуществу изъ нея выбирать себѣ князей. Кромѣ избранія князя и его утвержденія посредствомъ ряда, вѣча собирались еще по вопросамъ о войнѣ и мирѣ. Вѣча не только рѣшали быть или не быть войнѣ, но даже вмѣшивались въ тѣ или иныя распоряженія своихъ князей и заставляли ихъ поступать согласно своей волѣ. Могли сбираться вѣча и въ другихъ обстоятельствахъ большой важности, но такія обстоятельства были, повидимому, рѣдки. Такимъ образомъ, хоть вѣче и не было постояннымъ и правильно дѣйствующимъ учрежденіемъ, а лишь болѣе или менѣе случайнымъ проявленіемъ народной воли, но роль его въ политической жизни земли нельзя оцѣнивать ниже, чѣмъ роль княжеской власти. Если текущая жизнь направлялась княземъ и окружающей его дружиной, которая въ лицѣ „боярской думы" всегда участвовала въ правительственной дѣятельности князя, то направленіе, все-таки, опредѣлялось давленіемъ воли класса управляемаго, который всегда имѣлъ возможность путемъ вѣча дѣятельно проявить эту свою волю. Если управляемые не вмѣшивались постоянно въ управленіе, то не потому, что не чувствовали за собою права, а потому, что не считали этого нужнымъ, довѣривъ дѣло управленія князю съ его „думой".

Изъ сказаннаго выше видно, что низшій слой былъ, собственно, не низшимъ, а нижнимъ слоемъ. Главной общественной функціей его былъ производительный трудъ, извѣстная доля продуктовъ котораго шла по добровольному соглашенію, договору, съ княземъ на содержаніе верхняго, управляющаго класса. Въ понятіяхъ того времени физическій трудъ пользовался такимъ же признаніемъ, какъ и „трудъ" князя, выражающійся, главнымъ образомъ, въ его „хоробрьствѣ",—подъ однимъ непремѣннымъ условіемъ: лишь бы это былъ трудъ на себя, трудъ свободный. Въ тогдашнихъ названіяхъ для людей зависимаго, несвободнаго общественнаго положенія содержится понятіе о трудѣ принудительномъ, трудѣ на другого (рабъ, страдникъ). Этотъ свободный трудъ былъ непосредственно связанъ съ землей, и уже въ эту отдаленную эпоху земледѣліе занимало, повидимому, первенствующее мѣсто среди разныхъ видовъ производительнаго труда.

„Ловы“, т.-е. охота всякаго рода—и не только какъ развлеченіе, но и какъ промыселъ,—связываются памятниками письменнаго и словеснаго народнаго творчества (былинами) съ князьями и дружинниками, т.-е. верхнимъ слоемъ общества (охота необходима была, между прочимъ, для военныхъ запасовъ): земледѣліе—съ нижнимъ. Но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы земледѣліе не пользовалось признаніемъ и уваженіемъ, по крайней мѣрѣ, въ общественномъ мнѣніи самой этой земледѣльческой среды. До насъ дошла одна превосходная былина — несомнѣнно подлинная, несомнѣнно древнѣйшаго происхожденія— которая какъ бы задается цѣлью показать намъ, какъ людинъ-земледѣлецъ цѣнилъ себя и свой трудъ при сопоставленіи съ дружинникомъ: подразумѣваемъ былину о Микулѣ Селяниновичѣ.

Фигура молодого князя Вольги Святославича, который ѣдетъ съ своей „дружинушкой хороброю... къ городамъ за получкою“ (т.-е. по сбору дани), отодвигается на задній планъ передъ грандіозной фигурой ратая съ его солововой кобылкою, кленовой сошкой, шелковыми гужиками. Трудъ ратая, который „оретъ въ полѣ, понукиваетъ, съ края въ край бороздки пометываетъ, въ край онъ уѣдетъ—другого не видать, коренья каменья вывертываетъ, а великіе всѣ каменья въ борозду валитъ“—трудъ этотъ, очевидно, понимается былиной, какъ великій подвигъ, передъ которымъ совсѣмъ блѣднѣетъ эта дружинная „ѣзда за получкою“. И какимъ глубокимъ сознаніемъ важности своего дѣла звучатъ отвѣтныя слова ратая на привѣтъ, сдѣланный ему дружинникомъ: „мнѣ-ка надобна Божья помощь крестьянствовати“.

Тѣ родственные союзы, въ которыхъ жили эти земледѣльцы, едва ли превосходили своими размѣрами большую семью типа юго-славянской задруги*). Земледѣльческое хозяйство можетъ расширяться съ удобствомъ и выгодой для себя только до опредѣленныхъ предѣловъ: за этими предѣлами лишніе члены и лишній инвентарь становятся для него бременемъ, отъ котораго оно должно освободиться въ своихъ интересахъ. Лишніе члены отдѣляются и на новой землѣ, т.-е. на болѣе или менѣе значительномъ разстояніи, чтобы не было взаимной помѣхи, устраиваютъ новыя хозяйства. Такимъ образомъ, расходятся по землѣ и множатся новыя хозяйственныя клѣточки—благо государство не успѣло наложить ограниченій на дикую землю, пока еще свободную, какъ Божія стихія. Но надо сказать, что лѣтописи совсѣмъ отказываются намъ помочь въ уясненіи того, какъ складывалась жизнь этого фундамента древне-русскаго общества. Молчатъ лѣтописи, молчатъ и юридическіе памятники: конечно, потому, что жизнь эта, руководствуясь обычаемъ, не нуждалась въ ближайшихъ юридическихъ опредѣленіяхъ. „Русская Правда“, какъ уже сказано выше, главнымъ образомъ, если не исключительно, имѣетъ въ виду верхній слой общества, его интересы—личные, семейные, имущественные: всѣ эти многочисленныя постановленія о „челядѣхъ“, холопахъ, рабахъ и закупахъ (разные виды зависи-

---

*) Задруга—все равно, что большая великорусская семья, гдѣ родственники, т.-е. семьи братьевъ и дядей съ племянниками, живутъ въ хозяйственномъ общеніи, хотя иногда даже и не помѣщаются подъ одною кровлей.

мыхъ людей), о процентахъ, наслѣдствахъ, о поконахъ, урокахъ и накладахъ (разные виды судебныхъ взысканій),—все это представляло интересъ, очевидно, лишь для людей высшаго класса, если присоединить къ нему и тѣсно съ нимъ связанную группу людей торговыхъ. Кровныя связи здѣсь уже были, какъ сказано выше, по необходимости ослаблены. „Русская Правда“ сама свидѣтельствуетъ объ этомъ ослабленіи; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, она же доказываетъ, съ другой стороны, какъ широко было все-таки общество обхвачено стихіей архаическихъ чувствъ и понятій, даже и при расшатанности соотвѣтствующихъ бытовыхъ формъ. Древнѣйшая редакція „Русской Правды“ еще признаетъ кровную месть, ограничивая предѣлы ея. Дѣти Ярослава новою редакціею „Правды“ совсѣмъ не допускаютъ уже „убіенія за голову“; но „выкупъ кунами“, замѣнившій месть, есть обычай, также тѣсно связанный съ архаическимъ міровоззрѣніемъ. Предполагалось, что выкупъ, всегда болѣе или менѣе значительный, платитъ „головникъ“ (убійца) не лично, а съ помощью родичей, обязательное участіе которыхъ точно опредѣлялось закономъ или обычаемъ: по соотвѣтствующимъ правиламъ распредѣлялась между родичами убитаго и полученная плата. Такимъ образомъ, преступленіе и его послѣдствія ложились не только на личность преступника, а и на его ближнихъ. Такъ сильно еще было господство архаическихъ идей надъ умами людей древне-русскаго общества, такъ трудно было высвободиться изъ-подъ вліянія этихъ идей даже членамъ правящаго класса, которые могли бы, казалось, призвать себѣ на помощь право цивилизованныхъ народовъ, византійское, какъ они и призывали его въ иныхъ случаяхъ.

Судъ въ разсматриваемый періодъ уже вѣдалъ представитель политической власти, князь. Но чтобы представить ясно смыслъ этого утвержденія, надо помнить слѣдующее: преступленіе, съ точки зрѣнія „Русской Правды“ и, слѣдовательно, современнаго ей общества, было, съ одной стороны, матеріальнымъ ущербомъ, нанесеннымъ личности, съ другой—нарушеніемъ общественнаго мира, т.-е. тоже какъ бы своего рода ущербомъ, нанесеннымъ обществу и требующимъ своего матеріальнаго эквивалента въ видѣ платы князю. Власть не брала на себя даже розыска преступника; обиженный, какъ истецъ, долженъ былъ самъ вести „сводъ“, процедура котораго такъ подробно описана „Правдой“. Изъ лѣтописи и другихъ памятниковъ видно, что судилъ не только князь, но и княжескій тіунъ, причемъ народъ отдаетъ рѣшительное предпочтеніе личному суду князя. Тіунъ появляется на сцену, всегда облеченный въ народный гнѣвъ и ненависть: это княжескій слуга, вѣроятно, часто даже не вольный слуга, а рабъ, которому князь поручалъ вмѣсто себя судъ, какъ поручилъ бы всякое хозяйственное дѣло. Въ тѣ времена политическія понятія еще находились въ такомъ зачаточномъ состояніи, что князья не умѣли отличать государственныхъ дѣлъ отъ своихъ личныхъ или хозяйственныхъ: поэтому смѣшеніе однихъ съ другими, на нашъ современный взглядъ очень дикое, характеризуетъ собою все тогдашнее управленіе. Для суда существовали княжьи дворы, куда преступника отводили въ извѣстныхъ случаяхъ, какъ видно изъ „Русской Правды“; тамъ, вѣроятно, онъ давалъ очистительную присягу или подвергался испытанію

горячимъ желѣзомъ. Но какъ все-таки могъ судить князь, т.-е. гдѣ онъ могъ почерпнуть правду, удовлетворявшую народное чувство, и, главное, гдѣ могъ найти ее тіунъ, рабъ, слѣдовательно, часто совсѣмъ чужой человѣкъ? Всѣ эти затрудненія разрѣшаются тѣмъ простымъ соображеніемъ, что въ варварскихъ обществахъ, какъ въ западно-европейскихъ, такъ и славянскихъ, въ древности судить не значило отыскивать рѣшеніе: отыскивалась правда обыкновенно коллективно, общимъ умомъ извѣстнаго количества созванныхъ или собравшихся на тотъ случай мужей (судебнымъ вѣчемъ). Конечно, не иначе было и у насъ. Лишь въ тяжебныхъ дѣлахъ стороны могли, по добровольному согласію, обращаться къ князю, какъ, вѣроятно, и ко всякому достаточно авторитетному третьему. Такимъ образомъ, судебная роль князя заключалась, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы поддержать рѣшеніе, дать ему осуществленіе внѣшнею силою своего авторитета, а затѣмъ взыскать судебныя пошлины. Это, конечно, могъ сдѣлать и тіунъ; но тіуны, повидимому, допускали злоупотребленія при взиманіи пошлинъ. „Русская Правда“ совсѣмъ ничего не говоритъ о судѣ княжескомъ; но зато судебнымъ взысканіямъ и пошлинамъ посвящаетъ очень много мѣста. Кромѣ убійства и обусловливаемой имъ виры, всякое преступленіе, какое было зарегистровано „Русской Правдой“, имѣло свое выраженіе въ опредѣленной суммѣ „продажъ“, т.-е. взысканій въ пользу князя; а затѣмъ самый процессъ взысканій требовалъ ближайшихъ опредѣленій того, сколько надо вирнику, метельнику, отроку (княжескіе слуги, совершавшіе взысканіе) солоду, баранины, куръ, хлѣбовъ, гороху, соли, сколько овса ихъ лошадямъ и т. д. Упомянемъ еще о „ротныхъ урокахъ“, которые платили князю съ присяги, о „желѣзномъ“, которое получалъ князь, когда подозрѣваемый въ преступленіи подвергался пыткѣ. Видимо, что въ этихъ взысканіяхъ сосредоточивается весь интересъ княжескаго правосудія. Да и не мудрено: изъ лѣтописи извѣстно, какими важными рессурсами княжеской казны были эти виры и продажи. Повидимому, не только тіуны, но и сами князья не были свободны отъ подозрѣній въ злоупотребленіяхъ ими: „А тѣ древніе князья—говоритъ лѣтопись, очевидно противопоставляя мысленно этимъ древнимъ князьямъ князей современныхъ—не собирали много имѣнія и не возлагали на людей несправедливыхъ виръ и продажъ, а когда бывала правая вира, то брали ее и отдавали на оружіе дружинѣ“.

Изъ сказаннаго выше можно заключить, что судъ составлялъ важную статью доходовъ княжеской казны. Другимъ такимъ источникомъ была торговля.

Въ первой главѣ мы указывали на то, какъ внѣшняя торговля явилась въ извѣстномъ смыслѣ дѣятельнымъ факторомъ въ самомъ возникновеніи государства на русской территоріи. Съ развитіемъ политической организаціи, слѣдовательно, и безопасности, охраны, путей сообщенія—заботы о которыхъ, хотя и очень примитивныя, власть взяла на себя, какъ видно изъ постановленій „Русской Правды“ о мостахъ—внѣшняя торговля должна была сдѣлать большіе успѣхи. Но половцы оказывали сильное препятствіе развитію этой торговли въ томъ ея направленіи, которое было для русскаго юга наиболѣе важнымъ. Движеніе по великому пути „изъ Варягъ въ Греки“, затрудненное въ своихъ исходныхъ пунктахъ на устьѣ Днѣпра, теряло энергію на всемъ своемъ про-

тяженіи. Вслѣдствіе политическихъ измѣненій на Востокѣ, ослабѣла и восточная торговля: арабы совсѣмъ перестали къ намъ ѣздить, пало и Хозарское царство, подъ покровительствомъ котораго процвѣтала торговля на Волгѣ и Каспійскомъ морѣ. Но Кіевъ началъ замѣтно утрачивать свое старое торговое значеніе лишь къ концу удѣльнаго періода. Все-таки въ Кіевъ пріѣзжали гости,—уже не говоря о купцахъ съ русскаго сѣвера,—„иноземцы всякаго языка“, была жидовская улица, есть извѣстія о кіевскихъ купцахъ, торговавшихъ рабами и скотомъ съ половцами, мѣхами въ Крыму и Азіи. Кромѣ товаровъ греческихъ и восточныхъ, состоявшихъ изъ предметовъ роскоши, Кіевъ былъ для русскаго юга средоточіемъ такой насущной отрасли торговли, какъ торговля солью: она приходила въ Кіевъ съ двухъ сторонъ—моремъ изъ Крыма и каменная съ запада отъ Галича и Коломыи. Князья попрежнему считали своею обязанностью охранять внѣшнюю торговлю, которая теперь нуждалась въ охранѣ со стороны степи больше, чѣмъ когда-нибудь. Какъ широко понимали князья эти свои обязанности, а, можетъ-быть, и выгоды, извлекаемыя изъ исполненія этихъ обязанностей,—объ этомъ не разъ свидѣтельствуютъ лѣтописи. Въ извѣстное время года, когда южные купцы вступали въ русскую землю по тремъ исконнымъ путямъ—Греческому, Соляному и Залозному,—князья снаряжали военныя экспедиціи для ихъ конвоированія. Иногда эти экспедиціи принимали видъ настоящихъ военныхъ походовъ, къ которымъ привлекалась сила всѣхъ южно-русскихъ князей, включая и отдаленныхъ галицкихъ. Надо замѣтить, что купцы шли всегда большими караванами: одинъ такой караванъ, который везъ соль изъ Удеча, состоялъ больше чѣмъ изъ трехсотъ человѣкъ. Конечно, князья получали отъ этой охраны и прямыя выгоды въ видѣ платы деньгами или извѣстнымъ процентомъ товара; но, вѣроятно, еще значительно больше были тѣ выгоды, которыя извлекала ихъ казна изъ торговыхъ пошлинъ, изъ мыта, взимаемаго при провозѣ товаровъ черезъ мытныя заставы, на мостахъ, перевозахъ, при въѣздахъ въ города.

Внутренняя торговля, конечно, не страдала отъ тѣхъ препятствій, какія тормозили торговлю внѣшнюю, и она должна была развиваться въ параллель съ общими успѣхами гражданственности. Но, съ современной точки зрѣнія, она все-таки была въ разсматриваемую эпоху совсѣмъ незначительной: надо помнить, что тогда всякое хозяйство само производило почти все себѣ необходимое, очень мало нуждаясь въ обмѣнѣ. Тѣмъ не менѣе, въ городахъ были „торги“, торговыя площади,—въ Кіевѣ ихъ было восемь,—которыя, служа мѣстомъ торговыхъ сдѣлокъ, служили, вмѣстѣ съ тѣмъ, очевидно, цѣлямъ правосудія. На торгахъ присутствовали княжескіе слуги, мытники, которые получали отъ совершившихся сдѣлокъ „торговое“ въ пользу князя. Но этимъ не ограничивалось участіе власти въ торговлѣ. Торговый обмѣнъ требуетъ правильнаго вѣса и точно опредѣленныхъ мѣръ. Вѣсы и мѣры считались принадлежностью фиска, и за взвѣшиваніе на казенныхъ вѣсахъ и вымѣриваніе казенной мѣрой необходимо было платить въ пользу княжеской или церковной казны „вѣсчее“ и „помѣрное“. При продажѣ лошади мытникъ клалъ на нее „пятно“ (тавро), за что опять-таки взималась пятенная пошлина. Такимъ

образомъ, торговля, даже внутренняя, обставлена была огромными стѣсненіями, но зато торговая сдѣлка получала необходимую крѣпость. Чтобы понять, какъ трудно было сообщить въ то время требующуюся устойчивость торговому договору, надо принять во вниманіе, между прочимъ, и то, что обмѣнъ былъ затрудненъ слабымъ развитіемъ монетной системы. Правда, золото и серебро уже циркулировали на нашихъ торгахъ въ качествѣ орудій обмѣна, вытѣсняя болѣе древнее и гораздо менѣе удобное орудіе обмѣна—мѣха. Гривна серебра (по археологическимъ находкамъ 10—15 лотовъ вѣса) считалась для Кіева не вѣсовой лишь, а какъ бы и монетной единицей. Но кіевская гривна имѣла значеніе только для Кіевской земли, а другія земли могли имѣть и собственныя гривны иного вѣса; монетные клады обнаруживаютъ и еще какую-то мелкую серебряную монету, но нельзя установить ея точнаго отношенія къ гривнѣ, и кругъ ея обращенія былъ, повидимому, очень ограниченъ. Изъ всего этого ясно, какъ затрудненъ былъ торговый обмѣнъ собственными своими условіями.

Но торговыя и судебныя пошлины не могли поддержать даже и такое упрощенное государство, какимъ оно представляется въ удѣльный періодъ, хотя пошлины эти платили, повидимому, всѣ члены общества, кромѣ духовенства, состоявшаго, въ судебномъ отношеніи, въ исключительномъ вѣдѣніи церкви. Нижній, управляемый и, вмѣстѣ съ тѣмъ, производительный, трудовой слой долженъ былъ удѣлять извѣстную часть своихъ добытковъ на содержаніе верхняго слоя, взявшаго на себя управленіе и защиту земли. Если въ предыдущій періодъ эти отношенія носили слѣды насильственности, то теперь эти слѣды исчезаютъ. Уже не „дани“ связываютъ верхній слой общества съ нижнимъ, а подати и повинности, налагаемыя, повидимому, по договорному соглашенію князя съ вѣчемъ.

Что, сколько и какъ удѣлялъ низшій слой древне-русскаго общества изъ своего добытка на содержаніе высшаго—наши свѣдѣнія объ этомъ такъ отрывочны и ничтожны, что не даютъ намъ права дѣлать никакихъ общихъ и твердыхъ заключеній. Подать сбиралась съ „дыма“, „рала“ и „мужа“,—всѣ термины одинаково обозначали хозяйство, такъ какъ подъ „мужемъ“, по мнѣнію ученыхъ, никакъ нельзя подразумѣвать каждую мужскую голову, а лишь главу хозяйственной единицы. Но есть указанія и на то, что единицей обложенія бывало не хозяйство, а округъ, „сто“—терминъ, подъ которымъ опять-таки нѣтъ основанія подразумѣвать точную ариѳметическую сотню. Такъ, князь Мстиславъ обложилъ Берестьянъ слѣдующей податью: со ста 2 лукна (кадочки) меду, 15 десятковъ льну, 100 хлѣбовъ, 5 цебровъ овса и ржи и 20 куръ. Изъ этого примѣра видно также, что подати брались произведеніями хозяйства, что подтверждается и иными свидѣтельствами. Хлѣбъ, медъ, скотъ—вотъ обыкновенные продукты, которыми дѣлился низшій классъ съ высшимъ; но есть указанія на то, что платежи иногда переводились на деньги. Какими способами шло взысканіе? Если податью обкладывалось „сто“, т.-е. цѣлый округъ, то онъ, этотъ округъ, надо полагать, самъ производилъ раскладку, самъ производилъ и взысканіе; оставалось лишь доставить собранное на ближайшій княжескій дворъ—„станъ“—или прямо въ княжескую казну. Но и

старый способъ объѣзда земли для сбора денегъ, если не княземъ лично, то его мужами, повидимому, еще не вышелъ изъ употребленія; въ одномъ случаѣ лѣтопись сообщаетъ, что князья галицко-волынскіе даютъ князю черниговскому, чтобы вознаградить его за потерю Кіева, много пшеницы, меду, рогатаго скота и овецъ и разрѣшаютъ „ходить“ по ихъ землѣ, очевидно, для того, чтобы собирать путемъ хожденія этотъ даръ. О повинностяхъ можно сказать еще меньше, чѣмъ о податяхъ: былъ „повозъ“, т.-е. подводная повинность; вѣроятно, населеніе участвовало въ укрѣпленіи городовъ и устройствѣ путей сообщенія.

Все добро, которое стекалось, такимъ образомъ, въ княжескую казну, распредѣлялось тѣмъ или инымъ способомъ между княжескими мужами и слугами. Настоящій, добрый, князь, по понятіямъ того времени, долженъ былъ быть щедрымъ, ничего не копить для себя. Но члены дружиннаго класса получали свои доходы не только отъ княжеской казны, а частью и непосредственно отъ самого народа. Выше было указано на то, что вирникъ, метельникъ—княжескіе слуги, взыскивавшіе судебныя пошлины, получали точно опредѣленный закономъ кормъ: такъ было и въ другихъ случаяхъ. Всякій княжескій мужъ или слуга, отправлявшій какое-нибудь княжее дѣло, относилось ли оно до суда, управленія, благоустройства (городникъ, мостникъ), будь то постоянная должность или временное порученіе, всегда, вмѣстѣ съ тѣмъ, кормился на счетъ народа.

Есть указанія и на то, что дружина получала отъ князя денежное жалованье. Лѣтописецъ XIII вѣка, упрекая современныхъ ему дружинниковъ въ корыстолюбіи, противопоставляетъ имъ старую дружину, якобы совсѣмъ свободную отъ этого порока. „Дружина та кормилась—говоритъ лѣтописецъ—воюя иныя страны и сражаясь подъ кличемъ: „братія, потягнемъ по своемъ князѣ и по Русской землѣ“. А не требовали (дружинники): „мало мнѣ, князь, 200 гривенъ“; не возлагали на своихъ женъ золотыхъ обручей, но ходили ихъ жены въ серебрѣ“. Очевидно, что въ теченіе двухъ вѣковъ удѣльнаго періода произошли значительныя измѣненія внутри дружинной группы. Упреки лѣтописца звучатъ явной несправедливостью. Какъ могли дружинники кормиться, воюя съ иными странами, когда этихъ войнъ почти не было? При постоянныхъ междоусобныхъ войнахъ князей княжескимъ дружинамъ не приходилось смотрѣть на волости враждующихъ князей какъ на непріятельскія страны: это значило бы подрывать корни у дуба. А въ постоянныхъ столкновеніяхъ съ половцами въ пору было лишь стеречь свое, безъ надежды на наживу. Дружинному классу неоткуда было кормиться, какъ отъ низшаго, производительнаго класса общества, народа, по современному выраженію, и отъ князя, какъ призваннаго и естественнаго посредника между собою и этимъ народомъ. Къ тому же развивающаяся политическая организація требовала участія въ своихъ отправленіяхъ все бо́льшаго и бо́льшаго количества лицъ, и, такимъ образомъ, военная дѣятельность дружиннаго сословія подмѣнялась мирной, гражданской. Но на комъ же въ такомъ случаѣ лежала защита земли?

Прежде всего все-таки на тѣхъ же дружинахъ. Войны между князьями велись почти исключительно при посредствѣ ихъ дружинъ, причемъ князья

иногда кликали кличъ на охотниковъ изъ народа. Но несомнѣнно, что въ нѣкоторыхъ войнахъ общаго интереса и значенія принималъ участіе и самъ народъ, какъ бы въ видѣ земскаго ополченія. Нѣкоторые ученые утверждаютъ, что всюду, гдѣ въ лѣтописи стоитъ терминъ „вои", надо подразумѣвать именно это земское ополченіе; другіе отрицаютъ это мнѣніе. Что весь народъ въ извѣстныхъ экстренныхъ случаяхъ поднимается для защиты страны — это естественно и не нуждается въ особыхъ поясненіяхъ: разъ по землѣ разсѣялись, напримѣръ, половцы, всѣ защищаются, какъ могутъ и умѣютъ. Но слишкомъ ясно, что всѣ „старъ и младъ", или „всѣ и съ дѣтьми", по выраженію лѣтописи, въ условіяхъ осѣдлой, земледѣльческой жизни, могутъ участвовать въ войнѣ лишь въ совсѣмъ исключительныхъ обстоятельствахъ. Но какъ было въ обыденныхъ условіяхъ текущей жизни, принимала ли земля участія въ защитѣ въ этихъ условіяхъ, объ этомъ исторія ничего не знаетъ.

Та по необходимости грубая схема общественной жизни удѣльнаго періода, какую мы представили, будетъ не полна, если мы не введемъ въ нее христіанства: дополняя, съ одной стороны, общественный строй своими учрежденіями, оно, съ другой, путемъ постояннаго вліянія на личность, стремилось видоизмѣнить и самую жизнь, сообщая ей иныя стремленія и ставя новые идеалы.

Язычество у нашихъ предковъ, какъ ни узко и скудно было оно по содержанію, но оно было сильно своей цѣльностью: нравственные и правовые взгляды непосредственно вытекали изъ религіозныхъ; формы быта находились въ полной гармоніи со взглядами. Христіанство разрушило эту цѣльность. Въ неразрывной связи съ религіей, оно предлагало людямъ новую систему нравственныхъ взглядовъ, расходящуюся со старой системой въ самихъ своихъ основаніяхъ. „Прощай обиды, люби своихъ враговъ, отрекись ради полноты Христовой любви отъ отца и матери"—все это было не только не совмѣстимо съ языческой моралью, но совершенно отрицало ее. Новый христіанинъ подъ авторитетнымъ руководствомъ церкви кое-какъ осваивался съ этими неожиданными и странными истинами, къ которымъ онъ не могъ, однако, не чувствовать инстинктивнаго влеченія и уваженія. Но жизнь шла своимъ порядкомъ, слѣдуя импульсамъ, сообщеннымъ ей предыдущими фазами ея развитія. Описывая выше строй древне-русскаго общества, мы указывали на то, какъ рѣзко еще былъ онъ отмѣченъ старымъ родовымъ и языческимъ характеромъ. Значитъ ли это, что христіанство ничѣмъ не отражалось на жизни общества? Нѣтъ, не значитъ; напротивъ, вліяніе христіанства на общественную жизнь начинаетъ сказываться очень рано и въ разнообразныхъ направленіяхъ; только вліяніе это должно было накопляться вѣками, чтобы дать замѣтные результаты, тѣмъ болѣе, что церковь, какъ проводникъ этихъ вліяній, въ лицѣ своихъ представителей сама отражала непроизвольно духъ окружающей жизни и во многомъ подчинялась господствующему теченію вмѣсто того, чтобы руководить имъ.

Рабство есть та общественная сторона древне-русской жизни, на которой вліяніе христіанства отразилось наиболѣе сильно и замѣтно.

Рабы были необходимою принадлежностью того хищнаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, торговаго общества, какимъ была первоначальная Кіевская Русь. Набѣги

на сосѣднія страны, которыми жила Русь первыхъ князей, обильно снабжали русскую землю рабами: по свидѣтельству и иностранныхъ писателей и собственной нашей лѣтописи, „челядь“ была однимъ изъ главныхъ предметовъ русской торговли. Да и самый общественный строй, гдѣ верхній слой существовалъ не производительнымъ трудомъ, составлявшимъ удѣлъ слоя нижняго, предполагалъ существованіе рабовъ: они были необходимы если не для производства предметовъ потребленія, то для личныхъ услугъ. Но что рабы-„челядь“ участвовали и въ производствѣ, на это есть прямыя указанія: хозяйство богатыхъ княжескихъ „селъ“ (т.-е. хозяйственныхъ хуторовъ или экономій), а также, надо думать, и боярскихъ, велось рабскимъ трудомъ. Въ какомъ числовомъ отношеніи стояло рабское населеніе къ свободному, объ этомъ мы не имѣемъ возможности дѣлать никакихъ предположеній: можно сказать лишь, что оно, это отношеніе, вѣроятно, не было ничтожнымъ. Предки наши не отличались жестокостью къ рабамъ: объ этомъ опредѣленно говорятъ чужеземные свидѣтели. Но они все-таки смотрѣли на рабовъ такъ же, какъ смотрѣла на нихъ вся языческая древность. Рабъ есть собственность господина, объектъ, а не субъектъ права, т.-е. вещь, а не лицо. „Русская Правда“—которая много говоритъ о рабахъ, въ связи съ тѣмъ значеніемъ, какое они имѣли для верхняго слоя тогдашняго общества, еще стоитъ на этой древней точкѣ зрѣнія на раба, хотя она кое въ чемъ и обнаруживаетъ стремленіе съ нея сдвинуться: напримѣръ, рабъ уже вызывается къ суду, убійство раба, хотя бы и за вину, не предоставляется произволу обиженнаго. Конечно, эти уступки въ пользу рабовъ дѣлались подъ вліяніемъ церкви. Но церковь шла въ своихъ требованіяхъ гораздо дальше. Въ проповѣдяхъ и поученіяхъ духовенства, отрывки которыхъ дошли до насъ, она постоянно напоминала, что рабъ есть такой же человѣкъ, какъ и господинъ, совершенно равноцѣнный передъ лицомъ Божьимъ, что бракъ раба есть такой же священный и нерасторжимый союзъ, создающій законную семью, находящуюся подъ покровительствомъ церкви, что „ярость на рабы“ влечетъ за собою такую же тяжелую загробную отвѣтственность, какъ и ярость на всякаго иного человѣка, что „томяй челядь свою гладомъ и ранами“ есть то же, что невѣрный, еретикъ и разбойникъ. Все это, часто повторяемое въ тѣхъ или иныхъ формахъ, должно было преобразовать понятія людей объ этомъ предметѣ. И въ самомъ дѣлѣ рабство какъ-то стушевывается, растворяясь въ иныхъ формахъ зависимости, лишенныхъ специфическихъ чертъ зависимости рабской.

Если мы хотимъ прослѣдить, въ чемъ еще отражалось непосредственное вліяніе церкви на общественный строй и учрежденія, то должны обратиться отъ тѣхъ общественныхъ низинъ, какія представляло собою рабство, къ высотамъ, гдѣ помѣщалась княжеская власть. Въ первомъ очеркѣ мы уже указали на тѣсную связь, въ какой стояло у насъ введеніе христіанства съ утвержденіемъ государственности: авторитетъ княжеской власти находилъ себѣ опору въ церкви. Но и помимо этого, представитель церкви всегда считалъ себя призваннымъ и обязаннымъ вмѣшиваться въ политическія отношенія. Мы знаемъ господствующій характеръ этихъ отношеній для удѣльнаго періода: это

были безконечныя распри князей между собою изъ-за Кіевскаго стола и изъ-за лучшихъ волостей. „Миръ стоитъ до рати, а рать до мира“,—говорили князья, и съ той же полной готовностью и свободой начинали войну, какъ и прекращали ее. Постоянное вмѣшательство духовныхъ властей въ политику оказывало здѣсь благодѣтельное вліяніе. „Мы есмы приставлены въ русской землѣ востягивати васъ отъ кровопролитія“,—такъ обращались митрополиты и епископы къ князьямъ и дѣйствовали сообразно духу этихъ словъ. Князья часто пренебрегали увѣщаніями своихъ духовныхъ отцовъ, но никогда не отвергали въ принципѣ ихъ права обращаться къ нимъ съ увѣщаніями. Но дѣло не ограничивалось увѣщаніями: духовенство принимало въ политикѣ и болѣе активное участіе. Дѣло въ томъ, что всѣ междукняжескія отношенія были по существу отношеніями договорными. Такъ какъ правовая практика того времени не выработала въ примѣненіи къ данному случаю, да и не могла выработать иныхъ способовъ укрѣпленія договоровъ, кромѣ обращенія къ Богу въ видѣ клятвъ или крестнаго цѣлованія, то духовенство, участвуя необходимо въ этихъ клятвахъ, присягахъ и цѣлованіяхъ, тѣмъ самымъ принимало на себя обязанности какъ бы охранителей этихъ договоровъ и судей надъ ихъ нарушителями: отлученіе отъ церкви клятвопреступника было въ ихъ рукахъ могущественнымъ орудіемъ кары. Отсюда не слѣдуетъ, что духовенство всегда примѣняло это свое право: нерѣдко оно обходило клятвопреступленіе молчаніемъ и, наоборотъ, даже разрѣшало преступающаго отъ его клятвы, принимая, такъ сказать, на себя отвѣтственность передъ Богомъ. Но дѣлало это всегда лишь въ интересахъ мира. Миръ и братская любовь были въ его глазахъ той высшей правдой, которую оно неустанно проповѣдывало князьямъ. И случалось—не часто, но случалось,—что слово духовнаго отца задерживало, такъ сказать, стрѣлу, пущенную изъ лука, предупреждало кровопролитіе тогда, когда, казалось, уже нельзя было его предотвратить. Но духовенство не ограничивалось тѣмъ, что вмѣшивалось въ междукняжескія отношенія, оно вмѣшивалось и въ отношенія между властью и управляемыми. Неуклюжій механизмъ тогдашняго государственнаго строя вызывалъ такія коллизіи между личностью и властью, которыя обусловливали для личности тяжелыя, иногда роковыя послѣдствія: „гдѣ законъ, тамъ и обиды много“, по наивному выраженію того времени. Духовенство съ своимъ ясно сознаваемымъ имъ правомъ заступничества—„печалованія“—за обиженнаго и, вообще, несчастнаго, стояло на-готовѣ, чтобы путемъ обращенія къ высшей власти и ея милосердію исправлять причиненное зло. Сознательно или безсознательно, но духовенство избрало, такимъ образомъ, вѣрнѣйшій путь, чтобы закрѣпить связь довѣрія между церковью и отдѣльною личностью, съ которой одной, собственно, оно и должно бы было имѣть дѣло.

Сколько можно судить, церковь въ эту эпоху оказывала большое вліяніе на личность. Это не значитъ, конечно, чтобы она успѣла перевоспитать эту личность въ своемъ духѣ: перевоспитаніе совершается вѣками и вліяніемъ совокупности условій, между которыми большую роль играютъ формы общественной жизни. Но то несомнѣнное обаяніе, которымъ увлекала христіанская религія воспріимчивую душу тогдашняго человѣка, ни въ чемъ не выражается

такъ сильно, какъ въ исторіи нашихъ монастырей, въ особенности Кіево-Печерскаго.

„Соединилъ Богъ такихъ черноризцевъ въ обители (Кіево-Печерской), которые сіяли въ Русской землѣ какъ звѣзды: одни изъ нихъ были постники, другіе славились бодрствованіемъ, иные молитвой, тѣ принимали пищу черезъ день или два дня, другіе ѣли хлѣбъ съ водою, иные варенья, а другіе и сырыя овощи. Всѣ пребывали въ любви; меньшіе покорялись старшимъ; старшіе имѣли любовь къ меньшимъ, наставляли ихъ и утѣшали какъ возлюбленныхъ дѣтей. Если который братъ впадалъ въ какое-нибудь прегрѣшеніе, утѣшали его и раздѣляли, трое или четверо, его эпитемію, великой любви ради; такова была любовь въ той святой братіи, воздержаніе и смиреніе. И если какой-нибудь братъ выходилъ изъ монастыря, вся братія печалилась объ этомъ, посылала за нимъ и призывала его въ монастырь; и шли къ игумену всѣ просить за брата и молили игумена и принимали брата въ монастырь съ радостію“. Что эти слова „Патерика“ не риторическія украшенія, которыми такъ богаты произведенія этого рода, а передача, по мѣрѣ разумѣнія, дѣйствительнаго типа жизни монастыря, по крайней мѣрѣ, въ первый періодъ его существованія, объ этомъ мы знаемъ и изъ другихъ источниковъ. Община героевъ-подвижниковъ, заживо похоронившая себя въ Кіевскихъ горахъ, умѣла соединить аскетизмъ съ подвигами дѣятельнаго человѣколюбія, возбуждавшими одновременно благоговѣйное уваженіе и преданную любовь къ монастырю со стороны народной массы. Надо полагать, что тотъ духъ, который вознесъ Кіево-Печерское монастырское братство на такую исключительную высоту, обязанъ своимъ возникновеніемъ основателямъ монастыря, преподобному Антонію и, въ особенности, Θеодосію. Это была высоко одаренная нравственная личность, и она умѣла отпечатлѣть на монастырскомъ общежитіи нѣкоторыя черты своей возвышенной индивидуальной психологіи. Замѣчательнѣйшею изъ этихъ чертъ было уваженіе къ труду. Будучи игуменомъ, Θеодосій самъ неустанно работалъ, не пренебрегая самою черною и трудною работою, и требовалъ того же и отъ братіи: всѣ должны были все время, свободное отъ молитвъ и обязательныхъ хозяйственныхъ работъ, посвящать ручному труду, произведенія котораго шли въ продажу, а на вырученныя деньги покупался хлѣбъ, который сами монахи должны были молоть на ручныхъ жерновахъ. Умѣлые изъ монаховъ занимались перепиской и переплетомъ книгъ,—трудъ, который особенно высоко цѣнилъ преподобный Θеодосій, взявшій на себя лично приготовленіе прядива для переплета. Такимъ образомъ, преподобные устроители Кіево-Печерскаго монастыря сразу поставили свое общежитіе такъ, что оно сдѣлалось идеальнымъ представителемъ тѣхъ монастырей, которые „не отъ царь и отъ бояръ и отъ богатства“, а „поставлены слезами, пощеніемъ, молитвою, бдѣніемъ“, по выраженію лѣтописи. Иноки монастырей этой второй категоріи, такимъ образомъ, не переходили, вслѣдъ за остальнымъ духовенствомъ, въ ряды людей высшаго привилегированнаго слоя, не разрывали своихъ связей съ народной массой и тѣмъ привлекали къ себѣ ея горячія симпатіи. Преподобный Θеодосій не вмѣшивался въ политику, но

когда князья обращались къ нему, никогда не останавливался передъ тѣмъ, чтобы высказать имъ въ глаза правду, какъ бы она ни была имъ непріятна. То уваженіе, которымъ окружали его князья и бояре, онъ обращалъ на пользу всѣхъ слабыхъ и обиженныхъ, для которыхъ онъ былъ постояннымъ надежнымъ заступникомъ. Высокій тонъ, данный Ѳеодосіемъ жизни Кіево-Печерскаго монашества, долго держался и послѣ его смерти, поддерживаемый живымъ преданіемъ. Какимъ благоговѣйнымъ уваженіемъ пользовался Кіево-Печерскій монастырь, свидѣтельствуетъ дошедшее до насъ отъ начала XIII вѣка посланіе епископа Ростовскаго Симона къ монаху Поликарпу: онъ пишетъ, что всю свою епископскую славу и власть почелъ бы ни за что, чтобы хотя только палкой торчать за воротами или соромъ валяться въ Печерскомъ монастырѣ. что „Печерскій монастырь есть море, которое не держитъ въ себѣ гнилаго, но выбрасываетъ вонъ“. Изъ этого же посланія мы узнаемъ слѣдующій интересный фактъ: что около пятидесяти епископовъ въ Русской землѣ вышло изъ монаховъ Кіево-Печерскаго монастыря. Слѣдовательно, монастырь этотъ доставлялъ значительный процентъ всего высшаго русскаго духовенства, которое разносило, такимъ образомъ, принципъ монастырскаго пониманія христіанской религіи и жизни по всему лицу земли не только южно-, но и сѣверно-русской.

Въ первой главѣ мы сказали о введеніи христіанства, но не дали никакого понятія о церковномъ устройствѣ, водворившемся у насъ. Византія не дала намъ автокефаліи (самоуправленія), и русская церковь стала въ подчиненіе къ церкви греческой, въ лицѣ константинопольскаго патріарха; русская церковь составляла митрополію константинопольскаго патріархата. Патріархъ назначалъ митрополита, который посвящалъ епископовъ, въ чемъ единственно и выражалось это подчиненіе; во всемъ остальномъ, исключая, конечно, вопросовъ права каноническаго, русская церковь все-таки пользовалась полной автономіей. Церковная организація объединяла русскую землю гораздо крѣпче, чѣмъ объединяла ее организація политическая, которая сводилась, въ концѣ концовъ, лишь къ единству княжескаго рода. Митрополитъ жилъ въ Кіевѣ и назначался патріархомъ изъ грековъ: впрочемъ, въ теченіе удѣльнаго періода два раза были митрополитами русскіе, избранные соборомъ русскихъ епископовъ. Были ли это попытки князей къ автокефальной церкви, или случайный результатъ какихъ-нибудь политическихъ недоразумѣній и ѳсложненій,— вопросъ темный. Первые епископы также были изъ грековъ или болгаръ, но уже съ первой половины XI вѣка на епископскихъ каѳедрахъ появляются русскіе. Назначеніе епископовъ и у насъ въ Южной Руси, повидимому, не было дѣломъ лишь одного митрополита, но въ немъ принимали дѣятельное участіе и князья. Южная Русь, по сравненію съ сѣверной, была раздѣлена на бо́льшее число епархій, и раздѣленіе на епархіи стояло въ извѣстной зависимости отъ раздѣленія на удѣлы, но не совпадало съ нимъ. На территоріи княжества Кіевскаго, кромѣ митрополіи, были еще епархіи Бѣлгородская, Юрьевская; въ княжествѣ Галицкомъ—Галицкая, Перемышльская, Угровская, затѣмъ слѣдуютъ епархіи въ соотвѣтствіи съ удѣлами: Черниговская, Переяславская, Туровская, Владиміро-Волынская, Тмутараканская. Содержаніе свое

высшее духовенство получало отъ княжеской власти, прежде всего въ видѣ десятины, но эта десятина не была такимъ прочно организованнымъ учрежденіемъ, какъ десятина католической церкви въ Западной Европѣ; затѣмъ оно получало судебныя пошлины отъ значительнаго количества судебныхъ дѣлъ, предоставленныхъ вѣдѣнію церковнаго суда. Недвижимыхъ имуществъ, доходами съ которыхъ пользовались бы епископы, въ эту эпоху еще почти не было; такимъ образомъ, помимо судебныхъ пошлинъ и десятины доходъ епископовъ сводился къ доходамъ съ паствъ и приходскаго духовенства. Низшее приходское духовенство, собственно священники, составляли въ это время относительно очень многочисленный классъ общества, если судить по количеству церквей. Къ церковному благолѣпію требованія въ тѣ времена представлялись незначительныя, и были въ обычаѣ домовыя церкви; отсюда становятся понятными такіе факты, записанные лѣтописью, что, напримѣръ, въ такой-то пожаръ въ Кіевѣ сгорѣло шестьсотъ церквей, а въ такой-то—около семисотъ. Разумѣется, тогдашній Кіевъ не могъ считать сотнями сколько-нибудь благоустроенные храмы. Вѣроятно, всѣ тогдашніе люди со средствами устраивали свои церкви и обзаводились своими священниками: но требованія отъ этихъ священниковъ, были, конечно, такъ же малы, какъ и отъ самыхъ церквей. Отсюда выходили такія несообразности, которыя обратили на себя вниманіе даже и отдаленнаго патріарха константинопольскаго и вызвали его вмѣшательство: богатые люди ставили иногда въ священники своихъ рабовъ, не освобождая ихъ изъ рабства. Все это заставляетъ предполагать, что общій уровень этой священнической массы былъ для разсматриваемой эпохи очень низокъ какъ со стороны интеллектуальной подготовки къ пастырскому служенію, такъ и со стороны общественнаго значенія. Содержаніе свое низшее духовенство получало сначала, повидимому, также изъ княжескихъ доходовъ, затѣмъ, когда христіанская религія окончательно утвердилась,—отъ паствы и строителей церкви.

О монастыряхъ мы уже говорили выше. Здѣсь мы должны ограничить вышесказанное слѣдующимъ соображеніемъ. Кіево-Печерскій монастырь занимаетъ исключительное положеніе не только по своей духовной высотѣ и обусловливаемому ею нравственному вліянію: онъ въ то же время едва ли не единственный изъ извѣстныхъ намъ монастырей удѣльной эпохи, устроенный самими монахами. Всѣ остальные южно-русскіе монастыри, происхожденіе которыхъ намъ извѣстно, суть монастыри, устроенные князьями въ честь своихъ патроновъ и съ цѣлью имѣть для своего рода мѣсто вѣчнаго успокоенія, освящаемое постоянной молитвой. Поэтому мы совсѣмъ не видимъ того, что на сѣверно-русскомъ нарѣчіи называется „пустыня“: монастырь, устроенный гдѣ-нибудь далеко отъ населенныхъ мѣстъ, въ лѣсномъ уединеніи. Всѣ монастыри Южной Руси построены или въ городахъ или вблизи ихъ.

Таковы были внѣшнія формы церковнаго устройства; каковъ былъ религіозный духъ, воплощавшійся въ нихъ, объ этомъ трудно сказать что-нибудь положительное по недостатку и противорѣчію свидѣтельствъ.

Съ одной стороны, въ лицѣ первоначальнаго Печерскаго монастыря мы имѣемъ такое грандіозное доказательство великаго вліянія, какое обнаружи-

вало христіанство на отдѣльныя личности древне-русской среды; съ другой, многое доказываетъ, что масса народная все-таки еще, подъ наружнымъ обрядовымъ христіанствомъ, таила живое язычество. Но это противорѣчіе не такого характера, чтобы оно заставляло заподозривать истину самихъ свидѣтельствъ: такъ противорѣчива всегда жизнь. Противорѣчія идутъ далѣе. Дошедшіе до насъ памятники духовной литературы свидѣтельствуютъ о крайней нетерпимости по отношенію къ иновѣрцамъ вообще, латынянамъ въ частности. А между тѣмъ многіе факты говорятъ о томъ, что такой нетерпимости на самомъ дѣлѣ вовсе не было. Южная Русь была въ постоянныхъ тѣсныхъ политическихъ сношеніяхъ съ Венгріей и Польшей. Князья, а надо думать и бояре, по крайней мѣрѣ, волынскіе и галицкіе, отдавали своихъ дочерей замужъ за латынянъ и сами женились на латынянкахъ; въ Кіевѣ постоянно жили не только нѣмцы разныхъ народностей, но и евреи и армяне, и мы не имѣемъ свѣдѣній ни о какихъ религіозныхъ столкновеніяхъ. Если останавливаться на противорѣчіяхъ историческихъ фактовъ, то вспомнимъ еще хотя бы то, съ какимъ усердіемъ, чуть ли не доходящимъ до самоотверженія, князья заботились о всякомъ благолѣпіи устраиваемыхъ ими храмовъ, съ одной стороны, и какъ они же безцеремонно, во время враждебныхъ между собою столкновеній, обдирали наравнѣ съ дикими половцами—и даже жгли—храмы, строителями которыхъ были ихъ враги. Очевидно, сама жизнь заключала въ себѣ такія противорѣчія, а, можетъ-быть, и просто особенности, ключъ къ уразумѣнію которыхъ надо искать въ міросозерцаніи людей этой отдаленной эпохи. Если факты не могутъ намъ помочь въ рѣшеніи вопроса, насколько предки наши этой эпохи освоились съ христіанствомъ, то можно подойти къ этому вопросу съ иной стороны.

Христіанство не есть только вопросъ чувства, но и знанія. Знаніе предполагаетъ собою прежде всего грамотность, а затѣмъ и извѣстную книжную дисциплину. Но положеніе грамотности, уже не говоря о какомъ-нибудь просвѣщеніи, основывающемся на усвоеніи книжной премудрости, находилось въ удѣльную эпоху, повидимому, въ очень мало развитомъ состояніи. Школъ, сколько можно судить, вовсе не было. Въ городахъ бывали люди, владѣвшіе искусствомъ грамотности, которые брали на себя выучку, и ими исчерпывались, повидимому, всѣ мѣстные просвѣтительные рессурсы. Правда, мы очень рано встрѣчаемся съ такими личностями, какъ первый русскій епископъ Иларіонъ или епископъ Туровскій Кириллъ, произведенія которыхъ, дошедшія до насъ, обнаруживаютъ значительное вліяніе греческой образованности, греческаго богословія и риторической науки; встрѣчаются и между князьями люди съ книжнымъ образованіемъ, какъ Владиміръ Мономахъ. Но народная масса, присоединяя даже и верхній слой, была сплошь лишена, за рѣдкимъ исключеніемъ, даже грамотности; можно предполагать, что и священники далеко не вполнѣ владѣли этимъ искусствомъ, обучаясь техникѣ своего дѣла со словъ учителей. Правда, стараніями князей, епископовъ и просвѣщенныхъ монаховъ, особенно кіево-печерскихъ, наша письменность въ этотъ періодъ была не скудна, не только переводная, но и оригинальная. Распространенію

письменности, конечно, очень содѣйствовало то обстоятельство, что мы заимствовали не только готовую грамотность, но и готовые болгарскіе переводы книгъ, важнѣйшихъ и необходимѣйшихъ для усвоенія христіанской религіи, и сами пополняли недостающее,—выше мы говорили о дѣятельности Ярослава въ этомъ отношеніи. Книги были духовныя, нравоучительныя, историческія, путешествія къ святымъ мѣстамъ, но онѣ находились въ рукахъ князей и богатыхъ людей или монастырей и по своей рѣдкости и дороговизнѣ были совершенно недоступны простымъ людямъ. Произведенія оригинальныя русской письменности свидѣтельствуютъ о воспріимчивости и даровитости древне-русскаго человѣка: проповѣди Илларіона, напримѣръ, или „Слово о полку Игоревѣ“ нельзя не признать за произведенія высокаго литературнаго достоинства. Открытыя въ послѣдніе годы фрески и мозаики древнихъ кіевскихъ церквей также говорятъ о зарождавшемся уже въ XII вѣкѣ, подъ вліяніемъ византійцевъ, собственномъ русскомъ искусствѣ: храмъ въ тѣ времена былъ чуть ли не единственнымъ его прибѣжищемъ. Правда, еще отъ временъ язычества существовала въ Кіевѣ художественная техника драгоцѣнныхъ вещей, служившихъ какъ украшенія, какъ объ этомъ уже упомянуто, но о дальнѣйшемъ развитіи этой отрасли искусства мы не можемъ ничего прибавить къ сказанному выше.

Итакъ, какія бы большія доказательства даровитости ни давали русскіе люди того времени, какъ ни глубокъ слѣдъ христіанскихъ вліяній на отдѣльныя личности и даже группы такихъ личностей, сплотившихся хотя бы въ пещерахъ и стѣнахъ Кіево-Печерскаго монастыря, все-таки общество въ массѣ своей было далеко отъ просвѣщенія, не обладало даже и простымъ ея орудіемъ,—грамотностью, а, слѣдовательно, далеко и отъ истиннаго христіанства. Объ иномъ просвѣщеніи, внѣ религіознаго, въ эту эпоху пока еще не можетъ быть и рѣчи.

III.

Жизненная стихія, пробѣгавшая по самостоятельнымъ областнымъ русламъ, на которыя подѣлилась Южная Русь, была однородна, какъ сказали и показали мы выше; но русла, тѣмъ не менѣе, были различны. Оттого исторія каждаго изъ южно-русскихъ княжествъ, разсматриваемая отдѣльно, представляетъ свои типичныя, ей одной свойственныя, особенности. Къ сожалѣнію, историческое освѣщеніе, почти единственнымъ источникомъ котораго служитъ лѣтопись, далеко не равномѣрно распредѣляется на всей исторической сценѣ: въ то время какъ одни княжества освѣщены болѣе или менѣе ярко, другія стоятъ въ тѣни, сгущающейся иногда въ такой мракъ, который позволяетъ—самое бо́льшее—лишь догадываться о присутствіи жизни. Выше уже мы имѣли случай сказать, какъ мало сохранилось историческихъ свѣдѣній о княжествахъ Переяславскомъ и Туровскомъ, но, можетъ-быть, причина этому лежитъ въ особенностяхъ судебъ этихъ областей, тѣсно примыкавшихъ къ великому княжеству Кіевскому. Къ тому же, существованіе Переяславской „украины“, этого „оплечья Кіева“, какъ-будто бы и не имѣетъ другого смысла и содержанія, кромѣ защиты себя и остальной Руси отъ половцевъ. Туровское

княжество, земля дреговичей, укрывшихся въ пущахъ и болотахъ, укрѣпилось за потомствомъ одного изъ старшихъ Ярославичей—Изяслава, собственно сына его Святополка Второго. Княжество распалось на два крупныхъ удѣла—Туровскій и Пинскій, а затѣмъ каждый изъ нихъ еще раздробился на множество удѣловъ мелкихъ; такимъ образомъ, княжество это совсѣмъ потеряло то значеніе, какимъ пользовалось въ началѣ удѣльной эпохи. Родъ турово-пинскихъ князей, сильно разросшись и измельчавши, уже не претендовалъ ни на какое значеніе въ остальной Русской землѣ, не гнался за кіевскимъ столомъ, не добивался волостей въ иныхъ мѣстахъ: у этихъ князьковъ не было средствъ конкурировать съ болѣе выгодно обставленными соперниками. Территорія же ихъ, по своимъ естественнымъ свойствамъ, не была настолько привлекательна, чтобы кому-нибудь изъ окружающихъ сильныхъ князей вздумалось сдѣлать полемъ состязанія ихъ мелкія и скромныя волости, признававшія гегемонію сильной сосѣдней Волынской земли. Удалившись, такимъ образомъ, съ арены, туровско-пинскіе князья тѣмъ самымъ удалились и изъ исторіи: лѣтопись совсѣмъ перестаетъ ими интересоваться. Въ концѣ концовъ, эти князья такъ размножились, что стали перебираться на Волынь, но, конечно, уже не въ качествѣ владѣтельныхъ князей: они дѣлаются родоначальниками нѣкоторыхъ крупныхъ волынскихъ землевладѣльческихъ родовъ, играющихъ позднѣе большую роль не только въ волынской, но и во всей южно-русской исторіи: таковы были, напр., князья Острожскіе. Еще въ удѣльный періодъ мы находимъ двухъ изъ туровскихъ князей на службѣ у князя галицкаго, слѣдовательно, отказавшимися отъ своихъ княжескихъ прерогативъ. Итакъ, если лѣтопись намъ мало сообщаетъ о судьбахъ княжествъ Переяславскаго и Туровскаго, то, надо полагать, по той причинѣ, что она просто не находитъ достаточно фактовъ, интересныхъ съ ея точки зрѣнія. Иначе дѣло стоитъ съ Черниговскимъ княжествомъ, землей сѣверянскаго племени.

Область Чернигово-Сѣверская есть несомнѣнно одна изъ важнѣйшихъ областей южной Руси по размѣрамъ своей территоріи, по характеру населенія съ его рѣзко выраженными чертами исконной племенной особенности, наконецъ,—и самое главное, — по той роли, которую она играла въ общихъ судьбахъ южной Руси, а также и сѣверной, служа связующимъ звеномъ между этими двумя половинами Русской земли. А, между тѣмъ, исторія ея очень темна. Знаемъ мы нѣсколько подробнѣе лишь тѣ стороны этой исторіи, которыми она переплетается съ исторіями сосѣднихъ областей: отношенія черниговскихъ князей къ Кіеву или Галичу, къ половцамъ или сѣвернымъ князьямъ. Внутренняя же жизнь этихъ областей, ея особенности—совсѣмъ скрыты. Причины въ слѣдующемъ: до насъ не дошли записи мѣстныхъ лѣтописцевъ, которыя несомнѣнно были, если судить по аналогіи съ другими областями. Именно вотъ это-то отсутствіе черниговской лѣтописи, которая должна была бы послужить матеріаломъ для позднѣйшихъ лѣтописныхъ сводовъ, и считаютъ ученые причиною тѣхъ пробѣловъ для областной чернигово-сѣверской исторіи, которые кидаются въ глаза. Однако, благодаря энергіи предпріимчивыхъ и безпокойныхъ потомковъ Святослава Ярославича, которые не только успѣли закрѣпить

за собою въ своемъ родовомъ владѣніи Черниговскую область, но и постоянно вмѣшивались во всѣ междукняжескіе счеты и отношенія, лѣтописцамъ и сѣвернымъ, и кіевскимъ, и галицко-волынскимъ то-и-дѣло приходится наталкиваться на черниговскихъ князей, а, слѣдовательно, и говорить о нихъ. Мы узнаемъ, такимъ образомъ, что черниговскіе князья постоянно стремятся къ кіевскому столу. Имъ загораживаютъ дорогу ихъ вѣчные соперники Мономаховичи, которые считаютъ великокняжеское достоинство принадлежностью своего рода и стараются отстаивать это свое право изъ всѣхъ силъ, то войной, то договорами. Но черниговскіе князья не хотятъ поступиться своими якобы правами на кіевскій столъ: „мы не венгры и не ляхи, а одного дѣда внуки“, говорятъ они. Временами имъ удается захватить великокняжескій столъ, но удержаться на немъ долго не могутъ. Врагъ, болѣе сильный, чѣмъ ихъ князья-соперники, не позволяетъ имъ прочно захватить въ свою власть Кіевъ: врагъ этотъ—народная воля, враждебное настроеніе Кіевской земли. Кіевляне перенесли чувство своей племенной отчужденности отъ сѣверянъ на Святославичей, такъ тѣсно сроднившихся съ Сѣверской землей, и лѣтопись какъ бы устами кіевлянъ выражаетъ свою враждебность: „не можемъ поднять рукъ на Мономаховича, а на Ольговича (Ольговичи, потомки Олега Гориславича, есть самая энергичная вѣтвь Святославова потомства) хоть и съ дѣтьми“, такъ выражается кіевское вѣче, по лѣтописной передачѣ.

Въ самомъ концѣ удѣльнаго періода, въ половинѣ XIII вѣка, когда Кіевъ уже совсѣмъ потерялъ свое значеніе, черниговскимъ князьямъ удается водворитъся болѣе прочно въ Кіевской землѣ, которая дѣлается какъ бы удѣломъ земли Черниговской. Но Чернигово-Сѣверскому княжеству все-таки не удалось сложиться въ сильный и самостоятельный политическій организмъ. Причина въ томъ же, повидимому, въ чемъ заключается причина исчезновенія съ политическаго горизонта Туровской земли: въ большомъ размноженіи княжескаго рода. Уже въ первомъ поколѣніи Святославичей Черниговская земля распалась на два удѣла—собственно Черниговскій и Новгородъ-Сѣверскій: второй послѣ Чернигова древній городъ сѣверянскаго племени—Любечъ—къ удѣльному періоду потерялъ свое старое значеніе, и вмѣсто него выдвинулся Новгородъ-Сѣверскій. Затѣмъ обѣ вѣтви Святославичей, Ольговичи и Давидовичи, такъ размножились и подѣлили княжество, что въ немъ можно насчитать до двадцати удѣловъ. Правда, черниговскіе князья обыкновенно держались довольно дружно. Между прочимъ, надо замѣтить, что на территоріи Черниговскаго княжества удержался тотъ архаическій порядокъ наслѣдованія между князьями, когда столъ передавался не отъ отца къ сыну, а отъ брата къ брату, т.-е. изъ линіи въ линію, такъ что каждая смерть производила круговое передвиженіе князей на ихъ столахъ. Эта система „лѣствичнаго восхожденія“ также, до извѣстной степени, удерживала территорію отъ полнаго разложенія на мелкія составныя части. Поэтому-то черниговскіе князья могли осуществлять серьезныя предпріятія, къ которымъ они были побуждаемы, съ одной стороны, присущей имъ энергіей, съ другой, своею многочисленностью, толкавшей ихъ вонъ изъ родной, все болѣе и болѣе тѣсной, области. Изъ такихъ

предпріятій на первомъ планѣ стоитъ, конечно, попытка Игоревичей, сыновей знаменитаго героя „Слова о полку Игоревѣ“, водвориться въ началѣ XIII вѣка въ Галицкой землѣ. Попытка эта имѣла трагическій и совсѣмъ неожиданный исходъ: трое изъ Игоревичей были осуждены галицкими боярами, съ которыми они, вокняжившись, принялись-было энергично расправляться, и приговорены къ повѣшенію: случай судебной расправы съ князьями, единственный во всей нашей исторіи. Предпріимчивость князей Святославичей шла, вѣроятно, рука-объ-руку съ предпріимчивостью самаго сѣверянскаго племени. Если присоединеніе земли вятичей въ XII в. было дѣломъ князей, то, конечно, дѣломъ самого населенія было колонизаціонное движеніе на сѣверо-востокъ въ инородческія земли Муромы и Мещеры, по Окѣ и ея притокамъ, и на востокъ по направленію Волги,—движеніе, присоединившее къ Черниговской землѣ новые удѣлы, потомъ обособившіеся въ самостоятельныя княжества подъ управленіемъ тѣхъ же Святославичей. Но сѣверянское племя подвигалось и къ югу, въ степь, несмотря на препятствіе со стороны кочевниковъ. Повидимому, именно оно имѣло ближайшее отношеніе къ темному для насъ русскому населенію Тмутаракани, и знаменитый походъ сѣверскихъ князей въ глубь половецкихъ степей, описываемый „Словомъ о полку Игоревѣ“, объясняется стремленіемъ расчистить давно знакомую и нѣкогда торную дорогу къ тмутараканскимъ родичамъ, которую залегли-было степные хищники. Слѣдами старой связи сѣверянскихъ областей съ черноморскимъ побережьемъ можно считать поселенія такъ-называемыхъ бродниковъ, которыя разбросаны были островками по донскимъ степямъ и какъ-то поддерживали свое существованіе среди половецкихъ кочевьевъ. Итакъ, о внѣшней исторіи Чернигово-Сѣверской области мы знаемъ лишь очень мало; когда же „Ипатьевская лѣтопись“ переноситъ центръ своихъ интересовъ изъ Кіева въ отдаленную Галицко-Волынскую землю, свѣдѣнія о Черниговской области начинаютъ совсѣмъ оскудѣвать. Особенности внутренняго строя и быта этой области отъ насъ ускользаютъ совершенно. Родъ Святославичей чернигово-сѣверскихъ, въ концѣ концовъ, такъ размножился, что почти половина княжескихъ родовъ Литовскаго и Московскаго государствъ ведетъ именно отъ него свое начало.

Мало освѣщаютъ лѣтописныя извѣстія исторію Чернигово-Сѣверской области, еще меньше Туровской и Переяславской. Но на территоріи южной Руси есть еще одна обширная область, о которой лѣтописи проговариваются, какъ-будто лишь для того только, чтобы своими темными и загадочными выраженіями увлечь насъ и запутать въ произвольныхъ толкованіяхъ и гипотезахъ. Тиверцы и уличи нашей первоначальной лѣтописи, судя по тому, что у нихъ были многочисленные города, какъ сообщаетъ лѣтописецъ, и что именно ихъ греки звали Великой Скиѳіей, повидимому, должны были бы играть важную роль въ нашей южно-русской исторіи. А, между тѣмъ, послѣ первыхъ же краткихъ о нихъ извѣстій лѣтописи, они совсѣмъ скрываются со сцены. Они не входятъ ни въ чью волость, никакой князь не получаетъ въ нихъ удѣла, никто и ничто не касается ихъ территоріи: очевидно, они стоятъ внѣ политической связи, стягивающей остальныя южно-русскія земли. Только позже, въ

половинѣ XII вѣка, мы можемъ прослѣдить по лѣтописи, какъ нѣкоторая сравнительно небольшая часть этой территоріи входитъ въ составъ княжества Галицкаго.

А, между тѣмъ, на этой же территоріи или въ ближайшемъ ея сосѣдствѣ выступаетъ на историческую сцену нѣчто въ высшей степени загадочное. Это такъ называемая Болоховская земля. Таинственный незнакомецъ нашей исторіи, земля эта появляется въ XII вѣкѣ для того лишь, чтобы черезъ столѣтіе опять безслѣдно исчезнуть. Все въ лѣтописныхъ извѣстіяхъ о ней возбуждаетъ сомнѣніе и даетъ поводъ къ спорамъ, даже и ея географическое положеніе, которое разными учеными опредѣлялось очень различно. Но въ настоящее время выяснено, повидимому, что она находилась между предѣлами области Кіевской и Волынской, вѣроятно въ верхнемъ Побужьѣ и по Случи. Самое интересное въ тѣхъ неопредѣленныхъ и туманныхъ очертаніяхъ, какими она выступаетъ въ лѣтописи, то, что земля эта управлялась князьями, по всей вѣроятности, не изъ дома Владиміра Св. Князья эти были многочисленны, въ соотвѣтствіи съ многочисленными городами своей земли, повидимому, находились въ тѣсной связи со своимъ народомъ, защищали самостоятельность своей земли отъ сильныхъ сосѣднихъ галицкихъ князей. Но все это только возбуждаетъ научную любознательность, а не удовлетворяетъ ее. Что это были за князья? Старые ли племенные князья, какіе встрѣчаются до объединенія Русской земли? Или выборные лучшіе мужи земли? И какому типу соціальнаго устройства соотвѣтствовало такое управленіе? Отвѣты на эти вопросы, вѣроятно, были бы, вмѣстѣ съ тѣмъ, и отвѣтами на многіе темные вопросы нашего до-государственнаго быта. Но вопросамъ этимъ суждено оставаться безъ отвѣта.

Но вотъ мы выходимъ изъ мрака на сцену, освѣщенную болѣе или менѣе ярко. Передъ нами княжества Кіевское, Волынское и Галицкое; здѣсь мы можемъ удовлетворительно прослѣдить факты внѣшней исторіи и даже составить себѣ нѣкоторое понятіе объ особенностяхъ политическаго строя каждой области.

Внѣшняя исторія Кіевской земли или великаго княжества Кіевскаго всѣмъ хорошо извѣстна: она выступаетъ въ каждомъ учебникѣ русской исторіи подъ видомъ исторіи русскаго государства. Безпрерывная борьба князей постепенно подрываетъ значеніе Кіева, а въ связи съ упадкомъ Кіева, какъ стольнаго города великихъ князей, падаетъ и значеніе Кіевской области. Владиміръ Мономахъ (1113—1125 гг.) и сынъ его Мстиславъ I (1125—1132 гг.), который и личными качествами и направленіемъ своей дѣятельности воспроизводилъ отца, были послѣдними изъ великихъ князей кіевскихъ, которые сидѣли на кіевскомъ столѣ такъ „грозно“, что вліяніе великокняжеской власти распространялось при нихъ на всю южно-русскую территорію. Послѣ того самостоятельность отдѣльныхъ княжествъ такъ быстро усиливается, что послѣдующіе великіе князья кіевскіе забываютъ и думать о подобномъ вліяніи. Отъ смерти Мстислава до конца XII вѣка вся исторія Кіевскаго княжества есть непрерывный рядъ войнъ изъ-за кіевскаго стола. Борьба Мономаховичей съ черниговскими Ольговичами переплетается съ борьбой Мономаховичей между собою, т.-е. сѣверныхъ вѣтвей Мономаховичей (ростово-суздальскихъ и смоленскихъ) съ южными, съ волынскими. Мономаховичи волынскіе, потомки

Мстислава,—излюбленные князья Кіевской земли. Но симпатіи населенія не въ силахъ прочно противодѣйствовать натиску хищныхъ стремленій, направляющихся на Кіевъ со всѣхъ сторонъ земли Русской, и представители разныхъ вѣтвей княжескаго рода то-и-дѣло смѣняются на кіевскомъ столѣ. Самая выдающаяся личность этого времени—внукъ Мономаха Изяславъ Мстиславовичъ. Кіевляне съ поршанами (жители городовъ по Роси) и Черными Клобуками стремятся изъ всѣхъ силъ удержать у себя этого князя, которому лѣтопись даетъ эпитеты честнаго, благовѣрнаго, христолюбиваго, славнаго; необыкновенной храбростью, энергіей, находчивостью онъ напоминаетъ своего дѣда; онъ поддерживаетъ дѣятельныя дружескія отношенія съ западными сосѣдями южно-русской земли—князьями чешскими и польскими, съ венгерскимъ королемъ. И, несмотря на все это, ему удается удержаться на великокняжескомъ столѣ только самое короткое время и то лишь при помощи раздѣла власти съ старымъ и неспособнымъ дядей Вячеславомъ (1146—1154 гг.). Разореніе Кіева суздальцами Мономахова внука Андрея Боголюбскаго въ 1169 г. и половцами, которыхъ привелъ смоленскій Мономаховичъ Рюрикъ Ростиславичъ въ 1203 г., лишило Кіевъ стараго значенія и богатства, а, слѣдовательно, и привлекательности въ глазахъ князей. Въ это время изъ скромной территоріи кіевской области князья-соперники, въ видахъ взаимнаго умиротворенія, выкроили четыре удѣла: Вышегородскій, Бѣлогородскій, Трипольскій и Переяславскій; затѣмъ выдѣлилось еще два удѣла: Древлянскій съ городомъ Овручемъ и Торческій или такъ называемое Поросье. Вслѣдствіе этого незначительная территорія Кіевскаго княжества распалась на семь частей. Конечно, ничтожный удѣлъ съ разореннымъ Кіевомъ не могъ поддерживать величіе великокняжескаго стола. Видимую особенность Кіевской земли представляетъ собою та роль, какую играло въ ней инородческое населеніе, Черные Клобуки. Отчасти подъ вліяніемъ этого населенія, отчасти по причинѣ особенностей политическихъ условій, въ какія была поставлена Кіевская область, въ ея строѣ не замѣтно того, что мы замѣчаемъ въ строѣ другихъ областей—извѣстнаго постоянства въ отношеніи ея политическихъ составныхъ элементовъ. Ни князь, ни дружинное сословіе, или боярство, ни народъ, или вѣче, не являются въ Кіевской области ни съ какимъ замѣтнымъ преобладаніемъ, которое могло бы характеризовать ея строй.

Волынское и Галицкое княжества, составлявшія главную массу западной половины южной Руси, совсѣмъ раздѣльно начали свою политическую жизнь для того, чтобы также раздѣльно и закончить ее. Но въ разсматриваемый періодъ они временно вступали въ федеративную связь. Связь эта находила себѣ опору прежде всего въ племенномъ родствѣ; тѣ же самые бужане лѣтописи, которые были, повидимому, тождественны съ дулебами или волынянами, составляли населеніе и червенскихъ городовъ, ядра земли Галицкой; затѣмъ въ тождествѣ интересовъ, вытекавшихъ изъ территоріальнаго положенія. Половцы не имѣютъ никакого значенія ни для той земли, ни для другой: лишь дикія племена литовскія угрожаютъ Волыни съ сѣвера. Наконецъ, отличную отъ остальной русской территоріи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, общую обоимъ княже-

ствамъ черту ихъ исторій составляютъ постоянныя—то враждебныя, то дружескія—отношенія къ Польшѣ: венгры имѣютъ значеніе, главнымъ образомъ, лишь для Галицкаго княжества. Такимъ образомъ, политическая исторія обоихъ этихъ княжествъ отличается сравнительно большимъ вмѣшательствомъ иноземнаго, западнаго, элемента. Но, несмотря на все это общее, княжества Волынское и Галицкое не слились въ одно политическое цѣлое. Можетъ-быть, главной причиной этого—и, во всякомъ случаѣ, одною изъ причинъ—были различія, какія можно подмѣтить въ общественно-политическомъ строѣ этихъ двухъ родственныхъ земель.

Волынская земля первое время, и довольно долго, входила въ составъ княжества Кіевскаго. Только послѣ смерти Владиміра Мономаха она пріобрѣла самостоятельность, укрѣпившись за старшей линіей Мономаховичей. Но, утвердившись на Волыни, въ качествѣ отчичей земли Волынской, эти Мономаховичи не оставляли притязаній на кіевскій столъ. Наоборотъ, въ волынской своей отчизнѣ они видѣли лишь средство для поддержанія своихъ великокняжескихъ притязаній. Кіевское населеніе всегда охотно шло навстрѣчу этой отрасли Мономахова дома, отличавшейся рыцарскимъ, открытымъ характеромъ и большимъ уваженіемъ къ народной волѣ, выражавшейся въ вѣчѣ. Такимъ образомъ, до конца XII вѣка главный интересъ политической исторіи Волыни сосредоточивается на борьбѣ волынскихъ князей съ князьями черниговскими и другими за кіевскій столъ. Только въ концѣ вѣка правнукъ Мономаха, Романъ Мстиславовичъ, далъ иное направленіе исторіи земли Волынской. Это была одна изъ тѣхъ богато одаренныхъ личностей, образъ которыхъ врѣзывается прочно въ память народа и даетъ импульсъ его поэтическому творчеству. Для характеристики Романа „Ипатьевская“ лѣтопись подбираетъ самыя сильныя выраженія, рисующія идеальный образъ князя—защитника своей земли: „онъ устремлялся на поганыхъ (литву, ятвяговъ, половцевъ) какъ левъ, сердитъ былъ какъ рысь, губилъ ихъ какъ крокодилъ, проходилъ землю ихъ какъ орелъ, храбръ былъ какъ туръ“.

Вотъ этотъ-то Романъ и соединилъ Волынскую землю съ Галицкой, воспользовавшись тѣмъ, что въ Галиціи прекратился родъ князей Ростиславичей (около 1200 г.). Соединеніе такихъ большихъ княжествъ въ одно цѣлое подъ энергичною властью Романа сразу создало въ южной Руси тотъ политическій центръ, который утратился съ утратою Кіевомъ его стараго значенія: подъ конецъ своего правленія Романъ распоряжался по произволу и кіевскимъ столомъ.

Лѣтописецъ даетъ Роману титулъ „великаго князя и самодержца всей Руси“. Но части новаго политическаго организма все-таки были прилажены одна къ другой настолько слабо, что снова распались, какъ только ихъ перестала сдерживать вмѣстѣ сильная рука. Послѣ смерти Романа (1205 г.) его малолѣтнія дѣти—четырехлѣтній Даніилъ, будущій галицкій король, и двухлѣтній Василько—не только не могли предупредить наступившей смуты, но сами сдѣлались ея жертвами: только послѣ многихъ лѣтъ скитанія и по своимъ землямъ и на чужбинѣ по иноземныхъ дворамъ удалось Романовичамъ снова овладѣть своей отчизной. Надо сказать, что Волынская земля

постоянно обнаруживала сочувствіе къ этимъ своимъ наслѣдственнымъ, хотя и слабымъ и малолѣтнимъ, князьямъ, и братья водворились на отцовскомъ наслѣдствѣ только благодаря ея дѣятельной поддержкѣ. Даніилъ вокняжился въ Галиціи *), а Василько—на Волыни: между землями этими опять возникла какъ бы старая федеративная связь, но опирающаяся не на единство власти, какъ при Романѣ, а на дружбу князей-братьевъ и ихъ полное единодушіе во всѣхъ вопросахъ внѣшней политики. Выросшая сила и значеніе земли Волынской выразились прежде всего въ успѣхахъ ея борьбы съ дикимъ литовскимъ племенемъ ятвяговъ, ея ближайшими сосѣдями по Западному Бугу, которые не давали ей покоя своими набѣгами. Теперь ятвяги были совсѣмъ придавлены, и началась усиленная колонизація Ятвяжской земли. Ятвяги обнаруживали большое упорство въ сопротивленіи, но силы были неравномѣрны, и они все отодвигались на сѣверъ, пока, наконецъ, ко времени Василька Романовича—уже, впрочемъ, послѣ татарскаго нашествія—послѣдніе ихъ остатки ушли въ Литву, а земли ихъ были подѣлены между Волынскимъ княжествомъ и Польшей (княжествомъ Мазовецкимъ). Вообще, Волынская земля стремится расшириться къ сѣверу, въ низовья Зап. Буга, въ землю Подляшскую (территорія нынѣшнихъ Гродненской и Сѣдлецкой губерній). Въ то же время волынскіе князья распространили свою гегемонію надъ сосѣдними князьями туровско-пинскими, которые вынуждены были „ходить подъ ихъ рукой". Въ Волынской землѣ издавна было много мелкихъ удѣловъ: Пересопницкій, Шумскій, Бужскій, Дорогобужскій и др. Но эти удѣлы не имѣли никакого самостоятельнаго значенія, и князья ихъ находились въ полной зависимости отъ главнаго князя, который сидѣлъ во Владимірѣ-Волынскомъ. Такимъ образомъ, удѣлы эти не нарушали силы и единства земли. Лишь гораздо позже, въ концѣ XIII вѣка, образовался сильный Луцкій удѣлъ, но и это обстоятельство не нарушило единства земли Волынской. Вѣроятно, единство это опиралось на окрѣпшее и сознательное народное чувство. Другая особенность, которую можно усмотрѣть въ политическомъ строѣ Волынской земли, это относительно большое значеніе воли народной, проявляющейся въ вѣчѣ. Примѣромъ такой сознательной политики народной можетъ служить указанное выше отношеніе земли Волынской къ малолѣтнимъ дѣтямъ Романа. Но лѣтопись указываетъ и на другіе случаи проявленія народной воли, дѣятельности вѣча.

Иной видъ представляетъ политическій укладъ земли Галицкой.

Галицкое княжество, при первомъ же появленіи въ качествѣ самостоятельной земли, обнаруживаетъ стремленіе къ тому, чтобы окончательно обособиться отъ Кіева. Изгои Ростиславичи, получившіи по рѣшенію Любечскаго съѣзда въ удѣлъ червенскіе города — Перемышль, Теребовль, Звенигородъ,— не добивались кіевскаго стола, не стремились къ захвату иныхъ, лучшихъ, волостей, но зато твердо отстаивали цѣлость и самостоятельность своей земли: „мы стоимъ на своей межѣ, а чужого намъ не надо",—такъ отвѣчали они, по словамъ лѣтописи, своимъ мужамъ, которые ихъ уговаривали воспользоваться

*) Даніилъ прочно водворяется въ Галичѣ съ 1229 г.

побѣдой надъ вторгшимся въ ихъ землю кіевскимъ княземъ и захватить сосѣднюю Волынь. Стремленіямъ галицкихъ князей къ самостоятельности много способствовало то обстоятельство, что Галицкая земля не дробилась на удѣлы, благодаря малочисленности членовъ княжескаго рода. Правда, у братьевъ Ростиславичей, Володаря и Василька, осталось по два сына; но скоро, за смертью прочихъ наслѣдниковъ, вся земля сосредоточилась въ рукахъ ловкаго и энергичнаго Владимірка (1144—1152 гг.). У Владимірка былъ лишь одинъ сонаслѣдникъ, племянникъ Иванъ Ростиславичъ Берладникъ, которому Владимірко, кажется, далъ въ удѣлъ отдаленную и незначительную окраину своей земли на нижнемъ теченіи Прута, Берладь, а потомъ и совсѣмъ выгналъ его изъ княжества. Владимірко представляетъ собою очень рѣзко выраженный типъ дальновиднаго политика и беззастѣнчиваго дипломата. „Многоглаголивый“ князь, повидимому, пользовался своимъ краснорѣчіемъ лишь для того, чтобы скрывать свои мысли. Онъ заключалъ союзы и разрывалъ ихъ, давалъ клятвы и нарушалъ, притворялся въ случаѣ надобности больнымъ, даже умирающимъ. Такими способами умѣлъ онъ достигать своихъ политическихъ цѣлей: ослаблять ближайшихъ сосѣдей, русскихъ, польскихъ и венгерскихъ, путемъ ловкихъ союзовъ съ ихъ врагами, а затѣмъ укрѣплять и расширять свои земли на счетъ ослабленныхъ сосѣдей. Когда противъ него составилась коалиція изъ южно-русскихъ князей съ Изяславомъ Мстиславовичемъ во главѣ, подкрѣпляемая поляками и венграми, то князья, чтобы обезпечить исполненіе Владиміркомъ условій договора, на которыя онъ вынужденъ былъ согласиться, послали въ Венгрію за величайшею святыней своего времени—крестикомъ, сдѣланнымъ, по преданію, изъ креста Спасителя. Владимірко далъ клятву на этомъ крестикѣ, но, по обыкновенію, тотчасъ же нарушилъ ее. На упреки, какіе дѣлалъ ему посолъ кіевскаго князя, и угрозы карой Божіей за клятвопреступленіе, онъ замѣтилъ: „что мнѣ можетъ сдѣлать такой маленькій крестикъ“. Лѣтопись, передавая этотъ фактъ, связываетъ его со скоропостижною смертью Владимірка. Какъ ни мало симпатиченъ нравственный обликъ этого князя, но надо признать, что Владимірко много сдѣлалъ для усиленія своего княжества. Оно расширило свои границы, главнымъ образомъ, внизъ по теченію Днѣстра, Прута и Серета до береговъ Дуная и Чернаго моря. Русь прокладываетъ себѣ новый путь въ Византію взамѣнъ стараго днѣпровскаго, заложеннаго степными хищниками. Такимъ образомъ, Галицкое княжество стало расширять свои торговыя сношенія, что дало толчекъ къ развитію экономической дѣятельности и внутри страны, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, къ увеличенію богатства, служащаго опорою и для политическаго могущества. Понималъ или нѣтъ Владимірко эту взаимную зависимость общественныхъ отношеній, но сынъ его и наслѣдникъ, Ярославъ, названный поэтомъ „Слова о полку Игоревѣ“ за свой умъ Осмомысломъ, повидимому, понималъ ее ясно. Умный и образованный, владѣвшій нѣсколькими языками, Ярославъ представлялъ собою типъ, рѣзко отличающійся отъ своихъ современниковъ. Онъ не цѣнилъ военныхъ предпріятій и подвиговъ, никогда самъ не предводительствовалъ войскомъ, да и войнъ, вообще, велъ очень мало, лишь вынуждаемый крайней необходимостью. Такой необходимостью было, напри-

мѣръ, для него добиться выдачи двоюроднаго брата Ивана Берладника. Этотъ оригинальный князь, лишенный удѣла въ своей вотчинѣ и выгнанный изъ княжества, странствовалъ со своею дружиною по лицу земли Русской, поступая на службу то къ тому, то къ другому князю, нуждающемуся въ его услугахъ. Но есть основаніе думать, что онъ пользовался на родинѣ большими симпатіями и, главнымъ образомъ, симпатіями простого народа, смердовъ. Какъ бы то ни было, Ярославъ боялся его и „подмолвилъ"—какъ сообщаетъ лѣтопись—всѣхъ князей русскихъ, короля венгерскаго, польскихъ князей, „чтобъ были ему помощниками на Ивана". Одинъ только черниговскій князь, Изяславъ Давыдовичъ, занимавшій въ то время великокняжескій столъ, отстаивалъ несчастнаго Берладника. Боясь выдачи, Иванъ бѣжитъ въ степь, занимаетъ подунайскіе города, перехватываетъ галицкія суда съ товарами, преслѣдуетъ галицкихъ рыболововъ въ устьяхъ Дуная. Затѣмъ съ половцами и бродниками (или берладниками)—очевидно, какое-то вольное населеніе степей, наводящее на мысль о позднѣйшемъ козачествѣ—осаждаетъ г. Ушицу, причемъ „засада" (гарнизонъ) оказываетъ крѣпкое сопротивленіе, но смерды перескакиваютъ къ Ивану черезъ городскія стѣны. Потомъ Иванъ какъ-то исчезаетъ со сцены, чтобы умереть въ Греціи,—по сообщенію лѣтописи.

Итакъ, Ярославъ сосредоточилъ свою дѣятельность на строительствѣ земли. До насъ дошли свѣдѣнія о томъ, что онъ для распространенія образованія устраивалъ при монастыряхъ школы, а для того, чтобы усилить промышленную дѣятельность страны, призывалъ ремесленниковъ изъ чужихъ земель. Промышленность и торговля сдѣлали въ его продолжительное правленіе, повидимому, большіе успѣхи, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, возросло и политическое значеніе Галицкой земли, несмотря на то, что Ярославъ совсѣмъ не дѣлалъ никакихъ завоеваній или иныхъ территоріальныхъ пріобрѣтеній. „Слово о полку Игоревѣ" очень эффектно рисуетъ могущество Ярослава. „Галицкій Осмомысле, Ярославе, высоко ты сидишь на своемъ златокованномъ столѣ. Ты подперъ своими полками Угорскія горы, заступилъ путь королю, рядишь суды до Дуная. Ты отворяешь ворота Кіева, стрѣляешь съ отеческаго золотого стола султановъ за землями". Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, въ его же правленіе впервые выясняется то особенное условіе общественно-политическаго склада Галицкой земли, которое было причиною ея бѣдъ и неустойчивости. Подразумѣваемъ преобладаніе боярскаго сословія, преобладаніе, подобнаго которому не находимъ ни въ одной изъ русскихъ земель. Вліяніе народа, проявляющееся въ вѣчѣ, отступаетъ на задній планъ и потомъ совсѣмъ исчезаетъ за боярской олигархіей. Боярство это, надо думать, было въ началѣ—тѣ же старшіе княжіе мужи, какъ и въ остальныхъ русскихъ земляхъ, а не какая-либо особенная земская аристократія, развившаяся здѣсь подъ вліяніемъ Польши и Венгріи, какъ предполагаютъ иные ученые. Только особенность положенія Галицкой земли дала этимъ княжимъ мужамъ нѣкоторыя преимущества. Галиція рано обособилась, а вмѣстѣ съ обособленіемъ обособилась и дружина, связавши свои интересы неразрывно съ данной областью; въ то же время членовъ княжескаго дома было такъ мало, что все управленіе землей необходимо лежало на боярахъ, которые

пріобрѣли, такимъ образомъ, силу и значеніе. Уже при Ярославѣ Осмомыслѣ бояре такъ сильны, что вмѣшиваются въ интимныя, личныя и семейныя, дѣла князя, а при его неспособномъ сынѣ Владимірѣ, который „былъ любезнивъ питію многому“, они не только вмѣшиваются, а прямо начинаютъ верховодить, управлять политикой страны, призывать и изгонять князей. Боярщина остается характерной чертой строя Галицкаго княжества до самаго конца его существованія. Боярская смута прерывалась лишь тогда, когда власть попала въ руки энергичнаго князя, которому удавалось на время положить предѣлъ боярскому своеволію. Такимъ княземъ былъ Романъ Мстиславичъ волынскій, котораго призвала-было одна боярская партія, послѣ того какъ неспособный Владиміръ былъ прогнанъ. Роману далеко не сразу удалось завладѣть галицкимъ княженіемъ, пришлось бороться за него и съ Владиміромъ, у котораго тоже были сторонники, и съ венграми, выставлявшими своего королевича какъ претендента на княжеское достоинство, и у котораго тоже была своя партія среди боярства. Но когда Роману удалось захватить власть, онъ держалъ ее твердо въ рукахъ до конца жизни. Опираясь на Волынь, энергичный Романъ сдѣлался „тѣмъ самодержцемъ земли русской“, дружбой съ которымъ дорожили и римскій папа, и греческій императоръ. Выше мы говорили о его дѣятельности, относящейся къ Волынскому княжеству; относительно же княжества Галицкаго мы знаемъ только, что онъ усиленно боролся съ боярствомъ. По свидѣтельству польскаго лѣтописца, Романъ поступалъ съ боярами въ полномъ смыслѣ слова свирѣпо. Правда это или нѣтъ,—во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что галицкое боярство отнеслось очень недоброжелательно къ малолѣтнимъ сыновьямъ Романа, когда они осиротѣли. Начался долгій періодъ анархіи, продолжавшейся болѣе сорока лѣтъ, пока даровитому сыну Романа, Даніилу, удалось возвратить свою отчину и утвердиться на ней. Слѣдить за тѣмъ, что дѣлалось въ этотъ періодъ, крайне затруднительно по пестротѣ и путаницѣ событій. Годъ-два, и все новый и новый претендентъ на княжеское достоинство выдвигается боярствомъ. Русскіе князья разныхъ вѣтвей смѣняются иноземцами, польскими и венгерскими. Два венгерскихъ королевича, Андрей и Коломанъ, успѣли за это время покняжить въ Галиціи: обстоятельство, которое до сихъ поръ служитъ исторической опорой притязаній Австріи на Галицію. О судьбѣ сѣверскихъ Игоревичей, которые для упроченія своей власти избили будто бы пятьсотъ бояръ и сами были повѣшены по приговору боярскаго суда, мы упоминали выше. Являлся въ Галичъ великій кіевскій князь Рюрикъ Ростиславичъ, мелкіе князья волынскіе, вокняжился-было одно время даже бояринъ Володиславъ—единственный, точно извѣстный, примѣръ владѣтельнаго князя не-княжескаго рода. Не разъ княжилъ и Мстиславъ Мстиславичъ Удалой, сынъ Мономахова правнука Мстислава Ростиславича Храбраго. Мстиславъ Удалой—очень типичная фигура своего времени, удѣльно-вѣчевой эпохи. Предпріимчивость и беззавѣтная храбрость, глубокое сознаніе своей княжеской чести, обязывающей къ извѣстному поведенію, къ вѣрности слову и т. п., наконецъ, уваженіе къ народной волѣ—все это привлекало къ нему массу, такъ что онъ былъ любимымъ княземъ и на югѣ, и на сѣверѣ, въ землѣ Смо-

ленской, въ Новгородѣ. Но всѣ эти хорошія качества не были достоинствами правителя, политика, дипломата; для дѣятельности правительственной у него не было существеннѣйшаго, прочной связи съ землей: какъ она могла быть у князя, который постоянно передвигался изъ Торопца въ Торческъ, изъ Новгорода въ Галичъ? Мстиславъ отдалъ за Даніила свою дочь и помогъ зятю завладѣть наслѣдствомъ отца своего, однако, не раньше какъ четверть вѣка спустя послѣ смерти Романа: да и захвативъ княжескую власть, Даніилъ долженъ былъ приложить еще много усилій въ борьбѣ съ венграми, русскими претендентами и собственными боярами, чтобы упрочить ее. Борьба эта еще была не кончена, когда Галицкое княжество вмѣстѣ съ остальной южной Русью подверглось нашествію монголовъ (1239—40 г.).

Южно-русскіе князья и ихъ дружины уже имѣли ясное понятіе о татарахъ, объ ихъ подавляющей численности, военной сноровкѣ, безпощадной жестокости. Когда въ половецкихъ степяхъ появились въ 1223 г. татары и погнали половцевъ, тѣ успѣли внушить южно-русскимъ князьямъ мысль объ общей грозящей всѣмъ опасности, и князья дружно съѣхались на совѣщаніе въ Кіевъ, дружно вооружились и выступили въ походъ. Но единодушія хватило не надолго. Когда при Калкѣ наступилъ рѣшительный моментъ, Мстиславъ Мстиславичъ Удалой, тогдашній князь галицкій, оказался въ ссорѣ съ Мстиславомъ кіевскимъ и Мстиславомъ черниговскимъ, и татары безъ особыхъ усилій съ своей стороны нанесли ужасное пораженіе разъединеннымъ силамъ южно-русскихъ князей. Галицко-волынскій полкъ съ Мстиславомъ Удалымъ и Даніиломъ первые были разбиты, пока остальные еще не успѣли и выстроиться къ битвѣ. Даніилъ былъ раненъ; извѣстна печальная судьба тѣхъ князей, которые не успѣли спастись бѣгствомъ.

Какіе-нибудь полтора десятка лѣтъ не могли изгладить изъ памяти князей и дружины этихъ ужасныхъ „иноплеменныхъ языкъ", этихъ „безбожныхъ измаильтянъ"—татаръ; но земли еще пока не знали ихъ. И вотъ, послѣ долгаго затишья, когда уже можно было совсѣмъ успокоиться отъ такъ же внезапно налетѣвшаго, какъ и разсѣявшагося бѣдствія, оно надвигается снова, но еще несравненно грознѣе.

Послѣ опустошенія Рязанской и Суздальской земель, т.-е. Руси сѣверо-восточной, Батый направляется противъ Руси южной. Еще въ 1237—8 г. отдѣльные отряды татарскіе разорили Переяславль, Черниговъ и ихъ земли. Осенью 1240 г. Батый со всѣми силами своими двинулся на Кіевъ. Отъ скрипа его телѣгъ, рева верблюдовъ и ржанья стадъ нельзя было разслышать человѣческаго голоса,—говоритъ лѣтописецъ. Въ Кіевѣ въ это время не было князя: его замѣнялъ Даніиловъ тысяцкій Дмитро.

Подъ его руководствомъ кіевляне защищались отчаянно, сначала на стѣнахъ города, потомъ въ церквахъ и монастыряхъ. Но всѣ оплоты оказались ничтожными передъ натискомъ этой стихійной массы и ударами стѣнобитныхъ орудій, которыми пользовались татары. Отъ Кіева Батый двинулся на западъ, разсчитывая черезъ Волынскую и Галицкую земли пройти въ Венгрію и Польшу. Татары страшно опустошали все, что встрѣчалось имъ на

пути. Плано-Карпини, проѣзжавшій через Галицкую и Волынскую земли на Кіевъ нѣсколько лѣтъ спустя послѣ того, какъ прошли татары, всюду находилъ слѣды опустошеній и разоренья—черепа и кости человѣческіе: „большая часть жителей была убита или уведена въ плѣнъ татарами",—говоритъ онъ. Но все-таки это было не то опустошеніе, какое постигло Русь сѣверную. Татары, спѣша на западъ, шли по южной Руси сплошнымъ потокомъ, не оцѣпляя окрестную страну своими загонами и, слѣдовательно, оставляя территорію безъ того общаго, повсемѣстнаго, опустошенія, какому подверглась сѣверная Русь. Отпора они почти нигдѣ не встрѣчали: князья предпочитали спасаться бѣгствомъ, предоставляя земли собственной ихъ судьбѣ. Волынскій князь Василько ушелъ въ Польшу; Даніилъ Галицкій изъ Венгріи бѣжалъ въ землю Мазовецкую; Михаилъ Черниговскій спасся въ Силезіи.

Издавна, и въ полной мѣрѣ, оцѣнено то громадное значеніе, какое имѣло нашествіе монголовъ для сѣверной Руси. Для Руси южной вопросъ представляется несравненно болѣе темнымъ и труднымъ для рѣшенія. Со времени катастрофы значительная часть Руси южной какъ бы совсѣмъ сходитъ съ исторической сцены: подразумѣваемъ княжества Кіевское, Переяславское, Черниговско-Сѣверское; Туровское и до того стояло въ сторонѣ. Какъ слѣдуетъ понимать это исчезновеніе, объ этомъ будетъ рѣчь ниже. Но несомнѣнный фактъ, что послѣ нашествія монголовъ историческая жизнь южной Руси сосредоточилась въ Волынско-Галицкой землѣ.

Когда монголы ушли въ степи, вернулись и братья Романовичи въ свои разоренныя княжества. Уходя въ Приволжье, монголы оставили по сосѣдству съ юго-западной Русью орду, которая должна была кочевать между Днѣпромъ, Росью и низовьемъ Днѣстра со своимъ особымъ „темникомъ". Подъ покровительство этихъ татаръ—и какъ-будто бы по добровольному соглашенію съ ними, а не по принужденію—поступаютъ загадочные болоховскіе города: жители ихъ обязываются сѣять на татаръ пшеницу и просо. За болоховцами, въ число „людей сидящихъ за Татары", тянутъ и другіе города или союзы городовъ, выдѣлившихся въ это смутное время, а, можетъ-быть, и раньше, изъ состава старыхъ княжескихъ волостей, кіевскихъ и волынскихъ, города по р.р. Тетереву и Горыни. Надо думать, что автономное устройство, хотя бы и въ зависимости отъ татаръ, привлекало ихъ болѣе, чѣмъ княжеское управленіе. Припомнимъ кстати, что и въ битвѣ на Калкѣ мы видимъ въ составѣ монгольскихъ войскъ донскихъ бродниковъ, которые, по показанію лѣтописи, сражаются противъ русскихъ дружинъ не за страхъ только, но и за совѣсть.

Такое близкое сосѣдство татарской орды съ ихъ русскими союзниками не позволяло и думать волынско-галицкимъ князьямъ о независимости: тяжесть положенія еще увеличивалась тѣмъ, что ятвяги и литовцы пользовались смутой, все учащая свои набѣги. Но формы зависимости все-таки здѣсь не были такъ тяжелы, какъ въ Руси сѣверной. Мы не видимъ, чтобы татары посылали въ Волынскую или Галицкую земли своихъ баскаковъ, чтобы они дѣлали здѣсь перепись. И если Волынь платила „татарщину" (дань), то Галицкая земля, повидимому, была и отъ нея свободна, выражая свою зависимость лишь обяза-

тельствомъ являться на войну по призову хана или его темника. Какъ извѣстно, Даніилъ Галицкій хотя и ѣздилъ въ Золотую Орду, но не подвергался тамъ такимъ униженіямъ, какъ другіе русскіе князья.

Татарское нашествіе прервало борьбу Даніила съ боярствомъ, но не прекратило ея. Ипатская лѣтопись прекрасно описываетъ взаимное отношеніе этихъ двухъ политическихъ силъ, управлявшихъ Галицкой землею. „Бояре галицкіе называли Даніила себѣ княземъ,—говоритъ она,—но сами держали всю землю: княжилъ Доброславъ и Судьичъ, поповъ внукъ, и грабили всю землю; вошедши въ Бакоту, этотъ безъ княжескаго повелѣнія взялъ все Понизье; Григорій же Васильевичъ разсчитывалъ держать южную страну Перемышльскую; и былъ отъ нихъ великій мятежъ въ землѣ и грабежъ". Лѣтописецъ описываетъ подробно, какъ Доброславъ, помимо прямого запрещенія княжескаго, отдалъ коломыйскія соляныя копи Лазарю Домажиричу и Ивору Молибожичу, „двумъ беззаконникамъ отъ племени смердья"—тѣ соляныя копи, доходы съ которыхъ шли великимъ князьямъ (галицкимъ) на содержаніе воиновъ. Когда Доброславъ поссорился съ Григоріемъ и пріѣхалъ къ князю, то „пріѣхалъ—по словамъ лѣтописи—съ великою гордынею, въ одной сорочкѣ, не глядючи на землю, а галичане бѣжали у его стремени". Очевидно, съ такимъ положеніемъ трудно было примириться князю, если бы это даже и не былъ сынъ Романа: никѣмъ неоспариваемая власть въ теченіе многихъ поколѣній и авторитетъ церкви давно успѣли воспитать въ князьяхъ, потомкахъ Владиміра Св., убѣжденіе въ непререкаемости ихъ исключительныхъ правъ.

Вѣроятно, нашествіе татаръ помогло Даніилу усилить власть, такъ какъ бояре не имѣли теперь той внѣшней опоры, какую они всегда находили у иноземныхъ сосѣдей, особенно у венгровъ, крайне ослабленныхъ татарскимъ опустошеніемъ. Даніилъ же имѣлъ неизмѣнную опору въ землѣ Волынской. Его полное единодушіе съ братомъ Василькомъ дѣлало изъ ихъ земель какъ бы одно политическое цѣлое, извѣстное въ исторіи подъ именемъ Галицко-Волынской или Галицко-Владимірской Руси, представлявшей собою для данной эпохи, т.-е. отъ половины XIII до половины XIV в., всю южную историческую Русь. Даніилъ былъ самымъ выдающимся представителемъ этой Руси.

Богатый край, сильный своею естественною производительностью, подъ умнымъ руководительствомъ Даніила и его брата, быстро поправлялся. Разоренные города обстраивались и населялись; возникали новые. Князья, въ виду своихъ главныхъ враговъ—степняковъ, возлагали большія надежды на крѣпкіе города и изъ всѣхъ силъ заботились объ ихъ устройствѣ; между прочимъ, Даніилъ устроилъ г. Холмъ, положеніе котораго было такъ удачно, что онъ тотчасъ же пріобрѣлъ значеніе центральнаго пункта территоріи. По призыву князей-братьевъ въ земли ихъ бѣжали изъ мѣстностей, разоренныхъ татарами, всякаго рода ремесленники и художники, шли ляхи и нѣмцы, евреи и армяне. Промышленная и торговая дѣятельность находила себѣ въ Галицко-Владимірской Руси благопріятную почву и покровительство.

Враждебныя отношенія къ Литвѣ, такъ мѣшавшія мирному теченію жизни земли, Даніилъ обратилъ въ дружескія: родство, въ которое онъ вступилъ съ

Миндовгомъ, великимъ княземъ Литовскимъ, завязало первый узелъ тѣхъ русско-литовскихъ связей, которыя имѣли въ дальнѣйшемъ такія огромныя послѣдствія для обѣихъ сторонъ.

Но татары зорко слѣдили за Галицко-Владимірской Русью. Укрѣпленіе земли городами, союзъ съ Литвой, сношенія съ западными государствами, среди которыхъ папа проповѣдывалъ походы противъ монголовъ,—все это не укрылось отъ ихъ вниманія. Темникъ Куремса, который жилъ въ дружбѣ съ Даніиломъ, былъ отозванъ, и вмѣсто него посланъ „злой, безбожный“ Бурундай. Бурундай потребовалъ, чтобы городскія укрѣпленія были снесены, и добился этого—спасся только Холмъ; добился и разрыва союза съ Литвою. Нѣсколько разъ орда Бурундая, подъ разными предлогами, дѣлала опустошительные набѣги на Волынскую и Галицкую земли. Все это ослабляло, конечно, силы Галицко-Волынской Руси, но не подавляло ея роста. Ростъ этотъ, надо думать, опирался въ значительной степени на тѣ отношенія, какъ экономическія, такъ и политическія, которыми Даніилъ старался связать свою Русь съ сосѣдними западно-европейскими государствами: по крайней мѣрѣ, многочисленныя свидѣтельства иностранныхъ писателей о Даніилѣ и его времени заставляютъ предполагать эти связи. Римская курія засылаетъ въ Галицію своихъ миссіонеровъ, которые хлопочутъ о соединеніи церквей; папа даетъ Даніилу королевскій титулъ. Такимъ образомъ на юго-западной окраинѣ русской территоріи возникло „королевство Руси“, новый политическій центръ, сосредоточившій въ себѣ на нѣкоторое время всю историческую жизнь южно-русскаго народа. Но значеніе этого центра, къ сожалѣнію, тѣсно было связано съ талантливою личностью Даніила и не долго пережило его, хотя и не исчезло, какъ полагаютъ, съ его смертію (1264 г.).

Чтобы ясно представить себѣ дальнѣйшую историческую судьбу Галицко-Владимірской Руси, необходимо помнить слѣдующее: монгольское завоеваніе произвело важное измѣненіе въ территоріальныхъ условіяхъ Галицко-Волынской земли, а отсюда и въ ея политическихъ судьбахъ: оно ее отодвинуло съ юга на сѣверъ. Татарская орда отрѣзала Галицкому княжеству установившіяся торговыя связи съ Чернымъ моремъ: „люди татарскіе“ и „города, сидящіе за татары“ съ ихъ автономнымъ устройствомъ и выборными атаманами оттѣснили княжескую, государственную, Русь не только отъ Приднѣстровья (Понизья, Подолья), но и Приднѣпровья. Но богатая естественная производительность страны и развитая промышленность ея городовъ требовали торговыхъ путей и рынковъ. Такъ какъ на югѣ пути эти были заложены, движеніе устремилось къ сѣверу. Завязываются оживленныя торговыя сношенія съ нѣмецкими городами, въ особенности съ Торномъ. Въ то же время Галицко-Владимірская Русь, оттѣсняемая съ юга, стала и территоріально расширяться къ сѣверу—въ сторону наименьшаго сопротивленія. Прежде всего, она захватила въ свою власть мелкія Туровско-Пинскія княжества. О завоеваніи земли ятвяжской, извѣстной впослѣдствіи подъ именемъ Подляхіи, было сказано выше. Послѣ монгольскаго нашествія земля эта была окончательно завоевана соединенными силами галицкаго и волынскаго князей, колонизована, и части ея, подъ име-

немъ Дрогичина, Мельника и земли Берестейской, вошли въ составъ Галицко-Владимірской Руси. Отъ Польши была присоединена Люблинская земля, между Западнымъ Бугомъ и Вепремъ. Въ связи съ этимъ отливомъ жизненной энергіи къ сѣверо-западу, дальше отъ татаръ и ихъ союзниковъ, находится и то значеніе, какое пріобрѣлъ Холмъ, только-что возникшій, также и то, что столица Галицкой земли перенесена была сыномъ Даніила Львомъ изъ Галича въ Львовъ. Центральнымъ, по значенію, городомъ для всей территоріи теперь сдѣлался Владиміръ, откуда легче всего было держать въ рукахъ всю вновь присоединенную сѣверную окраину государства.

Такимъ образомъ на мѣсто цѣлой группы самостоятельныхъ областей удѣльнаго періода въ южной Руси въ XIII в. оказался лишь одинъ большой политическій организмъ, съ болѣе или менѣе объединенной жизнью. Его территорія соотвѣтствовала территоріямъ старыхъ княжествъ Волынскаго и Галицкаго, но была значительно урѣзана съ юга и расширена съ сѣвера. Это расширеніе поставило новое государство въ необходимость такихъ тѣсныхъ сношеній съ Литвой и Польшей, какой раньше совсѣмъ не представлялось. Врѣзались одна въ другую территоріи этихъ трехъ народностей, переплетались и ихъ государственные или княжескіе интересы.

Послѣ смерти Даніила, за которымъ скоро послѣдовалъ и братъ его Василько, во главѣ объединеннаго государства стоялъ около двухъ десятковъ лѣтъ (1271—1289) Владиміръ Васильковичъ, причемъ галицкая половина государства была подѣлена между сыновьями Даніила. Владиміръ этотъ выступаетъ, изъ подробныхъ сказаній о немъ лѣтописи, съ чертами трогательно симпатичными. Человѣкъ несомнѣнно энергичный и умный, философски образованный, онъ понималъ свое положеніе князя такъ, что передъ смертью своею роздалъ все свое огромное движимое имущество бѣднымъ: „золото и серебро и дорогіе камни, пояса золотые и серебряные своего отца и свои — все роздалъ; блюда большія серебряныя и кубки золотые и серебряные самъ передъ своими глазами велѣлъ побить и отлить въ гривны, также и монеты золотыя своей бабы и матери, и разослалъ по всей землѣ; а стада роздалъ убогимъ людямъ, у кого не было коней или у кого погибли отъ татаръ... Плакали послѣ его смерти—продолжаетъ лѣтописецъ—мужи, и жены, и дѣти, нѣмцы, и сурожьци, и новгородцы, и жиды, и нищіе, и убогіе, и черноризцы, и черницы“.

Князь такихъ выдающихся душевныхъ качествъ могъ съ достоинствомъ управлять государствомъ, созданнымъ талантливостью Даніила, и, дѣйствительно, Галицко-Владимірская Русь и при немъ продолжаетъ свое существованіе, какъ государство сильное и пользующееся общимъ признаніемъ и уваженіемъ. Старшій сынъ Даніила, Шварно, долженъ былъ наслѣдовать по женѣ Литву; но съ нимъ вступилъ въ борьбу братъ его Левъ, интриги котораго навлекли на государство новое опустошеніе со стороны татаръ. Наслѣдникомъ Владиміра Васильковича былъ третій сынъ Даніила, Мстиславъ, но на его княженіи прекращается „Ипатская лѣтопись“, — почти единственный источникъ для исторіи этого Русскаго государства,—и мы останавливаемся въ недоумѣніи: сама ли жизнь, лишенная твердаго и надежнаго руководительства, прервала

свое спокойное и правильное поступательное теченіе, или хаотическое впечатлѣніе, выносимое изъ знакомства съ этой эпохой, зависитъ только отъ того, что у насъ нѣтъ цѣльнаго ея образа, а долетаютъ лишь неясные обрывки и отголоски совершавшихся событій?

Одно несомнѣнно: Галицко-Владимірское государство продолжало существовать почти всю первую половину XIV вѣка, при сыновьяхъ и внукахъ. Въ рукахъ Юрія I Львовича еще разъ были соединены всѣ земли Владимірско-Галицкой Руси, и онъ самъ носилъ, по примѣру дѣда, титулъ короля Руси, „rex Russiae“. Его два сына, Андрей и Левъ Юрьевичи, повидимому, снова подѣлили между собой Волынь и Галичину: отъ нихъ осталось нѣсколько грамотъ. Изъ этихъ грамотъ мы знаемъ, что князья-братья покровительствовали торговлѣ своей земли съ нѣмецкими городами, что они заключали союзы съ крестоносцами, узнаемъ также изъ одного письма польскаго короля Владислава, что западъ смотрѣлъ на галицко-волынскихъ князей какъ на свой главный оплотъ отъ татаръ. Князья носятъ въ грамотахъ титулъ: „милостію Божіей князь Руси“ (Dei gratia dux Russiae). Интересно еще и то обстоятельство, что потомки Даніила всегда подписываются на грамотахъ вмѣстѣ со своими „вельможами и соратниками“, или „cum baronibus et commilitibus nostris“: бароны это — воеводы главнѣйшихъ городовъ земли и епископы. Повидимому, въ Галицко-Владимірской Руси вельможи свѣтскіе и духовные составляли нѣчто въ родѣ сената при князѣ. Андрей и Левъ Юрьевичи были, сколько можно судить, послѣдними потомками Даніила по мужскому колѣну. Права наслѣдства на Галицко-Волынское княженіе переходятъ къ потомкамъ Даніила по женской линіи мазовецкому князю Болеславу Тройденовичу, который подъ именемъ Юрія Второго еще разъ соединилъ подъ своею властью оба княжества. Любопытно, что въ одной грамотѣ отъ 1335 г. онъ называетъ себя „dux totius Russiae Minoris“: такимъ образомъ, впервые появляется на свѣтъ Малая Русь. Иноземецъ и католикъ по воспитанію, Юрій-Болеславъ не смогъ, повидимому, установить правильныхъ отношеній къ своимъ подданнымъ и былъ отравленъ (1340). Тотчасъ по его смерти земли его очутились во власти литовскаго князя Любарта Гедиминовича, на сестрѣ котораго былъ женатъ Юрій-Болеславъ. Но какъ князь мазовецкій, Юрій-Болеславъ имѣлъ своимъ сюзереномъ польскаго короля Казиміра. Началась долгая борьба Польши съ Литвою, которая кончилась дѣлежемъ русскаго наслѣдства между этими сосѣдями, — дѣлежемъ, повлекшимъ за собою такія важныя и длительныя послѣдствія, результатъ которыхъ еще не исчерпанъ исторіей.

Но въ то время, какъ Волынская и Галицкая земли, или Галицко-Владимірская Русь, оправившись отъ монгольскаго нашествія, продолжала существовать въ качествѣ политическаго тѣла извѣстнаго вѣса и значенія,—что же представляла собой остальная южная Русь?

Черниговской и Туровской земель, разбившихся на мелкія черниговосѣверскія и туровско-пинскія княжества, мы уже коснулись выше, а далѣе еще будемъ имѣть случай вернуться къ ихъ судьбамъ. Переяславское княжество, сторожевая линія отъ степи, потеряло смыслъ своего существованія,

послѣ того какъ степные кочевники завладѣли Русской землей. Такимъ образомъ, вопросъ сводится къ Кіеву и Кіевской землѣ: что сталось послѣ монгольскаго нашествія съ Кіевской Русью? Но прежде, чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, необходимо нѣсколько отклониться въ сторону.

Вопросъ этотъ въ нашей литературѣ имѣлъ совсѣмъ особую судьбу. Онъ тѣсно связался съ другимъ вопросомъ, на первый взглядъ, совсѣмъ отъ него независимымъ: вопросомъ о происхожденіи малорусскаго племени въ его отношеніи къ племени великорусскому. Хотя связь эта не заключаетъ въ себѣ ничего неизмѣнно необходимаго, но, тѣмъ не менѣе, она понятна. Въ самомъ дѣлѣ, въ теченіе всего этого историческаго періода, который заканчивается монгольскимъ нашествіемъ, исторію нашу дѣлаютъ группы восточно-славянскихъ или русскихъ племенъ, обособившихся по областямъ, но какъ-будто бы не обнаруживающихъ того глубокаго распаденія на два русла, которое усматривается позже. Нашествіе варваровъ, со всѣми своими ужасами и послѣдствіями, скрываетъ отъ насъ на нѣкоторое время историческую сцену, особенно въ той ея части, на которой шла до тѣхъ поръ самая интенсивная жизнь,— въ Руси Приднѣпровской. Когда туманъ, облекавшій собою болѣе или менѣе всю русскую землю, совершенно разсѣивается, мы усматриваемъ на нашей территоріи два большихъ развѣтвленія русской народности, какъ бы поглотившія собою прежнія племенныя особенности, народности южно-русскую и сѣверно-русскую. Какимъ же образомъ могло это случиться?

Писатели, съ великорусскими симпатіями и съ потребностью искать для этихъ симпатій историческихъ утвержденій, разсуждали по этому поводу такъ: Батый со своими монголами совершенно опустошилъ Приднѣпровскую Русь, остатки населенія, спасшіеся отъ истребленія, вѣроятно, ушли на сѣверъ; вслѣдъ затѣмъ на опустѣвшую территорію, по всей вѣроятности, началась колонизація съ запада, отъ Карпатскихъ горъ, изъ Галицкой Руси. Эти-то колонисты, конечно, и принесли съ собою на югъ Россіи малорусскій языкъ и типъ. Слѣдовательно, тотъ русскій народъ, который жилъ до тѣхъ поръ въ Приднѣпровьѣ, дѣлая кіевскую исторію, и съ монгольскимъ нашествіемъ переселился на сѣверъ, былъ народъ великорусскій. Писатели съ малорусскими симпатіями выставляли такое разсужденіе: Батыево нашествіе не опустошило окончательно южной Руси и не изгнало ея населенія на сѣверъ—на такую эмиграцію населенія нѣтъ никакихъ историческихъ указаній; точно также исторія не даетъ никакихъ намековъ на счетъ колонизаціи опустошенной Кіевщины галицкими колонистами. Оба утвержденія есть ни на чемъ не основанныя выдумки. Но такъ какъ населеніе оставалось на своихъ мѣстахъ, а оно оказывается впослѣдствіи малорусскимъ, то, слѣдовательно, всю нашу древнюю исторію дѣлало племя малорусское.

Такимъ образомъ, вопросъ объ опустошеніи Кіевской Руси монголами оказался тѣсно связаннымъ съ вопросомъ о древности и значительности той или другой отрасли русскаго народа и его исторической роли. Мы указали на эту постановку въ виду того интереса, какой она возбуждала и продолжаетъ возбуждать у ученыхъ и писателей двухъ національныхъ лагерей. Но мы

не будемъ вдаваться въ подробности этого спорнаго пункта. Для насъ достаточно указать, что разсмотрѣніе и взвѣшиваніе историческихъ свидѣтельствъ должно привести къ убѣжденію, что полнаго запустѣнія и уничтоженія населенія на югѣ Россіи не было,—убѣжденію, тѣмъ болѣе обоснованному, что нѣкоторыя спеціальныя особенности южно-русскаго нарѣчія обнаруживаются уже въ памятникахъ XII в., слѣдовательно, до нашествія монголовъ.

Ни Кіевская земля, ни даже самъ Кіевъ, не были уничтожены татарскимъ нашествіемъ. Кіевъ, снести который, конечно, было легче, чѣмъ обезлюдить землю, несомнѣнно продолжалъ существовать непосредственно вслѣдъ за Батыевымъ разореніемъ: объ этомъ свидѣтельствуетъ, между прочимъ, тотъ же Плано-Карпини, на котораго обыкновенно ссылаются въ доказательство полнаго опустошенія южной Руси; Кіевъ не только продолжалъ существовать, но и вести внѣшнюю торговлю. А относительно Кіевской земли нѣтъ ни малѣйшихъ основаній предполагать, чтобы она была разорена болѣе, чѣмъ какая-либо другая русская земля изъ подвергшихся нашествію, сѣверная или южная. Однако, есть извѣстное основаніе, въ силу котораго относительно Кіевской земли установилось мнѣніе о ея исключительномъ и полномъ разореніи. Дѣло въ томъ, что весь XIII вѣкъ, послѣ нашествія, въ лѣтописяхъ совсѣмъ нѣтъ извѣстій о Кіевской землѣ: нѣтъ извѣстій потому, конечно, что нѣтъ самой земли,—такъ заключили нѣкоторые историки. А, между тѣмъ, это молчаніе имѣетъ свое вполнѣ удовлетворительное объясненіе. Выше мы имѣли случай указать на то, что еще до нашествія татаръ города по Тетереву и Горыни, вслѣдъ за таинственными болоховцами, пользуясь ослабленіемъ власти великаго князя кіевскаго, выдѣлились изъ состава княжескихъ земель и сложились въ союзы автономныхъ общинъ. Монголы не разоряютъ этихъ территорій, вѣроятно, вступившихъ добровольно въ ихъ подданство и выразившихъ готовность исполнять извѣстныя обязательства; послѣ нашествія уже вся западная часть Кіевской области оказывается въ числѣ „людей сидящихъ за татары". Но лѣтопись даетъ намъ указаніе и намеки на счетъ существованія этихъ новыхъ политическихъ отношеній только потому, что Даніилъ галицкій и сынъ его Шварно предпринимали сюда завоевательные походы. Иначе лѣтописецъ не коснулся бы этихъ земель, гдѣ не было князей, слѣдовательно, не совершалось ничего, достойнаго вниманія съ его точки зрѣнія. Если предположить, что это новое положеніе, захватывавшее западную половину Кіевской области, распространено было и на восточную, то молчаніе лѣтописи о Кіевской землѣ совершенно объясняется. Самоуправляющіяся городскія общины, безъ князей и верхняго сословія, которое дѣйствительно могло быть уничтожено нашествіемъ, скромно продолжали свое незамѣтное существованіе подъ татарскимъ покровительствомъ, не проявляя себя никакими дѣлами, интересными для лѣтописца. Не интересныя лѣтописцу, онѣ легко просматриваются и современнымъ историкомъ. Историческая жизнь снова начинается для нихъ только тогда, когда ходъ событій опять затягиваетъ ихъ въ государственную связь.

Главные источники: Антоновичъ, В. Б., „Литографированныя лекціи"; Соловьевъ, „Исторія Россіи"; Иловайскій, „Исторія Россіи"; Забѣлинъ, „Исторія

русской жизни"; Бестужевъ-Рюминъ, „Русская исторія"; Погодинъ: „Древняя русская исторія до Монгольскаго ига", „Лѣтопись преп. Нестора по Лаврентьевскому списку", „Ипатская лѣтопись"; Голубинскій, „Исторія русской церкви"; Грушевський, „Історія Украіни-Руси"; Грушевскій, „Исторія Кіевскаго княжества"; Ивановъ, „Исторія Волынской земли"; Андріяшевъ, „Очеркъ исторіи земли Волынской"; Багалѣй, „Исторія Сѣверской земли"; Лясколонскій, „Исторія Переяславской земли до половины XIII в."; Дашкевичъ: „Княженіе Даніила Галицкаго", „Болоховская земля" („Тр. Арх. 3-го Съѣзда"), „Новѣйшіе домыслы о Болоховѣ"; Молчановскій, „Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ"; Голубовскій, „Печенѣги, торки и половцы"; Зубрицкій: „Исторія древняго Галичско-Русскаго княжества", „Критико-историческая повѣсть временныхъ лѣтъ"; Батюшковъ: 1) „Волынь", 2) „Подолье". 3) „Холмская Русь"; Макушевъ, „Сказанія иностранцевъ о бытѣ и нравахъ Славянъ"; Аристовъ: „Промышленность древней Руси". „Христоматія по исторіи древней Руси"; Утинъ, „Юридическая христоматія"; Сергѣевичъ, „Лекціи и всѣ монографіи по исторіи русскаго права"; Лешковъ, „Русскій народъ и государство"; Владимірскій-Будановъ: „Лекціи по исторіи русскаго права", „Христоматія по исторіи русскаго права"; Леонтовичъ, „Исторія русскаго права"; Бѣляевъ: „Лекціи по исторіи русскаго права", „Разсказы изъ русской исторіи", „Крестьяне на Руси"; Гр. Толстой, „Древнія монеты Кіевскаго княжества"; Замысловскій, „Учебный атласъ по русской исторіи".

Глава четвертая.

Южная Русь въ составѣ Литовскаго государства: политическое положенiе; внутреннiй бытъ; Русь Галицкая.

I.

Въ XIV вѣкѣ мы какъ бы наново присутствуемъ при началѣ русской исторiи, вторично наблюдаемъ процессъ созиданiя русской государственности. Какъ нѣкогда загадочная Русь, въ видѣ немногочисленной воинственной дружины, собирала изъ Кiева во-едино южно-русскiя племена, закладывая основы Русскаго государства, такъ и теперь относительно малочисленная воинственная Литва изъ своихъ отдаленныхъ принѣманскихъ поселенiй собираетъ во-едино всѣ разрозненныя политическою смутою удѣльнаго перiода и бѣдствiями татарскаго нашествiя западныя и южныя русскiя земли, созидая новое Литовско-Русское государство, которое, по составу своего населенiя, съ полнымъ правомъ могло бы быть названо Западно-Русскимъ. Процессъ, какимъ совершалось объединенiе тогда и теперь, заключалъ въ себѣ, повидимому, много общаго. Конечно, дѣло не обошлось безъ принужденiя, насилiя; но во второмъ случаѣ, какъ и въ первомъ, нельзя усмотрѣть, чтобы насилiе приняло характеръ завоеванiя въ настоящемъ смыслѣ этого слова. Надо полагать, что навстрѣчу объединительнымъ стремленiямъ Литвы, какъ и древней Кiевской Руси, шли если не сознательныя, то инстинктивныя симпатiи народныхъ массъ, чувствующихъ потребность въ защитѣ со стороны сильнаго третьяго, извлекающаго выгоды изъ этой защиты. Литовскiе князья выгоняютъ изъ русскихъ земель князей дома Владимiра Св., чтобы сѣсть на ихъ мѣста, повидимому, такъ же легко и просто, какъ и сами южно-русскiе удѣльные князья выгоняли другъ друга, причемъ участiе земель могло быть или совершенно пассивнымъ, или активнымъ въ одну или другую сторону, смотря по обстоятельствамъ случая. Все это заставляетъ предполагать, что между литовскимъ и русскимъ народомъ существовала близость еще прежде, чѣмъ они появились передъ нами, какъ объединители и объединяемые, въ общей государственной связи.

Какого рода могла быть эта близость?

Одни изъ самыхъ древнихъ насельниковъ Европы, литовцы, занимали равнину вдоль восточныхъ береговъ Балтійскаго моря, между нижними теченіями Западной Двины и Вислы, съ главнымъ средоточіемъ на среднемъ и нижнемъ Нѣманѣ. Литва была замкнута въ своихъ лѣсахъ, между рѣками, озерами, болотами. Но близкое сосѣдство съ западно-русскими племенами, съ Кривичской Русью, ушедшей уже далеко впередъ въ культурномъ отношеніи, рано должно было отражаться на Литвѣ принѣманской, которой и пришлось сдѣлаться центромъ будущаго государства. Русскіе торговцы пересѣкали литовскую территорію, предлагая за дорогіе мѣха, доставляемые ея пущами, за янтарь ея побережья, столь цѣнимый всей культурной древностью, блестящія бездѣлушки и украшенія, привлекательныя для лѣсного дикаря; русскія поселенія врубались въ литовскіе лѣса. Съ другой стороны, литовцы, ознакомившись съ нѣкоторыми удобствами культурнаго быта, не прочь были добыть ихъ и легкимъ путемъ набѣговъ на пограничныя русскія области, а русскіе князья—и великіе кіевскіе, начиная съ Ярослава, и сосѣдніе удѣльные—время-отъ-времени пытаются положить предѣлъ литовскимъ грабежамъ и сдѣлать литвиновъ своими данниками, для чего предпринимаютъ походы на литовскую территорію и рубятъ тамъ городки. Но, несмотря на это, характеръ мирныхъ отношеній между этими двумя народностями преобладаетъ: помимо прямыхъ историческихъ показаній, объ этомъ свидѣтельствуютъ ихъ языкъ и миѳологія, носящіе слѣды взаимнаго сближенія. Вліяніе русской культуры начало овладѣвать Литвой еще въ то время, когда она не выработала себѣ даже и элементарныхъ формъ политической жизни, продолжая жить раздѣльными племенами, разбитыми на роды. Литовцы нанимались въ военную службу къ русскимъ князьямъ сосѣднихъ областей, главнымъ образомъ, Полоцкой, и, возвращаясь домой, вѣроятно, приносили съ собой не только технику военнаго дѣла, но и обычаи, языкъ и даже православную религію.

Такимъ образомъ, когда для принѣманской Литвы наступило время тяжелаго испытанія, когда къ ней приблизились съ двухъ сторонъ владѣнія нѣмецкихъ рыцарей, крестоносцевъ и меченосцевъ, угрожавшихъ ей тою же судьбой, какая постигла ея родичей, пруссовъ и жемиголу, Литва эта оказалась на высотѣ положенія. Менѣе чѣмъ въ столѣтіе сплотилась она въ сильное военное государство, готовое къ дѣйствію на два фронта: къ неустанному и напряженному отпору рыцарей и къ широкому наступательному движенію на ослабленныя своею расчлененностью и разрозненностью русскія области, съ цѣлью втянуть ихъ въ общую политическую связь и тѣмъ увеличить свои силы. Движеніе это быстро достигло и южной Руси.

Великимъ собирателемъ во-едино земель литовскихъ и русскихъ обыкновенно почитается Гедиминъ (1316—1341 г.), „король литовскій и русскій", какъ онъ титуловалъ себя въ сношеніяхъ съ иноземными западными державами. Историческое преданіе обыкновенно пріурочиваетъ къ излюбленному лицу такое количество событій и подвиговъ, которое дѣлаетъ изъ этого лица настоящаго сказочнаго богатыря. Съ такими сказочными чертами перешелъ въ исторію и Гедиминъ. Современная историческая критика, не отрицая крупныхъ

размѣровъ этой выдающейся личности, тѣмъ не менѣе, многое, что приписывалось до сихъ поръ Гедимину, отнесла къ его предшественникамъ и въ особенности къ его преемникамъ, между которыми, по отношенію къ русскимъ землямъ, первое мѣсто принадлежитъ его сыну Ольгерду.

Часть территоріи кривичей, т.-е. западно-русской, присоединена была къ Литвѣ еще до Гедимина; но, повидимому, лишь при Гедиминѣ поступательное движеніе Литвы коснулось и южной Руси. Надо полагать, что именно имъ присоединены были къ Литвѣ двѣ области, значительныя по территоріи, но уже не имѣвшія притязаній на самостоятельное политическое значеніе; это — Подляшье, бывшая Ятвяжская земля, завоеванная и колонизованная усиліями князей Романовичей, и Полѣсье или Туровско-Пинское княжество. Разбитая на много мелкихъ княжествъ, Туровско-Пинская земля, въ концѣ концовъ, должна была сдѣлаться достояніемъ сильныхъ сосѣдей. Одно время галицко-волынскіе князья держали эту землю въ зависимости. Но съ усиленіемъ Литвы и расширеніемъ ея предѣловъ, Туровско-Пинская область вошла въ составъ Литовскаго государства; впрочемъ, нѣкоторые изъ ея князьковъ-отчичей сохраняли свои княжества и подъ литовскою властью. Такимъ образомъ, границы владѣній Гедимина на югѣ шли, какъ кажется, по Днѣпру до устья Припети, затѣмъ, переходя Припеть, соприкасались съ сѣверными предѣлами земель Кіевской и Волынской до Западнаго Буга. Уже болѣе двухъ третей территоріи Литовскаго государства состояло изъ земель, занятыхъ русскими племенами; числовому преобладанію соотвѣтствовало и культурное вліяніе. Хотя самъ Гединимъ придерживался языческаго культа, но почти всѣ его многочисленные сыновья были женаты на русскихъ православныхъ княжнахъ, а одинъ изъ нихъ, еще при жизни отца, крестился по православному обряду. Но настоящее преобладаніе русскому элементу въ Литовскомъ государствѣ далъ Ольгердъ (1377 г.).

Политическій дуализмъ, который водворился послѣ смерти Гедимина въ Литовскомъ государствѣ усиліями Кейстута и Ольгерда, двухъ даровитыхъ его сыновей, устранившихъ отъ участія во власти остальныхъ братьевъ, оказался очень выгоднымъ для дѣла объединенія русской народности. Вручивъ Кейстуту борьбу съ рыцарями, Ольгердъ имѣлъ возможность сосредоточить все свое вниманіе на русскихъ земляхъ.

Литвинъ по отцу, русинъ по матери—Ольгердъ былъ, во всякомъ случаѣ, пріемнымъ сыномъ русскаго народа. Начиная съ ранней юности, три четверти своей жизни провелъ онъ въ Витебскѣ, сначала какъ наслѣдникъ княжескаго стола, затѣмъ какъ владѣтельный князь земли Витебской. За это время онъ совершенно сроднился съ русскимъ языкомъ и обычаями, съ русской культурою; есть полное основаніе думать, что онъ былъ православнымъ, хотя въ качествѣ великаго князя литовскаго и скрывалъ это по политическимъ соображеніямъ: по крайней мѣрѣ, достовѣрно извѣстно, что почти всѣ его сыновья были крещены по православному обряду. И не только симпатіи привязывали его къ русской народности, но и серьезныя политическія соображенія. Передъ нимъ лежали обширныя и прекрасныя области южной Руси. Области эти въ

значительной степени вырвались изъ старыхъ государственныхъ связей, расползлись на свои составные элементы, которые влачили свое существованіе подъ тяготѣніемъ власти степныхъ хищниковъ. Правда, власть эта не посягала на ихъ существованіе и даже обезпечивала матеріальную сторону этого существованія, но она преграждала путь всякому дальнѣйшему развитію, общественному и духовному. Такимъ образомъ, области эти какъ бы ждали лишь сильной руки, чтобы высвободиться изъ-подъ вліянія татаръ и посредствомъ новой государственной связи втянуться въ общее культурное движеніе. Съ другой стороны, и великій князь литовскій ясно видѣлъ всѣ выгоды и для самой Руси и для Литвы такого объединенія этихъ южно-русскихъ областей съ остальной, уже объединенной, литовско-русской территоріей. Укрѣпивъ свое вліяніе на Смоленскъ, Ольгердъ въ началѣ второй половины XIV вѣка приблизился такимъ образомъ къ границамъ Черниговo-Сѣверской земли. Въ это время старшими (великими) князьями черниговскими считались князья брянскіе: татарское нашествіе, отъ котораго сильно пострадало Черниговo-Сѣверское княжество, отодвинуло политическій центръ этого княжества изъ земли сѣверянъ въ землю вятичей, въ лѣсистыя и болотистыя верховья Десны и Оки. Вслѣдъ за присоединеніемъ къ великому княжеству Литовскому Брянскаго удѣла, перешла во власть Литвы вся западная часть Сѣверщины, по Сожи, Снови и Деснѣ; восточная ея часть была разбита на много мелкихъ княжествъ, которыя носили общее названіе „верховскихъ княжествъ", и находилась пока въ рукахъ старыхъ русскихъ князей, потомковъ Святослава Черниговскаго, колеблющихся то въ сторону Литвы, то Москвы и Рязани. А за Десною, южной границей Черниговской земли, уже начиналась степь; по другую сторону Днѣпра сидѣли „татарскіе люди" (т.-е. данники) и стояли „города за татары". При всякомъ движеніи впередъ столкновеніе съ татарами было неизбѣжно. Очевидно, Ольгердъ искалъ этого столкновенія, такъ какъ оно произошло (1362 г.) въ глубинѣ степей, на территоріи, занятой Подольской ордой, на Синихъ Водахъ, притокѣ южнаго Буга. Моментъ былъ выбранъ удачно. Смута въ Золотой ордѣ не позволила ей подать помощь столь отдаленному западному улусу. Побѣда надъ тремя татарскими ханами передала въ руки Литовскаго князя Побужье и Поднѣстровье, территорію, извѣстную съ XIV вѣка подъ именемъ Подолья, земли Подольской, теперь очищенной отъ кочевниковъ. Въ предѣлы этихъ новыхъ пріобрѣтеній Литвы входила, приблизительно, вся лѣвая половина Днѣстровскаго бассейна, отъ устья рѣки Серета до Чернаго моря, весь бассейнъ южнаго Буга и прибережная часть южнаго бассейна Днѣпра отъ устья рѣки Роси до моря.

Какъ вошла въ составъ Литовскаго государства территорія бывшей земли Кіевской, исторія ничего не знаетъ объ этомъ. Историческое преданіе, переданное намъ западно-русскими лѣтописями, относитъ этотъ фактъ еще ко времени Гедимина и къ его дѣятельности; но это, очевидно, натяжка. Надо полагать, что присоединеніе Кіевской земли явилось простымъ логическимъ послѣдствіемъ политики Ольгерда, не потребовавшимъ со стороны этого послѣдняго никакихъ особенныхъ мѣръ или усилій. Разъ Подольская орда была

прогнана, и Кіевщина окружена Литовскими владѣніями, дезорганизованной области не было другого выхода, какъ вступить въ общую связь сосѣднихъ областей съ Литвою.

Между тѣмъ, какъ въ одной части южной Руси присоединеніе русскихъ областей шло какъ бы само собой, безъ всякихъ замѣтныхъ усилій и жертвъ со стороны Литвы, въ другой части присоединеніе это сопровождалось многолѣтней упорной борьбой. Литовскій князь Любартъ Гедиминовичъ, младшій братъ Ольгерда, за которымъ стояли общія силы Литовскаго государства, и польскій король Казиміръ Великій съ ожесточеніемъ оспаривали другъ у друга выморочное наслѣдство галицко-волынскихъ князей. Борьба тянулась съ промежутками почти сорокъ лѣтъ (1340—1377 г.), причемъ то одна, то другая сторона брала верхъ.

Годъ смерти Ольгерда былъ и годомъ окончанія этой борьбы, завершившимъ дѣло объединенія областей западной и южной Руси въ одно политическое цѣлое. Волынь, въ составѣ удѣловъ Берестейскаго, Владимірскаго и Луцкаго, окончательно отошла къ Литвѣ, Галиція съ землями Холмской и Бѣльской—къ Польшѣ. Литовское государство простиралось, такимъ образомъ, отъ Балтійскаго моря до Чернаго и отъ верховьевъ Оки и Сейма до Западнаго Буга. Въ государствѣ этомъ первоначальный составной его элементъ—литва, почти терялся въ стихіи русской народности даже въ числовомъ и территоріальномъ отношеніяхъ, уже не говоря о культурности: болѣе девяти десятыхъ территоріи государства занято было русскимъ народомъ.

Внесъ-ли что-нибудь новое Ольгердъ въ жизнь этой русской „державы", которую онъ создалъ своимъ „великимъ разумомъ и смысломъ", своею „крѣпкою думой", державы, о которой онъ „прилежаше всегда день и нощь"—выраженія одной лѣтописи--сѣверно-русской, слѣдовательно, далеко не благосклонной къ этому литовскому „зловѣрному, безбожному и льстивому собирателю русскихъ земель", ставшему поперекъ дороги московскимъ собирателямъ?

Повидимому, нѣтъ. Сколько можно судить о личности и дѣятельности Ольгерда по скуднымъ дошедшимъ до насъ фактамъ, этотъ князь принялъ русскую культуру вплоть до политическихъ началъ, выработанныхъ ея старымъ удѣльнымъ строемъ. Мѣсто старыхъ удѣльныхъ князей, правда, заступили теперь Гедиминовичи; но понятія о правѣ каждаго члена княжескаго рода на долю въ государствѣ, о старшинствѣ, объ отношеніяхъ младшихъ удѣльныхъ князей къ старшему или великому—все это цѣликомъ воспроизводило старо-русскія княжескія понятія и отношенія; національныя литовскія правовыя понятія, повидимому, нѣсколько уклонялись отъ этой старо-русской системы. Такимъ образомъ Ольгердъ распредѣлилъ всѣ русскія области между своими сыновьями, братьями и племянниками. Кіевское княжество достается его сыну Владиміру; Волынская земля—брату Любарту; Подольскую землю дѣлятъ между собой четыре его племянника Коріятовичи; изъ западной, присоединенной, части Черниговскаго княжества выдѣлено было, сколько извѣстно, три удѣла: Дмитрій Ольгердовичъ владѣетъ удѣломъ Брянскимъ и Трубчевскимъ; одинъ изъ младшихъ сыновей Ольгерда, Дмитрій-Корибутъ, называется

въ документахъ княземъ новгородскимъ и „сѣверскимъ" (удѣлъ Новгородъ-Сѣверскій), и ему же, повидимому, принадлежалъ Черниговъ; племянникъ Ольгерда Патрикій Наримунтовичъ управляетъ удѣломъ Стародубскимъ и Рыльскимъ. Для южной Руси происшедшія въ ней политическія перемѣны были мало чувствительны. Кое-гдѣ на мелкихъ удѣлахъ остались старые князья, потомки Владиміра Св.; на крупныхъ удѣлахъ сидѣли уже Гедиминовичи, но такіе же православные, почти такіе же русскіе по языку и обычаямъ, какъ и прежніе князья, только болѣе энергичные и, главное, болѣе сильные, чувствующіе за собой поддержку великаго князя литовскаго.

Казалось, дальнѣйшее существованіе и правильное самостоятельное развитіе южно-русской народности на ея собственныхъ основахъ было совершенно обезпечено... Между тѣмъ и десяти лѣтъ не протекло со смерти Ольгерда, какъ произошло событіе, которое дало крутой поворотъ исторіи Литовско-Русскаго государства. Не только спеціалистъ-историкъ, но и всякій мыслящій человѣкъ невольно остановится передъ этимъ 1386 годомъ *), съ его роковыми послѣдствіями для трехъ сосѣднихъ народностей, и задумается надъ значеніемъ того, что принято презрительно называть „исторической случайностью". Конечно, то обстоятельство, что сынъ Ольгерда, Ягелло, женился на Ядвигѣ, наслѣдницѣ польской короны Пястовъ, нельзя назвать иначе, какъ одною изъ тѣхъ случайностей, которыми полна жизнь. А, между тѣмъ, еще и современныя поколѣнія передадутъ будущимъ задачу распутать тѣ узлы, какіе завязала эта случайность. Не будь этого брака, не было бы уніи Литовско-Русскаго государства съ Польшей, сначала личной и династической, а затѣмъ и государственной, а, главное, литовская народность приняла бы христіанство не по католическому, а по православному обряду. Обращеніе въ католицизмъ литовскаго народа создало, прежде всего, фальшивое положеніе. Еще не дала себя ничѣмъ знать ни католическая нетерпимость съ тягостной навязчивостью пропаганды, ни вліяніе шляхетскаго строя съ зловреднымъ порабощеніемъ народной массы, а уже въ жизнь Литовско-Русскаго государства внесена была пагубная рознь. Этнографическая разница литовскаго и русскаго народныхъ типовъ, несомнѣнно, образовала бы, подъ воспитательнымъ вліяніемъ общаго религіознаго міровоззрѣнія и соотвѣтствующей ему культуры, одно гармоническое цѣлое; подъ вліяніемъ религіозныхъ различій разница эта выразилась диссонансомъ, который лишь обострился съ ростомъ культуры.

Но все истинно-великое по своимъ послѣдствіямъ развивается и проявляется медленно. Не мало времени прошло до тѣхъ поръ, пока результатъ рокового 1386 года созрѣлъ въ сколько-нибудь ощутительные факты. Пока же на аренѣ литовско-русской исторіи улаживаются новыя отношенія съ Польшей, продолжается старая, непрерывающаяся почти борьба съ Орденомъ, происходятъ смуты между многочисленными литовскими князьями за преобладаніе и удѣлы. Но, мало-по-малу, изъ общаго хаоса событій и лицъ выдвигается замѣчательная личность Витовта, Кейстутова сына; какъ власть имущій, становится

*) Годъ брака Ягелла и Ядвиги.

онъ у государственнаго руля, смѣло отстраняя остальныхъ, и среди смутъ, внѣшнихъ и внутреннихъ, надолго овладѣваетъ положеніемъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ всецѣло и вниманіемъ историка (1392—1430 г.).

Простой подручникъ или намѣстникъ польскаго короля по первоначальнымъ условіямъ своего положенія, Витовтъ въ концѣ своего управленія былъ однимъ изъ вліятельнѣйшихъ государей Европы, и только случайность помѣшала ему вѣнчаться королевской короной, которую непремѣнно хотѣлъ на

Великій князь литовскій Витовтъ.

По Gwagnini.

него возложить германскій императоръ Сигизмундъ. Энергія и искусство, съ какимъ онъ оберегалъ самостоятельность Литовско-Русскаго государства отъ притязаній Польши, полное преобладаніе, какое онъ доставилъ Литвѣ надъ ея исконными врагами-рыцарями, огромное вліяніе, пріобрѣтенное имъ на дѣла сѣверной и восточной Руси—все это создало Литовско-Русскому государству положеніе могущественной державы, хотя, надо сознаться, положеніе очень непрочное, не пережившее его творца.

Герой литовскаго народа, долго вспоминавшаго золотой вѣкъ Витовта, когда слава „храброй Литвы“ распространялась отъ моря до моря, Витовтъ былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и героемъ южно-русской окраины обширнаго государ-

ства. Много урочищъ и развалинъ по берегамъ Днѣпра, Днѣстра и Буга, два вѣка спустя еще, носило имя Витовта. И не мудрено. Если Ольгердъ расширилъ государство присоединеніемъ южно-русскихъ областей, то только Витовтъ окончательно закрѣпилъ это присоединеніе тѣмъ господствомъ надъ степью, которое онъ пріобрѣлъ.

Ланнуа, путешественникъ того времени, проѣзжавшій черезъ южно-русскія степи, сообщаетъ, между прочимъ, что татары такъ боятся Витовта, что его именемъ матери пугаютъ дѣтей. Вся правобережная степь до береговъ Чернаго моря признавала его своимъ господиномъ. Чѣмъ и какъ пріобрѣлъ онъ это господство—мы не знаемъ: надо полагать, что въ значительной степени ловкой политикой. Это время было временемъ смутъ и внутренней борьбы въ Золотой ордѣ; кромѣ того, крымскій ея улусъ сильно тяготѣлъ къ самостоятельному политическому существованію. Вотъ этими-то смутами и неопредѣленностью отношеній, очевидно, и пользовался Витовтъ. Онъ привлекъ въ Литву массу татаръ, частью какъ плѣнниковъ, частью какъ добровольныхъ выходцевъ, вытѣсненныхъ изъ своего отечества политическими смутами, и поселилъ ихъ, щедро надѣливъ и землями и привилегіями. Всѣ изгнанные или убѣжавшіе изъ Золотой орды или Крыма мурзы и даже царевичи находили у него самый гостепріимный пріютъ. Имѣя, такимъ образомъ, полную возможность слѣдить за всѣмъ, что дѣлалось у этихъ сосѣдей, Витовтъ находилъ случаи вмѣшиваться въ ихъ дѣла и пользовался этими случаями, поддерживая то одну партію, то другую. Если есть преувеличенія въ свидѣтельствахъ польскихъ историковъ, что татарскіе ханы короновались у Витовта въ Трокахъ и Вильнѣ (двѣ столицы Литовскаго государства), то вліяніе сильнаго литовскаго князя на политическія событія въ Золотой ордѣ и Крыму, тѣмъ не менѣе, несомнѣнно. Съ его именемъ связывается происхожденіе и утвержденіе династіи Гиреевъ, которой удалось окончательно отдѣлить Крымское ханство отъ Золотой орды. Страшное пораженіе, которое потерпѣлъ при Ворсклѣ (1399 г.) Витовтъ, вмѣшавшись въ распри Тохтамыша съ Тамерланомъ, — потерпѣлъ, несмотря на помощь поляковъ и даже нѣмецкихъ рыцарей, видѣвшихъ въ походѣ Витовта крестовый походъ противъ невѣрныхъ,—еще разъ наглядно показало, какъ неистощима и страшна Азія, снова выбросившая изъ своихъ нѣдръ, вмѣстѣ съ Желѣзнымъ Хромцомъ, безчисленныя полчища; но это пораженіе, за которымъ послѣдовало новое сильное разореніе Кіева Эдигеемъ, не измѣнило характера отношеній, установившихся между Литовско-Русскимъ государствомъ и сосѣдними крымскими или перекопскими татарами. Трудно было предвидѣть въ слабомъ, еще не оперившемся, Крымскомъ ханствѣ, которое становилось на ноги, опираясь на сильную поддержку Витовта, того въ недалекомъ будущемъ опаснаго врага, существованіе котораго опредѣлило собой въ значительной степени дальнѣйшій ходъ общественнаго развитія Литовско-Русскаго государства и, въ особенности, южной его части,—Украинской Руси.

Внѣшнее могущество государства обыкновенно опирается на систему его внутреннихъ отношеній. Такимъ образомъ, если бы мы и не имѣли никакихъ указаній, то вынуждены были бы предположить, что, вѣроятно, Витовтъ про-

извелъ какія-нибудь измѣненія во внутреннемъ строѣ, доставившія ему возможность увеличить средства и силы государства. Документы, дошедшіе до насъ отъ конца XIV и первыхъ трехъ десятилѣтій XV в., т.-е. эпохи Витовта, скудны и числомъ, и содержаніемъ. Но кое-что, касающееся внутренней политики этой эпохи, мы все-таки знаемъ, и знаемъ достовѣрно. Что представляло собою Литовско-Русское государство послѣ смерти Ольгерда—объ этомъ было сказано выше: въ главныхъ чертахъ это была та же самая старая удѣльная Русь.

Витовтъ, далеко не чуждый западно-европейскаго образованія, очевидно, имѣлъ иныя понятія о желательномъ государственномъ строѣ; къ тому же и жизнь подсказывала ему многое. Всѣ южно-русскіе князья, Ольгердовичи, были недовольны возвышеніемъ Кейстутовича въ достоинство великаго князя, и это недовольство дало поводъ Витовту подъ благовиднымъ предлогомъ и незамѣтно произвести важное измѣненіе въ политическомъ строѣ южно-русскихъ княжествъ. Это измѣненіе—замѣна удѣльныхъ князей велико-княжескими намѣстниками. Тотчасъ послѣ своего вокняженія, Витовтъ отобралъ у Дмитрія-Корибута Ольгердовича его Новгородъ-Сѣверскій удѣлъ, Подолье у Ѳедора Коріатовича и Волынь у Ѳедора Любартовича. Вслѣдъ за тѣмъ (1395 г.) лишенъ былъ Владиміръ Ольгердовичъ Кіевскаго княжества, которымъ, впрочемъ, еще владѣлъ короткое время другой Ольгердовичъ, Скиргелло, но по его смерти здѣсь также былъ посаженъ великокняжескій намѣстникъ. Наконецъ, былъ переведенъ подъ непосредственное управленіе великаго князя и второй большой южно-русскій удѣлъ бывшаго Черниговскаго княжества—Брянскій. Правда, удѣлъ Новгородъ-Сѣверскій Витовтъ отдалъ тоже Гедиминовичу, двоюродному брату своему, Ѳедору Любартовичу, но отдалъ его лишь во временное владѣніе, до своей „господарской воли",—условіе, которое низводило князя до положенія простого великокняжескаго подручника или намѣстника; вѣроятно, такой же характеръ имѣла и передача Стародубскаго удѣла—послѣдняго изъ трехъ большихъ удѣловъ Сѣверской земли—родному брату Сигизмунду. Такимъ образомъ Витовтъ разомъ (между 1392—95 годами) нанесъ ударъ удѣльной системѣ на всемъ пространствѣ южной Руси; уцѣлѣло лишь нѣсколько незначительныхъ княжествъ на второстепенныхъ удѣлахъ. Правда, ударъ этотъ оказался не настолько рѣшительнымъ, насколько желалъ бы этого Витовтъ. Время-отъ-времени онъ вынуждаемъ былъ, давленіемъ политическихъ комбинацій, дѣлать уступки. Такимъ образомъ, подъ конецъ своей жизни, онъ отдалъ Черниговъ съ Новгородъ-Сѣверской и Брянской землями въ удѣлъ своему злѣйшему врагу Свидригайлу Ольгердовичу; выдѣлилъ удѣлъ въ землѣ Подольской Дмитрію-Корибуту Ольгердовичу. Очевидно, удѣльный типъ государства еще жилъ въ понятіи общества; къ тому-же этихъ уступокъ требовалъ отъ него польскій король Ягелло, который, движимый родственными чувствами, заботился объ обезпеченіи своихъ братьевъ: а Витовтъ, въ своихъ широкихъ политическихъ замыслахъ, слишкомъ часто нуждался въ дружбѣ Ягелла, обезпечивавшей ему поддержку со стороны Польши. Этими отношеніями съ Польшей объясняется и судьба Подолья. Когда Витовтъ отнялъ эту землю у Ѳе-

дора Коріатовича, то долженъ былъ отдать Ягеллу западную ея часть, Поднѣстровье съ городами Каменцемъ, Смотричемъ, Скалою, Червоноградомъ и Бакотою. Потомъ Витовтъ снова соединилъ всю Подольскую землю въ своей власти. Но послѣ смерти Витовта его уступка части Подолья Ягеллу сдѣлала эту землю такой же безконечной ареной польскихъ притязаній, какою, еще значительно раньше, сдѣлалась земля Волынская. Только Люблинская унія положила окончательный предѣлъ этой постоянной взаимной борьбѣ Литвы и Польши изъ-за Волыни и Подолья,—правда, борьбѣ, большею частью, безкровной, борьбѣ, которая велась не оружіемъ и на военномъ полѣ, а при дворахъ и канцеляріяхъ путемъ дипломатическихъ переговоровъ и политическихъ интригъ.

Итакъ, несомнѣнно, что Витовтъ сыгралъ значительную роль въ политическихъ судьбахъ южной Руси. Положимъ, что удѣльный строй ея жизни и безъ того долженъ былъ пасть, какъ осужденный исторіей; но энергія Витовта ускорила переходъ отъ этого строя къ иному—централизованному типу государственной жизни.

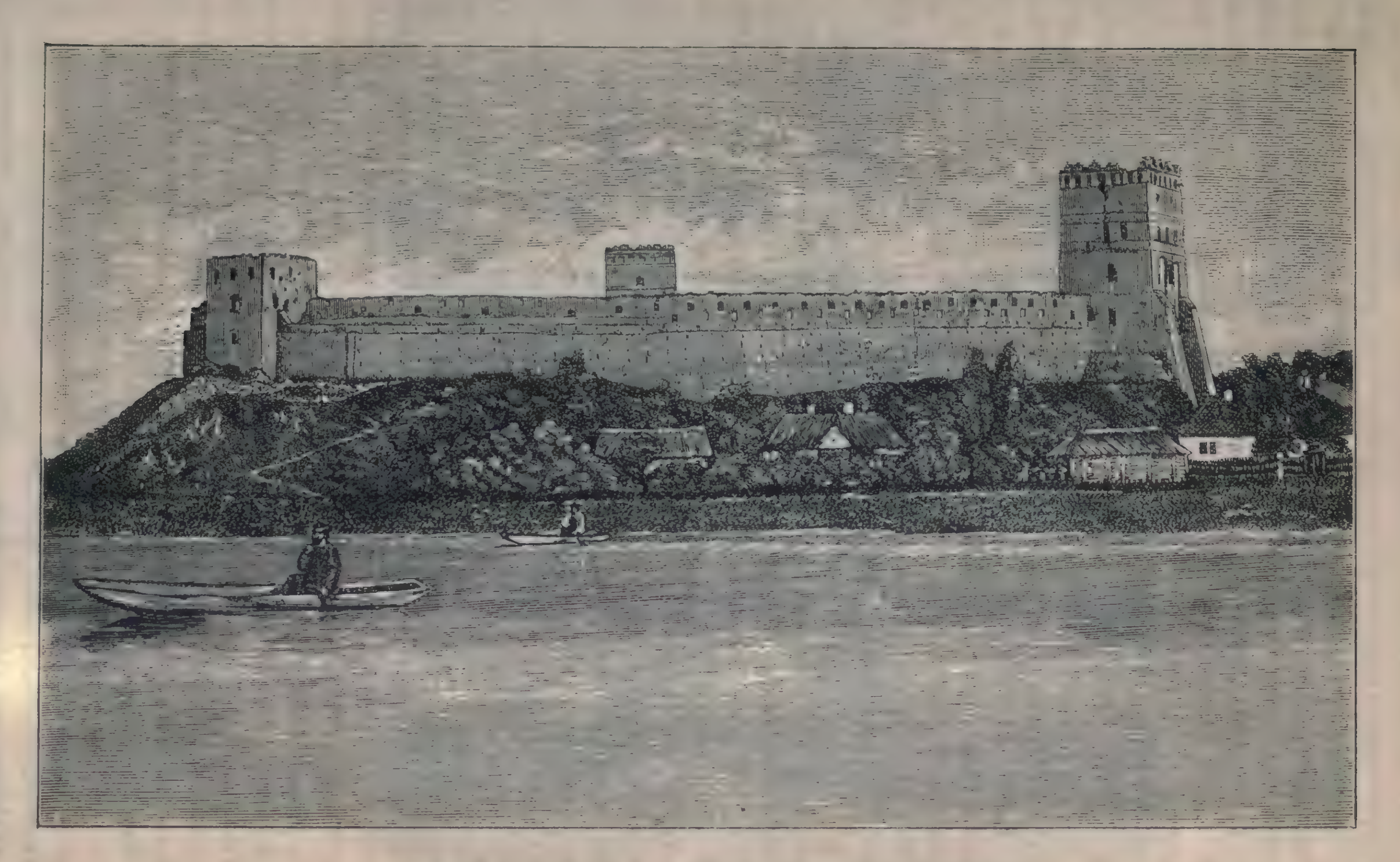
Тѣ отдѣльные случаи возвращенія къ удѣльнымъ порядкамъ, которые мы наблюдаемъ какъ при Витовтѣ, такъ и при его преемникахъ, представляютъ лишь обычные во всякой общественной эволюціи запоздалые отголоски старой традиціи, слишкомъ слабые для того, чтобы помѣшать общему поступательному ходу жизни. Но въ то-же время остается неяснымъ: произвела-ли реформа Витовта какія-нибудь существенныя измѣненія во внутреннемъ строѣ южнорусскихъ земель, или эти измѣненія явились позже, какъ самостоятельный и неизбѣжный результатъ реформы? Есть нѣкоторыя основанія предполагать, что Витовтъ внесъ нѣчто новое, и существенно важное, въ условія внутренняго быта своего государства, а именно: связалъ тѣсной и опредѣленной связью отбываніе военной службы съ землевладѣніемъ; но это только гипотеза.

Хотя память о Витовтѣ долго держалась, какъ сказано выше, въ преданіяхъ южно-русскихъ окраинъ, тѣмъ не менѣе, этотъ несомнѣнно высоко-одаренный князь въ общемъ остался чуждымъ русской народности, не сроднился съ нею, какъ его дядя Ольгердъ. Чистый литвинъ по крови, католикъ по религіи, западно-европеецъ по образованію, Витовтъ не могъ проникнуться симпатіями къ особенностямъ русской народности и культуры. Правда, онъ не позволялъ ни себѣ, ни другимъ никакихъ стѣсненій по отношенію къ русскому элементу въ своемъ государствѣ, наоборотъ, даже заботился объ его интересахъ. Такъ, напримѣръ, въ видахъ церковнаго благоустройства, онъ ревностно хлопоталъ объ учрежденіи особой западно-русской митрополіи, чтобы, какъ онъ выражался въ грамотѣ къ русскимъ епископамъ, не было поклепа со стороны, что онъ, какъ иновѣрецъ, не заботится о церкви своихъ подданныхъ. Впрочемъ, съ другой стороны, всѣ эти заботы могли быть истолкованы и какъ ловкій политическій ходъ, направленный противъ московскихъ политиковъ. Но если заботы эти и были искренними, то все-таки это были заботы чужого человѣка, и потому понятно, что въ той длительной, хотя и малоуспѣшной, борьбѣ, которую велъ самый дѣятельный изъ Ольгердовичей, Свидригайло, со своимъ двоюроднымъ братомъ, симпатіи русскаго народа постоянно

стояли на сторонѣ обрусѣвшаго Свидригайла, какъ ни далеко уступалъ онъ Витовту въ личныхъ достоинствахъ.

Въ январѣ 1429 г. городъ Луцкъ, важнѣйшій изъ городовъ земли Волынской, былъ свидѣтелемъ необычайнаго событія—съѣзда государей въ гости къ великому князю Литовскому. Конечно, событіе это само по себѣ не представляло особенной важности, но оно наглядно опредѣляло тотъ вѣсъ, какимъ пользовался Витовтъ въ международной политикѣ. Здѣсь былъ императоръ германскій Сигизмундъ со множествомъ нѣмецкихъ князей, польскій король Ягелло съ блестящей свитой вельможъ и высшаго духовенства, великій князь московскій Василій Васильевичъ съ митрополитомъ Фотіемъ и князьями тверскимъ и рязанскимъ, ханъ перекопской орды, магистры того и другого ордена, король датскій, воевода валахскій, папскій легатъ, послы императора византійскаго,—однимъ словомъ, вся восточная половина Европы имѣла здѣсь своихъ представителей, свидѣтельствующихъ, такимъ образомъ, свое уваженіе къ достоинству, значенію и заслугамъ престарѣлаго князя. По замысламъ Витовта, съѣздъ этотъ долженъ былъ нанести тяжелый ударъ литовско-польской уніи: великій князь литовскій разсчитывалъ получить на этомъ съѣздѣ королевскую корону изъ рукъ императора Сигизмунда. Правиленъ-ли былъ его разсчетъ, могло-ли короноваціе остановить процессъ обращенія Литовско-Русскаго государства въ провинцію государства Польскаго—вопросъ спорный; но, во всякомъ случаѣ, надо смотрѣть на эту попытку Витовта не какъ на честолюбіе выжившаго изъ ума старика, а какъ на обдуманный замыселъ умнаго политика и горячаго патріота—поставить формальную преграду объединительнымъ стремленіямъ Польши. Проницательность и ловкость руководителей польской государственной политики успѣли предусмотрѣть и предотвратить опасность: короноваціе, котораго желалъ одинаково какъ Витовтъ, такъ и Сигизмундъ, тѣмъ не менѣе, не состоялось ни въ Луцкѣ, ни въ Вильнѣ на новомъ съѣздѣ, который собрался черезъ годъ. Витовтъ такъ и умеръ не королемъ, а великимъ княземъ литовскимъ.

Смерть талантливаго правителя ослабляетъ обыкновенно ту общественную тягу, которую онъ крѣпко держитъ своей искусной рукой, и освобождаетъ сдерживаемые этой тягой общественные элементы. Такъ было и со смертью Витовта, которая обнаружила скрытыя до тѣхъ поръ внутреннія силы и отношенія Литовско-Русскаго государства. Прежде всего стало ясно, что Польша, несмотря на всѣ предшествующіе договоры объ уніи, ставившіе Литву въ политическую зависимость отъ Польши, фактически еще не рѣшается вмѣшиваться въ литовскія дѣла: литвины свободно выбираютъ себѣ на сеймѣ въ великіе князья Свидригайла Ольгердовича. Затѣмъ пришелъ къ обнаруженію фактъ еще большей общественной важности: этнографическая рознь русскаго и литовскаго племенъ, подъ воздѣйствіемъ католической культуры, успѣла за это время вырасти въ рознь національную и политическую: окраску политическую давали этой розни русскіе удѣльные князья, стремившіеся отстаивать остатки своей самостоятельности. Такимъ образомъ, Свидригайло занялъ великокняжескій престолъ какъ представитель русской партіи, защитникъ православія и, вмѣстѣ

Большой замокъ въ г. Луцкѣ кн. Любарта Гедиминовича.

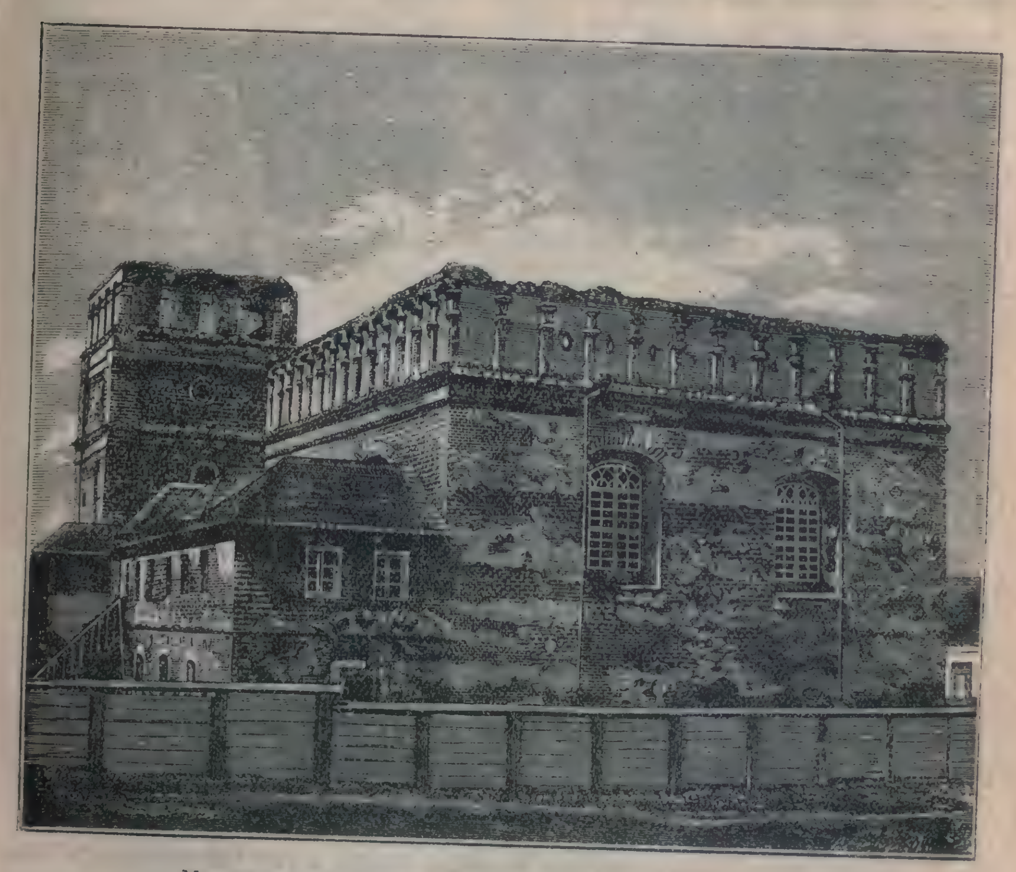
съ тѣмъ, поборникъ правъ русскихъ удѣльныхъ князей (1430—1432 г.). Но едва прошло два года со смерти Витовта, какъ литовская партія, пользуясь недальновидностью Свидригайла, уже успѣла подготовить и совершить государственный переворотъ въ пользу Витовтова брата, Сигизмунда Кейстутовича. Однако, ничтожный Сигизмундъ держалъ себя такъ, что возмущалъ не только русиновъ, но и литвиновъ-католиковъ: польская креатура, онъ готовъ былъ постоянно жертвовать Польшѣ интересами Литвы. Въ заговорѣ, который составился противъ него, вмѣстѣ съ русскими князьями Чарторыжскими, принимали участіе и литовскіе вельможи. Сигизмундъ былъ убитъ (1440 г.).

Всего десять лѣтъ протекло со смерти Витовта, а отъ могущества витовтовой державы осталось лишь воспоминаніе. Могущество это подтачивала внутренняя борьба партій; успѣхи Польши на спорныхъ территоріяхъ Волыни и Подолья служили вѣрнымъ показателемъ того преобладанія, какое она пріобрѣтала надъ своей союзницей. Верхній, правящій, слой литовско-русскаго общества понялъ, наконецъ, что по этому пути дальше идти некуда, и избраніемъ въ великіе князья Казиміра Ягайловича (1440—1492 г.) показалъ, что онъ дѣйствительно это понимаетъ.

Въ самомъ дѣлѣ, Казиміръ, младшій изъ двухъ сыновей Ягайла, пока еще малолѣтній, не представлялъ собою никакого знамени, никакой партіи. Сторонники болѣе тѣснаго союза Литвы съ Польшей видѣли въ немъ брата польскаго короля; противники уніи, поборники самостоятельности Литовско-Русскаго государства, надѣялись воспитать въ немъ такого великаго князя, который будетъ охранять интересы государства отъ покушеній извнѣ. И послѣдніе, повидимому, разсчитали правильно. Казиміръ, увезенный въ Литву, быстро сживался съ нею и проникался любовью и уваженіемъ къ ея строю. Но точно злой геній ревниво бодрствовалъ надъ роковымъ союзомъ и выдвигалъ своевременно одну случайность за другою, чтобы помѣшать разрыву. Гибель польскаго короля Владислава Ягайловича подъ Варною (1444 г.) сдѣлала то, что поляки, чтобы не порвать уніи съ Литвою, увидѣли себя вынужденными избрать себѣ въ короли того же самаго Казиміра Ягайловича. Съ небольшимъ полвѣка спустя опять повторилось сходное положеніе. Литовско-русскіе вельможи воспользовались смертью Казиміра и снова избрали себѣ отдѣльнаго отъ Польши великаго князя въ лицѣ Александра Казиміровича, но преждевременная смерть брата его, польскаго короля Яна-Альбрехта, еще разъ дала возможность полякамъ избрать въ свои короли того же самаго Александра и тѣмъ опять соединить обѣ короны въ одномъ лицѣ. Такимъ образомъ, стеченіе обстоятельствъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и предусмотрительность польской политики, все болѣе и болѣе укрѣпляла политическій союзъ между Литвой и Польшей.

А, между тѣмъ, нѣкоторыя событія въ южной Руси указывали, что ей не чужды были стремленія къ политической независимости и отдѣленію отъ Литовскаго государства. Руководителями этой политической оппозиціи были уцѣлѣвшіе еще удѣльные князья, которые, повидимому, разсчитывали этимъ путемъ сохранить свои права, все ускользавшія отъ нихъ подъ давленіемъ

политики великихъ литовскихъ князей. Въ Свидригайлѣ удѣльная система имѣла своего послѣдняго защитника: „оттолѣ русскіе князи почаша оскудѣвати и обнищевати“,—сообщаетъ „Густынская лѣтопись“. Но пока существовало удѣльное княжество Кіевское, всѣ эти, хотя и оскудѣвшіе, удѣльные князья—туровскіе и пинскіе, кобринскіе, черниговскіе,—могли еще питать надежды на лучшее будущее. Надо думать, что эти ихъ надежды опирались на живое

Малый замокъ въ г. Луцкѣ кн. Любарта Гедиминовича.

чувство всей народной массы, не утратившей воспоминанія о самостоятельномъ политическомъ существованіи.

Какъ ни былъ разоренъ Кіевъ татарами, сколько ни утратилъ онъ изъ своего стараго торговаго и политическаго значенія, тѣмъ не менѣе, не исчезла историческая традиція, связывавшая его съ южно-русскимъ народомъ. Жизненнымъ нервомъ этой традиціи было, конечно, религіозное значеніе Кіева. Въ почвѣ Кіева, во мракѣ его пещеръ, таилось то неистребимое жизненное зерно, изъ котораго, какъ фениксъ изъ пепла, Кіевъ выросталъ снова и снова. Такимъ образомъ, городъ этотъ не переставалъ быть тѣмъ единымъ общимъ центромъ, къ которому обращалось сознаніе южно-русскаго народа. Можетъ-

быть, даже и творилось или, по крайней мѣрѣ, крѣпло это сознаніе лишь благодаря тому, что существовалъ такой центръ. Все, что касалось Кіева, было окружено въ глазахъ южно-русскаго народа особымъ значеніемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ, и князья кіевскіе выдвигались какъ-бы на особое положеніе, возвышающее ихъ надъ прочими князьями. И, странное дѣло, можно подумать, что положеніе творитъ людей, а не наоборотъ. Князья Гедиминовичи, сидѣвшіе въ Кіевѣ со времени присоединенія Кіевской области къ Литовскому государству, являются такими идеальными князьями въ народномъ духѣ, горячими ревнителями православія, созидателями храмовъ, что, конечно, ихъ не могли-бы превзойти въ этомъ отношеніи никакіе потомки Владиміра Св.

Владиміръ Ольгердовичъ, одинъ изъ старшихъ сыновей Ольгерда, посаженный въ Кіевѣ отцомъ, правилъ Кіевскимъ княжествомъ (1362—1392) тридцать лѣтъ, пока Витовтъ не вытѣснилъ его за то, что онъ „не всхотѣ покоры учинити и челомъ ударити“: все долгое время своего княженія посвятилъ онъ благоустройству Кіева, не вмѣшиваясь въ политику, такъ что документы свидѣтельствуютъ исключительно лишь объ его заботахъ о судьбѣ православной церкви и, между прочимъ, о возстановленіи Кіевской митрополіи. Изгнанный Витовтомъ изъ Кіева и посаженный на ничтожномъ Копыльскомъ удѣлѣ, Владиміръ искалъ поддержки въ Москвѣ у Василія Дмитріевича, къ которому и убѣжалъ. Поддержки здѣсь онъ не получилъ и, смирившись, дожилъ свой вѣкъ въ Копылѣ; только останки его, этого родоначальника кіевской княжеской династіи Олельковичей, были похоронены въ Кіево-Печерскомъ монастырѣ.

Четыре года еще, послѣ изгнанія Владиміра, былъ удѣльнымъ княземъ кіевскимъ „чудный, добрый князь“, по выраженію лѣтописи, Скиргайло Ольгердовичъ, настолько преданный православію и русской народности, что въ польскихъ и нѣмецкихъ источникахъ онъ является съ эпитетомъ „схизматика“. Только послѣ смерти его (1396 г.), Витовтъ рѣшился посадить въ Кіевѣ намѣстника, причемъ онъ, желая смягчить ударъ, наносимый русской народности, посадилъ на намѣстничество князя, хотя не изъ Гедиминовичей и не изъ потомства старыхъ южно-русскихъ князей, но все-таки одного изъ князей Литовскихъ, князя Гольшанскаго.

Когда, послѣ смерти Витовта, началась борьба между Свидригайломъ Ольгердовичемъ и Сигизмундомъ Кейстутовичемъ, Кіевъ былъ опорою Свидригайла, представителя русской народности: онъ успѣшно отражалъ войска Сигизмунда, и Кіевская область вмѣстѣ съ Волынской не признавали его до самой его смерти за великаго князя.

Какъ только молодой Казиміръ вступилъ въ управленіе государствомъ, то, руководясь совѣтами своего дядьки, виленскаго воеводы Яна Гаштольда, тотчасъ же сдѣлалъ важную уступку русской партіи: отдалъ Кіевскую землю, опять-таки какъ удѣльное княжество, сыну Владиміра Ольгердовича, Александру или Олельку. Такимъ образомъ, великокняжеская власть еще разъ вынуждена была поступиться въ пользу русскаго элемента однимъ важнѣйшимъ изъ сдѣланныхъ ею уже пріобрѣтеній.

Олелько передъ своимъ вокняженіемъ пять лѣтъ провелъ въ тюрьмѣ, по-

саженный туда Сигизмундомъ Кейстутовичемъ, который видѣлъ въ немъ опаснаго претендента на великокняжескій престолъ, выдвигаемаго русской партіей.

По свидѣтельству современниковъ, Олелько пользовался общимъ уваженіемъ, такъ какъ отличался умомъ, храбростью, стойкимъ характеромъ: его жена „московка“ была дочерью великаго князя Василія Дмитріевича. Пятнадцать лѣтъ управленія Олелька (1440—1455 гг.) составляютъ прямое продолженіе управленія его отца Владиміра: документы свидѣтельствуютъ намъ

Кіевскій удѣльный князь Олелько, Александръ Владиміровичъ, † 1455 г.

лишь о его заботахъ на пользу православія. Православная церковь можетъ поставить ему въ большую заслугу то обстоятельство, что онъ предотвратилъ первую попытку церковной уніи, замышляемую митрополитомъ Исидоромъ, который вступилъ въ соглашеніе съ католическою церковью на Флорентійскомъ соборѣ.

Когда умеръ Олелько, у него осталось два сына: Симеонъ и Михаилъ. Сознавая себя прямыми и законными наслѣдниками отцовскаго удѣла, они задумали его подѣлить между собою, обратившись лишь за утвержденіемъ раздѣла къ Казиміру, какъ къ великому князю, однако, получили отъ него отказъ,

отрицающій самое существованіе какихъ-либо ихъ правъ на наслѣдство: „вашъ-де дѣдъ князь Владиміръ бѣгалъ на Москву и тѣмъ пробѣгалъ отчину свою Кіевъ“,—такова была интересная мотивировка этого отказа. Очевидно, Казиміръ чувствовалъ теперь свое положеніе прочнымъ и готовъ былъ продолжать ту объединительную политику, которую долженъ былъ считать единственно правильной. Тѣмъ не менѣе, онъ все-таки не рѣшился возстановить противъ себя Южную Русь окончательнымъ устраненіемъ Олельковичей: онъ уступилъ кіевскую область Симеону, какъ пожизненное владѣніе, предоставивъ Михаилу Копыль и Слуцкъ. Такимъ образомъ, династія Олельковичей, въ лицѣ князя Симеона, вѣрнаго представителя традицій своей семьи, зиждителя храмовъ и охранителя православной вѣры, еще продолжала стоять во главѣ Кіевскаго удѣльнаго княжества до самой смерти этого князя, который и похороненъ былъ въ отстроенной имъ почти заново Успенской церкви того же Печерскаго монастыря (1471 г.).

Смерть брата застала Михаила Олельковича въ Новгородѣ, куда онъ былъ призванъ на княженіе. Михаилъ поспѣшилъ въ Кіевъ, очевидно, затѣмъ, чтобы предъявить свои права, но все-таки прибылъ слишкомъ поздно. Кіевъ уже былъ занятъ казиміровымъ намѣстникомъ Мартыномъ Гаштольдомъ, который овладѣлъ городомъ силою при посредствѣ литовскаго войска: кіевляне не хотѣли-было пустить его въ городъ, „потому что онъ не былъ князь, а еще больше потому, что былъ „ляхъ“ (т.-е. католикъ). Просьба кіевлянъ о томъ, чтобы король далъ имъ въ правители если не Михаила Олельковича, то хотя другого князя православной вѣры, не смягчила Казиміра. Намѣстникъ Казиміра засѣлъ со своими литвинами въ Литовскомъ замкѣ, выстроенномъ на особомъ возвышеніи между Верхнимъ Кіевомъ и Подоломъ,—и Михаилъ Олельковичъ долженъ былъ, затаивъ обиду, удалиться въ свой копыльскій удѣлъ.

Что происходило затѣмъ—мы не знаемъ. Но, очевидно, въ тишинѣ и мракѣ подготовлялись событія, разразившіяся катастрофой десять лѣтъ спустя. Дѣло въ томъ, что къ народному неудовольствію на уничтоженіе Кіевскаго княжества присоединялось неудовольствіе русскихъ мелкихъ удѣльныхъ князей, у которыхъ Казиміръ отнималъ разными способами ихъ права. Неудовольствіе это росло, бродило, пока не начало принимать организованныхъ формъ. Къ концу десятилѣтія со смерти послѣдняго кіевскаго князя созрѣлъ на южнорусской территоріи, въ средѣ ея княжескихъ родовъ, обширный заговоръ. Точно не извѣстно, что было его цѣлью, оторвать ли Южную Русь отъ Литовскаго государства, чтобы присоединить ее къ Московскому, какъ утверждаютъ одни, или просто удалить Казиміра, чтобы посадить на его мѣсто Михаила Олельковича, и тѣмъ сообщить иное направленіе внутренней политикѣ государства, какъ утверждаютъ другіе.

Во главѣ заговора стояли князья Михаилъ Олельковичъ, Ѳедоръ Бѣльскій, также внукъ Владиміра Ольгердовича, и одинъ изъ князей Гольшанскихъ. Какъ кажется, намѣреніемъ заговорщиковъ было овладѣть особой короля, который долженъ былъ прибыть на свадьбу князя Бѣльскаго. Случайность открыла заговоръ, и захваченные слуги Бѣльскаго сказали подъ пыткой, что

знали. Князь Бѣльскій, новобрачный, ночью, полуодѣтый ускакалъ за московскій рубежъ и тѣмъ спасся; Олельковичъ же и Гольшанскій были схвачены и подвергнуты заключенію. Никакихъ свѣдѣній объ ихъ судебномъ процессѣ до насъ не дошло; извѣстенъ лишь приговоръ суда. Въ Кіевѣ 30 августа 1482 года, передъ воротами Литовскаго замка, былъ приведенъ въ исполненіе смертный приговоръ надъ обоими князьями.

Это былъ рѣшительный ударъ, нанесенный литовскимъ правительствомъ удѣльной системѣ. Когда, четверть вѣка спустя, мы видимъ въ Южной Руси еще разъ попытку отдѣлиться отъ Литвы, то иниціатива попытки принадлежитъ уже не Олельковичу или какому-нибудь православному русскому князю, а Глинскому, талантливому и энергичному потомку татарскихъ выходцевъ, около котораго группируются кой-какіе жалкіе остатки старыхъ удѣльныхъ князей.

Великіе князья литовскіе, стремясь къ устраненію и ослабленію владѣтельныхъ княжескихъ родовъ, помогали укорененію на южно-русской территоріи сильныхъ людей чуждаго ей происхожденія. Знатный татарскій родъ, извѣстный потомъ подъ именемъ князей Глинскихъ—отъ г. Глинска (Полтавской губ.)—выселился на Русь еще при Витовтѣ и тогда уже принялъ крещеніе.

Имѣнія, выслуженныя Глинскими у господарей литовскихъ, ставили этотъ родъ по богатству и могуществу, конечно, далеко выше многихъ потомковъ Владиміра Св. и Гедимина. Кромѣ огромныхъ пространствъ земли на пустынномъ лѣвобережьѣ, въ предѣлахъ теперешней Полтавской губерніи, они владѣли имѣніями въ землѣ Кіевской, на территоріи Турско-Пинскаго княжества и дальше за Припетью, въ такъ-называемой Бѣлой и Черной Руси. Кромѣ того, Глинскіе занимали вліятельныя должности намѣстниковъ и воеводъ, что давало имъ большое значеніе, особенно въ земляхъ Черниговской и Кіевской. До начала XVI вѣка, когда происходили разсказываемыя нами событія, родъ Глинскихъ уже успѣлъ распасться на нѣсколько вѣтвей; самою вліятельною изъ нихъ была старшая такъ-называемая литовская, къ которой и принадлежалъ герой этихъ событій, князь Михайло Львовичъ Глинскій.

Князь Михаилъ Глинскій представлялъ далеко не заурядное явленіе въ современномъ ему обществѣ. Онъ учился за границей, а затѣмъ провелъ много лѣтъ на службѣ у разныхъ государей: у германскаго императора Максимиліана, у курфюрста Саксонскаго Альбрехта, въ Испаніи и Италіи, всюду пользуясь репутаціей даровитаго военнаго человѣка, къ услугамъ котораго охотно прибѣгали. Немолодымъ уже возвратился онъ на родину и сразу занялъ здѣсь выдающееся положеніе. Смерть Казиміра доставила Глинскому случай сплотить около себя русскихъ князей, которые и настояли на избраніи Александра Казиміровича, въ то время какъ польскимъ королемъ былъ избранъ старшій его братъ Янъ-Альбрехтъ; такимъ образомъ, предупреждалась опасность сліянія Литвы съ Польшей. Это обстоятельство, надо полагать, сблизило новаго великаго князя съ Глинскимъ, а личныя достоинства Глинскаго укрѣпили это сближеніе. Какъ бы то ни было, во все княженіе Александра (1492—1506 г.) Глинскій пользовался огромнымъ вліяніемъ, которое и употреблялъ на усиленіе членовъ своего рода и вообще представителей русской княжеской

партіи. Все это возбуждало неудовольствіе и подозрительность литовскихъ католическихъ вельможъ. Предубѣжденіе противъ Глинскаго въ ихъ средѣ было такъ велико, что, когда, въ моментъ смерти Александра, Глинскій очутился во главѣ литовскаго войска, собраннаго противъ татаръ, явилось общее опасеніе, что онъ воспользуется своимъ положеніемъ, чтобы произвести какой-нибудь крупный переворотъ: или захватить для себя великокняжескую власть, или оторвать Русь отъ Литвы, чтобы образовать самостоятельное княжество подъ протекторатомъ Москвы. Опасенія не оправдались, но, тѣмъ не менѣе, положеніе Глинскаго совершенно измѣнилось. Личная симпатія уже не связывала Глинскаго съ новымъ великимъ княземъ Сигизмундомъ I; къ тому же, можетъ-быть, послѣдній не былъ свободенъ и отъ подозрѣній на счетъ честолюбивыхъ замысловъ сильнаго магната, за спиною котораго стояла вся Приднѣпровская Русь, предводительствуемая его родственниками и пріятелями. Сигизмундъ сталъ понемногу отбирать какъ у князя Михаила, такъ и у остальныхъ Глинскихъ и ихъ сторонниковъ вліятельные уряды. Къ тому же, великій князь затягивалъ разборомъ личное судебное дѣло Глинскаго съ главнымъ его врагомъ, предводителемъ противной партіи, троцкимъ воеводой Заберезинскимъ, и видимо склонялся въ пользу противной Глинскому стороны. Были или нѣтъ раньше у Глинскаго какія-нибудь опредѣленныя политическія намѣренія, но теперь, когда онъ убѣдился, что ничего не добьется у великаго князя, онъ обнаружилъ несомнѣнный замыселъ оторвать, при помощи Москвы, Русь отъ Литовскаго государства. Онъ удалился въ Туровъ и началъ тамъ собирать своихъ сторонниковъ, открывъ въ то-же время дѣятельныя сношенія съ московскимъ великимъ княземъ Василіемъ Ивановичемъ и перекопскимъ ханомъ Менгли-Гиреемъ. Кромѣ родственниковъ, къ Глинскому пристали мелкіе русскіе князья православной вѣры. Такъ какъ московскій государь опредѣленно обѣщалъ помощь, то Глинскій, воспользовавшись отъѣздомъ Сигизмунда въ Польшу, открылъ военныя дѣйствія въ самой Литвѣ (1508 г). въ окрестностяхъ Гродно, гдѣ онъ прежде всего покончилъ со своимъ личнымъ врагомъ Заберезинскимъ. Затѣмъ онъ двинулся къ востоку навстрѣчу московскому войску, возбуждая русское населеніе отложиться отъ Литвы. Но здѣсь въ Западной Руси онъ встрѣтилъ совсѣмъ иное отношеніе, чѣмъ на югѣ: тамъ жители Кіевской области откликнулись вполнѣ сочувственно на призывъ отдѣленія отъ Литвы, и главнѣйшіе замки Сѣверской земли были заняты сторонниками Глинскихъ; земяне же Западнаго края, главная военная сила, находили шляхетскій строй, приближавшійся къ нимъ изъ Польши при посредствѣ Литвы, вполнѣ для себя выгоднымъ и не желали отдѣленія. Въ то же время московское войско хотя и явилось къ верхнему Днѣпру, но стояло бездѣятельно, выжидая событій, а съ другой стороны приближался изъ Польши Сигизмундъ съ небольшимъ, но хорошо вооруженнымъ и опытнымъ польскимъ войскомъ, собирая свои литовскія силы. Московскій государь нашелъ рискованнымъ продолжать дѣло и заключилъ миръ съ литовскимъ великимъ княземъ: Глинскимъ предоставлено было право уйти въ Москву съ лишеніемъ, конечно,

Константинъ Іоановичъ Княѕь Острозки, Гетманъ Великаго Княѕства Литовскаго, защищеніемъ восточнаго Благочестія иxрабростію во браняхъ преславутій. Многіе Церкви Божіе, ради отроковъ училища странно пріемницы, немощныхъ ради, въ Княженіи своемъ Островскомъ и встольномъ Градѣ Литовскомъ Вилнѣ, создавши., вторую Типси Манію. Пресвятіе Богородици Печерскіе. домъ, ущедрилъ пребогатно въ немже, яко ктиторъ Именитіи, по преставленіи своемъ, сподобися положенъ бити 1533 году.

всѣхъ недвижимыхъ имуществъ. Сигизмунду пришлось не мало времени потратить на раздачу земель и урядовъ „послѣ измѣнниковъ Глинскихъ“.

Былъ и еще одинъ способъ, которымъ остатки удѣльныхъ князей южнорусскихъ выражали свой протестъ противъ централизаціи, надвигающейся на нихъ изъ Литвы: это уходъ въ Москву. Отходъ въ чужое государство членовъ высшаго сословія, князей и бояръ, есть исконный обычай того первичнаго государственнаго строя, который принято называть строемъ дружиннымъ. Остатки его долго держались въ обоихъ сосѣднихъ государствахъ, сплотившихъ элементы русской народности, какъ въ Московскомъ, такъ и въ Литовско-Русскомъ. Изъ Литвы уходили въ Москву даже Гедиминовичи, чѣмъ-нибудь недовольные на родинѣ: „бѣгали“ въ Москву Владиміръ Ольгердовичъ, Свидригайло, Патрикій Наримунтовичъ и др.

Но такой отходъ представлялъ мало интереса въ ту или другую сторону для государства, а для самой личности отходящаго былъ, конечно, лишь убыточенъ.

Между тѣмъ, изъ стараго обычая, при новыхъ условіяхъ, выросло нѣчто такое, въ чемъ государство уже было серьезно заинтересовано: это „отходъ князей съ вотчинами“. Конечно, осуществляться такой отходъ могъ лишь въ извѣстныхъ исключительныхъ обстоятельствахъ: а именно, когда вотчины лежали на порубежьѣ двухъ государствъ. Такое порубежное положеніе между Литовскимъ и Московскимъ государствами занимала Сѣверская область Южной Руси, и отходъ въ Москву „съ вотчинами“ ея многочисленныхъ князей составлялъ въ описываемую нами эпоху едва - ли не самое чувствительное мѣсто и безъ того крайне натянутыхъ взаимныхъ отношеній Москвы и Литвы.

Сѣверщина своей западной и южной частью была присоединена къ Литовскому государству еще при Ольгердѣ; мелкіе - же князья восточной и сѣверной ея половины, колебавшіеся до тѣхъ поръ между Литвой и Москвой, склонились окончательно къ Литвѣ при Витовтѣ. Но къ концу правленія Казиміра сѣверскіе князья, въ виду опасностей, угрожавшихъ имъ со стороны литовской политики, обнаружили тяготѣніе къ Москвѣ. Кое-кто изъ князей отошелъ въ подданство московскаго государя еще при жизни Казиміра; другіе воспользовались той временной дезорганизаціей, которая наступала послѣ смерти одного государя до утвержденія новаго, отдѣлились отъ Литвы въ промежутокъ 1492—1494 г. Къ этой эпохѣ относится переходъ съ вотчинами, или дѣльницами своими, мелкихъ князей Воротынскихъ, Одоевскихъ, Новосильскихъ, Бѣлевскихъ, затѣмъ Перемышльскихъ и Мезецкихъ, собственно князей земли вятичей, а не сѣверянъ. Къ концу столѣтія 1499—1500 гг. признали верховную власть московскаго государя князь Бѣльскій и московскіе выходцы: князья Шемячичъ и Можайскій, которые оттянули за собой къ Москвѣ исконные древне-русскіе города: Черниговъ, Стародубъ, Новгородъ-Сѣверскій, Гомель, Бѣльскъ, Трубчевскъ „со многими волостями“. Такимъ образомъ, къ началу XVI вѣка большая часть бывшаго Чернигово-Сѣверскаго княжества добровольно отошла подъ покровительство Москвы: попытка Литвы силою удержать отдѣляющіяся земли окончилась большимъ пораженіемъ литовскаго войска на Ведроши (1499 г.), когда взятъ былъ въ московскій плѣнъ самъ зна-

менитый литовскій гетманъ князь Константинъ Ивановичъ Острожскій; остальная Сѣверщина была присоединена къ Москвѣ. Въ силу перемирія (1503 г.) отъ Литвы отошло къ Москвѣ 319 городовъ и 70 волостей—территорія стараго Черниговскаго княжества.

Возстанія, описанныя выше, гдѣ за фигурами возмутившихся князей ясно виднѣлись фигуры московскихъ собирателей русской земли—съ одной стороны, съ другой стороны добровольные уходы въ московское подданство цѣлыхъ территорій—все это были такіе краснорѣчивые факты, которые взывали къ усиленному вниманію литовско-польскихъ правителей. Совершенно необходимы были, съ государственной точки зрѣнія, какія-нибудь мѣры, которыя, сближая русскій элементъ государства съ литовскимъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, сближали-бы оба эти элемента съ польскимъ, чтобы подготовить такимъ образомъ почву для настоящаго политическаго объединенія, для созданія одного цѣльнаго, сильнаго политическаго тѣла. Выходъ изъ затрудненія подсказывался положеніемъ: это—законодательное переустройство литовско-русскаго общества по образцу общества польскаго. Литовско-русское военно-служилое сословіе, превращенное, по образцу польскому, въ шляхетство, представляло, съ одной стороны, противовѣсъ князьямъ, все еще сильнымъ остатками своихъ правъ съ ихъ противогосударственными и сепаратистическими стремленіями; съ другой стороны, новая шляхта должна была тянуть къ Польшѣ, въ союзѣ съ которой она должна была видѣть гарантію своимъ правамъ. Созданіемъ этой-то новой и сильной опоры своимъ цѣлямъ и заняты всѣ Ягеллоны, обнаруживая въ этомъ направленіи усиленную дѣятельность, свидѣтельствующую о томъ, какое значеніе придавали они этой сторонѣ своей внутренней политики.

Начиная съ самого Ягайла, всѣ великіе князья Ягеллоны издаютъ рядъ „земскихъ привилеевъ“ (привилегій) или просто шляхетскихъ грамотъ—актовъ, имѣющихъ цѣлью обратить литовско-русское дружинное сословіе, боярство, въ шляхту. По буквальному смыслу этихъ „привилеевъ“, тѣ права, какими они надѣляютъ боярство, есть права имущественныя: земельныя владѣнія, которыми бояре пользовались до тѣхъ поръ на разнообразныхъ условіяхъ, въ зависимости отъ службы, договора съ господаремъ или его усмотрѣнія, обращаются постепенно въ ихъ безусловную собственность. Но за этими, по существу, имущественными правами и въ прямой зависимости отъ нихъ стоятъ важныя права политическія. Пока владѣніе было условное, боярство дѣлило свои права на землю съ тѣмъ классомъ, который сидѣлъ на этой землѣ, т.-е. съ крестьянствомъ, по современной терминологіи; когда условное владѣніе превратилось въ безусловную собственность, всѣ права стали отходить на одну сторону, оставляя другой сторонѣ лишь обязанности. Измѣненіе имущественныхъ правъ повлекло за собой политическое господство одного класса надъ другимъ. Боярское сословіе, облеченное полнотою имущественныхъ правъ, дающихъ ему, вмѣстѣ съ тѣмъ, и господство надъ народной массой, получаетъ доступъ и къ высшимъ функціямъ управленія; великіе князья даютъ ему право сеймованья и, вообще, отказываются въ пользу его отъ доли своихъ самодержавныхъ правъ, которыми они до тѣхъ поръ дѣлились лишь съ магнатами. Каждый привилей

каждаго великаго князя постоянно прибавляетъ что-нибудь къ этимъ шляхетскимъ правамъ, пока вся эта нагроможденная масса привилеевъ не разворачивается въ Литовскій Статутъ, первоначальная редакція котораго принадлежитъ Сигизмунду I *), этотъ кодексъ „земскихъ“, но, собственно говоря, шляхетскихъ правъ, гдѣ о другихъ классахъ населенія упоминается лишь какъ о ничтожномъ придаткѣ къ господствующему классу, занимающему собой общественную арену.

Шляхетскія права двухъ первыхъ привилегій временъ Ягайла не распространялись на русское боярство, имѣя въ виду только лицъ, принявшихъ католичество. Но повидимому это ограниченіе не имѣло силы уже и до Казиміра, а съ Казиміра оно не вносится больше ни въ одинъ законодательный актъ. Религіозныя подражанія должны были уступить мѣсто политическимъ. Русское православное боярство, наравнѣ съ литовскимъ католическимъ, пріобщается постепенно ко всей полнотѣ шляхетскихъ правъ. Кромѣ общеземскихъ грамотъ, дѣйствіе которыхъ распространяется и на русскія земли, до насъ дошли еще двѣ грамоты областныхъ, представляющія собою подтвержденіе общихъ положеній и нѣкоторое детальное ихъ развитіе въ примѣненіи къ боярству южно-русскому. Это уставныя грамоты землямъ Кіевской и Волынской 1507—9 г., т.-е., правильнѣе сказать, шляхетству этихъ земель. Изъ этихъ грамотъ видно, что удѣльныхъ князей съ ихъ особенными правами въ это время уже не было, по крайней мѣрѣ, въ Кіевской и Волынской областяхъ. Но зато все военно-служилое сословіе надѣлялось правами, напоминающими старыя княжескія права, напр., правомъ суда, по отношенію къ населенію своихъ имѣній.

Такимъ образомъ, цѣлесообразная внутренняя политика Ягеллоновъ крайне ослабила тѣ стремленія къ обособленію, которыя начали-было проявляться въ Южной Руси, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, подготовила почву къ политическому сліянію съ Польшей. Бездѣтность послѣдняго изъ Ягеллоновъ, Сигизмунда II Августа, (1548—1572 гг.) снова поставила ребромъ вопросъ о полной уніи, о сліяніи двухъ государствъ, связанныхъ династически, въ одно политическое тѣло. Съ его смертью необходимо долженъ былъ прекратиться династическій союзъ Литвы съ Польшей, и могъ прекратиться безповоротно. Для Польши и для Сигизмунда-Августа, какъ польскаго короля, проникнутаго польскими интересами, эта перспектива представлялась грозной опасностью; конечно, и литовско-русское шляхетство должно было болѣе или менѣе раздѣлять эти опасенія. Но литовскіе магнаты, которые держали въ своихъ рукахъ управленіе государствомъ въ отсутствіе великихъ князей, проживавшихъ въ Польшѣ, были рѣшительно противъ уніи. Тѣмъ не менѣе, Польшѣ и Сигизмунду-Августу, какъ представителямъ польскихъ интересовъ, удалось, опираясь на молчаливыя симпатіи шляхетскихъ массъ, сломить это сопротивленіе, а Люблинскій сеймъ 1569 г., которымъ Литовско-Русское государство слито было съ Польшей въ одно политическое тѣло, легъ новой гранью и въ исторіи южно-русскаго народа.

---

*) Первая ред. 1529 г., 2-ая—1566 г., 3-я—1588 г.

Во всей этой длительной, тревожной и, вмѣстѣ съ тѣмъ, очень точно переданной въ назиданіе потомству, хроникѣ Люблинскаго сейма, самая любопытная для насъ сторона—та пассивность, съ какой держали себя представители Южной Руси. Пассивность эта дѣлается особенно интересной въ виду того, что именно южно-русскія области доставили польской, наступающей, сторонѣ сейма возможность нанести сторонѣ обороняющейся, литовской, тотъ окончательный ударъ, которымъ „Литвѣ были оборваны крылья", по выраженію самыхъ заинтересованныхъ лицъ. Дѣло въ томъ, что литовскіе магнаты, чувствуя силу не на своей сторонѣ, задумали помѣшать сейму тѣмъ, что тихонько его оставили. Но польскіе депутаты, вмѣсто того, чтобы также разъѣхаться по домамъ, какъ того ожидали литвины, задумали сдѣлать, пользуясь ихъ отсутствіемъ, рѣшительный шагъ: опираясь на небольшое число оставшихся литовско-русскихъ представителей, какъ-бы узаконяющихъ своимъ участіемъ постановленія сейма, они объявили присоединенными къ Польшѣ Подлясье и Волынь; вслѣдъ за тѣмъ такимъ-же путемъ была присоединена къ Польшѣ и Кіевская земля съ восточнымъ Подольемъ. Южная Русь, присоединенная такимъ образомъ почти въ полномъ своемъ составѣ къ Польшѣ, необходимо влекла за собой остальную литовскую территорію: могла-ли дорожить своею самостоятельностью Литва, лишенная лучшихъ областей своего государства? Очевидно, шляхетные представители Южной Руси на Люблинскомъ сеймѣ уже не видѣли никакихъ опасностей въ присоединеніи своихъ областей къ Польшѣ. И, однако, опасности эти обнаружились, къ несчастью, слишкомъ скоро.

А, между тѣмъ, со стороны степной окраины уже успѣли сложиться новыя политическія условія, которыя оказались для Южной Руси не менѣе важными, чѣмъ и сама Люблинская унія. Можно сказать, не опасаясь особенно упрековъ въ натяжкѣ, что дальнѣйшая политическая судьба нашей территоріи двинулась по равнодѣйствующей этихъ двухъ политическихъ вліяній: государственнаго союза съ Польшей и давленія со стороны Крымскаго ханства.

Къ половинѣ XV вѣка Крымское ханство уже успѣло окончательно отдѣлиться отъ Золотой Орды, пользуясь, между прочимъ, для этого и поддержкой Литовскаго государства. Это послѣднее, придвинувшись при Витовтѣ къ низовьямъ Днѣпра и Днѣстра, вплоть до берега Чернаго моря, властвовало надъ степью своими крѣпостями: на Днѣпрѣ мы видимъ укрѣпленія Канева, Черкасъ; въ рукахъ Литовско-Русскаго государства находился главный пунктъ переправы черезъ нижній Днѣпръ—островъ Тавань; наконецъ, были литовско-русскія укрѣпленія на мѣстѣ нынѣшней Одессы, на устьѣ Днѣстра и выше устьевъ его. Немудрено поэтому, что Хаджи-Гирей, первый ханъ династіи Гиреевъ, считалъ себя подручникомъ великаго князя литовскаго. Но положеніе дѣлъ скоро и круто измѣнилось.

Въ Европѣ водворились турки и дали иное направленіе политикѣ только-что сложившагося Крымскаго государства. Оно неизбѣжно должно было войти въ общій союзъ магометанскихъ государствъ, подъ главенствомъ Турціи, и

тѣмъ самымъ занять враждебное положеніе по отношенію ко всѣмъ представителямъ міра христіанскаго. Второй ханъ династіи Гиреевъ—Менгли, уже вассалъ Высокой Порты, начинаетъ ожесточенную и, благодаря содѣйствію турокъ, очень успѣшную борьбу съ Литовско-Русскимъ государствомъ. Взявши Кіевъ (1482), онъ опустошилъ его такъ,что едва-ли это новое его разореніе не превосходило то, которое было произведено Батыемъ; въ Кіевской землѣ уцѣлѣли почти только одни укрѣпленныя мѣста и поселенія около замковъ; считаютъ, что изъ своего набѣга на Волынь онъ вывелъ до ста тысячъ плѣнныхъ. Но самое главное то, что онъ отодвинулъ снова Литовско-Русское государство отъ Чернаго моря, захватилъ низовья Днѣпра своими городками, которые онъ устраивалъ, пользуясь указаніями и помощью турокъ: напр., городокъ Очаковъ на устьѣ Днѣпра, Инкерманъ на Таванскомъ перевозѣ.

Начиная съ Менгли-Гирея, залегла между населенной территоріей Кіевской земли и татарскими кочевьями широкая и пустынная степная полоса, извѣстная въ теченіе слѣдующихъ столѣтій подъ именемъ „дикаго поля", арены постоянныхъ мелкихъ кровавыхъ стычекъ, не отмѣченныхъ никакой исторіей. Крымское государство сразу выяснило свою политику и неуклонно придерживалось ея до самаго конца. Политика эта была очень проста: жить на счетъ своихъ христіанскихъ сосѣдей—Московскаго и Литовскаго государствъ.

Задача эта облегчалась для татаръ тѣмъ, что сосѣди ихъ находились въ непримиримой враждѣ между собой, враждѣ, которой не было исхода: слишкомъ много было поводовъ для постоянныхъ столкновеній на длинной пограничной линіи, шедшей всюду черезъ русскія области, оттягиваемыя то въ ту, то въ другую сторону двумя государственными центрами. Крымъ извлекалъ изъ этой вражды безконечныя выгоды: то разорялъ Литву въ союзѣ съ Москвою, то Москву—въ союзѣ съ Литвою. Но независимо отъ большихъ походовъ, всегда крайне опустошительныхъ, независимо отъ всякой политики, отъ государственныхъ союзовъ или договоровъ, татарскіе степные кочевники, а частью и осѣдлые татары полуострова, постоянно нападали на русскія окраины ради добычи и, главное, „полона". Русскіе невольники стали главной статьей оборота экономической жизни Крыма: на нихъ лежалъ производительный трудъ внутри полуострова, и они же служили важнѣйшимъ предметомъ торговаго сбыта не только для ближайшихъ, но и для отдаленныхъ рынковъ Азіи и Африки. Литовская, иначе „королевская", Русь была для Крыма въ этомъ отношеніи привлекательнѣе, чѣмъ Московская; здѣшніе плѣнники цѣнились выше, какъ болѣе прямые и простодушные *). Такимъ образомъ, Южная Русь сдѣлалась для крымскихъ татаръ чѣмъ-то въ родѣ питомника или иного хозяйственнаго учрежденія, откуда они извлекали продуктъ, по мѣрѣ надобности въ немъ. Русскіе невольники, по свидѣтельству Михалона, у татаръ были всегда подъ руками для всякаго хозяйственнаго оборота, и никакой татаринъ, хотя бы у него въ данный моментъ не было ни одного раба, если только онъ имѣлъ коня для похода, не затруднялся заключить договоръ о

*) Свидѣтельство Михалона Литвина.

доставкѣ къ извѣстному сроку такого-то количества русскихъ невольниковъ: „и эти обѣщанія вѣрно исполняются, какъ-будто наши люди у нихъ всегда на задворьяхъ, въ загонахъ“.

Такимъ образомъ, Южная Русь жила подъ угрозой постоянной и крайней опасности. Государство должно было-бы взять на себя ея защиту, но ни Литовско-Русское государство до Люблинской уніи, ни Польско-Литовское послѣ нея, не имѣло достаточно силъ, чтобы организовать какъ слѣдуетъ защиту такой отдаленной окраины, какъ Южная Русь, съ ея совершенно открытой степной границей. Оно вынуждено было оставить эту защиту на плечахъ самого населенія. Но только населеніе, не обезоруженное государствомъ, а крѣпко и умѣло держащее оружіе въ собственныхъ рукахъ, и могло создать тотъ героическій эпосъ, какой представляетъ собою дальнѣйшая исторія Украинской Руси. Украинское казачество явилось на свѣтъ только потому, что подъ бокомъ существовало разбойничье Крымское ханство.

Вотъ въ какомъ смыслѣ сказали мы выше, что существованіе Крымскаго ханства было одною изъ двухъ главныхъ причинъ, опредѣлившихъ собою дальнѣйшія политическія судьбы Южной Руси.

II.

Исторія Южной Руси въ составѣ великаго княжества Литовскаго отдѣлена отъ такъ-называемаго удѣльнаго ея періода значительнымъ промежуткомъ, совершенно темнымъ. Точно глухая стѣна, безъ всякаго просвѣта, залегла между этими двумя историческими эпохами. И если нельзя, безъ допущенія болѣе или менѣе произвольныхъ предположеній, связать между собою политическую, внѣшнюю, исторію этихъ эпохъ, то относительно исторіи внутренней трудности представляются еще болѣе значительными. Когда мы, начиная съ XV—XVI вв., получаемъ возможность осмотрѣться въ томъ, что представляетъ собою литовско-русское общество, то передъ нами возстаетъ картина, какъ-будто не имѣющая ничего общаго съ соціальными явленіями эпохи удѣльной. Иной строй, иныя общественныя отношенія, иныя учрежденія, иные обычаи и нравы... Невольно является сомнѣніе: не другое-ли общество передъ нами, не имѣющее ничего родственнаго съ тѣмъ старымъ, извѣстнымъ намъ, древнерусскимъ обществомъ? И только внимательное дальнѣйшее углубленіе въ факты, проникающее за поверхность явленій, открываетъ скрытыя связи и позволяетъ съ увѣренностью заключить, что мы имѣемъ дѣло не съ двумя разными обществами, а съ двумя фазами развитія одного и того-же общественнаго организма.

Прежде всего инымъ является само государство, что можно видѣть и изъ сдѣланнаго выше очерка внѣшней исторіи. Въ удѣльный періодъ нѣтъ государства, а есть скорѣе собраніе государствъ, такъ какъ каждое княжество представляется независимымъ въ политическомъ отношеніи. Литовско-Русское государство уже есть несомнѣнно государство, хотя еще очень далекое отъ позднѣйшей сплоченности его частей.

Волынская, Кіевская, Подольская области многое сохранили изъ своей

областной самобытности, коренившейся въ исконныхъ племенныхъ различіяхъ, долго питавшихся политической обособленностью.

Но центральная власть, сосредоточенная въ Вильнѣ, хотя и твердила постоянно, что мы-де „старины не рухаемъ, новины не уводимъ“, тѣмъ не менѣе, постоянно вводила новину, направляя понемногу разнообразіе областной жизни въ одно общее русло.

Великій князь литовскій имѣетъ съ великимъ княземъ кіевскимъ только общее названіе. Даже въ то время, когда въ Литовско-Русскомъ государствѣ были еще такіе значительные удѣлы, какъ удѣлъ кіевскій, все-таки отношеніе удѣльнаго князя къ великому мало напоминало старыя взаимныя отношенія древне-русскихъ князей. Правда, удѣльный князь все-таки еще отличался отъ позднѣйшаго великокняжескаго намѣстника или воеводы тѣмъ, что онъ „держалъ землю на себя“, въ то время какъ намѣстникъ „держалъ ее на великаго князя“. Это значитъ, что удѣльный князь пользовался доходами своей земли и располагалъ ими по своему усмотрѣнію. Но въ то-же время онъ все-таки получалъ удѣлъ „съ руки“ великаго князя, обязывался быть ему „вѣрнымъ и послушнымъ“, „противъ его никогда не быть ни однимъ временемъ“ и т. д.

Тѣ изъ удѣльныхъ князей, которые не получали удѣловъ отъ великаго князя, а владѣли ими на правахъ исконныхъ вотчинниковъ, какъ, напримѣръ, мелкіе Чернигово-Сѣверскіе князья дома Владиміра Св., тѣ также давали обязательства „служить вѣрно, безъ всякой хитрости и во всемъ быть послушными“. Это уже, собственно, не удѣльные, а „служебные“ князья. Повидимому, литовскіе господари (великіе князья) вмѣшивались и въ нѣкоторыя стороны внутренней жизни земель, управляемыхъ удѣльными князьями, напримѣръ, въ военную службу и связанную съ нею раздачу земель.

Ягеллоны уничтожили послѣдніе остатки удѣльной системы, и на всей территоріи водворился механизмъ центральнаго великокняжескаго управленія. Механизмъ этотъ, впрочемъ, былъ очень простъ и мало вносилъ существенныхъ измѣненій. Даже территоріальныя подраздѣленія остались тѣ-же самыя, переданныя удѣльной эпохой, съ тою разницей, что старыя княжества стали называться землями, волостями, позже повѣтами. Во главѣ правительственныхъ округовъ стояли теперь, вмѣсто князей, великокняжескіе намѣстники, которые „держали на великаго князя“ „до его воли“ или „до живота“, т.-е. собирали въ пользу господаря доходъ съ этихъ округовъ, пользуясь для себя лишь „кормами“,—въ этомъ и заключалось существо перемѣны. Намѣстникъ, какъ и князь, котораго онъ замѣнялъ, сосредоточивалъ въ своемъ лицѣ всѣ отрасли управленія, какъ судебнаго, такъ и административнаго характера. Все, чего онъ не могъ исполнить лично, онъ поручалъ отъ себя своимъ намѣстникамъ и тіунамъ съ приставленными къ нимъ „писарями“ или „заказникамъ“. „Заказниками“ называлась вся та масса лицъ, которыхъ власть привлекала для отбыванія спеціальныхъ порученій, и которыя получали вознагражденіе отъ исполненнаго порученія, въ видѣ кормовъ и пошлинъ со стороны населенія: первобытное устройство общественнаго механизма не позволяло обходиться безъ этихъ случайныхъ подпорокъ и пристяжекъ. Кромѣ того, и великій

князь могъ самъ въ территоріальномъ районѣ намѣстника брать на себя ту или иную отрасль, то или другое дѣло и поручать его уже отъ себя, обыкновенно, какъ награду за службу, какому-либо князю или боярину. Нѣсколько позже появляются для намѣстниковъ названія воеводъ, старостъ, державцовъ.

На территоріи Южной Руси было только одно воеводство—Кіевское, въ соотвѣтствіи со старымъ значеніемъ удѣльнаго Кіевскаго княжества. Но огромное пространство воеводства необходимо требовало территоріальныхъ подраздѣленій. Поэтому въ документахъ упоминаются намѣстники отдѣльныхъ волостей Кіевской земли, частью великокняжескіе, частью воеводскіе: Мозырскій, Брягинскій, Овручскій, Чернобыльскій, Звягольскій (Звяголь—Новградъ-Волынскій), Житомірскій, Черкасскій, Каневскій. Это перечисленіе намѣчаетъ, до нѣкоторой степени, тогдашніе предѣлы Кіевскаго воеводства, но далеко не полно, такъ какъ Кіевское воеводство захватывало и лѣвобережье Днѣпра. Приблизительныя границы Кіевской области этого періода были такія: съ юга Рось и ея притоки, причемъ по самому Днѣпру предѣлъ Кіевской земли спускался приблизительно до устья Тясмина; съ запада рр. Случь и Уборть, Припеть; на лѣвомъ-же берегу Днѣпра Кіевское воеводство захватывало нижнее теченіе Десны, почти все Посемье, Посулье, бассейны Псла, Ворсклы и верхняго Донца до Оскола—мѣстности, пока еще только ожидавшія заселенія.

Такъ какъ Волынская земля долго дѣлилась на три удѣла,—Кременецкій, Владимірскій и Луцкій,—то это раздѣленіе отразилось и на дальнѣйшей организаціи ея управленія. Изъ трехъ намѣстниковъ, смѣнившихъ собою удѣльныхъ князей, старшинство принадлежало Луцкому въ силу того, что Луцкій удѣлъ былъ и самымъ большимъ и существовалъ дольше другихъ. Этотъ глава земли Волынской носилъ титулъ старосты, съ которымъ раздѣлялъ власть, какъ его помощникъ, маршалокъ земли Волынской. Земля Волынская, въ составѣ трехъ ея повѣтовъ, занимала въ это время территорію нынѣшней Волынской губерніи по Случь, но съ прибавленіемъ нѣкоторыхъ пограничныхъ мѣстностей Пинскаго уѣзда Минской губерніи, Тарнопольскаго и Бродскаго округовъ восточной Галиціи.

Та часть Подольской земли, которая находилась въ предѣлахъ Литовско-Русскаго государства, собственно такъ-называемое Побужье, распадалась по управленію на два намѣстничества: Брацлавское и Винницкое. Территорія Побужья ограничивалась приблизительно линіями рѣкъ: лѣваго притока Днѣстра—Ягорлыка, притоковъ Буга—Кодыми и Синюхи съ Высью, и праваго притока Днѣпра—Тясьмина.

Земли княжествъ Черниговско-Сѣверскихъ съ началомъ XVI в. отошли со своими князьями къ Москвѣ. Земли территоріи Туровско-Пинской, раньше всѣхъ другихъ земель Южной Руси присоединенныя къ Литвѣ, вошли по управленію въ составъ Троцкаго воеводства, которое, вмѣстѣ съ воеводствомъ Виленскимъ, обнимало собою бо́льшую часть земель Литовско-Русскаго государства, представляя собою остатокъ того политическаго дуализма, который водворили въ Литвѣ Ольгердъ и Кейстутъ.

Но если областныя учрежденія носятъ на себѣ ясные слѣды своей связи съ эпохой предыдущей, удѣльной, то учрежденія центральныя уже представляютъ собою нѣчто новое, неизвѣстное эпохѣ удѣльной.

Значеніе великаго князя Литовскаго поднялось до власти „пана зверхняго подъ жадное право не подданнаго" (верховнаго господина, не подчиненнаго никакому праву). Это совсѣмъ не значитъ, чтобы мы имѣли дѣло съ неограниченнымъ произволомъ. Наоборотъ: власть эта была очень ограничена,— и прежде всего обычаемъ; но затѣмъ было и болѣе осязательное ея ограниченіе въ лицѣ „рады" или „пановъ рады".

Литовская „рада", какъ и московская боярская дума, есть дальнѣйшее развитіе княжеской думы удѣльнаго періода. По понятіямъ древней Руси, князь не долженъ былъ „думать", т.-е. обдумывать и постановлять какое-нибудь рѣшеніе по государственному дѣлу, безъ совѣта. Но ему не ставилось въ обязанность совѣтоваться съ тѣмъ или другимъ, а обстоятельства сами указывали, кто наиболѣе годился въ данномъ случаѣ для совѣта. Естественными и самыми сподручными совѣтниками князя были мужья его старшей дружины, дѣлившіе съ нимъ заботы о защитѣ страны и ея управленіи; но затѣмъ онъ могъ обращаться за совѣтомъ къ кому угодно, и обращался нерѣдко къ духовенству, а также къ народу. Вообще, употребительное названіе „княжеская дума" не совсѣмъ схватываетъ духъ отношеній эпохи удѣльной. Это не дума, а собраніе думцевъ, частью случайныхъ, а если и постоянныхъ, то въ силу удобства, а не принципа.

Сначала и „рада" великаго княжества литовскаго отражаетъ на себѣ этотъ первоначальный характеръ случайнаго собранія думцевъ; „и иныхъ много добрыхъ (людей) при томъ было",—прибавляетъ документъ временъ Свидригайла послѣ перечисленія нѣсколькихъ радныхъ пановъ, скрѣпившихъ великокняжеское пожалованіе своими подписями. Но рада стремится къ тому, чтобы изъ случайнаго сдѣлаться постояннымъ и правильно организованнымъ учрежденіемъ. Званіе радныхъ пановъ начинаетъ сосредоточиваться въ рукахъ небольшого числа членовъ высшей поземельной аристократіи. Рѣшительнымъ шагомъ въ этомъ направленіи былъ привилей Александра Казиміровича (1492 г.), которымъ великій князь обязуется ничего не дѣлать безъ согласія рады, не раздавать безъ нея должностей и имѣній, не распоряжаться доходами государства. Развитіе рады теперь сдѣлало такіе успѣхи, что можно опредѣлить ея составъ, который, слѣдовательно, является уже величиной, болѣе или менѣе постоянной. Права радныхъ пановъ принадлежали извѣстнымъ земскимъ и придворнымъ чинамъ, католическимъ епископамъ и нѣкоторымъ княжескимъ фамиліямъ, причемъ преобладающую роль играли земскіе сановники и епископы. Правомъ, а вмѣстѣ и обязанностью, рады было обсужденіе вмѣстѣ съ великимъ княземъ всѣхъ важнѣйшихъ государственныхъ вопросовъ, независимо отъ особенностей ихъ характера. Но, чтобы понять настоящее значеніе рады, надо припомнить, что великіе князья литовскіе Ягеллоны, какъ польскіе короли, проводили бóльшую часть времени въ Польшѣ, лишь наѣзжая въ Литву, а въ ихъ отсутствіе рада представляла собою особу великаго князя, которому посылала доклады лишь по болѣе важнымъ дѣламъ, сама рѣшая остальныя.

Тѣмъ не менѣе, въ организаціи рады все еще отражалась ея связь со старой княжеской думой. Такъ, напримѣръ, всѣ члены рады въ полномъ своемъ составѣ лишь два раза въ годъ съѣзжались въ Вильно „на сеймъ“ или „съемъ“; въ остальное время рада составлялась все-таки, въ извѣстномъ смыслѣ, случайно изъ тѣхъ радныхъ пановъ, кто по обязанностямъ своей земской или придворной службы жилъ въ Вильнѣ или пріѣзжалъ туда на время.

Но кромѣ этихъ высшихъ органовъ центральной власти, т.-е. великаго князя и рады, уже были въ это время и нѣкоторые низшіе центральные органы, завѣдывавшіе отдѣльными отраслями управленія. Это уже какъ-бы министерства, хотя еще и въ зачаточномъ видѣ. Есть гетманъ, вѣдающій военное дѣло государства, канцлеръ, какъ-бы министръ иностранныхъ и внутреннихъ дѣлъ, маршалокъ, представляющій собою органъ высшей полиціи, и, наконецъ, подскарбій, т.-е. министръ финансовъ. Здѣсь, въ организаціи этихъ вѣдомствъ, какъ и въ самыхъ названіяхъ, нельзя не видѣть воздѣйствія Польши, которая подъ вліяніемъ Западной Европы успѣла уйти значительно впередъ въ дѣлѣ развитія государственнаго благоустройства.

Систему центральнаго государственнаго управленія заключали собою, наконецъ, „съѣзды земель“ или сеймы для выбора великаго князя. Рада приглашала въ такомъ случаѣ земли на общій сеймъ. Сохранилось одно такое обращеніе пановъ рады, послѣ смерти Казиміра, „къ братьямъ и пріятелямъ милымъ, князьямъ, панамъ и землянамъ земли Волынской“, съ предложеніемъ пріѣхать въ Вильно на день Святаго Иліи въ числѣ десяти-двадцати, „або колько ся увидить старшихъ“. Къ концу описываемаго періода эти экстренные съѣзды земель смѣнились правильными сеймами по польскому образцу; а въ то-же время мѣсто старыхъ общенародныхъ вѣчъ, замѣнившихся въ земляхъ Кіевской, Волынской и Подольской областными сеймами, о дѣятельности которыхъ, впрочемъ, знаемъ мы слишкомъ мало, заступили, со времени Люблинской уніи, извѣстные шляхетскіе сеймики. Въ общемъ отношенія между государствомъ и обществомъ еще были таковы, что для общественной самодѣятельности оставалось широкое поле.

Но что-же представляло собою теперь это общество?

Князья, паны, земяне, бояре, рыцарство, шляхта, дворяне, слуги, далѣе мѣстичи или мѣщане, наконецъ, люди черные, волостные, тяглые, данники, вотчичи, путники, бобровники, похожіе и непохожіе, закладни, всѣ эти и многія другія, встрѣчающіяся въ памятникахъ данной эпохи названія, сверхъ тѣхъ названій, которыя относятся къ духовенству и рабамъ,—все это заставляетъ предполагать, что мы имѣемъ дѣло съ очень сложнымъ соціальнымъ строемъ, представляющимъ совокупность значительнаго числа разнообразныхъ сословныхъ группъ. Простота строя эпохи удѣльной не имѣетъ, повидимому, ничего общаго съ этимъ разнообразіемъ общественныхъ формъ, укрывающимъ собою, какъ можно бы предполагать, и разнообразіе общественныхъ отправленій и отношеній. Но это заключеніе будетъ ошибочнымъ. На самомъ дѣлѣ между обществомъ удѣльной и разсматриваемой эпохи вовсе нѣтъ такой большой разницы. Разнообразіе здѣсь только кажущееся: это больше разнообразіе названій, чѣмъ формъ и понятій.

Прежде всего, и теперь сохранилась та демаркаціонная линія, которая дѣлила въ удѣльномъ періодѣ общество на два слоя: верхній, т.-е. дружинный, или служилый, и нижній, заключавшій въ себѣ всю массу народа, прикрѣпленнаго къ землѣ своимъ трудомъ или промысломъ. „Земля и люди“ еще ясно противополагаются „князьямъ и боярамъ“. Но внутри этихъ слоевъ произошли извѣстныя измѣненія и возникли не существовавшіе въ удѣльный періодъ оттѣнки, оправдывающіе до извѣстной степени указанное выше разнообразіе терминовъ. Затѣмъ верхній слой общества уже успѣлъ окончательно обратиться въ высшій, нижній—въ низшій.

Лица высшаго класса являются намъ въ удѣльную эпоху подъ названіемъ: дружины, старшей и младшей, бояръ, мужей и слугъ, отроковъ княжескихъ. Теперь это „князья, паны, земяне, бояре, рыцарство, шляхта, дворяне, слуги“. Князья—это потомки Гедимина и Владиміра Св., потерявшіе свои владѣтельныя права и перешедшіе въ служилый классъ, какъ объ этомъ уже было говорено выше; паны—спеціальный терминъ для обозначенія тѣхъ членовъ высшаго класса, которые пользовались правомъ участія въ радѣ; шляхта и рыцарство—польское названіе для лицъ высшаго класса, ничего собою не опредѣлявшее до тѣхъ поръ, пока сама жизнь путемъ законодательнаго воздѣйствія не усвоила себѣ положеній польскаго права. Такимъ образомъ, за упомянутымъ ограниченіемъ, оказывается, что терминологія разсматриваемой эпохи, по отношенію къ высшему классу, не такъ разнится отъ терминологіи эпохи удѣльной, какъ это можетъ показаться съ перваго раза. Но нѣкоторыя различія существеннаго характера, тѣмъ не менѣе, опредѣлились.

Дружинный, т.-е. высшій, классъ эпохи удѣльной характеризуется своимъ свободнымъ отношеніемъ къ князю. Онъ беретъ на себя, какъ-бы по договору, обязанность защиты земли и дѣлитъ съ княземъ труды по управленію этой землей. За это онъ получаетъ отъ князя жалованье въ видѣ опредѣленныхъ цѣнностей и корма со стороны населенія. Если лѣтопись и упоминаетъ боярскія „села“, тѣмъ не менѣе, очевидно, что землевладѣніе не является постояннымъ и необходимымъ признакомъ членовъ дружиннаго сословія. Въ разсматриваемую эпоху положеніе дѣлъ, очевидно, иное. Въ началѣ этого періода мы еще находимъ слѣды старыхъ, такъ сказать, дружинныхъ отношеній: „и маеть онъ намъ вѣрнымъ быть“—договаривается великій князь Свидригайло съ однимъ выходцемъ изъ Сѣверской земли, который явился къ великокняжескому двору „значне и оказале“: „а съ кимъ мы будемъ смирны и онъ зъ нами, а съ кимъ не смирны, ино и онъ противко тому маеть быти не смиренъ“... Но этотъ договорный характеръ отношеній, продержавшійся нѣсколько дольше въ отношеніи къ великому князу удѣльныхъ и служебныхъ князей, наконецъ, совершенно исчезаетъ: члены высшаго сословія дѣлаются такими-же подданными, хотя и привилегированными, своего господаря, какъ и остальные люди непривилегированные.

Обязанности высшаго класса тѣ-же, что и прежде: какъ и въ старину онъ раздѣляетъ съ великимъ княземъ труды по защитѣ страны и по управленію этой страной. Но произошло одно измѣненіе, крайне важное по своимъ

результатамъ. Въ удѣльную эпоху защита страны лежала на личности дружинника, обязаннаго къ тому договорными отношеніями съ княземъ, или „людина", вынуждаемаго внѣшней необходимостью. Можетъ-быть, уже въ удѣльную эпоху заложены были основы и иныхъ отношеній, но, во всякомъ случаѣ, развитіе ихъ мы можемъ наблюдать лишь въ эпоху разсматриваемую, которая отдѣлена отъ удѣльной значительнымъ промежуткомъ времени, совсѣмъ лишеннымъ освѣщенія. Теперь защита страны, т.-е. военная служба, находится въ самой тѣсной связи съ землей. Опредѣленной единицѣ по землевладѣнію соотвѣтствуетъ опредѣленная единица по отбыванію военной службы (напримѣръ, со столькихъ-то дворищъ, представляющихъ такое-то число земельныхъ единицъ, идетъ одинъ человѣкъ въ такомъ-то вооруженіи и т. д.)—вотъ основной принципъ даннаго общественнаго строя. Но какъ-же отражалось это новое условіе на положеніи высшаго сословія?

Оно отражалось такъ:

Высшій классъ, для котораго военное дѣло было искони стихіей его существованія, теперь выступилъ естественнымъ посредникомъ между государствомъ и народной массой. Великій князь, какъ представитель государства, жалуетъ тому или другому представителю этого высшаго класса службу, т.-е. дворище или село, вообще населенную земельную единицу, или округъ, т.-е. извѣстную совокупность такихъ единицъ, жалуетъ или „до своей господарской воли", или „до живота" (пожизненно), или „до двухъ животовъ" (пожизненно для жалуемаго и его наслѣдника), или, наконецъ, вѣчно, т.-е. безъ опредѣленія срока. Кромѣ своей личной службы, всегда конной и съ тяжелымъ вооруженіемъ, жалуемый обязывается поставить государству съ своего пожалованія, сообразно его размѣрамъ, столько-то коней, столько-то стрѣльцовъ и т. д. При Сигизмундѣ I Старомъ всѣ эти отношенія подвергнуты были точному вычисленію и опредѣленію. Вступая въ распоряженіе территоріею съ ея населеніемъ, получившій такое пожалованіе (который „жилъ на тѣхъ людяхъ") пользовался, вмѣстѣ съ тѣмъ, и правомъ на кормъ и иныя „пошлины" со стороны населенія, извѣстную часть которыхъ ему уступало государство въ награду за его службу и услуги. Вотъ въ какомъ видѣ представляются намъ тѣ первоначальныя отношенія, которыя мы безъ разбора подводимъ подъ одну общую категорію поземельной собственности.

Такимъ образомъ, сравнивая удѣльную эпоху съ той, о которой идетъ рѣчь, мы усматриваемъ въ послѣдней огромное преобладаніе крупной поземельной собственности, о которой раньше почти нѣтъ и помину. Но насколько эти отношенія заслуживаютъ названіе поземельной собственности, это видно изъ сказаннаго выше. Однако, было лишь вопросомъ времени, когда это условное держаніе должно было обратиться въ настоящее право собственности. И мы видѣли выше, какъ быстро совершался процессъ этого обращенія подъ вліяніемъ идей, проникавшихъ вмѣстѣ съ религіей и культурой запада и поддерживаемыхъ политическими причинами, о которыхъ уже была рѣчь въ очеркѣ внѣшней исторіи.

Но сказанное выше надо ограничить такимъ соображеніемъ: въ числѣ

крупной поземельной аристократіи литовско-русскаго общества, и въ первыхъ ея рядахъ, было много потомковъ владѣтельныхъ князей. Права ихъ на ихъ территоріи очевидно складывались инымъ путемъ, впрочемъ не лишеннымъ общихъ чертъ съ тѣмъ процессомъ, который мы намѣтили выше: ихъ владѣльческія права, опять-таки совсѣмъ отличныя по своей природѣ отъ правъ собственности, подхвачены были тѣмъ-же общимъ потокомъ и переработаны въ одну общую норму.

Но въ составѣ высшаго класса была одна категорія, которая не получила своихъ земель въ пользованіе отъ государства, а владѣла ими на правахъ исконной вотчинной собственности. Дѣло въ томъ, что государство не могло покрыть всю территорію непрерывной сѣтью „держаній“: это прежде всего было даже и не совмѣстимо съ его интересами. Такимъ образомъ, для отбыванія военной службы со свободныхъ территорій само населеніе должно было выдвигать изъ среды себя болѣе состоятельныхъ, которые могли-бы нести тяготы военной службы, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, пользоваться и связанными съ нею преимуществами. Переходя въ военно-служилый, т.-е. высшій, классъ, люди эти уносили съ собою и землю, теперь уже свободную отъ лежавшихъ на ней тягловыхъ обязательствъ.

Подъ именемъ бояръ и земянъ люди эти представляли собою значительную массу, лежавшую въ фундаментѣ привилегированнаго класса и связывавшую этотъ классъ съ классомъ низшимъ, пока польское право не отрѣзало окончательно и безповоротно высшій классъ отъ низшаго.

Такимъ образомъ, высшій классъ литовско-русскаго общества составился изъ элементовъ различнаго происхожденія и характера, объединенныхъ общей обязанностью военной службы. Правовое ихъ объединеніе, дѣйствительно слившее всѣ эти различные элементы въ одну шляхетскую массу и противопоставившее эту массу хлопской массѣ, наступило лишь позже подъ воздѣйствіемъ польскаго права.

Требованія военной службы обусловливали собою нѣкоторыя сложныя отношенія между членами военнослужилаго сословія.

Великій князь отдавалъ какому-нибудь пану округъ, съ котораго требуется такое-то количество военной службы; тотъ отдавалъ часть этого округа другому лицу на тѣхъ-же обязательствахъ, на какихъ самъ его получилъ. Получившій, въ свою очередь, могъ передать какому-нибудь „слугѣ“ часть территоріи и доходъ съ нея опять-таки съ такимъ-же обязательствомъ, могъ также вступить въ соглашеніе съ кѣмъ-нибудь изъ сидящихъ на отданной ему территоріи землевладѣльцевъ. Все это сплетало сложную ткань зависимыхъ отношеній. Это обстоятельство дало поводъ однимъ ученымъ говорить о литовскомъ феодализмѣ, существованіе котораго совершенно отвергается другими учеными. Разногласіе это основывается на простомъ недоразумѣніи. Несомнѣнно, указанныя выше отношенія имѣютъ нѣчто существенно сходное съ феодальными отношеніями Западной Европы, и если мы, вмѣстѣ съ Гизо, опредѣлимъ феодализмъ какъ „соединеніе верховной власти съ землевладѣніемъ, замѣну полной земельной собственности условною, установленіе вассальной

іерархіи между землевладѣльцами", то увидимъ, что общественныя отношенія Литовско-Русскаго государства подходятъ подъ это опредѣленіе. Объ установленіи вассальной іерархіи между землевладѣльцами только-что была рѣчь. Что верховная власть была соединена съ землевладѣніемъ, т.-е., что вся земля считалась принадлежащею великому князю,—это извѣстно. И, наконецъ, что полная земельная собственность замѣнена была условною—это вытекаетъ какъ изъ сказаннаго выше, такъ и вообще изъ изученія источниковъ для данной эпохи: такъ называемая раздѣленная собственность, когда права на данную землю распредѣлены между нѣсколькими лицами,—это общая черта землевладѣнія даннаго періода въ исторической жизни литовско-русскаго общества. И при всемъ томъ, намъ кажется, слѣдуетъ воздержаться отъ того, чтобы назвать разсматриваемый строй феодальнымъ строемъ. Заключая въ себѣ нѣкоторыя существенныя черты феодальнаго строя, строй литовско-русскаго общества настолько далекъ отъ той законченности формъ, которая характеризуетъ собою феодальную систему Западной Европы, что мы не имѣемъ права, въ видахъ избѣжанія нежелательнаго смѣшенія понятій, прибѣгать къ такому опредѣленному термину, какъ феодализмъ.

Вся земля считалась собственностью великаго князя, но только считалась, не больше. Выраженіе „земля великаго князя" значило въ данномъ случаѣ почти то-же, что значило раньше выраженіе: „Божья земля". Понятно, почему и въ какомъ смыслѣ земля считалась принадлежащей великому князю. Великій князь, какъ глава государства, являлся верховнымъ распорядителемъ надъ всѣми службами—военными, тяглыми и иными,—которыми держалось государство; и службы всѣ лежали на землѣ, разумѣется, населенной и обрабатываемой. Почти всѣ свои рессурсы государство извлекало прямо и непосредственно отъ этой земли; главною-же обязанностью власти было наблюдать, чтобы земля какъ-нибудь „не вышла изъ службы". Изъ этихъ-то отношеній и вытекло то неопредѣленное понятіе, что земля принадлежитъ великому князю.

Если въ разсматриваемую эпоху, правильнѣе въ началѣ этой эпохи, можно было кого-нибудь считать собственникомъ земли ближе къ современному значенію этого слова, то это, конечно, лишь тѣхъ свободныхъ „людиновъ", или союзы этихъ людиновъ, которые сидѣли на землѣ и обрабатывали ее. Но и ихъ права мы не можемъ отождествлять съ современною земельной собственностью: необходимо помнить, что современное понятіе земельной собственности есть продуктъ позднѣйшаго времени и долгой эволюціи, такъ что всякое перенесеніе этого понятія на явленія прошлаго можетъ внести серьезныя ошибки въ пониманіе историческихъ отношеній. Литовско-русская исторія данной эпохи представляетъ значительный научный интересъ въ томъ смыслѣ, что она даетъ яркую картину быстрой смѣны фазисовъ въ развитіи какъ понятія поземельной собственности, такъ и соотвѣтствующихъ общественныхъ отношеній. Еще въ началѣ разсматриваемаго періода земля находится въ такомъ же полномъ владѣніи земледѣльца, какъ это было и въ удѣльную эпоху; въ концѣ его почти всѣ права земледѣльцевъ уже поглощены политическими правами высшаго класса, который изъ простого агента верховной власти обратился въ собствен-

ника той земли, которою раньше онъ лишь распоряжался въ качествѣ этого агента. Только та, болѣе состоятельная, часть земледѣльческаго класса, которая перешла на отбываніе военной службы, сохранила, а потомъ и расширила свои землевладѣльческія права (земяне и бояре).

Итакъ, вся земля, сначала только воздѣланная, а позже и не воздѣланная, но могущая быть воздѣланной, а, слѣдовательно, и нести службу, считалась собственностью великаго князя, но считалась настолько условно, что всѣ составные элементы права собственности, внѣ служебныхъ обязательствъ, на самомъ дѣлѣ принадлежали не великому князю, а тѣмъ, кто пользовался этой землей. Но была одна категорія земель, на которую великій князь имѣлъ не номинальное лишь, а реальное право собственности. Подразумѣваемъ тѣ земли, гдѣ велось „господарское" (великокняжеское) хозяйство.

Еще въ удѣльныя времена князья имѣли „села", т.-е. хозяйственные хутора, на которыхъ работали рабы: не только князья, но и дружинники, располагая „невольною челядью", легко приходили къ мысли примѣнять ихъ трудъ не только къ личнымъ услугамъ, но и къ сельско-хозяйственному производству. Княжескіе хутора или дворы имѣли помимо хозяйственнаго и иное назначеніе—служить административными и судебными центрами; впрочемъ, мы уже упоминали выше, что упрощенность понятій того отдаленнаго времени доходила до полнаго смѣшенія государственныхъ функцій князя съ его личнымъ хозяйствомъ. На княжескій дворъ тащили уличеннаго преступника; туда свозились собранные съ окрестнаго населенія, въ видѣ податей, хлѣбъ и иные продукты; тамъ жилъ тіунъ, который завѣдывалъ княжескимъ хозяйствомъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, вѣдалъ всѣ дѣла по управленію и суду округа, тяготѣвшаго къ данному двору.

Великій князь литовскій унаслѣдовалъ отъ удѣльной Руси эти дворы и дворища съ ихъ хозяйствомъ, земледѣльческимъ и скотоводнымъ. Такимъ образомъ, мы во многихъ мѣстахъ Южной Руси находимъ эти великокняжескія земли, въ собственномъ смыслѣ этого слова, съ хозяйствомъ, но далеко не всюду: были цѣлыя большія территоріи, гдѣ нѣтъ и слѣдовъ этого хозяйства, и прежде всего тамъ, гдѣ по условіямъ мѣстности на первомъ планѣ стояло не земледѣльческое, а промысловое хозяйство. Затѣмъ наблюдается, что размѣры великокняжескаго хозяйства не только не увеличиваются съ теченіемъ времени, но уменьшаются, по крайней мѣрѣ, на такой отдаленной отъ центра окраинѣ, какъ Южная Русь: центральный великокняжескій дворъ не могъ извлекать выгоды изъ этихъ своихъ столь отдаленныхъ хозяйственныхъ учрежденій.

Господарское хозяйство этихъ дворовъ, не довольствуясь трудомъ невольной челяди, начало, мало-по-малу, привлекать къ работамъ свободное населеніе своего округа. Этимъ первымъ зачаткомъ обязательнаго труда на другого (барщиною), внесеннымъ государствомъ въ среду земледѣльческаго класса, до сихъ поръ свободнаго, т.-е. трудившагося только на себя, сдѣланъ былъ важный шагъ къ обращенію свободныхъ людей въ зависимые. Тамъ, гдѣ не было господарскихъ дворовъ съ хозяйствами, т.-е. въ мѣстностяхъ промысловаго, а не земледѣльческаго характера, земледѣльцы несли свою службу государству, прежде

всего, „данями“, которыя уплачивались продуктами промысловъ, иногда деньгами. Тяглые, въ силу своихъ отношеній къ господарскому двору и хозяйству, находились въ большей зависимости отъ агентовъ великокняжеской власти, чѣмъ данники; данники черезъ своихъ собственныхъ властей собирали свои дани и отвозили ихъ по назначенію, избѣгая такимъ образомъ вмѣшательства въ свою жизнь со стороны государства. Наконецъ, третью важную категорію земледѣльческаго класса составляли „люди служебные“, отправлявшіе „земскую“ службу, къ которой относились служба „листовная“ (разъѣзды съ листами, т.-е. письмами), замковая и полевая („сторожа“). „Служебные“ люди стояли на рубежѣ между высшимъ и низшимъ классомъ; при благопріятныхъ обстоятельствахъ они навсегда отходили въ группу земянъ и бояръ, въ классъ привилегированныхъ; при неблагопріятныхъ—отталкивались назадъ и сливались снова съ народной массой. Такимъ образомъ, смерды удѣльной эпохи раздѣлились въ разсматриваемое время на три главныхъ группы: людей служебныхъ, данниковъ и тяглыхъ. Всѣ эти три категоріи были перемѣшаны между собою, но на нѣкоторыхъ территоріяхъ случалось, что та или другая категорія являлась съ значительнымъ преобладаніемъ, придававшимъ территоріи особый характеръ. Такъ, въ степномъ порубежьѣ земель Кіевской и Сѣверской мы встрѣчаемъ мѣстности, населенныя исключительно служебными людьми; въ лѣсной, сѣверной полосѣ Южной Руси (Пинское Полѣсье), въ такъ называемыхъ Поднѣпровскихъ волостяхъ, жили по преимуществу, а иногда и исключительно, данники; данники же, подъ именемъ куничниковъ и ясачниковъ, встрѣчаются и въ южной части земли Кіевской.

Какъ жили эти предки нашего „хлібороба“,—объ этомъ мы имѣемъ, сравнительно съ эпохой удѣльной, уже болѣе точныя свѣдѣнія, опирающіяся на источники.

„На Руси не селятся иначе, какъ только при водѣ и лѣсѣ“,—свидѣтельствуетъ одна люстрація *) Подолья 1565 г.—Такія же люстраціи, сохранившіяся даже отъ конца XV вѣка, съ несомнѣнной ясностью и полнотою свидѣтельствуютъ о томъ, каковъ былъ господствующій типъ поселеній для даннаго времени. Это былъ маленькій поселокъ хуторнаго типа. На Украйнѣ, т.-е. въ Кіевщинѣ и Брацлавщинѣ (Литовское Подолье), по точнымъ словамъ документовъ, кромѣ городовъ, были только хутора и пасѣки.

Такими же маленькими поселками было покрыто Полѣсье, гдѣ и нельзя было селиться иначе, какъ по „островкамъ“ удобной земли, разбросаннымъ между низинами, болотами и лѣсными зарослями. Въ мѣстностяхъ, болѣе безопасныхъ для поселенія, чѣмъ Кіевская Украина и Подолье, болѣе удобныхъ, чѣмъ Полѣсье,—такова, напримѣръ, была Волынь,—хутора иногда разрастались и въ большія поселенія: но и эти большія поселенія все-таки были очень малы, по современнымъ понятіямъ, и къ тому же сохранили ясные слѣды своего недавняго хуторскаго происхожденія. Большими населенными мѣстами въ данный періодъ въ Южной Руси были только города.

---

*) Люстрація—статистическая опись для цѣлей фиска.

Самой характерной чертою такого поселка-хутора было то, что онъ, представляя собою общее нераздѣльное землевладѣніе, могъ представлять собою и не одно, а два или нѣсколько домохозяйствъ. Это были семейно-общинныя ассоціаціи. Большія поселенія, или села, Волыни представляли собою по нѣсколько такихъ, сближенныхъ территоріально, единицъ.

Самое общее названіе для такихъ единицъ, объединявшее собою какъ самую землю, такъ и поселеніе на ней,—есть дворище. Это названіе встрѣчаемъ мы въ Полѣсьѣ, на Волыни, въ Подольѣ; въ степныхъ поселкахъ южной Кіевщины рано появляется и современный терминъ „хуторъ“.

Такъ какъ государство имѣло дѣло прежде всего съ землей (подразумѣвая, конечно, лишь населенную и обрабатываемую землю), то дворище, какъ единица по землевладѣнію, являлось передъ государствомъ и единицей по отбыванію повинностей и податей, „службы“ по тогдашней терминологіи. Оттого слово „служба“ есть синонимъ слова „дворище“. „Службами“ такіе поселки называются почти по всей территоріи Южной Руси, въ земляхъ Сѣверской, Кіевской, Волынской, Подольской, на Полѣсьѣ. Встрѣчаются и другіе синонимы: иногда такая единица называется просто „земля“, „потугъ“ (точно соотвѣтствующій термину „служба“), иногда „отчизна“ или „отчина“, „маетность“, въ связи съ тѣми правами, какими пользовались земледѣльцы, по отношенію къ этой своей непререкаемой собственности.

Иногда встрѣчается для обозначенія такого поселка и древне-русское слово: „дымъ“; но гораздо чаще „дымъ“ уже обозначаетъ лишь часть дворища, хозяйственно обособленную; встрѣчаются дворища съ 2—3 дымами, даже до десяти и больше. По всей вѣроятности, древне-русскій поселокъ жилъ одною общею жизнью вокругъ одного очага, „дыма“; между тѣмъ какъ въ эпоху разсматриваемую онъ уже разбивался на свои составныя части, отдѣльныя семьи, связанныя лишь общимъ землевладѣніемъ. Отдѣльная семья дворища, представляемая „дымомъ“, являлась дольщикомъ какъ въ общихъ правахъ на пахотныя и сѣнокосныя земли и прочія угодья, тянущія къ дворищу, такъ и въ общихъ обязанностяхъ по отношенію къ государству.

Дворище не имѣло и не могло имѣть опредѣленныхъ размѣровъ. Размѣры его зависѣли отъ случайныхъ причинъ: оттого, сколько удобныхъ и свободныхъ земель и угодьевъ было кругомъ для трудового захвата, и сколько успѣвали захватить наличныя силы даннаго поселка. Государство не было заинтересовано ни въ какихъ ограниченіяхъ,—наоборотъ: чѣмъ больше земли было занято подъ обработку, тѣмъ больше оно выигрывало по отношенію къ службѣ. Но, съ увеличеніемъ народонаселенія, положеніе дѣла мѣнялось: явилась потребность и въ ограниченіи земледѣльческаго захвата. Сигизмундъ 1-й издалъ такъ называемый „Уставъ о волокахъ“, въ силу котораго вся обрабатываемая земля должна быть измѣрена и разбита на опредѣленныя единицы,—„волоки“, обложенныя опредѣленной службой. Введеніемъ волочной системы выигрывалъ фискъ—увеличеніе числа службъ, и одновременно ставились предѣлы земледѣльческому захвату пустыхъ земель подъ обработку. Но еще болѣе важнымъ результатомъ введенія волочной системы было слѣдующее: перемѣръ земли на

волоки во многихъ случаяхъ требовалъ переселенія крестьянъ со своихъ старыхъ угодьевъ на новыя мѣста, въ такъ называемое среднее поле; куски земли у отдѣльныхъ поселковъ прирѣзались и отрѣзались для образованія полныхъ волокъ; земельныя угодья, въ видѣ округленія, обмѣнивались между сосѣдними владѣльцами. Все это вносило цѣлый переворотъ въ понятія и отношенія земледѣльцевъ къ ихъ землѣ; ея исконный характеръ собственности, „отчины", подмѣнялся понятіемъ надѣла: „кметь и вся его маетность наша есть",—такъ мотивируетъ великій князь необходимость помѣры. Но волочная система достигла Южной Руси лишь къ концу разсматриваемаго періода, да и тогда оставила нетронутыми цѣлыя территоріи: Полѣсье оказалось неудобнымъ для помѣры, также какъ и хутора и пасѣки степной Украины. Съ волочной помѣрой исчезало залежное или подсѣчное хозяйство, замѣняясь трехпольемъ, такъ какъ пахоть была размѣрена на три поля.

Въ каждомъ дворищѣ жила одна большая семья, братья родные и двоюродные, дяди съ племянниками, но эта семья часто дѣлилась, какъ сказано выше, на отдѣльныя семьи, „дымы", сообща владѣвшія землей и сообща отбывавшія службу государству, соединенныя круговою порукою, въ силу которой они отвѣчали другъ за друга не только по отношенію къ платежнымъ недоимкамъ, но и по отношенію ко всякому правонарушенію и даже преступленію. Но нерѣдко случалось, что кровные элементы дворища замѣнялись чужими. Дѣлалось это такъ. Какъ только рабочія силы дворища по какимъ-либо причинамъ ослабѣвали и не могли обрабатывать всей занятой уже земли, дворищу необходимо было привлечь помощь со стороны: государство не было расположено уменьшать службу съ ослабѣвшаго дворища. Чужіе, привлекаемые въ составъ дворища, пользовались правами родственныхъ членовъ: получали равныя права на пользованіе землей и пропорціонально участвовали въ службахъ и всякихъ общественныхъ обязательствахъ. Такимъ образомъ, семейная ассоціація обращалась въ артельную. Члены такой артели въ разныхъ мѣстностяхъ носили разныя названія. Въ Сѣверской землѣ встрѣчаемъ названіе „сябры", на Подольѣ—„спильники", въ другихъ мѣстностяхъ—„товарищи", „сусѣди", „дольники"; очень распространенъ терминъ „потужники", т.-е. состоящіе въ общемъ служебномъ тяглѣ. Это были полноправные члены дворищъ. Но дворищане допускали на свои земли чужихъ и на иныхъ, менѣе льготныхъ, условіяхъ. На Волыни встрѣчаются половинники, несомнѣнно соотвѣтствующіе сѣверно-русскимъ „порядчикамъ", людямъ, сидѣвшимъ на чужой землѣ и инвентарѣ по договору („поряду"), изъ доли урожая. Затѣмъ попадаются искупни или закупни (древне-русскій закупъ), „люди въ пенезѣхъ",—очевидно, находившіеся къ дворищанамъ въ зависимыхъ отношеніяхъ, вытекавшихъ изъ какихъ-нибудь обязательствъ, денежныхъ или иныхъ. Такимъ образомъ, на территоріи дворища могли жить родичи,—притомъ жить однимъ дымомъ, „за одними воротами", „въ одномъ хлѣбѣ", или нѣсколькими дымами, за нѣсколькими воротами, въ нѣсколькихъ хлѣбахъ—затѣмъ чужіе на полныхъ правахъ родичей, далѣе полузависимые, какъ, напримѣръ, половинники, и, наконецъ, совсѣмъ зависимые, какъ закупни и люди въ пенезѣхъ.

Теперь является вопросъ о томъ, откуда же брались эти чужіе, которые пристраивались къ дворищу?

Еще въ удѣльный періодъ, когда кровныя понятія и чувства, связывавшія людей въ крѣпкіе союзы, глубже коренились въ человѣческой душѣ, и тогда, очевидно, существовали обстоятельства, вырывавшія людей изъ-подъ опеки и защиты этихъ союзовъ. Разнообразны были эти обстоятельства, разнообразны и положенія людей, подпадавшихъ силѣ этихъ обстоятельствъ. „Изгоемъ“ могъ быть и княжескій сынъ, и поповскій, и купеческій. Въ своемъ мѣстѣ мы указывали на то, что въ верхнемъ, дружинномъ, слоѣ общества родственныя связи, по необходимости, были значительно слабѣе, чѣмъ въ нижнемъ. Но и въ нижнемъ слоѣ встрѣчается цѣлый значительный разрядъ лицъ—если бы онъ не былъ значительнымъ, о немъ не было бы и рѣчи,—которыхъ связи эти не защищали отъ положенія крайней матеріальной зависимости: это „ролейные закупы“ Русской Правды, которые работаютъ на чужой землѣ и чужимъ инвентаремъ.

Вотъ такихъ-то людей, выброшенныхъ или высвободившихся изъ кровныхъ союзовъ, людей, не располагающихъ ничѣмъ, кромѣ своего личнаго труда, мы находимъ въ обиліи въ разсматриваемую эпоху. Народонаселеніе множилось, и появлялась тѣснота, государство отягощало земли службами, а въ то же время земледѣльцы уже ясно видѣли близившійся грозный призракъ личной зависимости; все это отрывало земледѣльца отъ земли, и въ качествѣ неудачника бросало его, безпомощнаго, въ широкій Божій свѣтъ. Конечно, были тутъ и жертвы личныхъ и общественныхъ бѣдствій, въ особенности бѣдствій политическихъ; были и люди, которыхъ неопредѣленно влекла въ даль жажда свободы, независимости. Все это составляло особый общественный контингентъ „лезныхъ“. Но сила традиціонныхъ понятій все еще была такъ сильна надъ умами людей, что „лезный“, какъ таковой, всегда являлся въ глазахъ прочихъ членовъ общества, прочно сидящихъ по своимъ общественнымъ клѣточкамъ, человѣкомъ подозрительнымъ. Въ округѣ обнаружилось совершенное преступленіе: у всѣхъ, прежде всего, является вопросъ—нѣтъ ли гдѣ-нибудь вблизи лезнаго, не видѣлъ ли кто-нибудь, какъ онъ шелъ „гостинцемъ“ (дорогой), не принималъ ли его кто-нибудь въ дому? И трудно было несчастному лезному, буде бы онъ оказался, отвести отъ себя подозрѣніе. Оттого лезный спѣшилъ или пристроиться къ панскому двору въ качествѣ слуги, или сѣсть на землю. Лезные, самостоятельно устраивающіеся на земляхъ, являются подъ названіемъ вольныхъ людей, вольниковъ, людей похожихъ, слободичей.

Вольные, похожіе, люди садились не только на земли дворищъ. Съ разрѣшенія господаря или того землевладѣльца, которому великій князь передавалъ свои права на данную территорію, они устраивались и на невоздѣланной землѣ, „на сыромъ корени“, по тогдашней терминологіи. Преодолѣвая трудности, сопряженныя съ первымъ занятіемъ земли подъ обработку, такіе „слободичи“ пользовались зато льготами по отбыванію податей и повинностей: къ платежу ихъ они были обязаны лишь по истеченіи извѣстнаго числа льготныхъ лѣтъ.

Похожіе люди садились на владѣльческую землю по договору, и, по исполненіи условій договора, вольны были идти на всѣ четыре стороны. Но тѣ, на чьей территоріи они садились, были крайне заинтересованы въ томъ, чтобы земледѣльцы не уходили; уходя, они понижали этимъ цѣнность земли, возстановить которую, посадивъ новыхъ работниковъ, въ тѣ времена было не такъ-то легко. Естественно, что отдѣльные крупные землевладѣльцы стремились къ тому, чтобы увеличеніемъ льготъ привлекать земледѣльцевъ къ себѣ, отбивая ихъ у сосѣдей. Но конкурренція всегда ложится бременемъ на плечи самихъ конкуррентовъ. И вотъ мы видимъ, сравнительно очень рано, съ половины XVI в. попытки земледѣльцевъ обезопасить себя съ этой стороны. Высшее служилое сословіе цѣлыхъ земель собирается на областные сеймы и тамъ составляетъ союзы, своего рода синдикаты, для борьбы съ похожими людьми. Члены такихъ союзовъ взаимно обязывались, подъ страхомъ тяжелаго денежнаго взысканія („заруки на господаря“), ни увеличивать числа льготныхъ лѣтъ, ни уменьшать тяжести повинностей противъ принятой ими сообща нормы. Къ этому союзу они привлекаютъ и великаго князя, какъ крупнаго землевладѣльца, также заинтересованнаго въ томъ, чтобы устраивать отношенія съ вольными людьми на земляхъ, занятыхъ его хозяйствомъ. Такой союзъ, съ господаремъ во главѣ, можетъ предпринять и нѣчто бóльшее, чѣмъ простое, хотя бы сдѣланное и въ интересахъ лишь своей стороны, урегулированіе отношеній: онъ пытается наложить руку и на самую свободу перехода. Въ „Уставѣ“ Сигизмунда-Августа „о похожихъ людяхъ“ 1557 г. земледѣльцамъ предоставляется право выхода лишь въ одинъ годовой срокъ; это тотъ же пресловутый „Юрьевъ день“. Но, тѣмъ не менѣе, не здѣсь надо искать основной причины закрѣпощенія земледѣльческой массы.

Закрѣпощеніе явилось не результатомъ какого-либо законодательнаго акта, а простымъ и мало-по-малу сложившимся слѣдствіемъ двухъ главнѣйшихъ причинъ: одной общей, о которой уже шла рѣчь, усиленія общественнаго значенія высшаго класса черезъ превращеніе его права держанія земли въ право собственности на нее,—и другой—частной. Эта вторая, частная, причина заключается въ смѣшеніи вольныхъ похожихъ людей съ не похожими, извѣчными, отчичами.

Теперь мы подходимъ къ вопросу, который вызвалъ много споровъ и недоразумѣній въ нашей ученой литературѣ. Намъ кажется, что и здѣсь, какъ во многихъ другихъ случаяхъ, корень недоразумѣнія заключается въ перенесенія современныхъ понятій на явленія прошедшаго—перенесеніи, крайне затрудняющемъ пониманіе историческихъ отношеній.

Въ самомъ дѣлѣ, несомнѣнно, что въ разсматриваемую эпоху, особенно въ первую ея половину, земледѣльческая масса, сидящая большими семейными ассоціаціями по своимъ дворищамъ, пользуется всѣми правами собственности на свою землю, между тѣмъ какъ „сидящій“ на этихъ людяхъ верхній классъ пользуется лишь правами держанія. А между тѣмъ, эти люди нерѣдко являются съ эпитетами людей „извѣчныхъ“, „непохожихъ“. „Непохожій“, т.-е. прикрѣпленный къ землѣ, по современнымъ понятіямъ, есть такая противоположность собственнику земли, что историки, встрѣчаясь съ такою несообразностью, отри-

цали ее на два различныхъ способа: или почти отождествляя непохожихъ, отчичей, съ невольною челядью, отрицали у нихъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и у всей народной массы Литовско-Русскаго государства, право собственности на землю; или предполагали, что непохожіе есть особая категорія, отличная отъ собственниковъ, отчичей. Но дѣло, повидимому, обстояло иначе; и если, усиліемъ воображенія, мы перенесемся въ понятія и обстоятельства той эпохи, то оно представится простымъ и яснымъ.

Прежде всего, надо помнить, что собственникъ земли тѣмъ самымъ, что онъ собственникъ, есть человѣкъ непохожій: ему идти некуда и незачѣмъ. Эта крѣпость землѣ была тѣмъ сильнѣе, что земельная собственность того времени не была личной; большой же родственной группѣ людей еще труднѣе было тронуться съ земли, чѣмъ отдѣльному человѣку. Затѣмъ далѣе. Господарь жалуетъ такому-то лицу нѣсколько дворищъ на военную службу и хлѣбокормленіе. Этимъ права дворищанъ на землю пока еще нисколько не нарушаются: лишь тѣ повинности, которыя они давали раньше въ великокняжескій скарбъ, передаются теперь въ полномъ ихъ составѣ, или частью, смотря по характеру пожалованія, державцѣ (употребляемъ этотъ терминъ въ общемъ смыслѣ, независимо отъ спеціальнаго его значенія). Однако, изъ этихъ отношеній неизбѣжно должны были вытекать стѣсненія для собственника земли. Державца необходимо долженъ былъ слѣдить за тѣмъ, чтобы дворище ничего не теряло въ своей платежной способности; иначе страдали какъ его личные, такъ и государственные интересы. Такимъ образомъ, выходило слѣдующее: второстепенные члены дворища ограничивались въ своей свободѣ только родичами, и съ ихъ разрѣшенія могли свободно уходить, но глава, представитель всей этой семейно-родовой ассоціаціи, не могъ пользоваться такой свободой, такъ какъ несъ отвѣтственность за платежи передъ державцей и стоявшимъ за нимъ государствомъ. Отчужденіе могло имѣть мѣсто лишь въ самыхъ исключительныхъ условіяхъ, и уже тутъ, конечно, державца имѣлъ право наблюдать и требовать, чтобы земля, отчуждаясь, переходила въ надежныя руки, въ руки человѣка „такого добраго, какъ онъ самъ“, отчуждающій.

Такимъ образомъ, когда, указаннымъ выше путемъ общественной эволюціи, права собственности перешли изъ рукъ земледѣльца въ руки землевладѣльца, бывшаго державцы, то изъ всѣхъ утраченныхъ правъ земледѣлецъ сохранилъ лишь одно печальное право—право крѣпости своей землѣ, роковое наслѣдіе его былой вотчинности.

Вольные похожіе люди превращались въ „слободичей“; изъ слободичей дѣлались людьми „засѣлыми“ и, въ концѣ концовъ, путемъ земской давности становились такими же отчичами, сливаясь, вмѣстѣ съ ними, въ общую массу людей, крѣпкихъ землѣ и пану. Но этотъ процессъ въ его окончательныхъ результатахъ мы можемъ наблюдать лишь позже; въ разсматриваемую эпоху, и даже въ концѣ ея, земледѣлецъ не потерялъ еще ни права собственности на землю, ни права свободнаго перехода, хотя и то и другое право текущимъ процессомъ уже было значительно умалено въ своемъ объемѣ.

Памятники разсматриваемой эпохи свидѣтельствуютъ о такомъ уваженіи

государственной власти къ низшему сословію, какая совсѣмъ не гармонируетъ съ зависимымъ положеніемъ, и чѣмъ древнѣе памятники, тѣмъ они яснѣе въ этомъ отношеніи. Господарь, обращаясь къ населенію данной территоріи, обращается не только къ высшему сословію, какъ это дѣлается позже, но и къ ея чернымъ людямъ, къ поспольству. Люди этого поспольства, въ глазахъ верховной власти, „мужи". Права этихъ „мужей" хотя на дѣлѣ и суживаются постепенно въ интересахъ великаго класса, но формально окружаются такимъ же уваженіемъ, какъ и права высшаго сословія: „мы новины не уводимъ и старины не рухаемъ",—твердятъ господари, вѣрные своимъ обязанностямъ охранителей существующихъ правъ, поспольству, когда оно обращается съ жалобами. Земледѣльческая масса управляется своими властями. Въ однѣхъ мѣстностяхъ это „сотники" и „десятники", термины, предполагающіе дѣленіе территоріи на сотни и десятки,—самое архаическое изъ административныхъ дѣленій, съ которымъ мы встрѣчаемся и въ удѣльный періодъ: теперь мы находимъ его въ земляхъ Кіевской и Черниговo-Сѣверской. Въ южныхъ, степныхъ, окраинахъ земли Кіевской и Подольской народъ управляется своими „атаманами", которые, повидимому, сохранились здѣсь отъ тѣхъ временъ, когда они, по лѣтописнымъ извѣстіямъ, сбирали дань для татарской орды, кочевавшей въ сосѣднихъ степяхъ. Тамъ, гдѣ жили данники, они управлялись „старцами". Всѣ эти власти выбирались самимъ народомъ, хотя избранные и должны были, повидимому, кое-что уплачивать отъ своей должности господарю или его намѣстнику; тѣмъ не менѣе, они всегда выступаютъ какъ представители и стражи интересовъ народной массы.

Но, конечно, нѣтъ учрежденія, болѣе краснорѣчиво свидѣтельствующаго о еще не утраченной, исконной свободѣ низшаго класса, какъ „копные суды".

„Вервь" Русской Правды въ разсматриваемую эпоху является въ видѣ копнаго округа. Копный округъ есть союзъ населенія извѣстной территоріи, по размѣрамъ приблизительно соотвѣтствовавшій нашей современной волости или даже нѣсколькимъ волостямъ, съ цѣлью предупрежденія правонарушеній, разслѣдованія ихъ и наказанія преступниковъ. Всѣ „мужи" территоріи копнаго округа, т.-е. главы семейныхъ ассоціацій, были обязательными членами этого союза: „мужъ" выводилъ домочадцевъ лишь тогда, когда было необходимо по обстоятельствамъ того или другого дѣла. Органомъ копнаго округа было копное собраніе, „копа" или „вѣче". Отъ личнаго участія въ копѣ ни одинъ членъ округа не могъ отклониться подъ страхомъ тяжелой отвѣтственности: принималась въ уваженіе только физическая невозможность такого участія, точно доказанная. На членахъ копнаго округа лежала забота о предупрежденіи правонарушеній, о внутреннемъ мирѣ копной околицы. Каждый изъ нихъ обязанъ былъ и нравственной, и юридической отвѣтственностью не только за всѣхъ своихъ домочадцевъ, но даже и за территорію своего дворища, обыкновенно очень обширную. Лоскутъ украденной гдѣ-нибудь вещи, слѣдъ отъ копытъ коня проскакавшаго преступника, обнаруженные на территоріи дворища, ложились на него подозрѣніемъ, которое глава дворища долженъ былъ непремѣнно отвести отъ себя, иначе подозрѣніе обращалось въ вину, влеку-

шую отвѣтственность. Гость изъ-за предѣловъ копной околицы, заѣзжій торговецъ, усталый прохожій, просящій ночлега, нищій—за всѣхъ и вся могъ глава дворища подвергнуться отвѣтственности, кто только пришелъ въ соприкосновеніе съ его землей, хатой или домочадцами. Не малы были права мужа, но не легка и отвѣтственность.

Копа, по самому существу своему, не могла взять на себя охранительныхъ, такъ сказать, полицейскихъ обязанностей; она могла только разслѣдовать преступленіе и наказывать его.

Розыскъ преступника, по горячимъ слѣдамъ совершеннаго преступленія, дѣлался обыкновенно черезъ маленькую копу, на которую скликались лишь мужи ближайшаго сосѣдства. Это была такъ называемая „горячая копа“, которая „гнала слѣдъ“, дѣлала обыскъ, опросы, собирала матеріалъ предварительнаго дознанія. Затѣмъ сбиралась „великая копа“, на которой непремѣнно присутствовали всѣ члены даннаго округа—собраніе, обставленное большою торжественностью въ смыслѣ соблюденія извѣстныхъ обрядовъ и формальностей. Здѣсь, передъ лицомъ большого копнаго сборища, велся состязательный процессъ сторонъ, отбирались показанія свидѣтелей, разсматривались судебныя улики, и взвѣшивались доказательства. Затѣмъ постановлялся приговоръ. Если дѣло кончалось примиреніемъ сторонъ, что допускалось и въ дѣлахъ уголовнаго характера, или прекращалось за неимѣніемъ доказательствъ, или за принесеніемъ обвиняемой стороной очистительной присяги, что допускалось во многихъ случаяхъ—великая копа была и послѣдней. Взимались вины, пересуды и т. п. судебныя пошлины въ пользу обиженной стороны, господаря или его намѣстника, позже землевладѣльца, и тѣмъ дѣло кончалось. Но если приговоръ требовалъ смертной казни преступника, что бывало лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда преступникъ былъ упорнымъ рецидивистомъ, и никто не бралъ его на поруки,—тогда собиралась для приведенія казни въ исполненіе третья „завитая“ копа.

Все это копное правосудіе съ его обстановкой предполагаетъ многовѣковой судебный опытъ, накопленный самимъ народомъ. Каждый членъ копнаго округа долженъ былъ имѣть немалый запасъ знанія правовыхъ обычаевъ, обрядовъ, формулъ; а, главное, практика жизни постоянно требовала отъ него значительной самодѣятельности. Все это создаетъ въ нашемъ воображеніи образъ не зависимаго и приниженнаго крѣпостного, а человѣка свободнаго и привыкшаго пользоваться своей свободой. Копа, повидимому, и не была сначала учрежденіемъ, существовавшимъ лишь для низшаго класса, а для землевладѣльцевъ даннаго округа, включая и людей высшаго сословія. Только постепенно литовско-русская шляхта освобождалась отъ копной связи и выходила изъ копныхъ округовъ; но копа, тѣмъ не менѣе, долго пользовалась правомъ, вытекавшимъ изъ ея первоначальной организаціи, привлекать по извѣстнымъ дѣламъ къ своей юрисдикціи и членовъ военно-служилаго сословія. Уже паны давно сдѣлались панами и хлопы хлопами, а эти послѣдніе все еще цѣплялись за свое старое право требовать въ извѣстныхъ случаяхъ на копу членовъ привилегированной общественной группы. Но логика вещей, въ концѣ концовъ,

взяла свое, и остатки хлопской копы пошли вслѣдъ за остальными аттрибутами былой народной свободы.

Изъ общей массы низшаго класса въ разсматриваемую эпоху выдѣлилось городское сословіе—„мѣстичи", мѣщане. Въ удѣльное время нѣтъ разницы между городскими и волостными людьми, все это свободные людины, смерды,—съ точки зрѣнія дружиннаго сословія. Права ихъ, какъ и обязанности, тѣ же самыя—одинаковы даже и занятія: у горожанъ пока еще преобладающимъ занятіемъ является то же земледѣліе и промыслы, какъ и у людей волостныхъ. Да въ первоначальномъ положеніи города, среди окружающей и тянущей къ нему земли, и нѣтъ ничего, что обусловливало бы собой различіе. Одинъ только Кіевъ на южно-русской территоріи представляетъ собою, какъ древностью своего происхожденія, такъ и торговыми связями съ чуждыми государствами, нѣчто особенное. Всѣ остальные города или, по крайней мѣрѣ, значительное большинство ихъ, возникли какъ результатъ потребности населенія данной территоріи имѣть постоянный общій центръ для сходокъ, „торгъ", и мѣсто для устройства храма во имя святого, патрона своей территоріи, а главное, и прежде всего, чтобы имѣть стѣны, гдѣ бы можно было укрыться на случай непріятельскаго нашествія.

Такимъ образомъ, городъ появился какъ продуктъ жизни окружающей его земли, и не было пока основаній возникать правовымъ различіямъ между населеніемъ, ютившимся постоянно подъ стѣнами или за стѣнами, и тѣмъ, которое жило вдали отъ этихъ стѣнъ и пользовалось ими только въ случаяхъ опасности.

Но жизнь идетъ впередъ и необходимо влечетъ за собою измѣненія и усложненія. Городъ Литовско-Русскаго государства, если онъ только не былъ слишкомъ близокъ къ угрожаемымъ границамъ, уже теряетъ для населенія свой, по преимуществу, защитный характеръ, хотя государство все еще строго наблюдаетъ за крѣпостью замковъ—этого военнаго оплота страны. Мало-по-малу, выдвигается новое значеніе города—экономическое. Земледѣліе, какъ занятіе городскихъ жителей, съ ростомъ города естественно все больше отодвигается на задній планъ. Вольные похожіе люди, которые охотно селятся въ городѣ, предпочитаютъ заниматься ремеслами; появляются и зачатки мануфактурной промышленности—какъ отголоски того великаго промышленнаго движенія, которое уже обхватило Западную Европу. Городской рынокъ перестаетъ быть пунктомъ для простого и непосредственнаго обмѣна сырыми произведеніями земли. Мѣстичи выступаютъ какъ особая группа низшаго, т.-е. податного или тяглаго сословія.

Когда земледѣльческое населеніе теряло свои права и свободу, передъ государствомъ тѣмъ самымъ выдвигался вопросъ, какъ быть съ этой особой группой? Втянуть ее въ общую связь зависимости отъ высшаго сословія было для государства неудобно и невыгодно. Дѣло въ томъ, что мѣщане необходимы были государству, такъ какъ на нихъ лежало, главнымъ образомъ, поддержаніе замковыхъ укрѣпленій, а затѣмъ государство, въ лицѣ своихъ представителей, было достаточно знакомо съ положеніемъ дѣлъ у своихъ западныхъ сосѣдей и стремилось къ поддержанію тѣхъ зачатковъ ремесла и торговли, ко-

торые находили себѣ пріютъ подъ стѣнами и нашихъ городскихъ замковъ. Необходимо было удержать за мѣщанствомъ его свободу, не допуская его въ то же время до привилегированнаго положенія высшаго класса. Готовое средство для этого находилось въ нѣмецкомъ правѣ, которое и безъ того проникало черезъ Польшу въ законодательство Литовскаго государства, а для даннаго случая представило готовый образецъ такого положенія городского сословія, которое обособляло его отъ остальныхъ общественныхъ категорій. Города одинъ за другимъ начали получать отъ великихъ князей привилегіи на Магдебургское право. Еще въ XV столѣтіи получили эти привилегіи Кіевъ и Житоміръ въ землѣ Кіевской, Луцкъ, Кременецъ и Владиміръ въ землѣ Волынской; остальные южно-русскіе города, за исключеніемъ польскаго Подолья, получаютъ Магдебургское право въ XVI столѣтіи и позже; послѣ Люблинской уніи началась усиленная раздача привилегій.

Магдебургскимъ правомъ предоставлялось городамъ широкое право самоуправленія. Дѣйствіе всякихъ иныхъ правъ на городской территоріи—польскихъ, литовскихъ и русскихъ—и всѣхъ обычаевъ, какіе были бы „на переказѣ Магдебургскому праву", упразднялось; упразднялись и всѣ власти, кромѣ своихъ собственныхъ выборныхъ, и власти верховной, великокняжеской. Уже не говоря о судѣ, органы государственной власти не имѣли права вмѣшиваться въ жизнь города даже и съ фискальными цѣлями: городъ уплачивалъ государству опредѣленную сумму—и только. Вмѣстѣ съ тѣмъ, предоставлялись разныя спеціальныя льготы городской промышленности и торговлѣ.

Все это, съ одной стороны, достигло своей цѣли: городъ выдѣлился изъ земли, мѣщане обособились отъ остального населенія, какъ самостоятельное сословіе со своими замкнутыми правами и интересами. Но, съ другой стороны, совсѣмъ не получилось того, на что государственная власть очень разсчитывала, надѣляя города привилегіями и льготами: подъема экономической жизни. Очевидно, главнѣйшія пружины экономическаго развитія лежали не въ тѣхъ или иныхъ правахъ.

Дѣло въ томъ, что жизнь всей земли, съ экономической точки зрѣнія, еще была слишкомъ проста. Достаточно сказать, что податное населеніе уплачивало свои подати и повинности почти исключительно натурой, произведеніями своего хозяйства. Такимъ образомъ, въ распоряженіи государства оказывался огромный запасъ сырыхъ продуктовъ—фондъ, крайне громоздкій, мало подвижный, неудобный къ обращенію. А между тѣмъ, Литовско-Русское государство, втянутое черезъ Польшу и въ политическія отношенія Европы—вспомнимъ хотя бы его роль въ Гусситскихъ войнахъ,—не могло не нуждаться въ деньгахъ. Оттого-то, конечно, оно такъ охотно раздавало населенныя земли, дворы и уряды лицамъ высшаго сословія, между прочимъ, и въ заставу (залогъ) за болѣе или менѣе значительныя денежныя суммы: до выкупа государствомъ уряда или имѣнія залогодатель, какъ бы въ видѣ процентовъ на капиталъ, кормился отъ взятаго въ заставу имѣнія, дѣлаясь, такимъ образомъ, его державцей, а, въ концѣ концовъ, и собственникомъ. Конечно, государство предпочло бы получать деньги прямымъ путемъ отъ податныхъ людей, но,

очевидно, не могло этого дѣлать по недостатку денегъ въ оборотѣ среди народной массы.

Правда, есть одна категорія податей, которая и теперь уже уплачивается исключительно деньгами, лишь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ замѣняясь скотомъ, но эти подати имѣютъ характеръ общихъ обложеній на экстренныя, собственно, военныя нужды: серебщизна (отъ сл. серебро), подымщина, воловщина, ордынщина на подарки крымскому хану для предотвращенія набѣговъ. Всѣ же правильныя, ежегодныя, обложенія уплачиваются податнымъ населеніемъ продуктами своего хозяйства. Подати тяглаго населенія являются подъ названіемъ „дякла“ и „мезлевы“, а подати данниковъ—подъ названіемъ „дани“. Дякло или житщина уплачивалось рожью и овсомъ, иногда пшеницей, сѣномъ и дровами; послѣдними, конечно, лишь вблизи замковъ, гдѣ жили непосредственные потребители этихъ продуктовъ. „Мезлева“ или „яловщина“ уплачивалась яловицами, баранами, свиньями; въ прибавку къ дяклу и мезлевѣ шли куры и яйца. Дани были, главнымъ образомъ, медовыя, затѣмъ куничныя, бобровыя, лисьи и бѣличьи—однимъ словомъ, дани взимались медомъ и мѣхами. Но различіе между податями тяглыхъ людей и данями данниковъ меньше опредѣлялись предметами обложенія и взиманія, чѣмъ характеромъ этого обложенія: тяглые люди облагались по отдѣльнымъ хозяйственнымъ единицамъ, данники по цѣлымъ округамъ. Случалось, что и данники платили дани хлѣбомъ или скотомъ, а тяглые люди медомъ и мѣхами. Общимъ принципомъ податного обложенія было то, чтобы каждая хозяйственная единица платила тѣмъ, что составляло главный предметъ ея производительности. Отсюда мы встрѣчаемъ подати, уплачиваемыя льномъ, хмѣлемъ, рудою, рыбою. Мало того: отдѣльныя хозяйственныя единицы, пристроившіяся къ какому-нибудь ремеслу, платили государству произведеніями этого ремесла: санями, рогатинами, топорами, посудой, обувью и т. п.

Государство стремилось къ тому, чтобы перевесть подати на деньги; но пока дѣло ограничивалось тѣмъ, что въ взимаемому хозяйственному продукту дѣлались добавки деньгами: напр., платится кадка меду и накадный грошъ и т. п.

Такимъ образомъ, по обложеніямъ и взиманіямъ мы можемъ составить приблизительное понятіе о томъ, что производилъ народъ Литовско-Русскаго государства. Часть производимаго—какую мы опредѣлить не въ состояніи—онъ отдавалъ государству; остатокъ отъ личнаго потребленія и подати онъ пускалъ въ торговый оборотъ. Конечно, хозяйство тогдашняго земледѣльца мы должны представлять себѣ очень полнымъ и, такъ сказать, самодовлѣющимъ; достаточно вспомнить, на какой широкій хозяйственный базисъ оно опиралось. Описаніе дворища и его принадлежностей, т.-е. тянущихъ къ нему угодій, рисуетъ передъ нами совершенно утопическую, съ современной точки зрѣнія, картину привольнаго хозяйничанья на обширныхъ земляхъ, гдѣ, кромѣ пашни и сѣнокосовъ, есть и гаи, и ставы, и млины, и пасѣки, и руды. Но разница даже въ однихъ топографическихъ условіяхъ уже создавала то, что, напримѣръ, степныя мѣстности нуждались въ произведеніяхъ мѣстностей лѣсныхъ, и обратно. Государство оживляло торговый оборотъ тѣмъ, что пускало въ него

часть получаемаго имъ огромнаго запаса сырыхъ продуктовъ, не потребленныхъ ни гарнизономъ его замковъ, ни челядью его дворовъ, ни многочисленными слугами, получавшими кормъ натурой.

Но, какъ бы то ни было, люди данной эпохи производили для того, чтобы потреблять, а не для того, чтобы продавать; торговый оборотъ былъ лишь дополнительнымъ процессомъ экономической жизни, а не ея существеннымъ содержаніемъ. Поэтому и государство, хотя и считало своею обязанностью покровительствовать торговлѣ и охранять ее, тѣмъ не менѣе, видѣло въ ней лишь простую доходную статью для извлеченія изъ нея денегъ, въ которыхъ оно такъ нуждалось. Такимъ образомъ, торговля, якобы покровительствуемая и охраняемая, на самомъ дѣлѣ подвергалась безконечнымъ стѣсненіямъ. Купецъ могъ везти свой товаръ лишь по такой-то дорогѣ, складывать его лишь въ такомъ-то мѣстѣ, продавать тамъ-то и по такой-то опредѣленной мѣрѣ и т. д.— все это для охраненія разныхъ частныхъ интересовъ, надъ которыми царилъ одинъ все поглощающій интересъ, не имѣющій ничего общаго съ интересами торговли,—великокняжеское „мыто“ (таможенная пошлина). Мытники и мытныя заставы, мыта и промыты опутывали торговое движеніе длинной цѣпью препятствій, которыя оно должно было преодолѣвать. И, конечно, иноземному „гостю“ и иноземному товару приходилось тяжелѣе всего на этомъ тернистомъ пути.

Кіевъ, эти южныя „ворота государства“, въ разсматриваемую эпоху снова возвратилъ себѣ утраченное-было имъ значеніе важнаго торговаго пункта. Онъ очутился теперь на перекресткѣ двухъ большихъ торговыхъ теченій, выходившихъ за предѣлы страны: съ запада шли нѣмецкіе товары, разные предметы мануфактурной промышленности, особенно сукна, которыя составляли потребность не только высшаго, но частью и низшаго классовъ, и направлялись черезъ Львовъ и Люблинъ; съ юга шли на сѣверъ, черезъ Крымъ, произведенія востока. Особенно большое значеніе для Кіева имѣла торговля южная.

Нѣкоторые пункты Крыма издавна привлекали къ себѣ произведенія Анатоліи, Персіи, Аравіи, Сиріи, Индіи и передвигали ихъ на далекій сѣверъ, который также изъ глубины вѣковъ привыкъ отождествлять понятія богатства и роскоши именно съ произведеніями этого отдаленнаго юга. Торговля эта долгое время была въ рукахъ венеціанцевъ и генуэзцевъ, которые имѣли въ Крыму свои колоніи, пока татары и турки не вытѣснили ихъ совершенно. Главнымъ пунктомъ этой торговли были Кафа и Сурожъ (Судакъ), въ особенности Кафа (Θеодосія). Огромные караваны изъ навьюченныхъ верблюдовъ и возовъ, нагруженныхъ этими товарами, т.-е. шелкомъ и шелковыми тканями, ладаномъ, шафраномъ, перцомъ и другими пряностями, тянулись изъ Крыма черезъ Перекопъ къ Таванскому перевозу на Днѣпрѣ, а оттуда по правому его берегу, на Черкасы или Каневъ, гдѣ товары перегружались на суда и такимъ образомъ достигали Кіева. Константинопольскіе товары, тоже караваннымъ путемъ, шли къ Кіеву черезъ Бѣлгородъ (Аккерманъ) прямо степью, переходя Бугъ и другія рѣки бродами и мостами, устроенными, по преданію, еще Витовтомъ. Тѣми же путями шли караваны и обратно на югъ, нагруженные

товарами сѣвера, которые тоже направлялись къ Кіеву изъ Москвы черезъ Сѣверщину или Днѣпромъ.

Едва ли Кіевъ описываемой эпохи имѣлъ въ торговлѣ только транзитное значеніе. Надо думать, что онъ былъ мѣстомъ усиленнаго торговаго обмѣна. „Въ Кіевѣ,—говоритъ Михалонъ Литвинъ,—мнѣ самому случалось видать, какъ шелкъ продается дешевле, чѣмъ ленъ въ Вильнѣ, а перецъ дешевле соли". Если въ этихъ словахъ и есть преувеличеніе, то все-таки за ними остается значеніе свидѣтельства, что кіевскіе рынки были наполнены, а иногда, вѣроятно, и переполнены южными товарами, которые отсюда уже расходились во всѣ стороны. Не малая часть ихъ, надо полагать, потреблялась и мѣстнымъ населеніемъ города и его области, если вѣрить сообщенію того же Михалона, что даже и въ бѣднѣйшихъ хижинахъ кіевскихъ мѣщанъ можно встрѣтить шелковыя ткани и пряности,—и, вообще, свидѣтельствамъ о привольной жизни украинскаго населенія этой эпохи.

Но былъ одинъ предметъ заграничнаго ввоза, который имѣлъ самое широкое распространеніе, входя тогда, какъ и теперь, въ кругъ ежедневныхъ потребностей: это соль. Недостатокъ соли на южно-русской территоріи былъ, конечно, для населенія однимъ изъ наиболѣе чувствительныхъ ея недостатковъ. Дѣлались попытки разыскать соль на мѣстѣ, но онѣ не приводили ни къ чему; приготовляли даже нѣкоторые суррогаты ея изъ золы ольховаго и дубоваго дерева; но они не могли замѣнить собою соли. Такимъ образомъ ввозъ соли изъ-за границы являлся насущной необходимостью, и соль сдѣлалась важнѣйшимъ предметомъ привозной торговли. Какъ и въ удѣльную эпоху, соль шла въ Южную Русь двумя путями: съ юга, изъ Крыма и лимановъ, и съ запада изъ Галиціи, съ Покутья. Крымская соль приходила большею частью Днѣпромъ, хотя иногда шла и сухимъ путемъ по лѣвому берегу Днѣпра. Главный складъ ея былъ въ Кіевѣ, откуда она расходилась по всему великому княжеству; соль лиманская и коломыйская, или бѣлая, шедшая съ запада, имѣла склады въ Кіевѣ и Луцкѣ. Торговля солью высоко поднимала торговое значеніе Кіева не только для южно-русскаго края, но и далеко за его предѣлами.

Вывозъ въ разсматриваемую эпоху направлялся, главнымъ образомъ, къ сѣверу. Быстро развивавшійся промышленный ростъ Западной Европы все сильнѣе и сильнѣе привлекалъ къ себѣ сырые продукты, которые пока только и могла давать наша территорія. Данцигъ, Рига, Кенигсбергъ были тѣми пунктами, которые стягивали къ себѣ избытокъ нашего сырья и снабжали ими рынки и мануфактуры европейскихъ промышленныхъ центровъ. Мѣха и воскъ стали уступать первое мѣсто поташу и смолѣ, которыми снабжало Данцигскій портъ, главнымъ образомъ, Полѣсье (по Зап. Бугу); нѣсколько позже, съ конца XVI вѣка, выступаетъ и скоро пріобрѣтаетъ преобладающее значеніе торговля хлѣбомъ и хлѣбными продуктами.

Государство, какъ уже было только-что сказано, очень заботилось о внѣшней торговлѣ. Оно заключало торговые договоры съ сосѣдними странами, Москвой, Крымомъ, Турціей, выговаривая безопасность и покровительство, обѣщая со своей стороны всякое покровительство у себя гостямъ иноземнымъ,

настаивая на томъ, чтобы и въ военное время „хотя полки ходятъ“, чтобы „гостю путь не былъ затворенъ“. Государство отвѣчало за обиду, нанесенную гостю, возмѣщало убытки, если его имущество подвергалось грабежу на большой дорогѣ, и т. д.

Но, исходя изъ взгляда на торговлю, какъ на источникъ дохода, государство одной рукой разрушало то, что создавало другой. Гостямъ разрѣшалось ходить только по извѣстной, „королевской“, дорогѣ или гостинцу. Если они сворачивали съ этой дороги — что и случалось,—то они подвергались опасности грабежа, въ особенности со стороны казаковъ, нерѣдко дѣйствовавшихъ съ одобренія старостъ и каштеляновъ мѣстныхъ замковъ, и вообще, какъ контрабандисты своего рода, лишались правовой охраны: правительство такъ боялось этого контрабанднаго прохода товаровъ, что стѣсняло заведеніе новыхъ мелкихъ поселковъ въ лѣсахъ. Затѣмъ старостѣ каждаго замка, встрѣчающагося на пути, уже не говоря о воеводѣ, полагались „поклоны и подарки“ или изъ доброй воли, или по опредѣленной таксѣ—подарки, немалые и по количеству и по цѣнности предметовъ: южные караваны уплачивали ихъ дорогими тканями, сырымъ шелкомъ, сафьяномъ, коврами; сѣверные—шубами или мѣховыми шапками, сѣдлами, соболями и пр. Послѣ поклоновъ и подарковъ, шла плата на мостахъ и перевозахъ, затѣмъ мыта и перемыты (мытные штрафы) и, наконецъ, разныя подачки и поборы, сопровождавшіе подъ разными именами непосредственно обмѣнъ: важчее, головное, описное, торговое, помѣрное. Чтобы понять все значеніе этихъ отношеній, надо помнить, что не только само государство взимало свои пошлины, но представляло разнымъ частнымъ владѣльцамъ такія же права; такимъ образомъ, мыта, мостовыя и т. п. взимали разныя частныя лица, получавшія на это привилегіи, а съ ростомъ значенія шляхты—и безъ привилегій.

Главнѣйшими пунктами сбора мытъ въ Южной Руси были Кіевъ и Луцкъ; главными товарами, доставлявшими мытный доходъ,—воскъ и соль; отсюда особыя соляныя и восковыя мытныя коморы. Мыта уплачивались деньгами или съ общей суммы товара, причемъ установленная норма, повидимому, равнялась $3^1/_3\%$ съ оцѣнки, или по столько-то грошей отъ воза, смотря по свойству товара (отъ рыбы—десятокъ рыбъ съ воза и т. п.). Мыто обыкновенно сдавалось великими князьями въ аренду евреямъ на небольшое число лѣтъ за опредѣленную годовую плату, причемъ арендаторъ освобождался на все время своей аренды отъ суда мѣстныхъ властей.

Огромное значеніе для торговли—и внѣшней, но еще больше внутренней—имѣлъ Днѣпръ. Пересѣкая Южную Русь со своими огромными и судоходными притоками, Десной и Припетью, онъ соединялъ ея лѣсную полосу съ степной, чрезвычайно облегчая взаимный обмѣнъ; другія двѣ большія рѣки, Бугъ и Днѣстръ, въ разсматриваемое время были въ сторонѣ отъ торговаго движенія; то значеніе, которое началъ-было пріобрѣтать Днѣстръ въ началѣ XV в., судя по тому, что при Казимірѣ Ягайловичѣ имъ сплавляли пшеницу въ Царьградъ и Архипелагъ, въ концѣ второй половины столѣтія, благодаря турецко-татарскому господству, совершенно исчезло. Конечно, движеніе по Днѣпру

оживленностью своею значительно превосходило движеніе по сухопутнымъ дорогамъ, которыя также пересѣкали Южную Русь во всѣхъ направленіяхъ, имѣя главнымъ узломъ своимъ Кіевъ.

Съ сѣвера спускались Днѣпромъ къ Кіеву, главнымъ образомъ, лѣсъ, деревянныя издѣлія и предметы лѣсной промышленности. Отъ Кіева поднимались вверхъ рыба и соль: рыба, какъ главный, если не единственный, предметъ добычи и обмѣна со стороны Днѣпровскаго низовья, того знаменитаго Низа, которому вскорѣ пришлось занять такое видное мѣсто въ дальнѣйшей исторіи украинскаго народа. Вообще, предметы торговаго обмѣна, наполнявшіе наши внутренніе рынки, не отличаются разнообразіемъ: это все тѣ же хлѣбъ и скотъ, воскъ и медъ прѣсный, мохнатый звѣрь. Стѣсненія, которымъ подвергалась внутренняя торговля, были, въ общемъ, тѣ же, какими была обставлена и торговля внѣшняя; прибавимъ еще, что продавцы не имѣли права продавать свои товары на мѣстахъ и обязательно должны были вывозить ихъ на рынокъ,—конечно, въ видахъ лучшей охраны интересовъ фиска. Но, опутывая торговлю плотной сѣтью стѣсненій всякаго рода, правительство, тѣмъ не менѣе, не могло не понимать, какъ эта система мѣшала торговлѣ развиваться, а населенію городовъ обогащаться на счетъ этого развитія. Выходъ изъ этого противорѣчія оно искало въ многочисленныхъ торговыхъ льготахъ и привилегіяхъ, которыми одѣляло города. Особенно щедрымъ было оно по отношенію къ Кіеву и, вообще, къ болѣе южнымъ пограничнымъ городамъ нашей территоріи, какъ такимъ, которые особенно страдали „отъ поганства татаръ“. Главнымъ содержаніемъ такихъ привилегій была свобода отъ мыта: кіевскіе мѣщане были освобождены отъ платежа всякихъ мытъ по всему государству еще въ концѣ XV вѣка; затѣмъ, въ теченіе слѣдующаго столѣтія, получали привилегіи, хотя болѣе ограниченнаго характера (на опредѣленное время, по отношенію къ опредѣленнымъ лишь товарамъ) Каневъ и Черкасы, Бѣлая Церковь, Крыловъ, Винница.

Привилегія, облегчая одного, отягощаетъ другого; таково ея обыкновенное свойство. Напримѣръ, государство, предоставляя кіевскому мѣщанству въ предѣлахъ города исключительное право на торговлю „въ раздробицу“, т.-е. розничную, тѣмъ самымъ усиленно тѣснило иногороднихъ торговцевъ, лишенныхъ права продавать „на локоть, на фунтъ или золотникъ“. Такія привилегіи необходимо вызывали, какъ противовѣсъ, ярмарочныя привилегіи, которыми обусловливалось кратковременное освобожденіе торговли, на ярмарочный срокъ, отъ этихъ и подобныхъ стѣсненій.

Въ концѣ концовъ, эта система привилегій привела къ тому, что торговая промышленность Литовско-Русскаго государства была почти парализована въ своемъ развитіи всепоглощающими привилегіями шляхетства. Всѣмъ членамъ шляхетскаго сословія предоставлено было, для ихъ личныхъ потребностей, право безпошлиннаго вывоза и ввоза изъ-за границы всякихъ товаровъ. Будучи сначала лишь частной привилегіей отдѣльныхъ лицъ шляхетскаго сословія, добывавшихъ отъ великаго князя право на безпошлинный ввозъ въ цѣляхъ пріобрѣтенія за границей хорошаго вооруженія, она обратилась въ

общую привилегію шляхты. Эта „чудовищная“, по выраженію почтеннаго профессора Бершадскаго, привилегія убила народную торговлю, сохранивъ лишь нѣкоторое поле для торговой дѣятельности шляхты, сбывавшей хлѣбъ, добытый трудомъ хлопа.

Тѣ препятствія, какія внутренняя торговля удѣльнаго періода встрѣчала въ слишкомъ слабомъ развитіи монетнаго дѣла, въ настоящее время ужъ были до нѣкоторой степени устранены. Наслѣдовавшее культуру древней Руси Литовско-Русское государство заимствовало у нея и ея гривны или рубли: серебряная гривна, кіевская или новгородская, повидимому, была основной монетной единицей. Со времени перваго соединенія Литвы съ Польшей, при Ягайлѣ—можетъ-быть, въ зависимости отъ этого обстоятельства—замѣчаются успѣхи монетнаго дѣла. Съ Кейстута появляется и самостоятельная литовская монета—грошевая, полугрошевая, трех-, четырех- и шестигрошевая: очень употребителенъ счетъ грошей на копы (копа—60 грошей). Позже, послѣ уніи уже, появляется мелкая размѣнная монета динаріи (пенѣзи) и крупная—червонный злотый. Но, несмотря на это, все-таки временами, повидимому, на обширной территоріи Литовско-Русскаго государства ощущался недостатокъ въ монетѣ, который приходилось пополнять чужой монетой: монета польская еще до Люблинской уніи имѣла временами обязательный курсъ за недостаткомъ собственной монеты, какъ объ этомъ прямо свидѣтельствуютъ источники. Кромѣ польской монеты—полугрошниковъ, грошей „краковскаго рѣза“—обращались еще и „широкіе чешскіе гроши“ и угорскіе золотые, и нѣмецкіе талеры. Литовская монета одного названія съ польской была, тѣмъ не менѣе, цѣннѣе ея по содержанію металла, и это обстоятельство было однимъ изъ многочисленныхъ поводовъ, питавшихъ взаимное національное неудовольствіе.

Но если монета и явилась на помощь торговлѣ, то другое препятствіе, заключавшееся въ отсутствіи единообразныхъ мѣръ, продолжало, повидимому, держаться еще въ полной силѣ. Всякій большой торговый пунктъ придерживался своихъ собственныхъ мѣръ, стараясь лишь о томъ, чтобы урегулировать ихъ для своего собственнаго района. Такимъ образомъ, не только различныя мѣстности придерживались совсѣмъ особыхъ мѣръ, но и одна и та же, по имени, мѣра имѣла различную величину и требовала ближайшаго обозначенія того мѣста, гдѣ она была принята и опредѣлена.

Въ одномъ мѣстѣ для обозначенія мѣры меду прѣснаго была употребляема кадь, лагунъ, въ другомъ—ведро, въ третьемъ—ручка, желѣзникъ, ушатка; для хлѣба—то бочка, то солянка, колода, третинникъ, мѣрка, осмакъ, корецъ, четверть и т. д. Отсюда, при торговыхъ сдѣлкахъ, являлась необходимость дѣлать такія опредѣленія: кадь кіевской мѣры, бочка слуцкая, аршинъ берестейскій, мѣрка острожская и т. д., а уже каждый городъ хранилъ въ ратушѣ нормальную единицу принятой имъ мѣры. Не требуетъ особыхъ поясненій, какъ должно было мѣшать это условіе развитію торговаго обмѣна.

Итакъ, внѣшняя торговля—уже не транзитная лишь, какъ это было въ значительной степени, если не исключительно, въ первый періодъ—теперь

оставляла въ странѣ массу предметовъ, которые, входя въ обиходъ жизни, расширяли кругъ матеріальныхъ потребностей общества.

Еще въ началѣ разсматриваемой эпохи, съ половины XIV до половины XVI вв. жизнь человѣка даже и высшаго сословія, въ смыслѣ обилія и разнообразія вещей, была обставлена очень скудно. Сохранились на это ясныя свидѣтельства документовъ: одинъ панъ продаетъ другому свое имѣніе и получаетъ въ видѣ платы извѣстную сумму монетой и бобровую шубу; такому-то пану Волчку достается при дѣлежѣ отъ родичей село, шесть кобылъ, жеребецъ и два серебряныхъ креста и т. д. Въ концѣ разсматриваемой эпохи состоятельный человѣкъ обставленъ такъ, что въ обиліи окружающихъ его вещей уже дѣлаются незамѣтными отдѣльные серебряные кресты или бобровыя шубы. Западная торговля освоила людей съ нѣмецкими сукнами: не только шляхтичъ, но и зажиточный украинскій простолюдинъ не довольствовался домотканнымъ, а требовалъ „лунскаго сукна"; южная торговля распространила повсюду шелкъ и шелковыя ткани. Какъ ни хороши были стоялые меды и домашнія пива, но, тѣмъ не менѣе, нѣмецкое пиво уже начало и тогда прокладывать себѣ дорогу въ обиходъ жизни южно-русскаго человѣка; о заграничныхъ же винахъ нечего и говорить: они шли въ изобиліи и съ запада, и съ юга, не вытѣсняемыя своимъ мѣстнымъ, земскимъ или горѣлымъ, виномъ, несмотря на его дешевизну.

Пища доставлялась въ изобиліи окружающей, еще не истощенной, природой, и по отношенію къ пищевому матеріалу, конечно, въ тѣ времена было гораздо меньше отличія высшаго класса отъ низшаго, богатаго отъ бѣднаго, чѣмъ это мы наблюдаемъ теперь. Если панъ Никодимъ Яновичъ, великій посолъ отъ Литовскаго государя къ Московскому, получалъ ежедневно въ качествѣ „стаціи" отъ населенія на свое путевое прокормленіе яловицу, четверо гусей, десять куръ, кромѣ хлѣба и другихъ „дробныхъ кухонныхъ рѣчей", ушатокъ меду и бочку пива, то и пятнадцать московскихъ вязней (плѣнниковъ), сидѣвшихъ въ Берестьѣ, все-же-таки имѣли на пропитаніе на недѣлю по 2 барана, по 2 ковриги хлѣба на человѣка, по 10 головаженъ соли и по бочкѣ пива. Однимъ словомъ, мясо домашняго скота и дикихъ животныхъ, птица домашняя и дикая, рыба—доставляли одинаково матеріалъ для стола и великаго князя, и простого крестьянина. Но торговля познакомила богатыхъ людей съ приправами, которыя и отличали простой столъ отъ изысканнаго. Приправы эти употреблялись въ огромныхъ количествахъ: изъ нихъ перецъ, по своей распространенности, чуть-что не считался общепризнаннымъ орудіемъ обмѣна. Къ „простымъ зельямъ", слѣдовательно, общедоступнымъ по своей стоимости, кромѣ перца, относился еще имбирь, миндаль; болѣе цѣнными, слѣдовательно, входящими въ потребности лишь состоятельныхъ людей, считались шафранъ, мушкатъ и мушкатный цвѣтъ, гвоздика—къ этой же категоріи „дорожшихъ зельевъ" относились зелья лѣкарственныя, калганъ и цытварное сѣмя; въ видѣ иноземныхъ лакомствъ, для услажденія вкуса людей богатыхъ, привозились винныя ягоды и изюмъ. Еще необходимо упомянуть объ оружіи и, вообще, о принадлежностяхъ вооруженія, которыми обильно издавна снабжала заграничс-

ная торговля высшій классъ. Конечно, и свои мѣстные ремесленники отчасти удовлетворяли этой насущнѣйшей потребности членовъ служилаго сословія, но болѣе искусное и цѣнное вооруженіе добывалось съ юга и запада путемъ торговли.

Итакъ, надо полагать, что члены высшаго класса въ разсматриваемую эпоху, благодаря торговлѣ, были обильно, если не роскошно, обставлены по отношенію одежды, вооруженія, украшеній: дорогія шубы, епанчи, сояны, охабни съ золотыми и серебряными пуговицами, и кошули (рубахи), вышитыя шелками и золотомъ, драгоцѣнные ланцухи (цѣпи), перстни, запоницы, монисты, перлы, наконецъ, вооруженіе, дорогое по искусной работѣ и по драгоцѣнной оправѣ—такимъ и подобнымъ добромъ старался обзавестись, по мѣрѣ силъ и возможности, всякій состоятельный человѣкъ того времени. Но все это были предметы „личной“ обстановки въ узкомъ смыслѣ этого слова; въ смыслѣ обстановки домашней требованія были еще, повидимому, очень невысоки. Большое вниманіе было обращено на образа и ихъ дорогія ризы,—на цѣнныя оправы для всякаго рода „святостей“—вѣроятно, эти предметы играли первую роль въ домовомъ убранствѣ. Затѣмъ богатые люди имѣли серебряную столовую посуду, тоже служившую больше предметомъ украшенія, чѣмъ употребленія: кубки, чарки, роструханы, полумиски, рукомыи. Изъ предметовъ домашняго украшенія и комфорта можно указать еще, какъ на очень распространенные въ Южной Руси, восточные ковры, которыми покрывали богатые люди столы и скамьи простой, самодѣльной, работы. Утонченность жизни прививается къ нравамъ южно-русскаго общества лишь позже, по мѣрѣ распространенія польскихъ вліяній, въ связи съ которыми дѣйствовали и крупныя измѣненія экономическихъ условій: но объ этомъ будетъ рѣчь въ слѣдующемъ очеркѣ.

Экономическія основы жизни были патріархальны; патріархальны были и формы быта, которыя на нихъ покоились. Солидарность родственныхъ группъ, поглощеніе ими личности, круговая порука и отвѣтственность—продолжали связывать людей. Но въ то же время среди высшаго класса дѣятельно шелъ процессъ освобожденія личности и опредѣленія ея правъ на тѣхъ основаніяхъ и въ тѣхъ предѣлахъ, какія были установлены и выработаны жизнью и юридической мыслью Западной Европы. Выше мы говорили о томъ, какъ Ягеллоны, рядомъ законодательныхъ мѣръ, въ земскихъ привилеяхъ, жалованныхъ и уставныхъ грамотахъ отдѣльнымъ землямъ, превратили литовско-русское боярство въ шляхетство. Условное земельное держаніе сдѣлалось безусловной земельной собственностью, что повлекло за собою обезземеленіе земледѣльческаго класса; дарованіе высшему классу политическихъ привилегій имѣло своимъ послѣдствіемъ закрѣпощеніе класса низшаго. Но, признавая въ полной мѣрѣ всѣ пагубныя послѣдствія, какими отразился этотъ процессъ на обществѣ, нельзя не признать за нимъ и одной важной положительной стороны: онъ освобождалъ личность и обставлялъ ее тѣми правовыми гарантіями, безъ какихъ новое время не признаетъ существованіе возможнымъ. Теперь только впервые законодательный актъ оговаривалъ, что нельзя человѣка осуждать безъ суда или судить заочно, что наказаніе должно падать лишь на винов-

наго, а не на его родственниковъ или слугъ, что всякій, исполнившій свои обязательства передъ государствомъ, можетъ пользоваться своей свободой для выѣзда за границу, что онъ воленъ дѣлать со своимъ имѣніемъ что хочетъ *),— все это представлялось лишь прямымъ приложеніемъ „вольнаго права христіанскаго", хотя это право все-таки было доступно пока лишь одному высшему классу. Очень краснорѣчивымъ выраженіемъ этого новаго теченія въ жизни и правѣ являются тѣ нормы законодательныхъ памятниковъ, которыя касаются положенія женщины. Женщинѣ высшаго класса предоставляется право выходить замужъ, не испрашивая на то согласія великаго князя или его намѣстника: очевидно, до тѣхъ поръ, въ силу особенностей военно-служилаго, условнаго землевладѣнія, власть надъ женщиной въ этомъ отношеніи перенесена была съ кровнаго союза на государство и его главу. Затѣмъ женщинѣ предоставляются извѣстныя имущественныя права, и тѣмъ обезпечивается, до нѣкоторой степени, ея самостоятельность—явленіе новаго порядка, такъ какъ при господствѣ архаическихъ понятій и формъ быта о самостоятельной женской личности не можетъ быть и рѣчи.

Но женщина, не освоившаяся съ той новой, хотя и ограниченной, свободой, которую предоставилъ ей теперь законъ, нерѣдко злоупотребляла ею. По крайней мѣрѣ, намъ кажется, что именно съ этимъ условіемъ надо связывать тѣ указанія на распущенность нравовъ среди южно-русскаго дворянства, какія доходятъ до насъ отъ этого отдаленнаго времени. Если жалобы тогдашнихъ пессимистовъ, въ родѣ князя Курбскаго, и можно считать за преувеличенныя, то судебные и иные документы, во всякомъ случаѣ, передаютъ голую правду, и, случается, очень нелестную для южно-русской женщины высшаго класса. Семейный союзъ того времени представляется вышеуказанными документами очень непрочнымъ,—и атаку на него нерѣдко ведетъ именно женщина, обыкновенно ея легкомысліе, но иногда также и ея корыстолюбіе или честолюбіе; такимъ образомъ, разводы дѣлаются явленіемъ совершенно зауряднымъ среди волынскихъ православныхъ князей и земянъ, о жизни которыхъ мы имѣемъ наиболѣе свѣдѣній, и церковь, очевидно, не рѣшается ставить имъ препятствія. Случается, что женщина выступаетъ и какъ преступница, прибѣгая къ яду или колдовству, чтобы устранить съ своей дороги то или другое препятствіе. Но еще чаще пытается она расчищать себѣ дорогу не тайнымъ преступленіемъ, а прямымъ и грубымъ насиліемъ, средства для котораго она находитъ въ своемъ самостоятельномъ имущественномъ положеніи. Далеко не единичное явленіе представляютъ собою амазонки, какъ Анна Борзобогатая-Красенская или княгиня Софія Ружинская, которыя, одѣтыя въ панцырь, лично предводительствуютъ военными отрядами, дѣлаютъ нападенія на сосѣдей, берутъ приступомъ замки, отражаютъ земское ополченіе своего воеводства. Надо замѣтить, что, злоупотребляя такимъ образомъ своей свободой и правами, женщина шла лишь по стопамъ мужчины: самоуправство всѣхъ видовъ и степеней дѣлается обычнымъ условіемъ существованія южно-русскаго военно-слу-

*) Жалованная грамата Казиміра, 1457 г.

жилаго человѣка къ концу разсматриваемой эпохи. Было бы несправедливостью приписывать исключительно вліянію польскаго права всѣ эти домовыя войны, заѣзды и другія примѣненія принципа „своя рука владыка“: имъ богата жизнь литовско-русскаго высшаго класса еще и до Люблинской уніи.

Въ то же время въ низшемъ слоѣ литовско-русскаго общества также происходилъ процессъ, сходный по существу съ только-что описаннымъ, но отличный отъ него и по мотивамъ, и по результатамъ. Личность также освобождалась путемъ постепеннаго, медленнаго, но рѣшительно наступавшаго разложенія родово-семейнаго союза, описаннаго выше подъ именемъ дворища. Дворище вырождалось подъ вліяніемъ приближающагося обезземеленія земледѣльческаго класса и волочной системы: отходящая въ вѣчность бытовая форма уносила съ собою и покоющійся на ней строй понятій.

Но общественная атмосфера еще была такъ насыщена чувствами солидарности, воспитанными архаическимъ строемъ, что въ ней легко складывались и существовали тѣ свободныя подражанія кровнымъ союзамъ, которыя заимствовали отъ нихъ нѣкоторыя внѣшнія черты, но преслѣдовали свои собственныя, общественныя или нравственныя, цѣли. О копныхъ союзахъ уже была рѣчь выше: скорѣе терпимые, чѣмъ признаваемые закономъ, они продолжали заправлять такими важными сторонами народной жизни, какъ правосудіе и полицейская безопасность. Но еще гораздо интереснѣе съ указанной точки зрѣнія—братства.

Опираясь въ своемъ происхожденіи на кровныя связи, братства въ разсматриваемую эпоху представляли собою свободные союзы, широко распространенные по всей территоріи Литовско-Русскаго государства, а, слѣдовательно, и Южной Руси. Главнымъ мѣстомъ ихъ процвѣтанія были города, гдѣ скопленіе населенія, чуждаго по крови, съ его разнообразными общественными потребностями, не удовлетворяемыми государствомъ, создавало особенно благопріятную почву для ихъ развитія. Благопріятнымъ условіемъ было и Магдебургское право, которое также знало братства и давало имъ формальное признаніе и опредѣленіе, подъ именемъ цеховъ или гильдій. Но и ремесленныя братства или цехи, и купеческія или гильдіи не есть явленіе, заимствованное, вмѣстѣ съ нѣмецкимъ правомъ, изъ Германіи—это мы можемъ утверждать съ полной увѣренностью, имѣя на то несомнѣнныя историческія доказательства. Слѣды существованія братскихъ союзовъ, можетъ-быть, и не такъ развитыхъ, какъ союзы городскіе, мы находимъ и внѣ городовъ: „меды“ и „пива“, т.-е. медовыя и пивныя братчины или братскія пиршества, „свѣчи“ и „кануны“, такъ часто встрѣчающіеся въ памятникахъ,—все это опредѣленныя указанія на существующія братства. Цѣли, которыя преслѣдовали эти союзы,—въ общемъ религіозно-нравственныя, и церкви съ патронами, которымъ онѣ были посвящены, обыкновенно, являются центрами братствъ; но отдѣльныя группы братствъ, поставленныя въ тѣ или другія особыя условія и преслѣдующія свои спеціальныя цѣли, могли далеко выходить изъ первоначальныхъ узкихъ традиціонныхъ рамокъ. Таковы были братства цеховыя, ставившія себѣ, на ряду съ религіозно-нравственными, и опредѣленныя соціально-экономическія цѣли. Такъ же далеко

вышли изъ первоначально намѣченныхъ предѣловъ и „церковныя братства“, сыгравшія столь важную роль въ нашей исторіи, какъ орудіе не только религіозной, но и политической борьбы, о которой у насъ будетъ рѣчь въ слѣдующемъ очеркѣ. Конечно, психической почвой и грандіознаго запорожскаго военнаго братства—уже закладывавшагося въ это время тамъ гдѣ-то на отдаленномъ Днѣпровскомъ низовьѣ—служитъ та же стихія понятій и чувствъ, которая вызвала къ жизни и остальные виды братскихъ союзовъ.

Если освобожденіе личности влечетъ за собой на первыхъ порахъ отрицательные результаты въ видѣ усиленнаго своеволія и самоуправства, то оно же, вмѣстѣ съ тѣмъ, всегда имѣетъ и результаты положительные: ростъ самосознанія, критической мысли, и, въ связи съ нимъ, развитіе просвѣщенія и просвѣтительной дѣятельности. Конецъ разсматриваемой эпохи несомнѣнно характеризуется сильнымъ подъемомъ общественной энергіи въ этомъ направленіи; но такъ какъ кульминаціонный пунктъ этого движенія относится къ слѣдующей эпохѣ, то и мы поведемъ о немъ рѣчь впереди. Здѣсь же сдѣлаемъ лишь нѣсколько предварительныхъ указаній.

Историческая наука мало знаетъ, въ чемъ состояли образовательные рессурсы эпохи удѣльной, и еще меньше знаетъ о томъ, что передала эта эпоха слѣдующей. Но дошедшіе до насъ памятники письменности несомнѣнно и краснорѣчиво свидѣтельствуютъ, какъ сравнительно далеко ушло впередъ общество разсматриваемой эпохи. Возьмемъ, напримѣръ, „Русскую Правду“ и „Литовскій Статутъ“,—тотъ и другой, какъ самобытные памятники своей эпохи,—и сравненіе ихъ покажетъ намъ съ наглядною точностью, съ какими различными ступенями правового сознанія мы имѣемъ дѣло. „Русская Правда“ едва возвышается надъ почвою конкретныхъ фактовъ, съ трудомъ справляется съ элементарной классификаціей и даже не ставитъ себѣ задачей обхватить всю область правовыхъ явленій, нуждающихся въ законодательныхъ опредѣленіяхъ. „Литовскій Статутъ“ есть настоящій законодательный кодексъ, свидѣтельствующій о такомъ юридическомъ развитіи своихъ составителей, которое едва ли могло бы быть ими пріобрѣтено безъ ближайшаго знакомства съ римскимъ правомъ. Достаточно сказать, что „Литовскій Статутъ“ представлялъ собою у насъ, въ Южной Руси, собственно въ Малороссіи, дѣйствующее право почти до нашего времени (до 1839 года).

„Литовскій Статутъ“ появился въ свѣтъ на тогдашнемъ литературномъ южно-русскомъ языкѣ, на томъ самомъ языкѣ, на которомъ написаны были и всѣ другіе юридическіе памятники данной эпохи. На образованіе этого литературнаго языка сильно повліялъ славянскій языкъ церковныхъ книгъ; но, съ другой стороны, и самъ церковно-славянскій языкъ въ эту эпоху подпалъ вліянію народныхъ нарѣчій: по крайней мѣрѣ, Библія Скорины, появленіе которой относится къ началу XVI в., носитъ яркіе слѣды этихъ вліяній и вліяній разнообразнаго характера. Собственно же народное южно-русское нарѣчіе отразилось рѣзко въ такъ называемомъ Пересопницкомъ Евангеліи и Львовской Библіи. Первая типографія появилась на территоріи Литовско-Русскаго государства, въ его столицѣ Вильнѣ, въ 1525 г. Когда, въ половинѣ столѣтія,

Сигизмундъ-Августъ задумалъ дать новую редакцію Статута, шляхта просила, чтобы она „была справлена не писаннымъ письмомъ, але выбиваннымъ“. Очевидно, общество сознавало значеніе „выбиваннаго письма“; но всѣ громадные результаты его примѣненія и распространенія обнаружились лишь позже.

У людей разсматриваемой эпохи всѣ духовныя потребности и идеальныя стремленія находились въ самой тѣсной связи съ ихъ религіозными понятіями и чувствами. Оттого грамотность и школа, книга и типографія,—все это, какъ и иныя проявленія энергіи человѣческаго духа въ его стремленіяхъ къ добру и истинѣ,—ютились около церкви, лишь изрѣдка и слабо пытаясь отъ нея обособиться. Понятенъ отсюда тотъ интересъ, какой представляетъ собой для даннаго историческаго момента положеніе церкви; тѣмъ болѣе, что это положеніе представляло нѣкоторыя любопытныя особенности.

Католицизмъ сдѣлался, со времени Ягайла, религіей литовскихъ государей и литовскаго народа, слѣдовательно, религіей правящихъ элементовъ Литовско-Русскаго государства. Но православіе продолжало оставаться религіей русскаго населенія, т.-е. значительно преобладающей, статистически и территоріально, составной части этого государства. Массовое преобладаніе православія было такъ велико, что пока католицизмъ почти совершенно воздерживался отъ наступательныхъ дѣйствій въ смыслѣ пропаганды. Правда, Ягайло, какъ неофитъ, слѣпо дѣйствующій подъ внушеніемъ новаго ученія и новыхъ учителей, издалъ такъ называемый Городельскій привилей, которымъ предоставлялись католикамъ исключительныя права. Но этотъ законодательный актъ, какъ противорѣчащій фактическимъ отношеніямъ, остался мертвой буквой. Православные пользовались всей полнотой правъ, наравнѣ съ католиками, и великіе князья Ягеллоны, начиная съ Казиміра, сына и наслѣдника Ягайла, не разъ имѣли случай подтверждать это въ разныхъ законодательныхъ памятникахъ. Въ то же время всѣ попытки черезъ церковную унію обойти православіе мирнымъ и окольнымъ путемъ терпѣли рѣшительное пораженіе. Правда, Флорентійская унія, о которой упомянуто выше, произвела извѣстное волненіе среди православнаго общества; нѣкоторыя лица высшаго литовско-русскаго духовенства, какъ, напримѣръ, первый митрополитъ самостоятельной западно-русской митрополіи Григорій Болгаринъ, преемники его Мисаилъ и Іосифъ Болгариновичъ, обнаруживали наклонность къ сдѣлкамъ съ римской церковью. Но единичныя усилія и попытки безслѣдно разбивались о непоколебимое и непроницаемое упорство православной массы, включая и верхній ея слой. Къ началу XVI столѣтія всѣ эти усилія и попытки прекратились: католицизмъ какъ-будто совершенно отчаялся сдѣлать какія-нибудь пріобрѣтенія на литовско-русской территоріи; православная церковь пребывала, ничѣмъ извнѣ не смущаемая въ своемъ спокойствіи.

Но именно въ эту мирную эпоху, свободную отъ религіозныхъ волненій, происходила та внутренняя и глубокая перестройка литовско-русскаго общества, которая, въ концѣ концовъ, совершенно оторвала высшій классъ отъ низшаго и, противопоставивъ враждебно ихъ интересы, подготовила въ высшемъ классѣ воспріимчивую почву для культуры не только сѣмянъ уніи, но и самаго католицизма. Но все это было дѣломъ будущаго.

До поры до времени православіе являлось, какъ уже было сказано, преобладающей религіей Литовско-Русскаго государства, преобладающей—по численности своихъ адептовъ, но, тѣмъ не менѣе, не господствующей, по своему значенію въ государствѣ. Государство давало православнымъ своимъ подданнымъ ту правовую охрану, какая была въ его силахъ; въ томъ или другомъ частномъ случаѣ благосклонность представителей государственной власти даже и къ заблуждающимся дѣтямъ вселенской церкви, какими были въ его глазахъ православные, простиралась до того, что оказывалась поддержка какому-нибудь монастырю или церкви изъ доходовъ великокняжескаго хозяйства. Но и только. Все-таки дѣятельная поддержка государства принадлежала католицизму: православіе было только терпимо и, въ лучшемъ случаѣ, охраняемо. Православная церковь, заботы о ея поддержаніи, благоустроеніи и развитіи остались цѣликомъ на рукахъ самого православнаго общества. Эта особенность положенія была еще усилена слѣдующими обстоятельствами. Водвореніе турокъ на развалинахъ Византійской имперіи повлекло за собою дезорганизацію константинопольскаго патріархата, въ составъ котораго входила русская церковь, предоставивъ ее всецѣло самой себѣ. И въ то же время сама русская церковь, слѣдуя политическому дѣленію русской народности, распалась на двѣ самостоятельныхъ митрополіи—московскую и литовско-русскую. Долгія усилія литовскихъ великихъ князей высвободить своихъ русскихъ подданныхъ изъ-подъ духовной власти московскаго митрополита, который хотя и носилъ титулъ кіевскаго, но постоянно жилъ въ Москвѣ, наконецъ, привели къ желанному результату: съ 1458 года литовская православная Русь уже постоянно имѣла особаго митрополита.

Лишенная поддержки если не матеріальной, то хотя нравственной, какъ со стороны патріархата, такъ и со стороны родственной восточно-русской церкви, лишенная опоры своего собственнаго государства, литовско-русская церковь очутилась, какъ уже только-что сказано, всецѣло на попеченіи православнаго общества.

Церкви и монастыри строились и украшались заботами отдѣльныхъ частныхъ жертвователей; такія же отдѣльныя лица доставляли духовнымъ учрежденіямъ необходимыя матеріальныя средства; наконецъ, даже снабженіе іерархическихъ кадровъ наличнымъ составомъ лежало на православномъ обществѣ; оно принимало участіе и въ церковномъ судѣ. Православные сами выбирали себѣ не только священниковъ, но даже и епископовъ, и митрополита; это ихъ право встрѣчало ограниченіе лишь со стороны „права подаванія“, патроната, о которомъ будетъ рѣчь ниже.

Такое положеніе дѣла, взывая постоянно къ самодѣятельности общества, должно было развивать въ немъ преданность интересамъ своей церкви. И въ самомъ дѣлѣ, если и попадаются указанія на то, что встрѣчалось между многими людьми русскими извѣстное равнодушіе къ обрядовой сторонѣ религіи („жоны поймуючи не вѣнчаются, дѣтей крестити не хотятъ и на исповѣдь не ходятъ“), то упорная преданность русскихъ православію, особенно тамъ, гдѣ оно противопоставляло себя латинству, слишкомъ хорошо засвидѣтельствована,

чтобы подлежать какому-нибудь сомнѣнію. Религіозное чувство обхватывало жизнь. Забота о душѣ, не только собственной, но и о душѣ всѣхъ родичей,—настоящихъ, прошедшихъ и даже будущихъ,—была одной изъ настоятельнѣйшихъ заботъ человѣка того времени. Наивная вѣра связывала эти заботы съ количествомъ и качествомъ заупокойныхъ обѣденъ, церковныхъ молитвъ, надгробныхъ свѣчъ. Понятны, съ этой точки зрѣнія, тѣ большія матеріальныя жертвы, на какія способенъ былъ даже и средній человѣкъ того времени, чтобы заручиться вліяніемъ церкви въ пользу своей души.

Обязательная церковная десятина не привилась у насъ даже и въ удѣльный періодъ, когда за церковью стояли всецѣло симпатіи, а, слѣдовательно, и поддержка государственной власти; въ разсматриваемое время сохранились о десятинѣ лишь нѣкоторыя воспоминанія, побуждавшія иныхъ жертвователей пріурочивать къ десятой части своего имущества или доходовъ жертвы въ пользу того или иного духовнаго учрежденія. Такимъ образомъ, православная церковь лишена была, прежде всего, того постояннаго источника доходовъ, какимъ пользовалась церковь католическая. Оттого записи и вклады частныхъ лицъ составляли почти единственный источникъ, изъ котораго православная церковь черпала матеріальныя средства, необходимыя для поддержанія ея учрежденій. Но особыя свойства этого источника повлекли за собою нѣкоторыя важныя послѣдствія для постановки всего религіознаго дѣла на нашей территоріи.

Если низшій, земледѣльческій, классъ удѣлялъ въ пользу церкви отъ своихъ излишковъ или отрывалъ отъ необходимаго, то только классъ высшій могъ снабжать церковь фондами, въ смыслѣ постоянныхъ источниковъ дохода, такъ какъ только онъ имъ располагалъ. Извѣстно, въ чемъ состояли эти фонды: въ даняхъ и иныхъ поборахъ со стороны населенія и въ земельныхъ державіяхъ, которыя постепенно теряли свой условный характеръ, превращаясь въ безусловную земельную собственность. Только эти фонды владѣльцы ихъ и могли обращать въ пользу церкви и ея учрежденій.

Такъ какъ въ Южной Руси значительная часть территоріи занята была данниками, то и лица высшаго класса, получая свои доходы, по преимуществу медовыми данями, ихъ же жертвовали на церковь: можетъ-быть, были и еще какія-нибудь частныя причины, почему медовая дань считалась для этого назначенія наиболѣе удобной или приличной. За медовыми данями шли дани разнаго рода хлѣбомъ, хмѣлемъ, деньгами. Возможны были въ этомъ случаѣ разнообразныя комбинаціи. Владѣлецъ могъ передать церкви всѣ дани извѣстной земли или извѣстныхъ „людей“, или могъ передать часть этихъ даней, оставляя себѣ другую, или могъ дать часть одному духовному учрежденію, положимъ, такой-то церкви, а часть другому, напримѣръ, епископской каѳедрѣ и т. д. Если владѣлецъ располагалъ тяглыми людьми, онъ могъ передать церкви ихъ трудъ: напримѣръ, обязать ихъ крыть церковь и городить цвинтарь, ходить „пригономъ“ на епископскій дворъ, возить въ монастырь дани его и т. п.

На ряду съ такими вкладами на церковь „службъ, даней и поплатовъ“ данныхъ и тяглыхъ людей, владѣльцы записываютъ на церковь,—и чѣмъ дальше, тѣмъ чаще,—земельныя имущества. Очень часто записываются на монастыри

и церкви озера, какъ рыбныя угодья, конечно, въ связи съ многочисленными постами православной церкви: иногда это опять-таки лишь право на то, чтобы волочить столько-то времени рыбу изъ такого-то озера; но часто озера и другія промысловыя угодья (напримѣръ, рѣка съ бобровыми гонами и т. под.) поступаютъ въ полное вѣдѣніе церкви или монастыря. По мѣрѣ того, какъ державцы обращаются въ земельныхъ собственниковъ, учащаются записи на церковь цѣльныхъ земельныхъ имуществъ въ видѣ ли отдѣльныхъ поселковъ (дворищъ, селъ), или цѣлыхъ волостей и городовъ. Но нельзя дать больше того, что имѣешь самъ: пока владѣльцы-жертвователи не были настоящими собственниками своихъ земель, и жертвы ихъ на церковь имѣли тотъ же условный характеръ. На каждое такое пожертвованіе требовалось разрѣшеніе великаго князя, которое тотъ давалъ охотно, видя въ этомъ удовлетвореніе естественнаго права каждаго заботиться о спасеніи своей души; но за то совсѣмъ не охотно освобождалъ имущество, переходящее въ вѣдѣніе церкви, отъ лежащихъ на немъ служебныхъ обязательствъ, военныхъ и тяглыхъ. Во всякомъ случаѣ, великій князь, какъ верховный распорядитель всѣхъ службъ, а, слѣдовательно, и всего земскаго имущества, оставался по отношенію къ имуществамъ православной церкви „подавцею добръ и хлѣбовъ духовныхъ". Въ этомъ и было основаніе для того „права подаванья", которому многіе изслѣдователи приписываютъ такое пагубное вліяніе на дальнѣйшую судьбу православія въ Литовской Руси.

Въ самомъ дѣлѣ, литовскіе господари не только не были гонителями православной церкви въ своемъ государствѣ, но, наоборотъ, были къ ней неизмѣннно снисходительны и благожелательны. Но они были серьезно заинтересованы въ томъ, чтобы распоряженіе „духовными хлѣбами" не выходило изъ ихъ рукъ. А, вмѣстѣ съ тѣмъ, ихъ интересы, какъ великихъ князей, не имѣли ничего общаго съ интересами православной церкви. Для нихъ эти „духовныя добра" были лишнимъ рессурсомъ, которымъ можно было пользоваться въ общихъ интересахъ службы. Будь великіе князья православными, они раздавали бы церковныя имущества лицамъ, достойнымъ, съ ихъ точки зрѣнія, быть пастырями своего духовнаго стада. Теперь они раздавали эти имущества на земскую же службу и за службу. Хорошо еще, что господари обыкновенно бывали настолько внимательны, что отдавали ихъ православнымъ; но случалось, хотя и не часто, что духовное имущество попадало въ руки католика.

Когда великій князь отдавалъ какому-нибудь пану или шляхтичу церковь или монастырь, тотъ становился патрономъ поданнаго ему духовнаго учрежденія. Распоряжаясь по своему усмотрѣнію имуществомъ церкви или монастыря, патронъ долженъ былъ охранять ввѣренное ему учрежденіе, снабжать его всѣмъ необходимымъ, заботиться о томъ, чтобы въ церкви былъ попъ, въ монастырѣ игуменъ или архимандритъ. При этомъ онъ могъ утверждать выборъ прихода и монаховъ, или назначать самъ то или иное лицо, или даже, по отношеніи къ священнику, просто нанимать—все опредѣлялось особенными условіями каждаго частнаго случая, зависѣвшими отъ установившагося обычая, традиціи. Иногда великій князь подавалъ монастырь право-

славному шляхтичу съ тѣмъ, чтобы онъ, постригшись въ монахи, самъ сдѣлался игуменомъ. Женскіе монастыри отдавались женщинамъ-земянкамъ, конечно, въ награду за услуги ихъ отцовъ или мужей. Былъ и еще путь пріобрѣтенія патроната надъ церковью и монастырями—это ктиторство: кто устраивалъ самъ церковь или монастырь, тотъ естественно былъ его патрономъ.

Особенное значеніе имѣло для судебъ православной церкви подаванье тѣхъ хлѣбовъ духовныхъ, которые связаны были съ епископскими каѳедрами. Епископская каѳедра не могла имѣть патрона: епископъ, по своему высокому положенію въ церковной іерархіи, самъ необходимо долженъ быть патрономъ своей каѳедры. Такимъ образомъ, великіе князья должны были давать духовные хлѣба этого рода лишь такимъ православнымъ шляхтичамъ, которые давали обязательство принять монашескій чинъ, чтобы получить посвященіе на епископа.

Нетрудно представить себѣ всѣ послѣдствія такого положенія дѣла. Памятники того времени содержатъ въ себѣ богатую коллекцію фактовъ крайне дикихъ и возмутительныхъ, съ современной точки зрѣнія. Епископы съ „женами своими, кромѣ всякаго стыда, живутъ и дѣтей плодятъ и церквами святыми владѣютъ и радятъ, съ крестовъ великихъ малые чинятъ и себѣ поясы и ложки и сосуды злочестивые къ своимъ похотемъ справуютъ, изъ ризъ сояны, съ петрахилевъ брамы". Случалось, что и игумены жили въ монастыряхъ съ семьями; епископы вели между собою войны, брали съ бою свои каѳедры и т. п. Все это факты несомнѣнно засвидѣтельствованные. Да и что тутъ удивительнаго? Вѣдь шляхтичъ, получившій на кормленіе духовные хлѣба, тѣмъ самымъ не могъ обратиться въ достойнаго пастыря церкви: это было бы чудомъ. Вышеприведенные факты, хотя и встрѣчались нерѣдко, все-таки были не правиломъ, а исключеніемъ, злоупотребленіемъ. Зато совершенно общимъ правиломъ было то, что высшіе чины православной іерархіи сплошь не представляли собою качествъ, необходимыхъ для должнаго отправленія своихъ пастырскихъ обязанностей.

Совершенно естественно поэтому, что когда вскорѣ для православной церкви настали трудныя времена, эти верховные пастыри первые измѣнили дѣлу православія и хотѣли увлечь за собою свою паству. Но она оказалась несравненно тверже своихъ руководителей, и воспитанная въ духѣ самодѣятельности, умѣла сама сорганизовать и повести борьбу за дѣло своей души и совѣсти.

Южная Русь, въ церковно-административномъ отношеніи, сохранила въ главныхъ чертахъ старое дѣленіе удѣльнаго періода, связанное съ дѣленіемъ областнымъ. Въ предѣлахъ Литовско-Русскаго государства, на южно-русской территоріи, послѣ отдѣленія къ Москвѣ епархіи Черниговской, осталась лишь епархія Туровско-Пинская и двѣ Волынскихъ, Владиміро-Брестская и Луцко-Острожская. Территорія Кіевскаго воеводства вошла въ составъ епархіи митрополичьей, хотя литовско-русскій митрополитъ и не жилъ уже въ Кіевѣ, а держался ближе къ центру государства, въ Новогрудкѣ и Вильнѣ. Сюда же, въ составъ епархіи митрополичьей, входило и Подолье (Побужье). Кромѣ упомянутыхъ, на южно-русской территоріи еще были три православныхъ епархіи, куда входили земли, находящіяся подъ властью Польши: это были епархіи

Холмская, бывшая Угровская, Перемышльская и Галицкая—послѣдняя съ 1529 г. обращена въ двѣ епархіи: Львовскую и Каменецъ-Подольскую. Галицкая земля имѣла временами, стараніями польскихъ королей, даже особаго православнаго митрополита.

Кіевъ продолжалъ оставаться тѣмъ религіознымъ центромъ, къ которому стремились благочестивыя души всего населенія Южной Руси. Между святынями Кіева, конечно, первое мѣсто занималъ по-старому Кіево-Печерскій монастырь. Горячія симпатіи къ нему народной массы, воздвигавшія его изъ пепла и развалинъ, еще разъ снова возстановили его послѣ страшнаго разоренія, причиненнаго ему Менгли-Гиреемъ. По богатству своему, заключающемуся, главнымъ образомъ, въ земельныхъ имуществахъ, онъ занималъ одно изъ первыхъ мѣстъ между всѣми духовными учрежденіями Литовско-Русскаго государства. Но именно это-то его богатство кидало его въ жертву алчности отдѣльныхъ лицъ, стремившихся перехватить надъ нимъ право патроната. Лишь къ половинѣ XVI ст. великій князь Сигизмундъ-Августъ, удовлетворяя просьбамъ земли Кіевской въ лицѣ ея православныхъ пановъ и земянъ, далъ юридическія права монастырской общинѣ, въ вѣдѣніе которой и перешло монастырское имущество.

III.

Литовско-русскій періодъ южно-русской исторіи закончился съ Люблинской уніей; но мы еще не покончили съ исторіей южно-русскаго племени въ этихъ хронологическихъ предѣлахъ. Дѣло въ томъ, что часть южно-русскаго племени, еще въ самомъ началѣ только-что описанной нами эпохи, усиліемъ сложившагося и окрѣпшаго Польскаго государства была оторвана отъ общей массы, втянута въ составъ польскихъ земель и, такъ сказать, поглощена Польшей. Впрочемъ, надо замѣтить, что хотя польскія вліянія и переработали совершенно общественный складъ этихъ земель по своему образу и подобію, но не уничтожили южно-русскаго этнографическаго типа: они успѣли только отодвинуть русскій элементъ въ общественныя низины, пріурочить его исключительно къ низшему, зависимому классу общества. Земли, о которыхъ идетъ рѣчь,—Галиція или Червонная Русь, земля Холмско-Бельзская и западное Подолье.

При какихъ обстоятельствахъ были присоединены эти русскія земли къ Польшѣ—мы уже отчасти знаемъ изъ предыдущаго.

Почти одновременно съ тѣмъ, какъ Литва, стянувши около себя разрозненныя русскія земли, сложилась въ большое Литовско-Русское государство, удѣльная Польша, руководимая Владиславомъ Локеткомъ и сыномъ его Казиміромъ Великимъ, слилась въ одно государственное тѣло. Всѣ свои объединенныя и свободныя теперь государственныя силы обратила она на то, чтобы расширить свои предѣлы къ юго-востоку. Успѣхъ или неуспѣхъ такого движенія былъ для Польши вопросомъ о томъ, быть ей или не быть, какъ государству достаточно сильному, чтобы существовать и развиваться дальше въ качествѣ самобытнаго національнаго организма. Въ самомъ дѣлѣ, германское племя, еще съ XII—XIII вв. страшной силой напирало на Польшу съ запада.

Нѣмецкая колонизація заливала не только Силезію, съ раннихъ поръ совсѣмъ онѣмеченную, и Великую Польшу, но и Малую Польшу и Мазовію. У воротъ княжескихъ городовъ или замковъ раскидывались обширные, цвѣтущіе, совершенно самостоятельные нѣмецкіе города, только своими названіями: Краковъ, Познань, Сандомиръ, Люблинъ, напоминающіе о своихъ связяхъ съ польской почвой. Лѣса, которыми была такъ богата старая Польша, исчезали, и на росчистяхъ появлялись въ обиліи нѣмецкія Gemeinde (гмины).

Нѣмецкій языкъ, право, обычаи угрожали задушить языкъ, право, обычаи польскіе на мѣстахъ исконной польской осѣдлости. Противодѣйствовать этому напору было тѣмъ болѣе затруднительно, что государство вынуждено было покровительствовать нѣмецкой колонизаціи: въ ней оно черпало военную силу и матеріальныя средства.

Умный политическій разсчетъ или нерѣдко замѣняющій его общественный инстинктъ—требовали, чтобы Польское государство направило свои силы на расширеніе своей территоріи по линіи наименьшаго сопротивленія. На пути этого движенія стояла прежде всего Червонная Русь, лишенная опоры со стороны дезорганизованныхъ русскихъ земель и сама дезорганизованная пресѣченіемъ своего исконнаго княжескаго рода. Съ Червонной или Галицкой Русью связывалась политической традиціей Волынь и, еще больше, Подолье, составлявшее какъ бы ея естественное территоріальное продолженіе. Просторъ, большое разнообразіе природы, и, главное, неистощимыя почвенныя богатства должны были привлекать къ себѣ польскаго земледѣльца, такъ мало избалованнаго своей однообразной и скудной природой. Было и еще одно важное обстоятельство, привлекавшее сюда вниманіе Польскаго государства. Эти русскія земли лежали на перепутьѣ того великаго торговаго пути, который связывалъ востокъ съ западомъ, Черное море съ Балтійскимъ. Польша, примкнувшая своими нѣмецкими городами къ промышленному движенію Европы, теперь умѣла цѣнить значеніе этого условія. Львовъ, центральный городъ Червонной Руси, держалъ въ своихъ рукахъ торговое движеніе, которое, направляясь отъ Бѣлгорода (Аккермана), шло черезъ Сучаву, столицу Молдавіи, на Краковъ, а оттуда поворачивало или къ западу на Вроцлавъ (Бреславль), или къ сѣверу, на Гданскъ (Данцигъ). Правда, со второй половины XV в., когда турки распространили свою власть на берега Чернаго моря, это движеніе затруднено было въ своемъ исходномъ пунктѣ и потеряло былое значеніе. Но зато крайне возросло торговое движеніе по сѣвернымъ морямъ, и Польша, владѣя Червонной Русью и Холмско-Бельзской землей, владѣла такимъ образомъ верховьями Вислы и ея большими правыми притоками, что давало ей возможность пользоваться этой рѣкой, какъ главной артеріей, для успѣшнаго сбыта сырья, т.-е. хлѣба, коней, рогатаго скота и т. п.—сбыта, главную массу котораго доставляли ей опять-таки тѣ же „текущія медомъ и млекомъ“ русскія земли.

Почти сорокалѣтняя война между Литвой и Польшей за Галицко-Волынское наслѣдство, со вмѣшательствомъ Венгріи, закончилась, какъ уже сказано выше, раздѣломъ этого богатаго наслѣдства: за Польшей остались Червонная Русь и земля Холмско-Бельзская. Людовикъ Венгерскій, наслѣдникъ

Казиміра Великаго, всецѣло поглощенный интересами своей родной Венгріи, задумалъ воспользоваться для нея Галиціей, на которую Венгрія смотрѣла какъ на свою законную добычу съ тѣхъ поръ, какъ ея королевичамъ удалось короткое время посидѣть на столѣ галицкихъ князей. Людовикъ сначала отдалъ Галицію въ ленное владѣніе силезскому князю Владиславу Опольскому, а затѣмъ просто присоединилъ ее къ Венгріи, занявъ ея города венгерскими гарнизонами. Ядвига, дочь и наслѣдница Людовика на польскомъ престолѣ, тотчасъ послѣ своего брака съ Ягайломъ, лично предводительствуя войскомъ, заняла, въ качествѣ польской королевы, Галицкую Русь и тѣмъ возвратила Польшѣ ея пріобрѣтеніе (1387 г.). Съ тѣхъ поръ Червонная Русь уже окончательно вошла въ составъ Польши подъ именемъ Русскаго воеводства, заключавшаго въ себѣ земли: Львовскую, Перемышльскую, Саноцкую, Галицкую; позже къ Русскому воеводству присоединена была еще отъ Волыни земля Холмская. Бельзская земля выдѣлена изъ общей массы и отдана въ ленъ мазовецкому князю Земовиту и составила потомъ особое Бельзское воеводство.

Присоединеніе къ Польшѣ западнаго Подолья обставлено было нѣсколько сложнѣе. Витовтъ, стремясь къ объединенію своего обширнаго государства, вытѣснилъ изъ Подольской земли своихъ племянниковъ Коріатовичей (1393 г.). Но уже черезъ два года онъ „продаетъ" западное Подолье съ замками Каменцемъ, Смотричемъ, Червоноградомъ, Скалой, Бакотой, польскому королю за 20000 червонцевъ. Ягайло, въ свою очередь, передаетъ пріобрѣтеніе въ залогъ за ту же сумму Спытку Мельштынскому, краковскому воеводѣ, который оказалъ много важныхъ услугъ королевскому дому. Послѣ того, какъ Спытко погибъ въ знаменитой битвѣ на Ворсклѣ, Ягайло снова выкупаетъ Подолье у жены Спытка, а затѣмъ возвращаетъ его Витовту, получая въ обмѣнъ двойную сумму противъ затраченной. Какія реальныя отношенія укрывались подъ этими продажами, залогами, выкупами—трудно опредѣлить: несомнѣнно одно, что Подольская территорія была предметомъ сильныхъ домогательствъ какъ со стороны Литвы, такъ и со стороны Польши, причемъ фактическій перевѣсъ преобладанія былъ то на одной, то на другой сторонѣ. Смерть Витовта покончила съ колебательнымъ положеніемъ. Поляки хитростью овладѣли неприступнымъ Каменцемъ, который представлялъ собою ключъ къ западному Подолью; три-четыре года еще продолжались неопредѣленность, колебаніе, борьба, но съ 1434 г. западное Подолье уже окончательно входитъ въ составъ польскихъ земель. Подъ именемъ воеводства Подольскаго оно тѣсно примкнуло къ Червонной Руси, играя роль укрѣпленной сторожевой линіи, обращенной къ враждебному и хищному мусульманскому Востоку. Здѣсь кипѣла постоянная борьба съ татарской степью, съ той дикой Бѣлгородской ордой, нападеніе которой отличалось особенной опустошительностью; отсюда зорко слѣдили за Молдавіей и пользовались всякимъ случаемъ, чтобы вмѣшаться въ дѣла этой близкой сосѣдки, такъ недавно выросшей, со второй половины XIV в.—сейчасъ же за Днѣстромъ, на территоріи, захваченной-было рыболовными притонами и городками русскихъ бродниковъ и берладниковъ, пока ихъ не смыла волна татарскаго опустошенія; сюда же, на Подолье, стремились рыцари, пока еще

для западнаго христіанскаго міра не утратила окончательно своего священнаго значенія идея борьбы съ мусульманствомъ, захватившимъ ключи отъ гроба Господня.

Владѣя частями Волыни и Подолья, Польша естественно стремилась къ округленію своихъ границъ, къ пріобрѣтенію и остальныхъ частей этихъ территорій. Вопросъ о Волыни и Подольѣ сдѣлался тѣмъ больнымъ мѣстомъ, присутствіе котораго давало себя знать во всѣхъ взаимныхъ отношеніяхъ Польши и Литвы. Общій характеръ этихъ отношеній былъ таковъ, что наступающая сторона, Польша, не могла довести дѣло до рѣшительной, открытой борьбы, хотя и подходила къ этому очень близко. А на полѣ мирныхъ переговоровъ и дипломатическихъ интригъ ничего нельзя было добиться, пока сами польскіе короли Ягеллоны не рѣшались явно и открыто принести въ жертву интересамъ Польши и интересы своей родной Литвы. Такимъ образомъ, только Люблинская унія присоединила къ Польшѣ въ полномъ составѣ Волынь и Подолье вмѣстѣ съ землею Кіевской: теперь уже почти вся территорія, занятая южно-русскимъ племенемъ, объединена была Польшей подъ своею властью.

Сосѣднія русскія земли привлекали къ себѣ поляковъ своимъ просторомъ и богатой почвой, какъ только-что мы сказали. Конечно, привлекали не дикія и лѣсистыя горы Галицкой Руси, хотя и въ Карпатахъ было кое-что стоющее вниманія,—припомнимъ хотя бы соляные источники, которые въ такомъ изобиліи бьютъ на сѣверномъ склонѣ этихъ горъ и безъ труда доставляютъ соль, драгоцѣнный предметъ и домашней надобности и торговаго обмѣна. И другими минеральными богатствами не скудны какъ верховина Карпатъ, такъ и Подгорье, т.-е. тѣ плоскогорья и небольшія горы, которыя отходятъ по направленію къ сѣверу и востоку отъ главнаго хребта. Но люди, привыкшіе въ теченіе многихъ поколѣній извлекать свои средства къ существованію изъ земледѣльческаго труда, стремились въ рѣчныя долины, къ ихъ черноземнымъ полямъ и тучнымъ лугамъ. Пространство между Днѣстромъ и Прутомъ и вообще среднее Приднѣстровье, гдѣ Галицкая Русь сливается съ западнымъ Подольемъ, составило себѣ на отдаленномъ и скудномъ польскомъ сѣверѣ легендарную славу своими неистощимыми почвенными богатствами. Вотъ въ эти-то плодоносныя равнины и стремилась колонизація, предоставляя горы въ неоспариваемое владѣніе русскимъ туземцамъ, которые могли здѣсь устраивать свою жизнь по своему разумѣнію, не опасаясь вмѣшательства и принужденія.

Тотчасъ, вслѣдъ за присоединеніемъ Галиціи и Подолья, настоящая волна польской колонизаціи хлынула на эти русскія земли. Что несла съ собою эта волна, объ этомъ мы имѣемъ точное, хотя и одностороннее, понятіе. Польша выбросила изъ себя въ эти вновь пріобрѣтенныя земли множество шляхты, которой, очевидно, не на чемъ и не на комъ было сидѣть на своей родинѣ. Шелъ ли за шляхтичемъ кметь, и если шелъ, то въ какой пропорціи,—объ этомъ источники совершенно умалчиваютъ; несомнѣнно, что сама эта шляхетская масса заключала въ себѣ не мало чистокровнаго земледѣльческаго элемента. Вѣдь такая мелкая шляхта, какъ „мазовшане“, т.-е. шляхта Мазовіи, устремившаяся, главнымъ образомъ, въ сосѣднюю Бельзскую землю, ко-

нечно, была у себя на родинѣ гораздо болѣе земледѣльческимъ, чѣмъ землевладѣльческимъ элементомъ. Шли на обильныя русскія земли и совсѣмъ безземельные шляхтичи, тѣ привилегированные слуги, которые сохранились при дворахъ королей и вельможъ какъ остатки былой дружины; въ числѣ этихъ выходцевъ были не только поляки, но и нѣмцы, и чехи, и венгры, и волохи. Но и представители родовъ, пользовавшихся у себя на родинѣ, въ Польшѣ и Силезіи, значеніемъ и вліяніемъ, также охотно переселялись на вновь пріобрѣтенныя русскія земли: такое переселеніе открывало новые горизонты ихъ честолюбивымъ стремленіямъ. И, въ самомъ дѣлѣ, на Червонной Руси и Подольѣ выросли тѣ настоящіе польскіе магнаты, которые позже управляли историческими судьбами Польши. Русскою почвой вскормлены были всѣ эти Одровонжи, Тарновскіе, Сѣнинскіе, Гербурты, Тарлы, нѣсколько позже Потоцкіе, Любомірскіе, Собѣсскіе, наконецъ, Язловецкіе и Бучацкіе: впрочемъ, два послѣднихъ рода, обнаружившіе столько дѣятельности и энергіи по организаціи военной защиты вѣчно угрожаемаго Подолья, были, повидимому, русскаго происхожденія.

Если между польской шляхтой, нахлынувшей на Русь, была и мелкая земледѣльческая шляхта, то, конечно, кидала она свою родину не для того, чтобы собственными руками воздѣлывать землю: ореолъ, которымъ окружала земледѣльческій трудъ извѣстная легенда о королѣ Пястѣ, блѣднѣлъ и разсѣивался на той соціальной высотѣ, на какую исторія выдвинула шляхту. Процессъ, который мы наблюдали въ Литвѣ, и который тамъ въ это время, XIV—XV вв., только-что начинался, здѣсь, въ Польшѣ, уже завершился, и притомъ завершился съ такой законченностью формъ, которая приводитъ въ удивленіе наблюдателя: много благопріятныхъ условій сошлось во-едино, чтобы игрой исторической случайности произвести этотъ своего рода соціальный chef-d'oeuvre. Все, къ чему, какъ къ отдаленному идеалу, стремился высшій классъ Литовско-Русскаго государства, здѣсь уже существовало какъ фактъ. Шляхтичъ былъ полнымъ собственникомъ земли, которую обрабатывали его кмети; онъ имѣлъ право, по своему усмотрѣнію, распоряжаться этимъ имуществомъ, продавать, мѣнять, дарить, завѣщать; онъ имѣлъ судебную власть по отношенію къ населенію этой земли; всѣ подати и повинности, какими кмети обязаны были раньше государству, шли теперь владѣльцу. Въ силу такъ называемаго Кошицкаго договора, которымъ Людовикъ Венгерскій выторговалъ у шляхты польскій престолъ для своей дочери, шляхтичъ обязывался лишь вносить съ каждаго лана владѣемой имъ земли два гроша въ казну—и только. Само собою разумѣется, что на плечахъ шляхты лежала военная повинность—чѣмъ единственно и объяснялась, если не оправдывалась, шляхетская привилегированность: но даже и свою военную повинность польское шляхетство успѣло подчинить значительнымъ ограниченіямъ какъ по отношенію времени, такъ и территоріи (не быть въ походѣ больше 6 недѣль, не ходить за границу).

Польскій шляхтичъ шелъ на Русь, чтобы осуществить здѣсь всю ту полноту своихъ правъ, для осуществленія которыхъ не было на родинѣ достаточно простора и благопріятныхъ матеріальныхъ условій. Однако, здѣсь онъ засталъ уже свой сложившійся высшій классъ въ видѣ боярства. Какъ уже

сказано выше, при изложеніи исторіи самостоятельнаго Галицкаго княжества, галицкое боярство пользовалось временами большимъ значеніемъ, управляя судьбами земли; но, тѣмъ не менѣе, оно ничѣмъ по существу не отличалось отъ боярства остальныхъ русскихъ земель. Представляя въ высшихъ своихъ слояхъ ту группу, на которой лежала организація защиты и управленія земли, она, въ низшихъ слояхъ, незамѣтно сливалась съ остальной народной массой. Польское завоеваніе сразу не внесло въ это положеніе дѣла никакихъ существенныхъ измѣненій: оно лишь расчистило широкую дорогу иммиграціи польскаго шляхетства. Но изъ этого факта само собою выросли новыя условія. Польскій король, теперь dominus et haeres этихъ русскихъ земель, естественно предпочиталъ раздавать польскому шляхетству, которое затѣмъ лишь и явилось сюда, уряды и земли, до тѣхъ поръ всецѣло находившіеся въ рукахъ мѣстнаго боярства; такимъ образомъ, бояре оттѣснялись на задній планъ, безъ лишенія ихъ правъ и безъ всякаго прямого насилія.

Болѣе вліятельная часть галицкаго боярства вошла въ составъ правящаго класса на ряду съ польской шляхтой, конечно, лишь та часть, которая не проявила оппозиціоннаго духа по отношенію къ польской власти и новымъ порядкамъ; вѣроятно, такого происхожденія были Бучацкіе и Язловецкіе и, во всякомъ случаѣ, Ходоровскіе, Лопатки, Кердеевичи. Масса боярства, менѣе вліятельная, отодвинута была польскимъ наплывомъ туда, откуда она и вышла,— въ народъ; только отдѣльные счастливцы остались наверху, тѣ, кто успѣлъ прицѣпиться къ шляхетству, родствомъ ли съ шляхтичемъ или какимъ-нибудь документомъ, гдѣ онъ или его родичъ, предокъ, названъ былъ nobilis и т. п.

Однако, положеніе дѣлъ во вновь пріобрѣтенныхъ Польшею русскихъ земляхъ было таково, что требовало особеннаго вниманія и чрезвычайныхъ мѣръ: опасность грозила и съ запада, со стороны Венгріи, и съ востока, со стороны Литвы, а главное постоянно—съ юга, со стороны татаръ. Потребность въ усиленной военной оборонѣ понуждала королей къ ограниченію правъ и привилегій шляхты. Правда, они осыпали какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и цѣлые шляхетскіе роды землями и урядами: Спытко Мельштынскій въ концѣ XIV в. получилъ все западное Подолье и являлся здѣсь прямымъ наслѣдникомъ русскихъ удѣльныхъ князей; Одровонжи, въ первой половинѣ XV в., такъ завладѣли львовской землей, ея замками и важнѣйшими урядами, что со стороны остального населенія понадобились особыя усилія, чтобы высвободиться изъ-подъ власти этого ненавистнаго рода. И, тѣмъ не менѣе, всякое земельное пожалованіе было связано съ такими ограниченіями: жалуемый, кромѣ личной, шляхетской службы, долженъ былъ поставлять съ своей территоріи точно опредѣленное число вооруженныхъ людей, съ ближайшимъ опредѣленіемъ качества этого вооруженія. Хотя пожалованная земля и поступала какъ бы въ собственность шляхтича, но на отчужденіе ея все-таки требовалось согласіе королевской власти. Такія ограниченія приближали эти пожалованія къ „держаніямъ“ литовско-русскаго боярства. Но польское шляхетство, вкусившее отъ благъ полной земельной собственности, не могло примириться съ положеніемъ, которое низводило его на пройденную уже имъ соціальную ступень. И вотъ,

Едлинская привилегія, изданная Ягайломъ (1433 г.), сравниваетъ права шляхты русскихъ земель съ правами шляхты польской.

Едлинская привилегія имѣла значеніе поворотнаго пункта въ исторіи русскихъ земель Польши. Дѣло въ томъ, что она связала привилегированность съ религіей: правами польскаго шляхетства или его вольностями могли пользоваться лишь католики, православные же представители высшаго сословія оставались при старыхъ ограниченіяхъ, личныхъ и имущественныхъ: ихъ военныя обязательства были значительно тяжелѣе, они несли наравнѣ съ мѣщанствомъ повинности по устройству замковыхъ укрѣпленій, они должны были платить со своихъ земель денежныя подати и давать дани натурой. Между тѣмъ, какъ аналогичная съ Едлинской, Городельская привилегія, изданная тѣмъ же Ягайломъ для привлеченія къ католицизму литовско-русскаго боярства, осталась въ полномъ смыслѣ слова мертвой буквой, привилегія Едлинская оказалась законодательнымъ актомъ огромной практической важности: такова сила фактическихъ отношеній. Лѣтъ черезъ сто послѣ ея изданія въ Галицкой Руси, среди ея высшаго сословія, уже не было больше православныхъ: всѣ старые русскіе бояре перешли въ католицизмъ, чтобы воспользоваться выгодами шляхетскаго положенія. Мало того, привилегированность и католицизмъ сдѣлались синонимами и въ другихъ сферахъ жизни. Такъ, напримѣръ, города пользовались Магдебургскимъ правомъ—Львовъ уже съ половины XIV в. (1356 г.),—слѣдовательно, представляли собой вполнѣ самостоятельныя, самоуправляющіяся общины, не допускавшія вмѣшательства въ свои внутреннія дѣла. Тѣмъ не менѣе, политика польскаго правительства успѣла и здѣсь отстранить русскихъ мѣщанъ. Въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ, напр., во Львовѣ, Магдебургское право предоставлялось только тѣмъ, кто жилъ внутри городскихъ стѣнъ, исключая изъ него жителей предмѣстья: внутри же жили, по преимуществу, иноземцы—нѣмцы, поляки, евреи, армяне. Такимъ образомъ, уже съ начала XV в. не видно больше въ Львовѣ бурмистровъ и иныхъ городскихъ урядниковъ изъ русскаго мѣщанства. Въ другихъ городахъ, гдѣ не было такого территоріальнаго разграниченія русскаго мѣщанства отъ иноземнаго, православные „схизматики“ самимъ текстомъ привилегіи на Магдебургское право прямо исключались отъ пользованія имъ. Православіе сдѣлалось признакомъ низшаго, зависимаго положенія, пріобрѣло здѣсь уже съ XV вѣка тотъ характеръ „хлопской вѣры“, какой оно пріобрѣтаетъ на территоріи Литовско-Русскаго государства лишь значительно позже, два вѣка спустя.

Разумѣется, и положеніе православной церкви здѣсь, въ польской Руси, не могло быть тѣмъ свободнымъ и относительно обезпеченнымъ, какимъ оно было въ Руси литовской. Сначала православная вѣра, какъ господствующая вѣра населенія, настолько пользовалась вниманіемъ государственной власти, что Казиміръ Великій даже добился того, что русскія земли его государства имѣли нѣкоторое время особаго митрополита. Но дѣло круто мѣняется со времени Ягайла. Католическое духовенство располагаетъ свои епархіи на мѣстахъ епархій православныхъ, захватываетъ въ свое распоряженіе главныя, соборныя, православныя церкви и ихъ имущества; не только уже нѣтъ болѣе рѣчей

о галицкомъ митрополитѣ, но исчезаютъ даже и епископы, такъ что православные вынуждены по своимъ духовнымъ дѣламъ ѣздить за границу, въ Молдавію. Только въ началѣ XVI столѣтія, съ Сигизмундомъ І-мъ, опять появляется галицкій епископъ, хотя униженное положеніе православной религіи не прекращается. Для характеристики его достаточно сказать слѣдующее: православные вынуждаемы были платить десятину въ пользу католической церкви; православные „попы" не освобождались отъ платежа податей и повинностей нáравнѣ съ остальными кметями.

Полнота шляхетскихъ правъ, которую удѣлила Едлинская привилегія высшему сословію русскихъ земель, заключáла въ себѣ передачу въ руки этого сословія права собственности на землю, которою владѣли до тѣхъ поръ ихъ кмети. Тѣмъ самымъ земледѣльческій классъ населенія еще даже и по Вислицкому статуту Казиміра Великаго полусвободный, ставился на ту наклонную плоскость, по которой онъ долженъ былъ въ самомъ скоромъ времени низвергнуться въ положеніе почти рабское. Но здѣсь мы не будемъ останавливаться на ближайшемъ разсмотрѣніи этого процесса, который имѣемъ возможность подробнѣе прослѣдить въ его фазахъ на Литовской Руси, гдѣ онъ совершался значительно медленнѣе, слѣдовательно, доступнѣе наблюденію. Но не все земледѣльческое населеніе русскихъ земель Польши было захвачено этимъ роковымъ процессомъ. У подножія Карпатскаго хребта, какъ въ сѣверной Галичинѣ, такъ и въ южной, сохранились самостоятельныя общины, которыя остались внѣ вліянія владѣльческаго права. На югѣ это были поселенія пастуховъ, сидѣвшія на такъ называемомъ волошскомъ правѣ подъ управленіемъ своихъ собственныхъ „князей". Повидимому, этимъ правомъ пользовались сначала выходцы изъ Молдавіи; но оно дѣйствовало и среди русскихъ горцевъ. Часть земледѣльческаго населенія сохранила свою свободу подъ вывѣской нѣмецкаго солтысскаго права; если солтысъ (нѣмецкій войтъ, фогтъ), отбывавшій за свое поселеніе военную повинность, и пользовался по отношенію къ населенію патримоніальными правами, сближавшими его положеніе со шляхетскимъ, то все-таки земля, этотъ базисъ всѣхъ правъ земледѣльца, оставалась собственностью населенія.

Можетъ-быть, именно это обстоятельство—т.-е., что на ряду съ населеніемъ, угнетаемымъ владѣльцами, жило населеніе, пользовавшееся относительной свободой—и было причиной того, что русскій кметь долго не свыкался со своимъ зависимымъ положеніемъ, пытаясь насиліемъ отстранить то легальное насиліе, жертвой котораго онъ дѣлался. XV вѣкъ, вѣкъ изданія Едлинской привилегіи и ея практическаго утвержденія на почвѣ Галицкой Руси, былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и вѣкомъ крестьянскихъ волненій. По словамъ польскихъ лѣтописцевъ, народъ уходилъ, села и мѣстечки безлюдѣли такъ, что населенныя мѣста замѣнялись пустырями. Жители уходили за границу и, соединясь тамъ съ татарами и волохами, вмѣстѣ съ ними возвращались назадъ, чтобы опустошать теперь свою старую родину, на которой уже не имѣли больше собственнаго мѣста. Здѣсь, въ Червонной Руси, и именно въ это время, впервые произносится, въ примѣненіи къ тѣмъ бѣглецамъ, которые искали свободы и

мести въ татарскихъ степяхъ, слово „козакъ“,—то слово, которое сдѣлалось позже, и на иной русской территоріи, синонимомъ кроваваго протеста противъ всего польскаго, шляхетскаго и католическаго,—произносится польскимъ лѣтописцемъ Длугошемъ *). Такимъ образомъ, исторія Галицкой Руси представляетъ собой сжатый, а, слѣдовательно, блѣдный и сухой, за отсутствіемъ историческаго освѣщенія и сообщаемыхъ имъ красокъ, компендіумъ тѣхъ событій, которыя разыгрались два вѣка спустя въ Украинской Руси въ грандіозной картинѣ, полной драматическаго движенія.

Главные источники: Антоновичъ, „Монографіи по исторіи зап. и юго-западной Россіи“, „Литографированныя лекціи по исторіи Галицкой Руси“, „Изслѣдованія о городахъ юго-западной Россіи“; Любавскій, „Областное дѣленіе и мѣстное управленіе Литовско-Рус. госуд.“; Бершадскій, „Литовскіе евреи“; Чистовичъ, „Очерки исторіи западно-русской церкви“; Кояловичъ, „Чтенія по исторіи Западной Руси“; Брянцевъ, „Исторія великаго княжества Литовскаго“; Jaroszewicz, „Obrazy Litwy“; Барабашевъ, „Витовтъ“; Филевичъ, „Борьба Польши и Литвы-Руси за Галицко-Владимірское наслѣдство“; Бобржинскій, „Очерки исторіи Польши“; Дашкевичъ, „Замѣтки“; Шараневичъ, „Исторія древняго Галицко-русскаго княжества“, „Rys wewnetrznych stosunków“; Wolff, „Kniazowie litewscy i ruscy“; Левицкій, „Внутреннее состояніе западно-русской церкви въ концѣ XVI в.“; Иванишевъ, „Сочиненія“, „Сборникъ лѣтописей, относящихся къ южной и западной Россіи“; Антоновичъ и Козловскій, „Грамоты великихъ князей Литовскихъ“; Ясинскій, „Уставныя грамоты“; Лѣтопись Даниловича, „Акты,относ. до исторіи южной и западной Россіи“; „Акты Виленской Коммиссіи“; „Archiwum“ князей Сангушковъ; Владимірскій-Будановъ, „Нѣмецкое право въ Литвѣ и Польшѣ“, „Помѣстное право въ Литовскомъ государствѣ“; Леонтовичъ, „Спорные вопросы по исторіи Русско-Литовскаго права“, „Сословный типъ территоріально-административнаго состава Литовскаго госуд.“; Молчановскій, „Очеркъ извѣстій о Подольской землѣ“; Грушевській, „Исторія Украинской Руси“, т. III и IV.

---

*) „Exercitus tartarorum, ex fugatibus, praedonibus, exulibus colloquatos qui lingua sua cosacis appelabant“. Первое извѣстіе о козакахъ съ такою датой относится къ 1492 г. въ письмѣ в. кн. Александра, гдѣ говорится про нападеніе козаковъ на татарскій корабль.

Глава пятая.

Южная Русь подъ польскимъ владычествомъ.

Отрѣзавъ Волынскую и Кіевскую земли отъ Литовскаго государства, чтобы присоединить ихъ къ Польшѣ, Люблинская унія тѣмъ самымъ выдвинула новый политическо-соціальный организмъ—Южную Русь. Теперь впервые выступаетъ, въ качествѣ историческаго дѣятеля, южно-русскій народъ, въ удѣльную эпоху разбитый по областнымъ и племеннымъ дѣленіямъ, въ литовскую, незамѣтно укрывавшій свои особенности въ общей политически объединенной западно-русской массѣ. Однако, Южная Русь, однородная по своему этнографическому составу, представлялась далеко не однородной въ иныхъ отношеніяхъ.

Начинаясь мрачными борами Волынскаго и Кіевскаго Полѣсья съ ихъ болотами и трясинами, посреди которыхъ лишь въ видѣ оазисовъ разбросаны земли, годныя для поселенія, Южная Русь уходитъ въ безконечную, залитую солнцемъ, степную равнину, не лишенную—особенно въ сѣверной своей части—разнообразной красоты и обилія естественныхъ богатствъ. Легкія песчаныя почвы лѣсной полосы постепенно переходятъ въ тотъ сплошной тучный украинскій черноземъ, о производительности котораго далеко расходилась легендарная молва. Но есть одна особенность, общая для всей территоріи, какъ лѣсной, такъ и степной ея полосы,—это обиліе рѣкъ. Водораздѣлы этихъ многочисленныхъ рѣкъ служили, вмѣстѣ съ тѣмъ, и природными границами, дѣлившими территорію на ея составныя части.

Естественному разнообразію края, которое сводится къ двумъ основнымъ различіямъ, соотвѣтствуетъ и разнообразіе бытовое, соціальное.

Два типа жизни наблюдаемъ мы въ Южной Руси въ тотъ моментъ общественнаго кризиса, какимъ была для нея Люблинская унія. Съ одной стороны, это жизнь земель стараго заселенія, старой культуры, гдѣ всѣ общественныя отношенія уже пришли въ извѣстное равновѣсіе; съ другой стороны, жизнь земель, заселяющихся на-ново, гдѣ общественный строй еще не успѣлъ окристаллизоваться въ опредѣленныя формы, гдѣ все находится въ хаотическомъ броженіи. Первый типъ представляетъ собою Волынь, Кіевское Полѣсье и

западное, поднѣстровское, Подолье; ко второму относится вся та масса земель съ неопредѣленно уходящими къ югу, въ дикія поля, границами, которымъ подъ именемъ Украины пришлось сдѣлаться кровавой ареной такой ужасающей исторической драмы.

Однако, и земли старой культуры далеко не однородны по своему общественному складу. Центральное мѣсто между этими землями принадлежитъ, конечно, Волыни. Волынская земля играла такую важную роль въ составѣ Литовско-Русскаго государства, что въ понятіяхъ современниковъ почти отождествлялась съ Южной Русью. Характернѣйшей соціальной особенностью Волыни, рѣзко выдѣляющей эту землю изъ остальной массы Литовско-Русскаго государства, было множество княжескихъ родовъ среди ея высшаго класса: въ этомъ отношеніи съ Волынской землей могла соперничать только земля Сѣверская, но она въ описываемое время еще входила въ составъ Московскаго государства.

И потомки туровско-пинскихъ князей, слѣдовательно, потомки Владиміра Св., и Гедиминовичи, и литовскіе князья не Гедиминова рода—все это сливалось въ общую массу волынскихъ князей, которая и была общественной силой Волыни. Мы совсѣмъ не имѣемъ ключа къ разгадкѣ того, почему Волынское Полѣсье и Луцкая земля сдѣлались разсадниками этой могущественной русской аристократіи: но это было такъ. Первое мѣсто между волынскими князьями занимали Острожскіе: Острощина, владѣніе ихъ рода, составляла ⅓ Волыни, захватывая собой нѣсколько бывшихъ мелкихъ удѣльныхъ княжествъ; а у Острожскихъ были владѣнія и въ Кіевщинѣ; князь же Василій Константиновичъ Острожскій взялъ еще въ приданое за женой-полькой обширныя земли графскаго рода Тарновскихъ. Все это достаточно объясняетъ, почему князь Василій держалъ себя, во всѣхъ подробностяхъ своего быта, какъ владѣтельный князь; на печати его значилось: „Dei gratia dux Ostrogiae", а въ документахъ, относящихся къ обывателямъ своихъ владѣній, онъ писалъ: „били намъ челомъ". За Острожскими слѣдовали Збаражскіе, княжество которыхъ занимало юго-западную часть Волыни; затѣмъ Сангушки, Чарторыйскіе, Корецкіе, Вишневецкіе. Княжескіе роды меньшаго значенія трудно было и перечесть. Все это были, повидимому, сильно размножившіеся потомки владѣтельныхъ удѣльныхъ князей. Что сохранили они наслѣдственнымъ путемъ изъ своихъ старыхъ политическихъ правъ и земельныхъ владѣній,—вопросъ темный. Но зато въ ихъ исключительномъ и неоспариваемомъ распоряженіи находились всѣ „господарскія", т.-е. великокняжескія, земли: князья не допускали никого, внѣ своей среды, къ участію въ этихъ „выслугахъ". Конечно, выслуги эти постепенно обращались въ такую же собственность владѣльцевъ, какъ и ихъ наслѣдственныя земли, буде онѣ были. Когда, за четверть вѣка до Люблинской уніи, Сигизмундъ-Августъ отправилъ на Волынь люстраторовъ осмотрѣть состояніе тамошнихъ замковъ, а, вмѣстѣ съ тѣмъ, и провѣрить „твердости" (документы), по которымъ отдѣльныя лица владѣютъ господарскими землями, дѣло приняло оборотъ, очень интересный для характеристики положенія и нравовъ среды. Князья рѣшились уклониться отъ провѣрки и начали

томить люстраторовъ всякими проволочками и уловками, а, въ концѣ концовъ, не усомнились прямо и письменно заявить: „мы-де у господаря его милости имѣній нашихъ не украли, такъ какъ надъ нами есть старосты въ Луцкѣ и Владимірѣ: если бы кто смѣлъ на то покуситься, чтобы господарское добро украсть, то старосты бы у насъ краденное изъ горла вырвали“. Много ловкости и настойчивости понадобилось люстраторамъ, чтобы преодолѣть сопротивленіе. Но какъ бы то ни было, а ко времени Люблинской уніи въ распоряженіи господаря на Волыни оставались только три замка: Луцкъ, Владиміръ и Кременецъ, причемъ старостами этихъ замковъ были тѣ же князья. Замки находились въ очень плохомъ состояніи, такъ какъ старосты обращали старостинскіе доходы въ свою личную пользу, а земельныхъ имуществъ, тянущихъ къ замку, съ которыхъ могъ бы идти доходъ на его устройство, оставалось крайне мало: все было разобрано и обращено въ частную собственность. Можетъ-быть, и сама Люблинская унія не осуществилась бы, или, по крайней мѣрѣ, не осуществилась бы такъ легко, если бы волынскимъ князьямъ не была клятвенно обѣщана королемъ свобода отъ „экзекуціи правъ“ *), которая могла влечь за собою отобраніе государствомъ розданныхъ имуществъ. Эта привилегированная группа, сама крайне разросшаяся, положительно тѣснила собой все остальное, что могло бы участвовать тѣмъ или инымъ способомъ въ выгодахъ даннаго общественнаго положенія. Боярство—тѣ исконные земледѣльцы, которые выдвинулись въ льготное положеніе путемъ военной службы,—не могло развиваться, такъ какъ ему были преграждены пути къ выслугамъ, и оно сидѣло на своихъ, необходимо все мельчавшихъ, вотчинахъ; тѣ же изъ бояръ, которые оказывались внутри княжескихъ территорій, превращались изъ панцырныхъ въ путные, а затѣмъ уже смѣшивались въ общую массу владѣльческихъ подданныхъ. Мѣщане трехъ главныхъ городовъ Волыни—Луцка, Владиміра и Кременца, не перешедшихъ въ частную собственность,—горько жалуются на свое положеніе. Обремененіе все растетъ, такъ какъ на ихъ плечи сбрасываются обязанности по устройству замковъ, а средства для исполненія этихъ обязанностей все уменьшаются: поскольку мѣщане еще остаются людьми сельскаго промысла, они страдаютъ отъ того, что князья разбираютъ земли, когда-то тянувшія къ замку и составлявшія его „входы“ (уходы, урочища); поскольку они уже люди промысла городского, производства на рынокъ, они опутаны панскими мытами. Конечно, и бояре, и мѣщане одинаково страдаютъ отъ того, что князья отказываются становиться съ ними къ суду старосты, ссылаясь на господаря, который якобы только одинъ можетъ ихъ судить, что не мѣшаетъ имъ, однако, каждаго требовать передъ мѣстные суды. Владѣльческія земли были всюду болѣе или менѣе воздѣланы и заселены. Волынь успѣшно заселялась, такъ какъ надъ ней не тяготѣла уже теперь постоянная угроза татарскаго набѣга. Волынское Полѣсье пользовалось въ этомъ отношеніи полной безопасностью, и тогдашнее населеніе его численностью едва ли много уступало теперешнему. Но насе-

*) Приведеніе права въ дѣйствіе черезъ провѣрку документовъ, на которыхъ опирается это право.

леніе это не было земледѣльческимъ въ тѣсномъ смыслѣ этого слова: обиліе звѣря, рыбы, бортнаго дерева, рудень—все это развивало и питало промысловый трудъ. Земледѣльческій промыселъ составлялъ принадлежность хозяйства средней и южной Волыни, особенно средней, какъ болѣе безопасной отъ татаръ. Населеніе владѣльческихъ земель, повидимому, еще не утратило своихъ старыхъ правъ. Одна его часть сидѣла на своихъ старыхъ дворищахъ, охраняемыхъ традиціей и обычаемъ; другая еще пользовалась свободой перехода, о которой свидѣтельствуютъ сами владѣльцы люстраторамъ, требовавшимъ переписи людей: „теперь человѣка своего запишемъ, а завтра его уже не будетъ". Волочная помѣра *) только-что показалась на Волыни, и, конечно, никто еще не предвидѣлъ ея послѣдствій. Вотъ главнѣйшія черты общественнаго строя Волыни въ моментъ Люблинской уніи.

Совсѣмъ иной видъ имѣло Кіевское Полѣсье съ той приднѣпровской, лѣсной, частью Сѣверщины, которая не отошла къ Москвѣ, т.-е. Любечскимъ и Остерскимъ староствами.

Весь этотъ лѣсной край былъ покрытъ сѣтью боярскихъ гнѣздъ, стягивающейся около замковъ. Гнѣзда эти, околицы по позднѣйшей терминологіи, заключали боярскіе роды, разросшіеся, случалось, не только въ десятки, но и сотни семей. Одинъ такой родъ могъ жить и въ нѣсколькихъ поселкахъ, но его связывало общее имя, слѣдовательно, общность традицій, общая церковь или монастырь, посвященный родовому патрону, наконецъ, общее землевладѣніе или, по крайней мѣрѣ, общія промысловыя угодья—лѣсные „входы", рыбныя ловли, бобровые гоны, рудни. Но и при дѣлежѣ земель все-таки сохранялись между членами рода разныя любопытныя отношенія архаическаго характера, свидѣтельствующія о первоначальной общности. Вообще, боярство это было несомнѣнно самой архаической группой нашей южно-русской территоріи. Оно одно можетъ, съ извѣстнымъ правомъ, вести свою генеалогію отъ настоящаго русскаго земледѣльца эпохи удѣльной. Древлянскій или сѣверянскій селянинъ, въ лицѣ овручскаго или любечскаго боярина, уберегъ себя и свою землю отъ притязаній со стороны государства тѣмъ, что сохранилъ въ рукахъ оружіе. Оружіе же онъ сохранилъ единственно благодаря порубежному положенію своего края. Въ описываемый моментъ рубежъ уже отошелъ къ югу, и край пріобрѣлъ безопасность, которая исключала необходимость общей военной службы.

Теперь интересы государства требовали того, чтобы перевести это боярское населеніе съ военной службы на тяглую, но нелегко было это сдѣлать. Бояре такъ свыклись со своимъ льготнымъ положеніемъ, обнаружили столько энергіи и готовности его отстаивать, опираясь на свое, освященное стариной, право, что упорство ихъ никакъ нельзя было сломить. Борьба бояръ съ мѣстными представителями государственной власти, старостами, и до Люблинской уніи и послѣ нея, представляетъ любопытную страницу общественной эволюціи: интересно наблюдать ту картину путаницы правовыхъ понятій и отношеній, которая вытекаетъ изъ враждебнаго столкновенія двухъ противоположныхъ и

*) Измѣреніе земель и ограниченіе крестьянъ въ пользованіи ими.

равносильныхъ общественныхъ интересовъ. Боярство осталось побѣдителемъ; оно воспользовалось шляхетскими правами, предоставляемыми Люблинской уніей служилому сословію, и образовало ту „лычаковую“ (отъ слова лыко) шляхту, которая, позже, ходила за плугомъ съ саблей, подвязанной мочалой, чувствуя себя и „на огородѣ равной воеводѣ“. Лишь небольшая обездоленная часть этого боярства осталась подъ чертой, передѣлившей послѣ Люблинской уніи русское общество, и обратилась въ подданныхъ тѣхъ же своихъ старыхъ боярскихъ братьевъ.

Съ момента Люблинской уніи вошла въ составъ Южной Руси еще одна территорія стараго заселенія: это западное Подолье или Поднѣстровье, съ главнымъ средоточіемъ въ бассейнѣ Смотрича, составлявшее до тѣхъ поръ часть Польскаго государства, съ неприступнымъ Каменцемъ; сюда же слѣдуетъ отнести Хмельницкое и Барское староства, которыми польская, западная, часть Подолья сливалась съ восточной литовской или Побужьемъ.

Прекрасное солнечное Подолье съ его очаровательнымъ пейзажемъ, быстро текущими водами, богатой черноземной почвой всегда должно было манить къ себѣ поселенца. Но по сравненію съ Волынью это все-таки земля новаго, а, слѣдовательно, и болѣе слабаго заселенія: вѣдь всего за два вѣка до Люблинской уніи этотъ прекрасный край представлялъ собой подольскую „тму“, одинъ изъ татарскихъ „улусовъ“. Но въ разсматриваемый моментъ онъ имѣлъ видъ территоріи и защищенной, и населенной. По своему общественному строю онъ приближался къ Волыни; однако, иная историческая традиція дала иную окраску по существу очень сходнымъ, если не тождественнымъ, отношеніямъ. Князей здѣсь совсѣмъ не было. Мѣсто ихъ занимало нѣсколько магнатскихъ родовъ червоно-русскаго происхожденія. Это были или поляки, или ополяченные русины: Язловецкіе, Ланцкоронскіе, Сѣнявскіе, Гербурты и нѣкоторые другіе. Ихъ латифундіи были, большею частью, „заставными державами“: по истеченіи срока, напримѣръ, четырехъ „доживотій“, государство должно ихъ получить обратно, уплативъ принятую сумму; но въ данный моментъ все это находилось уже на прямомъ пути къ обращенію въ полную собственность владѣльцевъ. Однако, подольскія староства, тянувшія къ тремъ главнымъ замкамъ земли, Каменецкое, Летичевское и Червоногродское, еще далеко не были такъ разобраны панами, какъ староства волынскія. Огромныя же пограничныя староства—Барское и Хмельницкое—находились цѣликомъ въ рукахъ такого же мелкаго русскаго и православнаго боярства, какъ и остальные южно-русскіе бояре: государство Польское, которому эта группа была необходима для защиты границъ Подолья отъ татаръ, признавало ее съ ея фактическими правами подъ именемъ „вассаловъ“, пока на нихъ не было распространено шляхетство. Кмети сидѣли на Подольѣ уже, повидимому, на размѣренныхъ земляхъ, ланахъ, или плугахъ (aratrum), но пограничное положеніе края еще не дозволяло панамъ извлекать всѣ выгоды изъ своего положенія; населеніе охотно сносило нѣкоторыя тяготы, имѣя зато подъ рукой панскій замокъ или „замочекъ“, куда оно могло укрываться въ случаѣ тревоги.

Конечно, земли стараго заселенія, т.-е. воеводства Волынское, Подольское

и небольшая часть Кіевскаго, были относительно безопасны только потому, что за ними стояли вновь заселяющіяся земли Украины, которыя принимали на себя удары. Волынь и Кіевское Полѣсье могли спать спокойно, такъ какъ за нихъ сторожила и прикрывала ихъ отъ дикой степи Украина, т.-е. Кіевщина и Брацлавщина, Кіевское и Брацлавское воеводства, по новой терминологіи, водворившейся послѣ Люблинской уніи. Ясно, что главнѣйшимъ изъ внѣшнихъ условій, опредѣлявшихъ собою жизнь Южной Руси, были все-таки степные кочевники-татары, дикая энергія которыхъ нашла теперь несокрушимую опору въ стоявшемъ за ними мусульманскомъ мірѣ.

Послѣ Менгли-Гирея, опустошительные наѣзды котораго захватывали даже и Волынь, Южная Русь уже не имѣла между крымскими ханами другого такого ожесточеннаго врага. Наѣзды большіе — цѣлой орды, и малые, небольшими чамбулами, не прерывались, но они рѣдко проникали въ глубину старыхъ поселеній. Зато жизнь на Украинѣ складывалась подъ Дамокловымъ мечемъ этой непрерывной и страшной угрозы. Естественно, что она должна была складываться своеобразно, подчиняясь меньше традиціи, чѣмъ суровому давленію своей исключительной обстановки. Достаточно сказать, что весной и лѣтомъ, когда степь становилась особенно опасной, земледѣльцы выходили на свою пашню не иначе, какъ съ рушницами и саблями, а гдѣ была возможность, устраивали на полѣ нѣчто въ родѣ маленькихъ острожковъ, куда укрывались, чтобы отстрѣливаться изнутри отъ татаръ. Такъ обставленъ былъ на Украинѣ даже земледѣльческій трудъ, съ которымъ человѣкъ привыкъ наитѣснѣе связывать понятіе домашняго очага, покоя, безопасности. Изъ-года-въ-годъ татары „вынимали“ Украину, и все-таки она не пустѣла, а заселялась, хотя и медленно, заселялась такъ же естественнымъ приростомъ, какъ и притокомъ извнѣ, съ сѣвера. Слишкомъ много было привлекательнаго въ этой чудной Украинѣ, о почвѣ которой самые свѣдущіе люди своего времени говорили, что здѣсь даже не стоитъ и сѣять каждый годъ: посѣй разъ, а затѣмъ уже пашня будетъ сама обсѣменяться и давать урожай безъ засѣва. Обиліе дикаго звѣря соотвѣтствовало богатству растительности. „Зубровъ, дикихъ коней и оленей такое множество, что охотятся на нихъ единственно для шкуры, а мясо кидаютъ; на ланей же и кабановъ и вниманія не обращаютъ. Дикихъ козъ въ такомъ количествѣ перебѣгаетъ зимою изъ степей въ лѣса, а лѣтомъ обратно въ степи, что каждый селянинъ можетъ ихъ ежегодно набить сколько угодно. По берегамъ рѣкъ множество жилищъ бобровъ. Птицъ столько, что весною хлопцы наполняютъ лодки яйцами дикихъ утокъ, гусей, журавлей и лебедей. Собакъ кормятъ мясомъ дикаго звѣря. Рѣки изобилуютъ неслыханнымъ количествомъ осетровъ и иныхъ большихъ рыбъ, которыя идутъ изъ моря вверхъ въ прѣсныя воды; такъ наполняется рѣка рыбой, что копье, брошенное въ воду, задерживается и торчитъ, какъ вбитое въ землю“. Это и многое другое свидѣтельствуютъ современники, достойные вѣры, о тогдашней роскоши производительныхъ силъ украинской территоріи; подтверждаются эти показанія и косвенными свидѣтельствами точныхъ документовъ, по крайней мѣрѣ, относительно тѣхъ предметовъ, которые имѣли оффиціальное финансовое обращеніе,

какъ, напримѣръ, медъ и скотъ. Въ этомъ отношеніи Украина была буквально страной, текущей медомъ и млекомъ. Мудрено ли поэтому, что Днѣпръ съ его притоками Десной, Сожью, Березиной и Припетью каждую весну спускалъ не только „добродеревцевъ“ *), которыхъ посылало правительство рубить замки на Низу, но и множество „лезныхъ“, не пустившихъ корней на своей, хотя и родной, но неблагодарной почвѣ? „Многіе уходятъ отъ власти родительской,— говоритъ Михалонъ Литвинъ, котораго мы не разъ цитировали выше,—отъ работы, неволи, каръ, долговъ и иныхъ непріятностей, или просто ищутъ болѣе выгоднаго заработка и лучшаго мѣста. Познакомившись со всѣми преимуществами жизни въ низовыхъ мѣстахъ (т.-е: на Украинѣ), они уже никогда не возвращаются назадъ къ своимъ, скоро пріобрѣтаютъ ловкость и мужество и осваиваются съ опасностью, охотясь на медвѣдей и зубровъ. Оттого-то на Украинѣ такъ легко набрать хорошихъ воиновъ“. Конечно, назадъ не возвращались; у кого хватило энергіи разъ порвать съ родиной, кто вкусилъ уже отъ украинской свободы и приволья, тотъ не могъ добровольно вернуться въ узы неблагодарнаго и принудительнаго труда, принудительныхъ отношеній, которыми была опутываема личность и со стороны все растущей панской власти, и со стороны всего склада жизни, стѣснительнаго для индивидуальной свободы.

Итакъ, сколько ни прилагали татары энергіи къ наполненію своихъ рынковъ живымъ товаромъ изъ простого, не лживаго и не коварнаго „королевскаго“, а не „московскаго“ народа, Украина не пустѣла. Мусульманскій востокъ такъ хорошо ознакомился съ украинской женщиной, что она начала входить въ моду, вытѣсняя черкешенокъ изъ гаремовъ не только пашей, но и самого падишаха; украинскими дѣтьми пополняли ряды янычаръ. А люди все шли на Украину, смѣшивались со старымъ ея населеніемъ, сливаясь съ нимъ въ новыхъ благодатныхъ условіяхъ въ одинъ здоровый, сильный и энергическій украинскій типъ.

Въ то же время заселеніе подвигалось все впередъ и впередъ; двигалось оно не правильнымъ поступательнымъ путемъ, равномѣрно по всей линіи, а единичными и какъ бы случайными захватами. Чтобы осуществить такой шагъ впередъ, необходимо было одно: прикрытіе. Безъ достаточнаго прикрытія захватъ былъ невозможенъ. Прикрытіе могло быть или естественное, или искусственное. Естественнымъ прикрытіемъ служилъ въ данныхъ условіяхъ, прежде всего, лѣсъ; искусственнымъ—замокъ.

Хотя Украина занимала исключительно лишь степную часть Южной Руси, но эта украинская степь была далеко не лишена лѣса, какъ была лишена его болѣе южная Ногайская степь: и новое заселеніе Украины продолжило непрерывно тянущуюся съ до-историческихъ временъ традицію русской жизни, для развитія которой были необходимы двѣ стихіи—лѣсъ и вода.

Въ данный моментъ, т.-е. въ моментъ Люблинской уніи, на Украинѣ были прочно захвачены людскими поселеніями три территоріи: внизъ отъ Кіева —

*) „А на работу кіевскаго замка тогда, послѣ Менгли-Гиреева разоренія приходило болѣе 20000 топоровъ изъ поднѣпрскихъ волостей“, свидѣтельствуетъ одинъ документъ.

Поднѣпровье, какъ по правую, такъ и по лѣвую сторонамъ рѣки, или „Поля“, въ собственномъ смыслѣ слова, затѣмъ Низъ и Побужье.

Кіевъ самъ опирался еще на лѣсную полосу, и широкій степной просторъ, въ который вступалъ внизъ отъ него Днѣпръ, вбиравшій въ себя массу рѣкъ и рѣчекъ, постепенно разнообразился красивымъ и веселымъ чернолѣсьемъ. Каневскіе лѣса по Роси занимали большое пространство. Даже за Черкассами Ляссота видѣлъ лѣса. Заднѣпровье же, за Трубежемъ и Супоемъ, бассейны Сулы, Псла и Ворсклы—будущая Малороссія, которая только-что начала заселяться,—все это пока еще представляло чуть не сплошной лѣсъ.

Побужье или Брацлавщина, по среднему Бугу, отъ Винницы до Брацлава, представляло территорію съ огромными удобствами и выгодами для заселенія. Волнистая поверхность съ чрезвычайно плодородною почвой была орошаема массою текучей воды, образующей превосходные рыбные пруды и въ то же время очень удобной для устройства мельницъ. Вся эта мѣстность была защищена съ востока бужскими пущами, которыя на сѣверо-востокѣ соединялись съ пущами литинскими и хмельницкими, а на сѣверо-западѣ съ барскими.

Третьимъ гнѣздомъ новой украинской колонизаціи былъ днѣпровскій Низъ, раскинувшійся направо и налѣво отъ пороговъ: здѣсь южно-русское населеніе дальше всего выдвинулось въ дикую степь. Держаться здѣсь было настолько опасно, что жизнь не могла уже складываться по типу мирнаго, хотя бы и вѣчно „по-украински“ настороженнаго, поселенія: люди жили тутъ жизнью военнаго лагеря. Но и на этомъ Низу Великій Лугъ (лѣса) днѣпровскихъ плавней и лѣса, покрывающіе берега Самары, играли большую роль въ жизни здѣшняго, исключительно козацкаго, населенія. Но Низъ уже и географически выходилъ за предѣлы Украины такъ же, какъ и его обыватели выходили изъ рамокъ обыкновеннаго гражданскаго общества.

Татары могли проникать въ глубь Украины только по своимъ извѣчнымъ шляхамъ, по водораздѣламъ большихъ рѣкъ, впадающихъ въ Черное море; край былъ такъ изрѣзанъ рѣчною сѣтью, что конные хищники, особенно, когда они были обременены добычей, совсѣмъ не могли двигаться въ сторонѣ отъ шляха. Особенное значеніе имѣли въ данный моментъ для Украины Черный шляхъ, который шелъ между притоками Днѣпра и Буга, и Кучманскій—по водораздѣлу Буга и Днѣстра. Населеніе старалось держаться подальше отъ этихъ опасныхъ мѣстъ; но укрыться отъ татаръ было все-таки не легко, такъ какъ единичные отряды постоянно отдѣлялись отъ главнаго ствола и проникали вглубь территоріи. На помощь населенію шло правительство, устраивая свои замки.

Конечно, государство могло прочно захватить и удержать за собою территорію, только выдвинувъ въ степь линію укрѣпленій. Но у Литовскаго государства, повидимому, не хватало средствъ ли, или энергіи, чтобы организовать дѣло такъ, какъ его организовало сосѣднее Московское, неуклонно наступавшее на степь своими городками и сторожами. Были и здѣсь попытки къ устройству оборонительныхъ линій, но это были только лишь попытки. Первая линія полѣсско-сѣверская, которая шла нижней Припетью черезъ

Днѣпръ къ Деснѣ, въ описываемое время уже почти потеряла старое значеніе: замки Овручъ, Мозырь, Любечъ стояли за чертой татарскихъ набѣговъ. Вторая линія, которая какъ бы опиралась на Кіевъ, начиналась у верховья Роси и Тетерева, переходила Днѣпръ, упиралась въ нижнюю Десну: ея конечными пунктами были Житоміръ и Остеръ. Эти замки продолжали служить охраною, такъ какъ еще въ половинѣ столѣтія около Житоміра люди не смѣли прочно селиться внѣ замка. Но, конечно, главнѣйшее значеніе имѣла та южная линія, наиболѣе выдвинутая въ степь, на которой стояли замки Каневъ и Черкасы на Днѣпрѣ, Винница и Брацлавль на Бугѣ и далѣе Хмельникъ и Баръ уже на Подольѣ. Большой пробѣлъ между Днѣпромъ и Бугомъ, возникшій послѣ разоренія татарами Звенигородскаго замка, былъ нѣсколько восполненъ устройствомъ Бѣлой-Церкви на Роси.

Слабы числомъ были эти замки, слабы и устройствомъ. Ревизоры, которыхъ посылали господари на Украину для осмотра и описи своихъ добръ, т.-е. на первомъ планѣ замковъ, горько жаловались на ихъ плохое состояніе, на небрежность старостъ князей, слишкомъ мало думавшихъ о господарскомъ добрѣ и общественныхъ нуждахъ. Винницкій замокъ, напримѣръ, „малъ, устроенъ изъ тонкаго дерева, всюду дыры, и не только людямъ въ часъ тревоги въ немъ нельзя оборониться, да и скота въ немъ не убережешь“. Немногимъ лучше выглядѣли и остальныя украинскія твердыни. Даже „врата государства“, Кіевскій замокъ, который послѣ Менгли-Гиреева разоренія отстраивали „всѣмъ княжествомъ Литовскимъ“, все-таки содержался въ эпоху Люблинской уніи старостой своимъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, воеводой кн. Острожскимъ очень небрежно.

Но какъ ни плохи были украинскіе замки, а все-таки это были замки, гдѣ населеніе могло находить себѣ нѣкоторую безопасность. Татары почти никогда не нападали на укрѣпленія: въ ихъ набѣгахъ все было разсчитано на быстроту, и имъ нельзя было задерживаться подъ стѣнами, какія бы онѣ ни были. Такимъ образомъ, замки и располагавшіеся около нихъ города, защищенные острогами, играли важную роль въ заселеніи Украины.

Этимъ объясняется тотъ, казалось бы, очень странный фактъ, что городское населеніе Украины числомъ далеко превосходило населеніе внѣ-городское или сельское, по современной терминологіи. Таковъ прямой выводъ, какой мы дѣлаемъ изъ дошедшихъ до насъ довольно обстоятельныхъ цифръ люстрацій и иныхъ документовъ. Но выводъ этотъ ослабляется тѣмъ соображеніемъ, что далеко не все населеніе подвергалось правительственной регистровкѣ: есть основаніе думать, что масса населенія жила на свой собственный счетъ и рискъ, внѣ контроля, по мѣстностямъ, которыя оффиціально считались пустынями, а на самомъ дѣлѣ заключали въ себѣ хутора и пасѣки, укрывавшіеся по балкамъ и лѣснымъ полянамъ. Но какъ бы то ни было, все-таки захваченное государственными узами населеніе Украины представляетъ высокій процентъ городского населенія.

Но городскимъ это населеніе было лишь по мѣсту жительства, а не по промыслу. На самомъ дѣлѣ это было сельское населеніе, лишь укрывавшееся по необходимости за городовымъ острогомъ или замковой стѣной. Пріобрѣтали

городской характеръ, да и то не сразу, лишь тѣ города, которые получали Магдебургское право. На украинской территоріи, въ моментъ Люблинской уніи, пользовались Магдебургскимъ правомъ, кромѣ Кіева, лишь Житоміръ и Овручъ. Всѣ остальные города жили той жизнью стараго русскаго города, гдѣ не было отличія горожанина отъ селянина ни въ правахъ, ни въ обязанностяхъ, ни даже въ занятіяхъ.

Всѣ интересы населенія украинскихъ городовъ сосредоточивались внѣ города, на волостной территоріи. Это были, прежде всего, „уходы", промысловыя урочища, иногда очень отдаленныя отъ города, за десятки и даже за сотни верстъ: такъ, Черкасы имѣли „входы", т.-е. рыбныя и звѣриныя ловли, на днѣпровскихъ порогахъ и притокахъ Днѣпра отъ Ворсклы до Самары, куда мѣщане и отправлялись вооруженными ватагами, т.-е. артелями. Жители города устраивали себѣ на территоріи, тянущей къ городу, огромныя пасѣки, къ которымъ прихватывали земли на полъ-мили, если не на цѣлую милю, какъ свидѣтельствуютъ господарскіе ревизоры о брацлавскихъ мѣщанахъ: „есть на этой землѣ у владѣльца, кромѣ пчелъ, и рыбные пруды, и всякій звѣрь, и сады съ огородами, и всякій иной пожитокъ". Конечно, на землѣ, которая была de jure приписана къ господарскимъ замкамъ, слѣдовательно, господарской, а de facto была вольной, ничьей, можно было каждому дѣлать, что угодно, лишь была бы сила для фактическаго захвата. Занимались жители украинскихъ городовъ и земледѣліемъ, но это былъ лишь второстепенный, побочный промыселъ. Какъ незначительно было земледѣліе въ разсматриваемый моментъ, это доказываетъ ничтожная цифра млиновъ, которые всегда всѣ зарегистровывались въ качествѣ важной статьи господарскихъ доходовъ. Даже на содержаніе гарнизона кіевскаго замка спускалось зерно по Днѣпру съ верхнихъ волостей, такъ мало производила хлѣба сама Украина, отдавая всѣ свои незначительныя рабочія силы промысловому труду, несравненно болѣе выгодному и въ то же время болѣе соотвѣтствующему энергическому темпераменту украинца.

Вотъ въ общихъ чертахъ тѣ рамки, въ какихъ укладывалась украинская жизнь въ моментъ Люблинской уніи. Безграничный земельный просторъ, неисчерпаемое богатство даровъ природы, съ одной стороны, и постоянная угрожающая опасность, съ другой, и влекли къ себѣ человѣка изъ иныхъ менѣе благодатныхъ мѣстъ, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, и отталкивали его. Въ результатѣ на Украинѣ прочно осѣдали только люди съ извѣстнымъ запасомъ энергіи, мужества, выносливости. Одни селились, такъ сказать, внѣ государства, въ такихъ мѣстахъ, куда не достигало его вліяніе, можетъ-быть, потому, что имѣли основаніе его бояться, а, можетъ-быть, и изъ наклонности къ бо́льшей свободѣ: такъ было на Низу, т.-е. за порогами, и, конечно, не на одномъ только Низу. Но другіе предпочитали покровительство господарскаго замка, хотя оно и влекло за собою необходимо извѣстныя обязательственныя отношенія.

Конечно, эти обязательственныя отношенія не могли быть въ данныхъ условіяхъ тяжелыми. Прежде всего здѣсь не было противоположности интересовъ государства и населенія: и то, и другое одинаково должны были ставить

на первый планъ защиту. Поэтому, большинство украинскаго населенія, зарегистрованнаго государствомъ и ютившагося за городскими острогами, не знаетъ до поры, до времени никакихъ податей и повинностей, кромѣ военной службы. Конечно, старосты, въ цѣляхъ увеличенія своихъ доходовъ, пытаются понемногу притягивать мѣщанъ къ тяглу и дани въ разныхъ ихъ видахъ, но дѣлать это они должны были очень осторожно, безъ разсчета пока, т.-е. до общаго измѣненія условій, на какой-либо существенный результатъ своихъ стремленій: фактическій перевѣсъ былъ еще не на сторонѣ государства и его органовъ. Энергичный староста, въ родѣ извѣстнаго Евстафія Дашкевича, съ преувеличеннымъ понятіемъ о своей старостинской власти и мѣщанскихъ обязанностяхъ, могъ вступить въ борьбу съ населеніемъ за осуществленіе своихъ правъ,—какъ Дашкевичъ и вступилъ-было съ черкасскими мѣщанами, но это ни къ чему не приводило. Мѣщане были слишкомъ хорошо знакомы со степью и всякими „уходами“, чтобы бояться старостинской власти. Не лучше стояло дѣло и съ малочисленными волостными людьми, жившими на обширной территоріи, тянущей къ замку. Часть этого населенія несла ту же военную или боярскую службу, и, слѣдовательно, была свободна отъ всего остального. Другая часть отбывала свои обязанности передъ государствомъ легкими данями, медомъ и шкурами или подымщиной, состоявшей изъ нѣсколькихъ грошей деньгами, мѣрки овса, коровая хлѣба и курицы, на содержаніе старосты. Государство, слѣдуя своимъ традиціямъ, раздавало и здѣсь землю своихъ безконечныхъ старостствъ съ ихъ рѣдкимъ населеніемъ лицамъ высшаго сословія, въ разсчетѣ на организацію обороны и военной службы: въ моментъ Люблинской уніи уже значительная часть старостствъ была роздана въ частныя руки. Но на украинской почвѣ, въ условіяхъ украинской жизни, тѣ зависимыя отношенія подданнаго къ пану, какія должны были создаваться этой раздачей, получали такой видъ. Мужикъ соглашался работать на своего пана три дня въ году или платить вмѣсто работы 6 грошей—и только. Паны, не имѣя, „съ чего имъ прокормиться и одѣться“, присвоивали себѣ подымщину, которая должна была идти на замокъ. Немудрено, что при такихъ обстоятельствахъ мужикъ былъ „богатшій и пышнѣйшій нижли панъ“. Дѣйствительно, украинскій простолюдинъ, по несомнѣнному свидѣтельству документовъ, владѣлъ не только запасами хлѣба и сѣна, стадами коней и рогатаго скота, но и деньгами, богатой одеждой, оружіемъ. Такимъ образомъ, ему не трудно было удѣлять пану или на замокъ то немногое, что онъ удѣлялъ; за то онъ пользовался, въ извѣстной степени, защитою. Никакое же дальнѣйшее посягательство на его свободу, трудъ или имущество не было возможно, такъ какъ, по словамъ пановъ, онъ „добре знаетъ дорогу, которою утекать“.

Конечно, мѣщанинъ со старостою, мужикъ съ паномъ выглядѣли очень своеобразно въ своеобразныхъ условіяхъ украинской жизни. Но все-таки намъ знакомы уже эти фигуры. Традиція перенесла сюда готовыя выработанныя формы и отношенія. Исключительною особенностью Украины является слѣдующее.

Мы уже говорили выше, что если часть населенія Украины селилась въ городахъ и около нихъ, разсчитывая на замокъ и его оборону, то другая

часть—а какая, опредѣлить невозможно—предпочитала жить за свой собственный страхъ и рискъ, по промысловымъ угодьямъ, въ хуторахъ, скрытыхъ отъ татаръ по лѣсамъ и балкамъ. Ничего не получая отъ государства, люди эти не считали себя ничѣмъ ему и обязанными. Это не значитъ, чтобы они выдѣляли себя изъ государства. Конечно, они считали себя подданными своего господаря, но такъ какъ они жили не на земляхъ, фактически притянутыхъ къ замку или находящихся во власти пановъ, то не признавали ни старостинской, ни панской, а, слѣдовательно, и никакой мѣстной власти. Являясь по своимъ дѣламъ въ замокъ или иногда даже и проживая тамъ зимою, они подчинялись нѣкоторымъ обязательствамъ, накладываемымъ на нихъ мѣстной властью и обычаемъ; но тотчасъ сбрасывали ихъ, уходя въ степь, и, вообще, не допускали, чтобы эти обязательства принимали постоянный и прочный характеръ. За ними было какъ бы молчаливо признаваемое право на льготное положеніе, какимъ пользовалась боярская группа: сидя безъ защиты отъ государства въ дикой степи, они жили въ постоянной опасности отъ татаръ и, вѣчно вооруженные, играли тѣмъ самимъ какъ бы роль полевой военной стражи, подстерегали хищниковъ, преслѣдовали ихъ, отбивали награбленное. И не только оборонительную войну вели они съ кочевниками, но и наступательную: татарскій скотъ былъ для нихъ такой же промысловой добычею, какъ рыба и звѣрь ихъ „уходовъ“. Случалось, что въ число добычи попадалъ и купеческій караванъ московскихъ или восточныхъ гостей.

Конечно, такая жизнь требовала организаціи. Государство не давало ея, надо было извлекать ее изъ себя. Это не представлялось затруднительнымъ. Въ понятіяхъ и чувствахъ этихъ людей былъ готовый принципъ такой организаціи, вынесенной ими изъ всей ихъ предшествующей общественной жизни: это былъ братскій союзъ. Братство съ его равенствомъ, взаимопомощью, взаимной отвѣтственностью, совершенно удовлетворяло всѣмъ требованіямъ; оно выбирало себѣ батька „атамана“, и тѣмъ завершалась эта очень простая и вполнѣ цѣлесообразная организація. Такимъ образомъ, эти братскіе союзы, подъ именемъ „купъ“, „ротъ“, „бурсъ“, свободно возникаютъ и распадаются между вольными и подвижными обитателями вольной степи, замѣняя недостатокъ иныхъ общественныхъ связей.

Въ разныхъ частяхъ обширной степной украинской территоріи, неопредѣленно сливающейся съ дикой ногайской степью, эти вольные люди зовутся различно. Существуетъ довольно общее и архаически-звучащее названіе „бродниковъ“, на Заднѣпровьѣ—„севрюки“, на Днѣпрѣ—„черкасы“. Но имѣютъ свою судьбу и слова. Лишь одному термину удалось прирасти къ этой группѣ украинскаго населенія со всѣми ея особенностями, трудно поддающимися точнымъ опредѣленіямъ, и вмѣстѣ съ этой группой вступить на широкую историческую сцену. Терминъ этотъ—козаки *).

*) Слово козакъ заимствовано изъ тюркскихъ языковъ: оно было въ употребленіи у крымскихъ татаръ приблизительно въ томъ же значеніи, какъ и у насъ, и встрѣчается даже въ извѣстномъ половецкомъ словарѣ.

А одной изъ козацкихъ организацій посчастливилось въ благопріятныхъ условіяхъ вырасти въ настоящій своеобразный политическій организмъ: подразумѣваемъ Низовое или Запорожское братство.

Такой видъ имѣла Южная Русь въ моментъ, когда Люблинская унія внесла новый ферментъ страшной силы въ ея если не совсѣмъ правильное, не вполнѣ уравновѣшенное, то все-таки относительно спокойное, мирное теченіе общественной жизни.

Ферментомъ этимъ было, конечно, вліяніе Польши, вторгшееся теперь въ Южную Русь и стремившееся обхватить жизнь ея со всѣхъ сторонъ.

Правда, польскій правовой порядокъ и до Люблинской уніи проводился постепенно въ южно-русскую жизнь путемъ литовскаго законодательства. Такимъ образомъ, Люблинская унія лишь разомъ водворила во всей полнотѣ правовой строй, который и помимо ея водворялся по частямъ. Но если бы ея вліяніе не распространилось единовременно на измѣненіе фактическихъ, жизненныхъ, отношеній, то оно было бы сравнительно ничтожнымъ: правовыя нормы прививаются къ жизни лишь въ мѣру того, какъ подготовляется почва для ихъ усвоенія.

Итакъ, не въ измѣненіи правовыхъ нормъ надо искать главную причину тѣхъ результатовъ, поразительныхъ по силѣ и быстротѣ ихъ наступленія, которыми проявило себя польское вліяніе на южно-русской почвѣ. Дѣло въ томъ, что въ Южную Русь вторглась, вмѣстѣ съ Люблинской уніей, сама польская жизнь.

Южная Русь присоединена была къ Польшѣ подъ именемъ воеводствъ Кіевскаго, Волынскаго и Брацлавскаго; четвертое южно-русское воеводство — воеводство Подольское—уже было польскимъ. Присоединеніе разомъ уничтожило тѣ грани правовыя, экономическія и бытовыя, какими до тѣхъ поръ отдѣлялась Южная Русь отъ Польши. Прежде и ярче всего сказалось это уничтоженіе въ области явленій хозяйственныхъ, экономическихъ. Нагляднымъ выразителемъ той, народившейся вмѣстѣ съ Люблинской уніей, общности хозяйственной жизни Южной Руси и Польши служитъ снесеніе мытныхъ заставъ на всей длинной пограничной линіи, которая отдѣляла до тѣхъ поръ эти территоріи, какъ политически чуждыя другъ другу. Польша, несомнѣнно, стояла въ это время на сравнительно болѣе высокой ступени хозяйственной культуры: развитіе ея городовъ съ ихъ исключительно обрабатывающей промышленностью, большой отпускъ хлѣба и иного сырья черезъ балтійскіе порты наглядно доказываютъ это, — уже не говоря о тѣхъ, хотя и не прямыхъ, но вполнѣ убѣдительныхъ доказательствахъ, какими служатъ статистическія данныя о плотности населенія, отношенія обрабатываемой земли къ необрабатываемой и т. д. Разъ искусственныя перегородки были снесены, польскія хозяйственныя условія должны были обхватить ту часть южно-русской территоріи, гдѣ почва для ихъ воспріятія была подготовлена. Такую подготовленную почву представляли лишь земли стараго заселенія, и между ними на первомъ планѣ, конечно, Волынь.

Хозяйственныя измѣненія на Волынской территоріи наступаютъ быстро и рѣшительно. Прежде всего распространяется волочная помѣра — первый шагъ ко всему дальнѣйшему. Всюду паны стремятся къ тому, чтобы перевести своихъ кметей съ ихъ исконныхъ дворищъ на размѣренные волоки

или ланы, отрѣзая лучшія земли имѣнія подъ экономическую запашку, подъ фольварки. Два-три десятка лѣтъ послѣ уніи, — и волочная помѣра уже перебирается и на Украину, пока еще въ Житомірскій повѣтъ, мѣстность, прилегающую къ Волыни и Кіевскому Полѣсью, но сначала встрѣчаетъ упорное сопротивленіе: „Боже упаси,—говоритъ громада одного панскаго мѣстечка,—чтобы мы стали землю брать волоками и позволили записать себя и свое племя въ реестры; не будемъ мы жить здѣсь, не дадимъ записывать нашихъ именъ и, будучи вольными людьми, не хотимъ жить въ неволѣ“. „Учинивши такое смятеніе, всѣ начали бунтоваться“, говоритъ документъ. Нововведеніе пока было пріостановлено. И, однако, всего двадцать лѣтъ спустя, земли этой территоріи все-таки были перемѣрены. Перевѣсъ фактической силы окончательно склонился на сторону пана.

Перемѣщеніе земледѣльца съ дворища на волоку—мѣра, на первый взглядъ, не имѣющая существеннаго значенія,—на самомъ дѣлѣ, явилось съ характеромъ крупнаго не только хозяйственнаго лишь, но и общественнаго переворота. До тѣхъ поръ право собственности на землю было раздѣлено между паномъ и кметемъ, причемъ перевѣсъ права былъ, вообще говоря, на сторонѣ земледѣльца, а не землевладѣльца: дворище съ его архаическимъ характеромъ, съ выработанной системой права, освященнаго стариной и обычаемъ, охраняло хлопа (мужика) отъ посягательства на него пана. Перемѣщеніе на размѣренную волоку, отрывая земледѣльца отъ его насиженной земли, наглядно демонстрировало тотъ вновь народившійся фактъ, что земля перестала быть собственностью земледѣльца. Еще кое-что изъ старыхъ правъ сохранилось за нимъ и на волокѣ, но равновѣсіе уже было сильно нарушено въ пользу землевладѣльца, и широко расчищенъ путь для дальнѣйшаго ограниченія старыхъ мужицкихъ правъ и вольностей; только теперь, впервые, нарождается настоящее прикрѣпленіе земледѣльца къ землѣ. Рядомъ шло, конечно, и прямое хозяйственное стѣсненіе для земледѣльца, такъ какъ отъ дворищъ отрѣзались тянувшіяся къ нимъ промысловыя угодья и, вообще, уменьшался, иногда очень значительно, размѣръ крестьянскаго земельнаго владѣнія. Нѣкоторыя данныя, приводимыя кн. Любомирскимъ относительно Ратенскаго староства *), позволяютъ предполагать, что земля одного дворища была перемѣрена среднимъ счетомъ на четыре волоки. Вообще, работа кн. Любомирскаго о Ратенскомъ староствѣ даетъ прекрасную иллюстрацію того страшнаго упадка народнаго благосостоянія, которымъ сопровождалось исчезновеніе стараго дворища,—иллюстрацію, на которой тѣмъ удобнѣй остановиться, что кн. Любомирскій, какъ ученый польскій, не можетъ быть заподозрѣнъ въ предубѣжденіи въ пользу старо-русскаго дворищнаго строя и въ пристрастномъ толкованіи того статистическо-экономическаго матеріала, которымъ онъ пользовался. Изображенныя имъ дворища, заключавшія въ себѣ вмѣстѣ съ пашней, и борти, болота, озера и др. угодья, гдѣ на полномъ земельномъ просторѣ хозяйничало, подъ управленіемъ одного главы, нѣсколько родственныхъ семей, къ которымъ присаживались и поло-

*) Смотри его монографію: „Ludnosc rolnicza w Polsce od XVI do XVIII wieku“.

винники изъ лёзныхъ,—хозяйничали сообща, производя раздѣлъ продукта пропорціонально долѣ обрабатываемой земли—такое дворище, конечно, обезпечивало земледѣльцу и независимость и благосостояніе. По собственной раскладкѣ уплачивали дворища владѣльцу дани медомъ, шкурами, ястребами, льномъ или коноплей, деньгами или трудомъ, отвозя ему въ городъ возъ рыбы или меду; въ спорныхъ дѣлахъ обращались къ своему собственному судебному вѣчу. Новые порядки разрушили дворище съ его широкимъ коммунальнымъ хозяйствомъ. Дворище было разбито на волоки, по которымъ были разсажены въ видѣ отдѣльныхъ хозяйствъ семьи, до тѣхъ поръ заключенныя въ дворищной единицѣ: даже половинники извлечены были изъ дворищъ и разсажены на земельные клочки подъ именемъ огородниковъ, коморниковъ и т. п. Конечно, доходы владѣльцевъ, такимъ образомъ, сильно увеличились. Но такое увеличеніе могло быть только временнымъ, такъ какъ экономическая сила отдѣльнаго крестьянскаго хозяйства страшно уменьшилась. Тѣмъ же самымъ размѣщеніемъ земледѣльцевъ по отдѣльнымъ волокамъ и земельнымъ клочкамъ дано было начало и крѣпостному праву. До тѣхъ поръ прикрѣпленъ былъ только глава дворища, прикрѣпленъ въ силу той отвѣтственности за свое дворище передъ государствомъ или владѣльцемъ, которую онъ несъ: всѣ остальные члены дворищной единицы были совершенно свободны. Теперь, исходя изъ того же принципа отвѣтственности, прикрѣплялась къ своимъ волокамъ и клочкамъ вся та масса, которая надѣлялась ими. Государство предлагало теперь этимъ людямъ на выборъ: или прикрѣпляться къ своимъ землямъ или клочкамъ, или уходить; „и они уходили и разложили огонь въ приднѣпровскихъ пустыняхъ, зарево котораго обхватило небо всей Польши". Суровымъ трагизмомъ звучатъ слова Любомирскаго, когда онъ подходитъ къ тому послѣднему часу, который пробилъ для этого вольнаго хозяйства, для вѣчевыхъ судовъ, дворищныхъ общинъ.

Таковы были крайне важныя послѣдствія волочной помѣры самой по себѣ. И все-таки она была только первымъ шагомъ къ дальнѣйшимъ хозяйственнымъ измѣненіямъ. Волочная помѣра влекла за собою отрѣзаніе лучшихъ земель имѣнія подъ фольварки, т.-е. хозяйственные хутора съ экономической запашкой. До сихъ поръ мы видимъ маленькія экономическія запашки лишь при господарскихъ дворахъ и дворцахъ для прокормленія гарнизона замковъ, господарскихъ слугъ и т. п.; владѣльцы получаютъ свои доходы хлѣбомъ, медомъ или иными продуктами крестьянскаго хозяйства, немного трудомъ въ видѣ, напримѣръ, подводъ для передвиженія продуктовъ на рынкахъ или какой-нибудь иной услуги. Это были зачатки барщины, но не барщина: въ настоящей барщинѣ владѣльцы пока еще не нуждались.

Вновь наступившее хозяйственное общеніе съ Польшей вызвало усиленный спросъ на хлѣбъ. Возможность производить хлѣбъ для заграничнаго сбыта открывала передъ владѣльцами новый источникъ доходовъ, крайне соблазнительный по своей доступности: стоило лишь обратить старыя повинности земледѣльца въ барщину, правильную работу на панскомъ фольваркѣ. Барщина появилась и, появившись, тотчасъ же обнаружила чрезвычайную наклонность

Замокъ князей Острожскихъ и башня на Красной горѣ въ г. Острогѣ.

къ росту. Пану было слишкомъ выгодно увеличивать свою запашку, тѣмъ болѣе, что крестьянинъ, повидимому, даже и работалъ на фольваркѣ своимъ инвентаремъ. Трудъ мужика получилъ въ глазахъ пана небывалую цѣнность. Какой-нибудь лишній день или даже полъ-дня барщинной работы представляли такой балансъ на вѣсахъ панскихъ разсчетовъ, что стоило его добиваться, не жалѣя силъ и средствъ. Сломить мужицкое упрямство и приковать мужика къ плугу на панскомъ фольваркѣ сдѣлалось завѣтною цѣлью всѣхъ стремленій волынскаго князя, какъ и всякаго другого южно-русскаго землевладѣльца.

Разрушеніе дворища, съ которымъ вмѣстѣ разсѣялись старое право и обычай, уничтожило первыя преграды на пути панскихъ домогательствъ. Но за этими первыми преградами стояли другія,—пока несокрушимыя, хотя они и имѣли характеръ лишь голаго факта, за которымъ не было никакого права. Этими преградами была близость Украины съ ея неисчерпаемымъ обиліемъ свободныхъ и плодородныхъ земель, куда земледѣлецъ всегда могъ уйти, разъ владѣльческія притязанія превышали мѣру его терпѣнія; могъ легко уйти даже вопреки праву, въ томъ случаѣ, когда онъ уже былъ юридически прикрѣпленъ къ своей волокѣ: преслѣдовать и возвращать бѣглецовъ въ большинствѣ случаевъ было не въ средствахъ пана, а на помощь государства онъ еще не смѣлъ разсчитывать.

Итакъ, препятствія къ дальнѣйшему порабощенію крестьянина уже заключались не въ правовыхъ, а въ фактическихъ отношеніяхъ, въ условіяхъ жизни. Надо было терпѣливо ждать перемѣнъ съ этой стороны.

А перемѣны уже наступали; послѣдствія Люблинской уніи отражались и на Украинѣ, хотя и иначе чѣмъ на территоріи стараго заселенія.

Конечно, на настоящей Украинѣ пока не могло быть и рѣчи ни о волочной помѣрѣ, ни о фольварочной системѣ. Здѣсь происходило нѣчто иное, что, въ концѣ концовъ, должно было привести къ тому же окончательному результату.

Польша, съ своими понятіями о государственномъ хозяйствѣ, не могла примириться съ тѣмъ положеніемъ вещей, какое она застала на Украинѣ. Громадныя плодороднѣйшія пустыни, предоставленныя вольному захвату, который совершенно игнорировалъ государственное тягло—конечно, такой порядокъ казался варварскимъ культурнымъ руководителямъ польской политики. Выходъ изъ положенія подсказывался всѣмъ польскимъ строемъ и традиціями: необходимо было раздать эти пустыни магнатамъ, располагающимъ достаточными средствами, чтобы организовать защиту и водворить зачатки культурной жизни. И вотъ, какъ продолженіе литовской политики щедрыхъ Ягелловъ, которые раздавали направо и налѣво населенныя земли, начинается раздача польскими королями и сеймами украинскихъ пустынь или тѣмъ же южно-русскимъ князьямъ или польскимъ магнатамъ. Въ Поднѣпровьѣ и Заднѣпровьѣ, т.-е. въ воеводствѣ Кіевскомъ, водворяются по преимуществу паны волынскіе, которые проникали сюда и до уніи,—князья Острожскіе, Заславскіе, Зборажскіе, Корецкіе, Рожинскіе, Пронскіе, Чарторыйскіе, Вишневецкіе,—послѣдніе получають, между прочимъ, „пустыню рѣки Сулы". На Побужье, т.-е. въ воеводство Брацлавское, перебираются съ Подолья польскіе магнаты въ лицѣ Язло-

вецкихъ, Замойскихъ, Сѣнявскихъ, Струсей, Потоцкихъ, Яблоновскихъ, Конецпольскихъ, Калиновскихъ, получившихъ „пустыню Умань".

Такимъ образомъ, вольные владѣльцы хуторовъ, пасѣкъ, рыбныхъ, звѣриныхъ и пчелиныхъ уходовъ вдругъ получили господъ. Конечно, господа эти до-поры-до-времени не предпринимали никакихъ наступательныхъ дѣйствій противъ самозванцевъ, хозяйничающихъ на ихъ законныхъ собственныхъ земляхъ,—не въ ихъ интересахъ и возможностяхъ было такое наступленіе: но будущее не трудно было предвидѣть. Пока новые владѣльцы устраивали, по мѣрѣ силъ и возможности, замки и замочки и сзывали населеніе, обѣщая ему охрану и льготы на десятки лѣтъ отъ какихъ бы то ни было повинностей. Если мы вспомнимъ о положеніи дѣлъ на сосѣднихъ земляхъ стараго заселенія, то легко поймемъ, что желанные люди находились. Колонизація Украины русскимъ населеніемъ шла столь же дѣятельно и въ новыхъ условіяхъ, если еще не дѣятельнѣе.

Въ то же время на Украинѣ происходило и еще одно явленіе, внесшее свою долю вліянія въ послѣдующія событія. Это былъ большой притокъ сюда мелкаго польскаго шляхетства. Люблинская унія раскрыла настежъ двери польской иммиграціи, которая до тѣхъ поръ была такъ сильно стѣснена литовскимъ государственнымъ правомъ, что почти отсутствовала. Черезъ раскрытыя двери, за которыми такъ соблазнительно виднѣлась прекрасная Украина со всей роскошью ея природы и безграничнымъ земельнымъ просторомъ, хлынулъ сюда польскій „naròd". Но это не были кмети; кметь былъ уже такъ хорошо прикрѣпленъ къ своему лану, что ему было не по силамъ порвать привязь. Маленькіе слѣды демократическаго польскаго элемента на Украинѣ видимъ мы въ мазурахъ, которые занимаются „будами" *), и въ польскомъ жолнерѣ. Хлынула шляхта, малоземельная или совсѣмъ безземельная,—люди, надѣленные всей полнотой правъ, но имѣвшіе слишкомъ мало рессурсовъ для осуществленія этихъ правъ. Для болѣе энергической части этого люда Украина явилась обѣтованной землей, которая сулила осуществленіе всего, въ чемъ отказывала родина. И шляхта шла. Панскіе дворы, замки и замочки всюду открывали ей гостепріимный пріютъ; а затѣмъ такому шляхтичу на Украинѣ очень немного надо было средствъ, чтобы сѣсть и на землю, хотя бы сначала въ видѣ земледѣльца, но съ радужною надеждою впереди залучить себѣ кметя и такимъ образомъ превратиться въ землевладѣльца.

Вотъ тѣ первые шаги, которые сдѣлала Южная Русь по пути претворенія въ польское государственное тѣло. Высшая матеріальная культура, которою обладала Польша, неотразимо влекла за собою инкорпорированную Русь. И между тѣмъ претвореніе все-таки оказалось невозможнымъ. Русь противопоставила себя Польшѣ, какъ представительница иной духовной культуры, не только не расположенной отрекаться отъ себя въ пользу культуры чуждой, но и требующей къ себѣ извѣстнаго уваженія. Латинское христіанство столкнулось на нашей территоріи съ христіанствомъ греческимъ. Возникшая - было попытка, въ лицѣ уніи, примирить эти два враждебно противопоставленныхъ исторіей

*) Буда—поташный заводъ.

религіозно культурныхъ начала лишь ускорила ту страшную соціальную катастрофу, жертвой которой сдѣлалась Южная Русь.

Но мы все-таки не поймемъ событій, если не обратимъ вниманія на то крайне напряженное состояніе религіозныхъ чувствъ и мыслей, которое мы наблюдаемъ въ южно-русскомъ обществѣ вслѣдъ за инкорпораціей, и не уяснимъ себѣ, въ чемъ заключается его источникъ.

Раскрывъ настежь ворота вліянію Польши вообще, Люблинская унія раскрыла ихъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и тому острому вѣтру религіознаго свободомыслія, который дулъ съ запада и уже успѣлъ въ самое короткое время расшатать въ Польшѣ ея старые католическіе устои. Польша въ половинѣ XVI ст. готова была сдѣлаться страной протестантской. Броженіе религіозной мысли проникло и въ Южную Русь. Зараза свободомыслія распространялась среди подольскихъ пановъ, князей Волыни, проникая и на Украину: „множество православныхъ дворянъ охотно ринулось въ пространный и широкій путь", „сирѣчь въ пропасть ереси люторскія и другихъ различныхъ сектъ", какъ выражается извѣстный московскій изгнанникъ, князь Курбскій, пріютившійся на Волыни, о своихъ новыхъ землякахъ. Одинъ панъ за другимъ отпадалъ въ то или иное разновѣріе; какъ на непоколебимыя опоры православія, въ это время всеобщаго броженія умовъ, современники указываютъ лишь на два крупныхъ магнатскихъ рода: Острожскихъ и Вишневецкихъ. Изъ различныхъ сектъ, на первыхъ порахъ, большимъ успѣхомъ пользовался въ средѣ южно-русскаго дворянства кальвинизмъ: сначала Олыка на Волыни, затѣмъ Паніовцы на Подольѣ были центральными пунктами для южно-русскихъ шляхетскихъ послѣдователей Кальвина. Возбужденная, но не привыкшая къ умственной дисциплинѣ, мысль южно-русскаго человѣка того времени свободно переходила къ крайностямъ. Скоро на смѣну кальвинизму явилось антитринитаріанство, считавшее своимъ родоначальникомъ сожженнаго Кальвиномъ Сервета, и легко вытѣснило своего предшественника почти отовсюду. Съ своимъ отрицаніемъ Св. Троицы, божественности Христа, благодати, предопредѣленія — это ученіе даже и не вмѣщалось въ рамки религіи христіанской. Оно явилось съ того же запада; но на территоріи Южной Руси столкнулось съ очень родственнымъ ему направленіемъ религіозной мысли, проникшимъ сюда съ противоположной стороны, изъ Московской Руси. Здѣсь въ половинѣ XVI вѣка снова ожила-было ересь жидовствующихъ въ ученіи Ѳеодосія Косаго, Матвѣя Башкина и др., и нашла себѣ въ свободолюбивомъ и терпимомъ Литовско-Русскомъ государствѣ тотъ пріютъ, какого она не могла найти на родинѣ. Приверженцы Ѳеодосія Косаго и его товарища Игнатія имѣли одно время большой успѣхъ на Волыни и сосѣднемъ Кіевскомъ Полѣсьѣ. Но грубая оболочка, въ которой являлось ученіе Косаго, и соціальные выводы, какіе онъ дѣлалъ изъ своихъ религіозныхъ положеній, вѣроятно, не пришлись по душѣ шляхетству: вмѣстѣ съ извѣстными религіозными догматами, онъ отрицалъ и данный общественный порядокъ съ государственнымъ строемъ, войной, властями и податями, классовымъ дѣленіемъ людей. Какъ бы то ни было, ученіе Ѳеодосія уступаетъ мѣсто менѣе крайнему направленію того же религіознаго раціонализма. Въ Южной

Руси водворяется ученіе Фавста Социна, извѣстное подъ названіемъ соціанства или аріанства. Аріане окончательно овладѣваютъ положеніемъ и удерживаютъ его за собою до тѣхъ поръ, пока ихъ не смыла, уже къ половинѣ слѣдующаго вѣка, все возраставшая тѣмъ временемъ и крѣпчавшая волна католической реакціи: послѣдняго виднаго представителя южно-русскаго аріанства Юрія Немирича мы находимъ уже у Хмельницкаго въ его козацкомъ лагерѣ. Изъ нѣдръ католицизма, взволнованнаго до-дна реформаціоннымъ броженіемъ, выдвинулись новые борцы за римскую церковь небывалой силы и значенія—іезуиты. Въ годъ Люблинской уніи они водворяются въ Вильнѣ, а вслѣдъ затѣмъ появляются и въ Южной Руси, при панскихъ дворахъ, какъ ученые и интересные собесѣдники взрослыхъ, жаждавшихъ поученія, какъ искусные воспитатели подраставшаго поколѣнія: эти ловцы душъ, пользовавшіеся всякимъ случаемъ, чтобы подготовлять почву для будущихъ католическихъ всходовъ, вносили свою немалую долю въ то общее религіозное броженіе умовъ, какое овладѣло православнымъ южно-русскимъ обществомъ.

„Южно-русскимъ обществомъ", сказали мы,—слѣдовало бы точнѣе сказать: „южно-русскимъ панствомъ". Броженіе умовъ не затрогивало народную массу: она оставалась православной. Правда, польское право предоставило теперь дворянству власть и надъ совѣстью своихъ подданныхъ: cujus regio, hujus religio (чья власть, того и вѣра). Конечно, это право не вмѣщало въ себѣ больше того, что панъ иновѣрецъ могъ обратить на территоріи своихъ владѣній православные храмы въ католическіе костелы или аріанскіе молитвенные дома; но вѣдь и этого было болѣе чѣмъ достаточно. Пока, т.-е. во 2-й половинѣ XVI вѣка, паны не злоупотребляли своей властью по причинамъ, указаннымъ выше; если и встрѣчаются отдѣльные случаи панскихъ увлеченій въ этомъ направленіи, то въ общемъ масса сельскаго населенія все-таки оставалась неприкосновенной, со своимъ невѣжественнымъ, выдвинутымъ ею изъ своей же среды „благочестивымъ попомъ", который не могъ вести свое духовное стадо впередъ, такъ какъ самъ ничего не видѣлъ впереди.

Но иначе было съ населеніемъ городовъ,—конечно, не тѣхъ украинскихъ городковъ-крѣпостей, которые возникали лишь въ цѣляхъ защиты, а старыхъ городовъ, какіе все-таки были и на южно-русской территоріи—напримѣръ: Кіевъ, Луцкъ, Владиміръ, Львовъ. Мѣщанство этихъ городовъ, жившее, такъ сказать, на большихъ дорогахъ и поддерживавшее торгово-промышленныя связи съ мѣщанствомъ иныхъ территорій, своихъ и чужихъ, было гораздо воспріимчивѣе ко всякимъ вѣяніямъ, чѣмъ сельское населеніе, замкнутое въ глуши своихъ поселковъ. Но вѣянія эти отразились на немъ иначе, чѣмъ на дворянствѣ. Мѣщанство оказалось болѣе устойчивымъ, менѣе падкимъ на новинки; но это была именно устойчивость, а не косность. Возбужденіе умовъ направилось здѣсь не на усвоеніе новаго, а на пересмотръ, критику и новое обоснованіе стараго. Яснѣе стали старыя язвы, и острѣе почувствовалась потребность въ ихъ исцѣленіи. Просвѣтительная дѣятельность, на которую такъ энергично напирала реформація, и за которую ухватились теперь іезуиты, явилась и для православной среды неотложной необходимостью. Типографское искус-

ство быстро распространялось по городамъ и панскимъ имѣніямъ. Около православныхъ типографій сбирались кружки горячихъ приверженцевъ православія, сосредоточивавшихъ всѣ свои помыслы на томъ, чтобы обогатить свою вѣру всѣмъ, чѣмъ были богаты вѣры запада. На встрѣчу просвѣтительнымъ стремленіямъ, которыя исходили отъ горячихъ душъ и энергическихъ умовъ отдѣльныхъ единицъ, шла дѣятельная помощь со стороны братствъ, цеховыхъ и церковныхъ, которыя возникли раньше въ разнообразныхъ интересахъ взаимопомощи и общественной нужды, а теперь единодушно готовы были направить свои силы и средства на то, чтобы поднять православіе въ уровень съ требованіемъ времени. Это движеніе отклонилось отъ своего первоначальнаго направленія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, проявило необычайное напряженіе и остроту, послѣ того какъ снова выдвинулась мысль о соединеніи церквей и приведена къ осуществленію двумя-тремя представителями высшей православной церковной іерархіи, которые имѣли скрытую, но сильную опору частью въ своихъ православныхъ единомышленникахъ, частью въ іезуитахъ и ихъ сторонникахъ.

Сама по себѣ мысль религіозной уніи, въ эпоху такого сильнаго броженія умовъ, представлялась довольно естественной. Съ одной стороны, религіозная мысль уже была сдвинута съ своихъ традиціонныхъ устоевъ; съ другой, всѣмъ, кого возмущалъ такой разбродъ религіозныхъ убѣжденій, должна была казаться соблазнительной попытка положить предѣлъ этому разброду умиротвореніемъ тѣхъ двухъ главнѣйшихъ религіозныхъ разногласій, которыя раздѣлили Польско-Литовское государство на два враждебныхъ стана. Стефанъ Баторій *), человѣкъ свободомыслящій въ полномъ смыслѣ этого слова, готовъ былъ не только поддерживать церковную унію, но и самихъ іезуитовъ, цѣня въ нихъ дѣятельное орудіе въ достиженіи желаемаго государственнаго и общественнаго объединенія. Такой завѣдомый столпъ и опора православія, какъ князь Василій-Константинъ Острожскій, серьезно думалъ о соединеніи церквей. Сильно выдающійся надъ уровнемъ своихъ православныхъ современниковъ по уму, образованію и талантливости — Мелетій Смотрицкій, послѣ долгихъ поисковъ за истиной, пришелъ, въ концѣ концовъ, къ оправданію уніи.

Но очевидно, что въ концѣ XVI вѣка почва для такой крупной реформы, какъ подчиненіе православія папскому престолу, далеко еще не была подготовлена. Религіозная унія, такъ называемая Брестская (1596 г.), явилась въ глазахъ массы православныхъ ея современниковъ какъ результатъ личныхъ, своекорыстныхъ усилій православныхъ архіереевъ, слишкомъ мало заинтересованныхъ въ православіи самомъ по себѣ. Главные иниціаторы дѣла, владимірскій епископъ, непосредственно передъ тѣмъ брестскій каштелянъ Ипатій Потѣй, ученикъ кальвинистовъ, затѣмъ то католикъ, то православный, и луцкій епископъ Кириллъ Терлецкій, имя котораго украшаетъ собою множество страницъ тогдашней судебной хроники, иногда и очень скандальной,—тотъ и другой люди несомнѣнно умные и энергическіе,—внушали мало довѣрія къ чистотѣ

*) Сигизмундъ-Августъ, послѣдній изъ Ягеллоновъ, ум. въ 1572 г.; послѣ одинадцатимѣсячнаго правленія Генриха Валуа вступилъ на престолъ Стефанъ Баторій (1575—1586 г.).

своихъ стремленій. Не больше тяжести на вѣсахъ общественнаго уваженія представляли собой и другія лица высшей православной іерархіи, примкнувшія къ уніи. Было ясно, что влекло ихъ къ нововведенію. Имъ была слишкомъ тяжела и обидна зависимость отъ мірянъ въ виду высокаго и вполнѣ независимаго положенія духовенства католическаго. Церковныя братства, движимыя подъемомъ религіознаго духа и, по справедливости, считая себя представителями „міра“, все болѣе и болѣе присвоивали себѣ контроль надъ дѣйствіями не только низшаго, но и высшаго духовенства; ихъ поддерживало въ этомъ отношеніи не только общественное мнѣніе православной среды, но и авторитетъ константинопольскихъ патріарховъ. Такимъ образомъ, епископъ, глава мѣстной церкви, панъ и крупный землевладѣлецъ, по соціальному своему положенію, былъ въ зависимости отъ простыхъ хлоповъ, шевцовъ, сѣдельниковъ и кожемякъ. Конечно, эта зависимость не сейчасъ народилась на свѣтъ Божій, а была всегдашней принадлежностью западно-русской церкви съ ея выборными порядками и активнымъ участіемъ мірянъ въ церковныхъ дѣлахъ, но только теперь, впервые, всѣ эти шевцы и кожемяки воспользовались своимъ правомъ указывать грѣшнымъ епископамъ на ихъ уклоненія отъ прямыхъ путей, предписываемыхъ закономъ. Въ то же время іезуитъ Скарга такъ блестяще и убѣдительно доказывалъ, что епископъ есть прямой и непогрѣшимый посредникъ между Богомъ и людьми, за которымъ свѣтскіе люди должны слѣдовать какъ овцы за пастыремъ, всецѣло вручая ему дѣла своего спасенія, и, конечно, не допуская даже отдаленной мысли о контролѣ или критикѣ. Разумѣется, не безъ вліянія на шаткую совѣсть всѣхъ этихъ Рагозъ, Потѣевъ Терлецкихъ оставалась и перспектива земныхъ благъ, связанныхъ съ благосклонностью правительства, и того политическаго вліянія, какимъ широко пользовалось духовенство римскаго обряда.

Знаменитый Брестскій соборъ, къ которому обыкновенно пріурочивается начало уніи, въ своей общей картинѣ прекрасно отразилъ то, какъ стояло дѣло уніи въ сознаніи и настроеніяхъ тогдашняго южно-русскаго общества. Никакого единаго собора не было вовсе; сторонники и противники уніи собирались и совѣщались отдѣльно. Число сторонниковъ уніи было ничтожно. Но на собраніе православныхъ, кромѣ духовенства, явилась масса лицъ изъ дворянства, депутатовъ и пословъ отъ отдѣльныхъ воеводствъ и повѣтовъ, отъ городовъ, представители церковныхъ братствъ. Изъ духовенства оказались на собраніи православныхъ не только священники и монахи, но и два епископа, въ томъ числѣ и львовскій Гедеонъ Балабанъ, который раньше, несомнѣнно, стоялъ на сторонѣ уніи: очевидно, массовое настроеніе православной среды, враждебное уніи, отразилось и на духовенствѣ.

Собраніе сторонниковъ уніи провозгласило состоявшимся соединеніе церквей; собраніе противниковъ, гораздо болѣе многочисленное, выразило самое полное и рѣшительное отрицаніе яко бы состоявшагося соединенія, такъ какъ, по его мнѣнію, соединеніе, не имѣвшее за собой ни одобренія константинопольскаго патріархата, ни согласія народа, лишено какого бы то ни было значенія. Оба собора отлучили взаимно другъ друга отъ церкви—и разошлись.

Такимъ образомъ, въ лонѣ западно-русской православной церкви произошелъ расколъ. Польское правительство, естественно, признало уніатскую партію представительницей оффиціальной православной церкви и передало въ ея распоряженіе всѣ церковныя имущества, которыми располагало, но у пастырей уніатскихъ не было паствы, а ихъ богатые монастыри стояли запертыми, такъ какъ въ нихъ не было монаховъ. Православные остались безъ высшей церковной іерархіи, слѣдовательно, съ дезорганизованной церковью, не способною удовлетворять духовныхъ потребностей своей паствы: но вся народная масса и православное дворянство остались вѣрны этой церкви, и въ одномъ Кіево-Печерскомъ монастырѣ, который удалось отстоять православнымъ отъ захвата со стороны уніатовъ, насчитывалось до восьмисотъ монаховъ. Очевидно, проведенная на Брестскомъ соборѣ религіозная реформа была несвоевременна и болѣе чѣмъ неудачна. Проницательные люди даже католической партіи понимали это; сами папскіе нунціи, въ своихъ донесеніяхъ римской куріи, представляли положеніе дѣлъ въ очень мрачныхъ краскахъ и видимо не возлагали никакихъ надеждъ на унію.

А, между тѣмъ, православіе, лишенное своего митрополита и епископовъ, государственнаго покровительства, богатыхъ имуществъ, развернуло теперь особенную энергію: точно все, чего оно лишилось, было лишь негоднымъ наростомъ, истощавшимъ его силы, и горячее нравственное убѣжденіе, оставшееся теперь его единственной опорой, подняло уровень православной среды южно-русскаго общества на небывалую высоту.

Прежде всего всѣ православные отозвались на происшедшее энергическимъ и единодушнымъ протестомъ въ тѣхъ легальныхъ предѣлахъ, какіе допускались ихъ сословнымъ положеніемъ. Мѣщане и церковныя братства вносили свои протестаціи противъ незаконныхъ дѣйствій сторонниковъ уніи въ судебныя актовыя книги. Дворяне, какъ представители сословія, пользовавшагося полнотой политическихъ правъ, заявляли свои требованія объ уничтоженіи уніи и возстановленіи православія на провинціальныхъ сеймикахъ и на генеральныхъ сеймахъ. Они вступали въ соглашеніе съ протестантскимъ дворянствомъ, чтобы сообща отстаивать свое дѣло. Но пока во главѣ польскаго правительства стоялъ фанатически настроенный Сигизмундъ III (1587—1632 г.), трудно было добиться чего-нибудь: онъ тотчасъ старался взять назадъ вынужденную обстоятельствами уступку. Однако, вопросъ о диссидентахъ составлялъ одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ внутренней польской политики, какъ во все его царствованіе, такъ и въ царствованіе сына его Владислава IV, пока Хмельнищина не дала крутой поворотъ и польской и южно-русской исторіи.

Но не здѣсь—не въ политическихъ усиліяхъ южно-русскаго православнаго дворянства, ряды котораго, тѣмъ временемъ, все рѣдѣли подъ воздѣйствіемъ католическо-іезуитской пропаганды, проявился тотъ духовный подъемъ православной среды, на который мы только-что указали. Стихіей этого подъема были братства.

Расширеніе дѣятельности братскихъ союзовъ относится еще ко времени до уніи. Общее возбужденіе умовъ, охватившее южно-русское общество со вто-

рой половины XVI вѣка, отразилось и на скромныхъ братскихъ организацiяхъ съ ихъ канунами и пирами, медами, свѣчами и похоронными обрядами. Львовское братство, еще лѣтъ за десять до унiи, распространило свою дѣятельность далеко за первоначальные узкiе и мѣстные предѣлы, религiозные и благотворительные. Но только послѣ унiи всюду, не только по большимъ и малымъ городамъ или мѣстечкамъ, появляются братства съ инымъ несравненно болѣе широкимъ кругозоромъ задачъ. Просвѣтительная дѣятельность въ видахъ поднятiя и укрѣпленiя православiя—типографiя и книга, школа и проповѣдь,—вотъ та цѣль, какую ставятъ себѣ теперь братства: само собой разумѣется, что они же несли цѣликомъ на своихъ плечахъ всѣ попеченiя о православной церкви, оставленной безъ всякаго содѣйствiя со стороны государства. Вся территорiя покрылась густой сѣтью этихъ церковныхъ братствъ, которыя захватывали въ свои союзы и населенiе сельское. Они поддерживали постоянныя сношенiя другъ съ другомъ и стояли въ извѣстномъ подчиненiи по отношенiю къ братствамъ большихъ городовъ „старшимъ", которыя получали это право старшинства отъ восточныхъ патрiарховъ. Расширивши свою дѣятельность въ смыслѣ задачъ, братства, естественно, стремились ее расширить и въ смыслѣ средствъ. Первоначальный, узко-корпоративный характеръ организацiи не годился для новой постановки дѣла. Братства стали привлекать, въ качествѣ своихъ членовъ, лицъ иныхъ сословiй внѣ ремесленнаго мѣщанства. Православная часть южно-русскаго дворянства охотно вступала въ члены братскихъ организацiй на правахъ старшихъ братчиковъ. Такимъ образомъ, не только увеличивались матерiальныя средства братскихъ союзовъ обязательными и необязательными взносами людей богатыхъ, но—что было еще важнѣе—братства черезъ своихъ старшихъ пановъ-братiй получали политическiй вѣсъ, какого они были совсѣмъ лишены въ своемъ первоначальномъ мѣщанскомъ составѣ. „Мы (дворяне) въ городѣ вообще не живемъ и по отдаленности не часто бываемъ, а потому поручаемъ надзоръ и возлагаемъ труды на младшихъ пановъ-братiй нашихъ съ тѣмъ, чтобы они во всемъ ссылались на насъ, яко на старшихъ, и мы, яко старшiе младшимъ, должны имъ помогать, за нихъ заступаться на каждомъ мѣстѣ и во всякомъ дѣлѣ",—такъ гласитъ одинъ договоръ волынскихъ пановъ съ своими мѣщанскими собратьями. Даже наикрупнѣйшiе православные магнаты, какъ Острожскiе и Вишневецкiе, не брезгали собратствомъ съ кожемяками, пекарями, воскобойниками, шевцами: таково было настроенiе момента.

Во всѣхъ большихъ братствахъ, т.-е. братствахъ крупныхъ городовъ, находились люди энергическiе, умные, образованные, которые становились во главѣ мѣстной дѣятельности. Они обыкновенно группировались около типографiй; типографскiй станокъ, всего какихъ-нибудь полвѣка назадъ появившiйся на нашей территорiи, завоевалъ себѣ не только полнѣйшее признанiе, но и фанатическую преданность. Два православныхъ магната, Ходкевичъ и Острожскiй, внесли свою не малую долю участiя въ то, чтобы привить у насъ книгопечатное искусство; но, конечно, лишь братства дали ему такое широкое распространенiе. Сначала книжная дѣятельность направлялась исключительно на изданiе необходимыхъ церковныхъ книгъ, списки которыхъ были испор-

чены, большей частью, невѣжествомъ, а случалось и злымъ умысломъ переписчиковъ: разновѣрія пользовались этимъ средствомъ, чтобы проложить себѣ путь въ сознаніе православной массы. Изданіе библіи Острожской типографіей 1581 г. занимаетъ первое мѣсто въ ряду многихъ трудовъ этой категоріи. Стали появляться переводы тѣхъ богословскихъ книгъ, которыя до тѣхъ поръ совсѣмъ не были извѣстны православному русскому міру—кн. Курбскій много поработалъ надъ переводами твореній святыхъ отцовъ. Но только унія дала толчекъ самостоятельной литературно-научной дѣятельности какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и братскихъ кружковъ.

Религіозная унія вызвала въ православной средѣ горячую потребность отстаивать правоту своего дѣла тѣми новыми средствами, какія были до тѣхъ поръ почти недоступны, путемъ гласности, обращенія къ общественному мнѣнію. Всѣ типографскіе станки, находившіеся въ распоряженіи православныхъ, работали надъ тѣмъ, чтобы распространять новые и новые аргументы въ опроверженіе уніи и латинства, въ защиту православія. Появилась цѣлая полемическая литература, многія произведенія которой дошли и до насъ. Между ними первое мѣсто, несомнѣнно, занимаетъ „Апокрисисъ“, авторъ котораго (псевдонимъ Христофоръ Бронскій, подлинное имя неизвѣстно) съ замѣчательнымъ искусствомъ доказываетъ права мірянъ на участіе въ дѣлахъ церкви и вѣры. Противники также не оставались въ долгу: іезуитъ Скарга выступилъ самымъ рьянымъ оппонентомъ со стороны противной партіи. Въ увлеченіи борьбой по пути захватывались и иные вопросы, не имѣющіе прямой связи съ вопросами вѣры, какъ, напримѣръ, вопросъ о языкѣ. „Еще не было на свѣтѣ академіи,—съ язвительностью писалъ Скарга,—гдѣ бы философія, богословіе, логика и другія свободныя науки преподавались по-славянски. Съ такимъ языкомъ нельзя сдѣлаться ученымъ. На этомъ языкѣ нѣтъ ни грамматики, ни риторики, да и быть не можетъ. Вотъ откуда и невѣжество и заблужденіе“... На это православные могли отвѣтить только грамматикой,—и они отвѣчали: одна за другой появляется на свѣтъ сначала грамматика Зизанія, затѣмъ Мелетія Смотрицкаго. Но болѣе образованные и понимающіе изъ православной среды не могли не чувствовать, какъ скудна стихія славянскаго языка по сравненію съ стихіей языка латинскаго, какъ слаба ея связь съ сокровищницей широкаго общечеловѣческаго знанія. Ясно, что нужна была помощь языка высшей культуры, какимъ для православія могъ быть языкъ греческій; слѣдовательно, нужна школа, и не школа лишь простой грамотности, какая и заводилась всюду при братствахъ, а школа высшая, съ греческимъ языкомъ и извѣстнымъ, хотя бы неполнымъ, цикломъ „свободныхъ наукъ“.

Братства большихъ городовъ начинаютъ устраивать высшія школы въ параллель тѣмъ латинскимъ школамъ, которыя при всякой возможности устраивали іезуиты. На южно-русской территоріи мы видимъ такія высшія школы въ Львовѣ, Луцкѣ, Острогѣ, Кіевѣ. Кіевская школа нѣсколько позже достигла значенія центральнаго просвѣтительнаго пункта для всей православной Южной Руси.

Въ массѣ православныхъ людей, которыхъ выдвинули теперь обстоятельства на арену общественной дѣятельности, конечно, встрѣчаются личности

выдающихся душевныхъ свойствъ. Но всѣхъ заслоняетъ собою величавая фигура Іоанна Вишенскаго, эта до сихъ поръ такъ слабо освѣщенная наукой, истинно-библейская фигура монаха, который съ отдаленнаго Аѳона металъ настоящіе громы, направленные противъ золъ, истощавшихъ силы его страстно любимой родины—Южной Руси. Только истинный и глубокій талантъ, соединенный съ цѣльной и горячей вѣрой, могъ сообщить ему, этому загадочному монаху, прозорливость, съ какой онъ въ столь неудобной смѣшанной стихіи мертваго славянскаго и живого простонароднаго, не выработаннаго слова отыскалъ тѣ звуки, какими онъ умѣлъ жечь сердца своихъ православныхъ русскихъ современниковъ. Трудно передать впечатлѣніе потрясающей силы убѣжденія, какою звучатъ его рѣчи; но зато очень легко представить себѣ, какъ онѣ должны были дѣйствовать на умы тѣхъ, къ кому онѣ обращались. Въ его письмахъ съ Аѳонской горы проходятъ предъ нами въ яркихъ чертахъ, полныхъ жизни и выраженія, ничтожныя и уродливыя личности епископовъ, предавшихъ православіе, легкомысленное панство съ его щегольствомъ и лакомствомъ, съ жаждой легкихъ удовольствій, „римлянинъ", гордый своей наукой и свѣтскою полировкой. Все это осыпается градомъ ѣдкихъ сарказмовъ. Іоаннъ Вишенскій понималъ,—а, можетъ-быть, лишь остро чувствовалъ,—что его православная родина раскололась безповоротно на двѣ части, и что верхняя ея часть если и держится еще внѣшнимъ образомъ старыхъ традицій, то внутренними условіями своего существованія уже повернулась къ латинскому западу, окончательно завоевавшему ее блескомъ и соблазнами своей культуры. Всѣ симпатіи Іоанна Вишенскаго лежатъ на сторонѣ тѣхъ, которые „изъ одной мисочки борщикъ хлебаютъ, простой свитой покрываются и сами себѣ паны и слуги суть". Но настоящую опору всѣмъ, что было ему дорого, онъ видѣлъ не въ бѣдныхъ подданныхъ, у которыхъ „паны волочатъ дани пѣняжныя, дани пота и труда, которыхъ живо лупятъ, обнажаютъ, мучатъ, томятъ, до рѣчныхъ судовъ безвременно зимой и лѣтомъ въ непогодное время гонятъ, которые день и ночь трудятъ на проклятыхъ фольваркахъ". За этихъ людей Іоаннъ Вишенскій, очевидно, болѣлъ своей горячей душой. Но опору онъ могъ видѣть лишь въ тѣхъ городскихъ братчикахъ, которыхъ владыки, вмѣстѣ съ прочимъ шляхетствомъ, „подлѣйшими отъ себе чинячи, уничтожали и ни за что быть вмѣняли, хлопами, кожемяками, сѣдельниками, шевцами на поруганіе прозывали"... Это презрѣніе глубоко возмущало демократическую натуру Іоанна. „Пытаю тебе,—взываетъ онъ къ пану,—чимъ ты лѣпшій отъ хлопа? Албо ты не хлопъ такій же, скажи мнѣ, албо ты не тая же матерія, глина и персть, ознайми ми; албо ты не тое тѣло и кровь или ачей (неужели) ты отъ каменя утесанъ?.. А егда показати не можешь, яко ты каменный, костяный или наветь и золотый, только такій же гной, и тѣло, и кровь, яко и всякъ человѣкъ, чимъ же ты ся лѣпшимъ показати можеши надъ хлопомъ"?

Очевидно, нашъ аѳонитъ принадлежалъ къ числу тѣхъ, кому не надо было доказывать демократическихъ идей, такъ какъ онъ носилъ ихъ въ своей крови и нервахъ. Паны, которые „въ златоглавыхъ подушкахъ и китайчаныхъ пелюхахъ родятся", съ ихъ „сластолюбивымъ чревомъ, потравами богато-утво-

ренными, трапезами сребро-полумисными", возмущали его не только тѣмъ, что „лежачи и сидячи, смѣючися и играючи, пожирали трудъ и потъ кровный своихъ подданныхъ", не только величаніемъ гордости и презрѣніемъ ко всему ниже ихъ стоящему на общественной лѣстницѣ: не менѣе дика и противна была ему та легкость, съ какой они мѣняли свои убѣжденія, переходя отъ одной вѣры къ другой. „Овъ бо зовется папежникъ; овъ зась нынѣ зъ евангелія вылѣзъ—евангелиста; овъ зась недавно выкрещенъ (анабаптистъ); овъ зась субботникъ (жидовствующій)",—съ презрѣніемъ отзывается онъ о панскихъ разновѣріяхъ.

Его страстная натура, проникнутая такъ глубоко православными и, вмѣстѣ съ тѣмъ, демократическими взглядами, увлекала его дальше той цѣли, какую онъ долженъ былъ себѣ ставить. Онъ желалъ поднять и укрѣпить православіе среди своихъ земляковъ; для этого необходимо было распространеніе грамотности, книги, школы: онъ хорошо понималъ это, какъ и другіе его современники. Но на этомъ просвѣтительномъ пути православныхъ со всѣхъ сторонъ подстерегали соблазны латинства „съ поганскими науками", „съ Аристотелями, Платонами и другими тимъ подобными машкарниками". Вѣроятно, изъ южно-русскихъ современниковъ Іоанна Вишенскаго далеко не онъ одинъ останавливался въ тяжеломъ раздумьѣ передъ этой дилеммой. Онъ рѣшилъ ее сообразно требованіямъ своей цѣльной натуры: онъ цѣликомъ отвернулся отъ „поганскихъ дискаловъ", отъ ихъ философскаго ученія „съ ихъ хитродіалектическими силлогизмами и прочими злоковарными прелестями". Жизнь не пошла за нимъ въ этомъ направленіи. Другіе его современники, и во главѣ ихъ Петръ Могила, приготовили почву для иного рѣшенія этого вопроса. Но, тѣмъ не менѣе, вліяніе писемъ съ Аѳонской горы, вѣроятно, было огромное; не можетъ безслѣдно разсѣяться въ общественной атмосферѣ такая пламенная рѣчь, направленная на освѣщеніе и обличеніе самыхъ чувствительныхъ, самыхъ больныхъ мѣстъ даннаго общественнаго организма. Трудно повѣрить, чтобы этотъ потрясающій голосъ не сыгралъ своей и, можетъ-быть, очень важной роли въ томъ общественномъ подъемѣ, охватившемъ Южную Русь, который, начавшись въ однихъ общественныхъ слояхъ и настроеніяхъ, перешелъ въ иные слои и иныя настроенія. Но мы совершенно лишены возможности сказать объ этомъ что-нибудь положительное.

Итакъ, между православными горожанами шла усиленная культурная дѣятельность. Она отражалась и на населеніи сельскомъ, конечно, въ тѣхъ его частяхъ, которыя не были подавлены злобой дня, матеріальной нуждой. Среди южно-русскаго шляхетства дѣло обстояло такъ. Одна часть дворянства — изъ тѣхъ, кто не ушелъ въ разновѣріе или вернулся въ лоно старой церкви — принимала дѣятельное участіе въ братскихъ дѣлахъ, являлась политическимъ представителемъ интересовъ православія, поддерживала православную церковь матеріально, строила новые монастыри. Ихъ много появилось послѣ уніи, и между прочими сталъ извѣстенъ монастырь Почаевскій. Но въ то же время католическій прозелитизмъ положительно свирѣпствовалъ среди южно-русскаго дворянства. Какъ дѣлалось, что дѣти православныхъ дворянъ оказывались католиками, объ этомъ можетъ дать нѣкоторое понятіе

одинъ дошедшій до насъ любопытный документъ: завѣщаніе нѣкоего Загоровскаго, православнаго волынскаго пана, который попалъ въ плѣнъ къ татарамъ и изъ Крыму дѣлалъ свои распоряженія на счетъ дѣтей и имущества. Загоровскій горячо умоляетъ опекуновъ позаботиться, чтобы дѣти „не забыли своего русскаго письма, своего русскаго языка, честныхъ и покорныхъ русскихъ обычаевъ, а, главнѣе всего, своей вѣры"; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ приказываетъ отослать ихъ въ Вильно къ іезуитамъ, потому что „хвалятъ тамошнюю добрую методу преподаванія", и выражаетъ желаніе, чтобы дѣти оставались у іезуитовъ, ни на минуту не выходя изъ школы, въ теченіе семи лѣтъ, полагая, что только такимъ образомъ они могутъ, какъ слѣдуетъ, „отполироваться". Не трудно представить себѣ, что успѣвала въ теченіе семи лѣтъ сдѣлать непрерывная іезуитская полировка изъ православнаго мальчика.

Оба магнатскихъ дома, которые служили опорою православія въ Южной Руси, Вишневецкіе и Острожскіе, уже въ началѣ XVII столѣтія были католическими. Въ католицизмъ обратились сыновья Константина-Василія Острожскаго, а родная внучка этого общепризнаннаго столпа православія проявила столько фанатизма въ преслѣдованіи православія и водворенія католицизма въ громадныхъ владѣніяхъ дома Острожскихъ, которыя она наслѣдовала, и такъ усердно служила интересамъ іезуитовъ, что они ее почитали за святую. „Гдѣ тотъ безцѣнный камень—восклицаетъ въ своемъ „Ѳриносѣ" Мелетій Смотрицкій отъ лица православной церкви,—который я между иными перлами, какъ солнце между звѣздами, носила въ коронѣ на главѣ моей, гдѣ домъ князей Острожскихъ, сіявшій болѣе всѣхъ другихъ блескомъ своей старожитной вѣры? Гдѣ и другіе драгоцѣнные камни той же короны—роды князей Слуцкихъ, Заславскихъ, Вишневецкихъ, Збаражскихъ, Сангушекъ, Черторыйскихъ, Пронскихъ, Бужинскихъ, Масальскіе, Лукомскіе... и т. д., которыхъ перечислять пришлось бы долго?.. Гдѣ и иныя мои драгоцѣнности, гдѣ древніе, родовитые, сильные, во всемъ свѣтѣ славные своимъ могуществомъ и доблестью—Тышкевичи, Хребтовичи, Тризны, Горностаи, Мышки, Гойскіе, Сѣмашки, Гулевичи, Ярмолинскіе, Калиновскіе, Кирдеи, Загоровскіе, Боговитины, Павловичи, Скумины..."? Въ этомъ перечисленіи—почти всѣ крупные владѣльцы Волыни и Кіевщины. „Благочестивыхъ князей" уже и въ это, относительно раннее, время, когда писалъ Мелетій Смотрицкій, т.-е. въ 1610 г., не было на сторонѣ православія. Вслѣдъ затѣмъ „оскудѣ и иныхъ благородныхъ вельможъ,—всѣ отъ восточнаго православія на западъ уклонишася", остались при благочестіи и православной вѣрѣ лишь кое-кто „отъ худыхъ и не славныхъ": такъ писалъ митрополитъ Исаія Копинскій въ 1632 году.

Но „худые и неславные" шляхтичи все-таки были шляхтичи, а, слѣдовательно, имѣли если не политическую силу и значеніе, то, по крайней мѣрѣ, голосъ, который могъ сказать свое veto. Такимъ образомъ, въ теченіе всего длиннаго царствованія Сигизмунда III, несмотря на фанатическое настроеніе короля и огромное вліяніе клерикальной партіи, мы не встрѣчаемъ никакихъ сеймовыхъ постановленій, т.-е. законовъ, направленныхъ противъ православія. Православіе могло подвергаться угнетеніямъ или оскорбленіямъ лишь въ тѣхъ

или иныхъ частныхъ условіяхъ, гдѣ перевѣсъ фактической силы былъ не на сторонѣ православнаго населенія.

При благопріятныхъ же обстоятельствахъ православные сразу могли сдѣлать очень крупный шагъ въ сторону возвращенія утраченныхъ правъ. Такъ, въ 1621 г. проѣзжавшій въ Москву іерусалимскій патріархъ Ѳеофанъ,—по настоянію козацкаго гетмана Сагайдачнаго, въ которомъ нуждались поляки,—въ Кіевѣ посвятилъ митрополита и епископовъ на всѣ занятыя уніатами каѳедры. Разрушенная-было православная церковь такимъ образомъ опять возстановлялась. Правда, ультра-католическое правительство Сигизмунда III не могло примириться съ этимъ фактомъ: вновь поставленные православные епископы объявлены были самозванцами, внѣ закона. Но дѣло было сдѣлано, и хотя епископы подвергались преслѣдованіямъ, однако, православный митрополитъ Іовъ Борецкій все-таки спокойно жилъ въ Кіевѣ, пользуясь охраной населенія: Польское государство постоянно мирилось съ такими противорѣчіями. Когда умеръ Сигизмундъ III, престолъ перешелъ къ его сыну Владиславу IV (1632—1648 г.), человѣку широкихъ взглядовъ, и политическія условія приняли оборотъ, еще болѣе благопріятный для православія. Уже на избирательномъ и коронаціонномъ сеймахъ не только утверждены были православнымъ всѣ ихъ вѣроисповѣдныя права, но и постановлено подѣлить епархіи, слѣдовательно, и церковныя имущества, между православными и уніатами. Въ это время во главѣ православнаго движенія уже стоялъ человѣкъ, именемъ котораго отмѣчается новая стадія въ развитіи не только южно-русскаго, но и вообще русскаго просвѣщенія. Это былъ Петръ Могила.

Кіевскій митрополитъ Петръ Могила (1633—1647 г.), сынъ и племянникъ молдавскихъ господарей, состоявшій въ родствѣ съ нѣсколькими магнатскими домами, человѣкъ не только европейскаго образованія, но и обладавшій свѣтской полировкой,—Могила могъ съ успѣхомъ представлять собою интересы православія въ шляхетской Рѣчи Посполитой. Всѣмъ болѣе или менѣе извѣстна эта его роль; извѣстны и его труды по исправленію богослужебныхъ книгъ, его катехизисъ, требникъ и т. п., наконецъ, трогательное попеченіе о его любимомъ дѣтищѣ—Кіевской Академіи или Коллегіи, которую онъ изъ простой школы обратилъ въ высшее просвѣтительное учрежденіе, долгое время служившее образцомъ такихъ учрежденій для всей Россіи. Таковы его заслуги; но не въ этихъ заслугахъ лишь надо искать данныхъ для оцѣнки того значенія, какое имѣла личность Петра Могилы въ исторіи русскаго просвѣщенія.

Литературная борьба православія съ уніей, а въ лицѣ ея и съ католичествомъ, которое за ней скрывалось, ставя рѣзко на видъ потребность въ подъемѣ православнаго просвѣщенія, ставила, вмѣстѣ съ тѣмъ, и вопросъ объ источникахъ этого просвѣщенія. Сначала общественное мнѣніе православной среды явно склонялось къ тому, чтобы остановиться исключительно на византійскихъ источникахъ, отрѣзавъ себя совершенно отъ латинства и всего, что съ нимъ связано; такъ думалъ Іоаннъ Вишенскій, такъ думали и другіе. Но, конечно, не много надо было сдѣлать шаговъ впередъ по этому пути, чтобы убѣдиться, что дальнѣйшихъ перспективъ уже нѣтъ: теперь даже не Греція, а лишь Аѳонъ,

Кіевскій митрополитъ Петръ Могила; † 1646 г.

чуть ли не одинъ, оставался хранителемъ всего запаса книжной мудрости, на какую могли разсчитывать православные дѣятели, между которыми были не только чуткія сердца, но и пытливые умы. Источники оказывались слишкомъ скудными; недаромъ Мелетій Смотрицкій перешелъ въ унію послѣ того, какъ совершилъ свое путешествіе на Востокъ для поисковъ за истиной. Петръ Могила явился представителемъ реакціи въ пользу того, чтобы связать православное просвѣщеніе съ латинскими источниками, съ западной наукой: его сильная, энергичная личность много содѣйствовала тому, чтобъ дать этому новому направленію окончательный перевѣсъ. Кіевская Могилянская Коллегія была устроена совершенно по образцу іезуитскихъ школъ; средневѣковая латынь была ея языкомъ, на которомъ преподавались почти всѣ науки, на которомъ разговаривали ученики; конечно, и программа преподаваемыхъ наукъ была, въ общемъ, та же, которая была принята въ западныхъ школахъ. Лучшіе ученики отправлялись для завершенія своего образованія въ Краковскую или Замойскую академію, въ Львовъ, наконецъ, даже въ Римъ и итальянскіе университеты. Такимъ образомъ, этимъ новымъ своимъ поворотомъ православное просвѣщеніе тѣсно и непосредственно примыкало къ Западу.

Такой поворотъ встрѣченъ былъ православной средой съ большимъ недовѣріемъ, и его руководителямъ пришлось пережить не одну горькую минуту. „Было и такое время,—пишетъ Сильвестръ Коссовъ, сотрудникъ Могилы, позже его преемникъ по каѳедрѣ,—что мы, исповѣдавшись, только и ждали, что вотъ начнутъ нами начинять желудки днѣпровскихъ осетровъ, или же огнемъ либо мечемъ отправлять на тотъ свѣтъ“. Но ничего подобнаго не случилось, и общественное настроеніе скоро примирилось съ перемѣной: она получила право гражданства. Очевидно, почва для этой перемѣны въ болѣе сознательныхъ умахъ православной среды уже была совершенно подготовлена.

Петръ Могила не только началъ, но и утвердилъ дѣло южно-русскаго просвѣщенія на новыхъ основаніяхъ. Но годъ спустя послѣ его смерти налетѣвшая буря такъ страшно потрясла все общественное зданіе Южной Руси, что просвѣтительные интересы надолго лишились обезпеченнаго крова, въ какомъ они нуждаются по характеру своей природы.

Таковы были стремленія, которыя занимали умы православной южно-русской интеллигенціи, состоявшей большею частью изъ духовенства, частью дворянства и мѣщанства. Между тѣмъ, внизу, въ той народной массѣ, до которой доходили лишь отзвуки того, что занимало интеллигентныя вершины, наступали съ быстротой важныя стихійныя измѣненія условій, вскорѣ отразившіяся и на исторической сценѣ.

Сколь ни усердно „вынимали“ татары Украину, населеніе постоянно притекало къ ней съ сѣвера и сѣверо-запада. Со времени Люблинской уніи сюда устремилась, какъ уже было сказано, мелкая, малоземельная, польская шляхта. Украинскія же „пустыни“ щедро раздавались магнатамъ, польскимъ и русскимъ.

Раздача эта повлекла за собою усиленный ростъ колонизаціи. Магнаты имѣли возможность устраивать на своихъ территоріяхъ замки, или хотя бы замочки, и снабжать ихъ необходимымъ орудіемъ и гарнизономъ. Перспектива

Кіевская Академія и ея студенты. Копія съ древней гравюры (1697—1702 г.).

защиты привлекала и тѣ элементы, которые иначе не рѣшились бы подвергнуться риску украинской жизни. Были же это, по бо́льшей части, бѣглые крестьяне, которымъ удавалось порвать привязь, притягивавшую ихъ на родинѣ все тѣснѣе и тѣснѣе къ землѣ и работѣ на панскомъ фольваркѣ. На Украинѣ, а тѣмъ болѣе на землѣ магната, ихъ не могли достать руки стараго владѣльца, законныя права котораго они нарушали своимъ уходомъ: магнаты слишкомъ дорожили населеніемъ, чтобы быть особенно щепетильными относительно прошлаго своихъ подданныхъ. Яна Замойскаго прямо укоряли на сеймѣ, что онъ осадилъ свои украинскія имѣнія бѣглецами и гультяями. Но такъ поступали и другіе. Для привлеченія населенія на свои земли паны назначали большіе сроки „слободы", т.-е. льготнаго времени, когда селившійся у нихъ былъ совершенно свободенъ отъ всякихъ платежей и повинностей: двадцать, тридцать и даже до пятидесяти лѣтъ,—сроки, которые казались въ началѣ поселенія чуть-что не вѣчной свободой. Отказываясь отъ дани и работъ новыхъ подданныхъ, панъ все-таки извлекалъ выгоды, и не малыя, изъ заселенія своихъ земель: не имѣя пока возможности, безъ барщиннаго труда, заниматься земледѣльческимъ, онъ занимался скотоводческимъ хозяйствомъ, а польское право предоставляло, въ его исключительную пользу, устройство на своей территоріи млиновъ, корчмъ, мыта. Ростъ населенія увеличивалъ и всѣ эти выгоды, уже независимо отъ той богатой перспективы, которая открывалась съ окончаніемъ льготныхъ сроковъ.

Такимъ образомъ, приливъ населенія на Украину, едва замѣтный первыя десятилѣтія послѣ уніи, затѣмъ начинаетъ быстро повышаться къ началу XVII столѣтія, и въ первую же четверть этого столѣтія достигаетъ своего апогея. Изданіе люстрацій, тарифовъ, инвентарей и иныхъ документовъ того же рода, которыми обогатилась за послѣднее время наша исторія, даетъ возможность ясно, на основаніи статистическихъ данныхъ, представить себѣ ростъ населенія Украины въ теченіе полувѣка, а, слѣдовательно, и картину тѣхъ измѣненій, какимъ она подвергалась въ связи съ этимъ ростомъ. Самой характерной чертой здѣсь, несомнѣнно, является громадное увеличеніе числа городскихъ поселеній, т.-е. городовъ и мѣстечекъ, которые, въ большинствѣ случаевъ, отличались отъ поселеній сельскихъ лишь тѣмъ, что въ нихъ были замки или замочки. Вмѣсто королевскихъ городовъ съ замками, которые всѣ можно перечислить по пальцамъ, въ первые же годы XVII вѣка мы имѣемъ уже сотни городскихъ поселеній. Часть ихъ появляется на земляхъ старостъ, но значительное большинство на земляхъ частныхъ лицъ, особенно въ воеводствѣ Брацлавскомъ.

Итакъ, населенность Украины росла со сказочной быстротой: возлѣ замковъ и замочковъ, которые появлялись какъ грибы послѣ дождя, всюду бѣлѣли хаты, и раскидывались тучныя поля, только-что поднятыя плугомъ. Увеличивалась и безопасность; татарамъ становилось все труднѣе прокрадываться между настороженными замочками. Въ то же время колонизаціонная волна, повышаясь понемногу, двигалась и впередъ, въ глубину дикой степи... На все это съ торжествомъ указываютъ польскіе писатели, усматривая здѣсь благотворное культурное вліяніе Польши. И они правы, но односторонне. Фактъ необычай-

ной быстроты культурно-хозяйственнаго подъема Украины налицо; но сама напряженная быстрота этого подъема какъ бы намекаетъ на его нездоровый, искусственный характеръ. Не избытокъ производительныхъ силъ Польши находилъ свое плодотворное приложенiе на пустынныхъ поляхъ Украины, а честолюбiе вельможъ открывало здѣсь новые горизонты для своихъ притязанiй. Предѣлы роста виднѣлись ясно впереди и совпадали съ льготными сроками... Но ложь того принципа, который руководилъ этимъ блестящимъ развитiемъ, даже и не нуждалась, для своего обнаруженiя, въ такихъ отдаленныхъ срокахъ: угрожающiе симптомы ея разрушительнаго влiянiя обнаружились гораздо ранѣе, на самыхъ же первыхъ порахъ.

Тѣ вольные поселенцы, которые заняли землю въ „пустынѣ", внезапно превратившейся въ панскую „власть", не могли примириться съ тѣмъ, что изъ свободныхъ собственниковъ они нежданно-негаданно превращались въ панскихъ подданныхъ. Вопросъ шелъ не о притѣсненiяхъ—о притѣсненiяхъ со стороны пана пока не могло быть и рѣчи,—вопросъ шелъ о правѣ, которое различно понималось сторонами. Вольный поселенецъ, козакъ, который, не выпуская изъ рукъ оружiя, обороняетъ свою землю и собственность, который постоянно соединяется съ себѣ подобными не только для защиты, но и для наступательной борьбы со степными врагами, считаетъ себя на привилегированномъ положенiи, присвоенномъ закономъ и обычаемъ военнослужилому сословiю, и, конечно, не можетъ допустить и мысли о зависимости отъ пана. Панъ, съ своей стороны, готовъ на всевозможныя уступки, чтобы удержать земледѣльца; но за извѣстнымъ предѣломъ уступки уже превращаются въ самоотрицанiе, и онъ не можетъ перейти этотъ предѣлъ. Онъ готовъ отказаться на неопредѣленное время отъ даней и платежей, повинностей и работъ; но не можетъ онъ отказаться отъ юрисдикцiи, не можетъ допустить, чтобы люди, сидящiе на его земляхъ, обращались за судомъ и расправой къ какой-то своей собственной власти, совершенно игнорируя его верховныя права. А, между тѣмъ, дѣло стояло именно такъ: козаки не только не хотѣли признавать какiе-нибудь платежи и работы съ своей земли, но упорно оставались „непослушными" по отношенiю къ пану, также какъ они были „непослушными" по отношенiю старостъ королевскихъ городовъ, гдѣ они временно проживали и, случалось, даже прiобрѣтали прочную осѣдлость. Такое фальшивое положенiе, въ запутанныхъ и неправильныхъ условiяхъ украинской жизни, вѣчно настороженной („яко на Украинѣ"—обычное выраженiе того времени) могло тянуться неопредѣленно долгое время. Но логика жизни заставляла искать изъ него выхода. Она искала его—и не находила.

Итакъ, часть этихъ вольныхъ поселенцевъ и промышленниковъ, козаковъ, сидѣла на земляхъ украинскихъ старостствъ, часть очутилась теперь на земляхъ панскихъ; наконецъ, еще часть держалась, постоянно или временно, внѣ района земель, притянутыхъ къ государству фактическимъ захватомъ, и имѣла свой центръ за порогами, по недоступнымъ почти для постороннихъ людей плавнямъ и островкамъ, образуемымъ Днѣпромъ, задержаннымъ въ своемъ теченiи пересѣкающей его каменной грядой. Въ какомъ численномъ отношенiи стояли эти „низовцы" къ тѣмъ козакамъ, которые жили по панскимъ вло-

стямъ и королевскимъ староствамъ,—сказать теперь невозможно, да едва ли можно было опредѣлить даже и въ свое время: постоянное передвиженіе составляло основное условіе жизни этой группы не то земледѣльческой, не то промысловой, не то военной, не чуждой и хищничества, характеризующаго „вольнаго добычника". Но каково бы ни было численное отношеніе, во всякомъ случаѣ, „низовцы" составляли какъ бы ядро козацкой группы; лишь существованіе Запорожья, обусловливающее возможность уйти туда, гдѣ уже не можетъ имѣть значенія ни панская, ни старостинская власть, сообщало всѣмъ „непослушнымъ" ту несокрушимую энергію сопротивленія, которую они проявляли.

Когда, съ какого времени люди перестали смотрѣть на „Низъ", на Запорожье, только лишь какъ на промысловыя мѣста, и нашли его удобнымъ для постояннаго пребыванія, насчетъ этого мы можемъ, конечно, дѣлать догадки, но точныхъ указаній, со стороны документальныхъ свидѣтельствъ, не находимъ. Несомнѣнно, однако, что въ девяностыхъ годахъ XVI вѣка, нѣкоторая часть козаковъ, тѣхъ, которые не были связаны семьей, уже держалась на Низу постоянно, между тѣмъ какъ польскій хроникеръ Бѣльскій свидѣтельствуетъ, что въ семидесятыхъ годахъ того же столѣтія козаки оставались на Запорожьѣ для промысловъ и набѣговъ лишь съ весны до осени, на зиму же возвращались на Украину, оставляя за порогами лишь сторожей при оружіи. Можетъ-быть, эпоха, непосредственно слѣдующая за Люблинской уніей, которая оказалась для Украины рѣшающей въ другихъ отношеніяхъ, оказалась рѣшающей и въ этомъ. Однако, о Сѣчи, въ смыслѣ того оригинальнаго и посвоему благоустроеннаго, укрѣпленнаго города, какой мы находимъ въ болѣе позднее время, сначала на Чертомлыкѣ, затѣмъ на Подпольной, пока еще не можетъ быть и рѣчи. Низовые козаки живутъ, по свидѣтельству Ляссоты, посѣтившаго ихъ въ 1594 году, простымъ лагеремъ, укрываясь отъ непогоды „въ шалашахъ, называемыхъ ими кошами, которые сдѣланы были изъ хвороста и покрыты для защиты отъ дождя лошадиными кожами".

Въ то время, когда Ляссота былъ на Запорожьѣ, тамъ жило около трехъ тысячъ козаковъ. Такая масса людей, разумѣется, не могла держаться вмѣстѣ безъ организаціи. Организація эта была очень не сложна, но удовлетворяла потребностямъ этого упрощеннаго общества, не гражданскаго,—такъ какъ оно исключало семью,—а военнаго. Оно дѣлилось на части, которыя управлялись выборными полковниками, съ подраздѣленіемъ на сотни съ выборными же сотниками. Во главѣ всего этого „низового запорожскаго войска" стоялъ тоже выборный гетманъ. На ряду съ этими властями, главное значеніе которыхъ было военное, отправляло всѣ функціи законодательной, судебной, частью и административной власти войсковое вѣче или коло, собственно два кола: одно большое, общее, въ которомъ могли принимать участіе всѣ, и другое, малое, съ участіемъ лишь однихъ старшихъ, вѣроятно, должностныхъ лицъ. Вотъ и все. Всѣ козаки, разсѣянные по украинской территоріи, почитали за своихъ властей мѣстныхъ, конечно, выборныхъ же, атамановъ; но, вѣроятно, смотрѣли на власти Низоваго войска какъ на свою высшую инстанцію.

Въ какомъ отношеніи были эти низовые козаки къ государству? Вопросъ

запутанный, такъ какъ на него нельзя отвѣтить, исходя изъ современныхъ понятій государства, съ его извѣстными намъ законченными формами. Козачество, повидимому, стояло на той архаической точкѣ зрѣнія, которая признавала за вольными козаками-дружинниками полную свободу политическаго поведенія. Козаки брали жалованье отъ московскаго царя за охрану его владѣній отъ татаръ и считали себя въ правѣ уйти на Донъ, когда государство тѣснило ихъ на Днѣпрѣ; они совершенно свободно вели договоры о службѣ нѣмецкому императору, заключали союзъ съ татарскимъ ханомъ, дѣлали нападенія на молдавскія, татарскія, турецкія владѣнія. И, въ то же время, могли ли они порвать тѣ кровныя связи, которыя привязывали ихъ къ Литовско-Польскому государству? Дѣло не въ томъ лишь, что государство считало Запорожье составной частью своей территоріи, а въ томъ, что на несомнѣнной государственной территоріи была козацкая собственность, и—что еще важнѣе—проживали временами они сами и всегда ихъ семьи. Конечно, государство должно было смотрѣть на козаковъ какъ на своихъ подданныхъ, хотя своевольныхъ и непослушныхъ и притомъ такъ поставленныхъ въ ихъ исключительныхъ условіяхъ, что сломать ихъ непослушаніе представлялось дѣломъ большой трудности. Естественно было придти къ мысли о томъ, какъ бы утилизировать эту силу въ государственныхъ видахъ.

Государство, въ лицѣ короля Стефана Баторія, энергично приступило къ разрѣшенію этой задачи. Но сама задача являлась умамъ представителей государственной власти Литвы и Польши значительно раньше Баторія, т.-е. конца XVI вѣка, и раньше дѣлались кое-какія попытки къ ея разрѣшенію.

Въ какомъ направленіи должно было идти разрѣшеніе этой задачи—подсказывалось обстоятельствами. Татары хищническимъ направленіемъ своей политики вынуждали сосѣднія съ ними государства заботиться объ устройствѣ постоянной и сильной пограничной стражи. Козакъ для такого рода службы былъ незамѣнимъ. Правда, онъ и такъ, независимо отъ побужденій или поощреній со стороны государства, частью по охотѣ, частью по необходимости, постоянно подстерегалъ татаръ не допуская ихъ или преслѣдуя. Но эта сторожа была частью случайная, частью корыстная, которая нерѣдко была болѣе заинтересована въ томъ, чтобы догнать обремененнаго добычей врага, чѣмъ въ томъ, чтобы не допустить его внутрь страны. Интересы государства требовали не такой, а правильно организованной стражи. Такимъ образомъ, привлекая тѣмъ или инымъ путемъ козаковъ на регулярную службу, государство разомъ достигало двухъ важныхъ цѣлей: съ одной стороны, удовлетворяло такой насущной потребности, какъ правильная пограничная стража отъ татаръ, съ другой, обуздывало своевольную козацкую силу.

Почти вслѣдъ за тѣмъ, какъ козаки появляются на Приднѣпровьѣ,—конечно, появляются лишь въ смыслѣ появленія первыхъ историческихъ о нихъ свидѣтельствъ,—начинаются и попытки со стороны правительства и его мѣстныхъ агентовъ организовать козаковъ въ указанномъ смыслѣ. Еще Сигизмундъ Старый (1524 г.) писалъ литовской радѣ, чтобы она „радила и мыслила мѣти по Днѣпру козаковъ, збирати и суконъ, и пенязей на нихъ колько сотъ

копъ послати, а тыи козаки по Днѣпру на перевозѣхъ *) разложити, абы намъ и Рѣчи Посполитой земской служили и тыхъ перевозовъ стерегли и боронили, колько имъ Богъ милой поможетъ". Въ это время на Днѣпрѣ дѣйствовалъ загадочный „Полюсъ, русакъ, славный козакъ" хрониkера Бѣльскаго, т.-е. не кто иной, какъ рѣчицкій державца Сенько Полозовичъ, который собиралъ козаковъ и водилъ на татаръ независимо отъ правительственныхъ распоряженій.

Большой, хотя и незаслуженной, извѣстностью въ южно-русской исторіи пользуется предложеніе Остафья Дашкевича, черкасскаго и каневскаго старосты, на Піотрковскомъ сеймѣ (1533 г.), гдѣ онъ предлагалъ „содержать постоянно на Днѣпрѣ двѣ тысячи человѣкъ, которые бы на челнахъ защищали татарскія переправы, а съ нимъ еще нѣсколько сотъ конницы, для доставленія имъ съѣстныхъ припасовъ". Но изъ этого предложенія „ничего не вышло", по свидѣтельству того же Бѣльскаго. Ничего не вышло и изъ другихъ предложеній, которыя еще не разъ повторялись до Баторія.

Конечно, починъ во всѣхъ этихъ предпріятіяхъ принадлежалъ не центральной власти, которая была такъ далека, въ своемъ Вильнѣ или Краковѣ, отъ края и такъ чужда его интересамъ. Починъ принадлежалъ мѣстнымъ представителямъ государства, въ особенности старостамъ украинскихъ городовъ. Между этими старостами нерѣдко были люди выдающейся энергіи, направленной на борьбу со степнымъ врагомъ, и исторія сохранила намъ нѣсколько именъ, частью русскихъ, частью польскихъ. Таковы—черкасскіе и каневскіе старосты Остафій Дашкевичъ и Дмитрій Вишневецкій, староста хмельницкій Ланцкоронскій, староста барскій Претвичъ. Люди эти на своихъ опасныхъ пограничныхъ постахъ вели безпрерывную борьбу съ татарами и, конечно, понимали значеніе тѣхъ мѣръ, какія они предлагали центральной власти. А, между тѣмъ, они сами, эти люди, одной рукой разрушали то, что пытались создать другой.

Дѣло въ томъ, что интересы государства не всегда и не во всемъ гармонировали съ интересами украинскаго пограничья. Польское государство было серьезно заинтересовано въ томъ, чтобы не нарушать мира съ татарскимъ ханствомъ и его могущественнымъ турецкимъ сюзереномъ: а, между тѣмъ, пограничье не могло существовать, не нарушая этого мира. Въ виду татарскаго хищничества, которое не признавало святости договора, и Украина вынуждаема была не довольствоваться лишь пассивнымъ сопротивленіемъ, а стремиться разорять самыя гнѣзда хищниковъ. Такимъ образомъ, пограничные старосты совершали наступательные походы въ глубину степей на свой собственный страхъ и рискъ, не соображаясь съ требованіемъ общегосударственной политики. То же дѣлали и большіе пограничные паны. Подольскіе магнаты, напримѣръ, постоянно вмѣшивались въ дѣла Молдавіи, которая стояла въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Турціи, ставили и смѣняли господарей, совершали военные походы такъ, какъ-будто молдавскія дѣла были предоставлены кѣмъ-то въ ихъ вѣдѣніе. Однимъ словомъ, украинское пограничье жило до извѣстной степени независимой отъ центра политической жизнью.

*) Вѣроятно, на обычныхъ мѣстахъ переправъ татаръ съ лѣваго, иначе татарскаго, берега Днѣпра на правый или русскій.

Князь Дмитрій Вишневецкій (козакъ Байда); † 1563 г.

Естественно, что и старосты и другіе пограничные паны нуждались для своихъ политическихъ предпріятій въ помощи козаковъ. Всякій такой политическій предприниматель долженъ былъ скликать вольную дружину, и козаки доставляли самый значительный и по численности, и по качеству контингентъ этихъ дружинъ. Такимъ образомъ мѣстные представители государственной власти, стремясь, съ одной стороны, къ тому, чтобы обуздывать, путемъ правильной организаціи, козацкое своеволіе, съ другой—питали его и поддерживали. По шляхамъ, протореннымъ въ глубину степей вмѣстѣ съ Вишневецкими и Дашкевичами, ходили козаки съ своими собственными атаманами, причемъ еще до Люблинской уніи имъ удавалось совершать такія рискованныя предпріятія, какъ, напримѣръ, взятіе Очакова (въ 1545 г.); а когда на службѣ у Потоцкихъ и другихъ подольскихъ пановъ они поближе ознакомились съ молдавскими дѣлами, то начали и на свой рискъ заниматься молдавской политикой, выдвигая и поддерживая своихъ собственныхъ претендентовъ на шаткій престолъ молдавскихъ господарей.

Стефанъ Баторій съ той энергіей, которая отличала всѣ его дѣйствія, рѣшился положить предѣлъ этому положенію украинскаго пограничья: съ одной стороны, оно было просто несовмѣстимо ни съ какой правильной политикой, съ другой — прямо мѣшало его широкимъ политическимъ планамъ, вызывая постоянное угрожающее положеніе со стороны Турціи.

Но привести въ исполненіе свое рѣшеніе было не легко даже и для такого энергическаго человѣка, какъ Стефанъ Баторій. Нѣтъ основанія много останавливаться на вліяніи его мѣропріятій, которымъ придается иными историками смыслъ рѣшающихъ моментовъ въ развитіи украинскаго козачества; но нельзя и совершенно отрицать ихъ значенія. И до Баторія были попытки, какъ уже было сказано выше, организовать изъ козаковъ правильную стражу на постоянномъ жалованьѣ, подъ начальствомъ старшаго, назначаемаго правительствомъ; были даже попытки переписать козаковъ въ реестры. Но только Баторію удалось довести это дѣло до конца. Онъ привлекъ какую-то часть козаковъ на постоянную службу: съ старшимъ своимъ, которымъ былъ при Баторіи королевскій дворянинъ Янъ Оришевскій, помимо своей всегдашней сторожевой службы, принимали они участіе въ отдаленныхъ московскихъ походахъ. Чтобы отвлечь этихъ козаковъ отъ Запорожскаго Низу, Баторій отдалъ въ ихъ распоряженіе Трахтемировскій замокъ, лежащій на Днѣпрѣ выше Канева, чтобы они могли имѣть тамъ и сборное мѣсто и арсеналъ; здѣсь же находился древній монастырь, при которомъ былъ устроенъ шпиталь, пріютъ для престарѣлыхъ и изувѣченныхъ на службѣ. Само собой разумѣется, что за этими козаками, внесенными въ оффиціальные реестры и получавшими отъ короля за свою службу жалованье деньгами и суконами, признаны были права на ту землю, какою они фактически владѣли.

Можно признать такимъ образомъ, что именно мѣропріятіемъ Баторія впервые проведена была черезъ безразличную до тѣхъ поръ козацкую массу черта, которая отдѣлила интересы одной части этой массы отъ другой. Съ тѣхъ поръ реестровые или городовые козаки начинаютъ противопоставляться ни-

зовымъ или запорожскимъ. Случалось, что вихрь общественнаго возбужденія — одинъ изъ тѣхъ вихрей, которыми характеризуется послѣдующая жизнь Украины,—все обращалъ въ хаосъ, смѣшивая элементы; однако, моментъ затишья снова выдвигалъ на видъ разъ намѣченную рознь.

Но приспособивъ, такимъ образомъ, на службу государству одну часть козацкой силы, Баторій ничего не могъ сдѣлать по отношенію къ остальной гораздо болѣе значительной части.

Нельзя сказать, чтобы Баторій и не пытался ничего сдѣлать. Онъ шлетъ приказъ кіевскому воеводѣ, князю Острожскому, чтобы тотъ, соединившись съ татарами, прогналъ съ Днѣпра „низовыхъ разбойниковъ"; шлетъ грозные „универсалы" на Низъ, чтобы козаки не смѣли своими нападеніями и походами нарушать миръ, особенно походами въ Молдавію; еще болѣе грозные универсалы шлетъ пограничнымъ старостамъ, чтобы они не смѣли дозволять низовцамъ проживать въ предѣлахъ ихъ территорій и не допускали, чтобы на Запорожье вывозились съѣстные припасы, порохъ, селитра, свинецъ. Но всѣ эти приказы были напрасны, такъ какъ поперекъ имъ стояла непреодолимая сила жизненныхъ условій. Нельзя было прекратить сношеній Украины съ Запорожскимъ Низомъ, такъ какъ, помимо всего прочаго, сношенія эти основывались на серьезныхъ экономическихъ интересахъ обѣихъ территорій— интересахъ промысла и обмѣна. Нельзя было удержать козаковъ, ютившихся на недосягаемомъ Запорожьѣ съ его лабиринтомъ острововъ, плавней и рѣчекъ,—отъ походовъ, въ которыхъ они черпали средства къ существованію, тѣмъ болѣе, что сами мѣстные представители государства, пограничные старосты и паны, смотрѣли на эти походы такими же глазами военнаго авантюриста и добычника. Стефанъ Баторій попытался подойти къ своей неразрѣшимой задачѣ еще такъ: запугать своеволіе не словесной угрозой, а фактами. Когда въ руки ему попалъ Подкова, котораго козаки хотѣли посадить на молдавскій престолъ, — человѣкъ, повидимому, не лишенный достоинствъ и пользовавшійся большимъ уваженіемъ и вліяніемъ,—онъ велѣлъ казнить его въ Львовѣ (1578 г.), несмотря даже и на то, что шляхта сильно домогалась помилованія. Нѣсколько лѣтъ спустя король сдѣлалъ одинъ еще болѣе рискованный шагъ, въ томъ же направленіи: онъ казнилъ Самуила Зборовскаго, который предпринялъ во главѣ запорожскихъ козаковъ неудачный походъ въ Молдавію. Такимъ образомъ, онъ не остановился и передъ опасностью навлечь на себя вражду могущественнаго магнатскаго дома Зборовскихъ. Когда, послѣ казни Зборовскаго, король послалъ на Запорожье съ увѣщаніями своего дворянина Глубоцкаго, козаки отвѣтили тѣмъ, что утопили посла въ Днѣпрѣ.

Итакъ, во все время правленія Баторія, несмотря на его мѣры, низовцы такъ же не прекращали своихъ постоянныхъ набѣговъ на татаръ и походовъ въ Молдавію, какъ не прекращали экскурсій на рыбную и звѣриную ловлю по рѣкамъ и рѣчкамъ Днѣпровскаго Низа: и то, и другое было обычнымъ условіемъ ихъ существованія. Но, тѣмъ не менѣе, за этотъ періодъ не слышно ни о какихъ большихъ военныхъ предпріятіяхъ съ ихъ стороны. Зато смерть Баторія развязываетъ имъ руки, и сдерживаемая энергія вырывается съ не-

обычайной силой: въ одномъ направленіи козаки разоряютъ Очаковъ, Тягинь, Бѣлградъ и другіе пограничные турецкіе города и села; въ другомъ—грабятъ и разоряютъ ужасный невольничій рынокъ Козловъ (Евпаторію), черезъ базары котораго прошло столько злополучнаго русскаго люда... Татары, въ отместку, производятъ опустошительный набѣгъ, проникаютъ въ глубь Червонной Руси, а Турція грозитъ снести Польшу съ лица земли.

Въ этихъ-то трудныхъ для Польши обстоятельствахъ появляется въ свѣтъ первая сеймовая конституція (1590 г.), относящаяся къ Запорожью, и озаглавленная въ „Volumina Legum“ словами: „Порядокъ касательно низовцевъ и Украины“.

Упорядочить отношенія къ государству людей, „которые на Низу и за порогами проживаютъ“, казалось Варшавскому сейму такъ же необходимымъ, какъ и возможнымъ. Стоило лишь поручить это дѣло коронному гетману, чтобы онъ очистилъ подозрительныя мѣста отъ своевольныхъ людей, оставивъ тамъ лишь тѣхъ, кто согласится подчиниться всѣмъ предлагаемымъ государствомъ условіямъ службы, повиноваться назначаемымъ гетманомъ начальникамъ изъ шляхты, никого не принимать въ свое товарищество безъ вѣдома и согласія этихъ начальниковъ и т. п. Однимъ словомъ, въ Варшавѣ представлялось, что нѣтъ никакихъ затрудненій въ томъ, чтобы обратить низовцевъ въ правильно организованную, состоящую на службѣ государству, пограничную стражу. Не болѣе затруднительнымъ представлялось упорядоченіе отношеній и со стороны тѣхъ козаковъ-хуторянъ, которые проживали на Украинѣ: старосты должны были строго слѣдить за тѣмъ, чтобы никто не ходилъ съ Украины на Низъ и вообще въ степь за добычей и особенно не переходилъ за границы сосѣднихъ государствъ; должны были наблюдать за тѣмъ, чтобы никто не продавалъ своевольнымъ пороху, селитры, оружія и съѣстныхъ припасовъ и не получалъ отъ нихъ добычи. Надзоръ за соблюденіемъ этого порядка поручался двумъ „дозорцамъ“, назначаемымъ спеціально для этой цѣли. Въ дополненіе къ этой сеймовой конституціи еще было постановлено устроить, въ видахъ укрощенія своеволія, замокъ на урочищѣ Кременчугѣ, гдѣ долженъ былъ имѣть постоянное пребываніе отрядъ войска въ тысячу человѣкъ.

Жизнь не замедлила дать отвѣтъ на эти требованія, предъявляемыя государствомъ. Въ томъ же 1591 году, когда появилась вышеупомянутая „ординація“, вспыхнулъ бунтъ Косинскаго и открылъ собою новую роковую эру въ украинской исторіи.

Что за личность Косинскій, въ чемъ непосредственные мотивы его поступковъ,—все это загадки, ключъ къ которымъ уже утерянъ. Онъ былъ подляскій шляхтичъ—шляхтичи были обыкновеннымъ явленіемъ въ козацкой средѣ: не только неудачники или банниты *), какъ Зборовскій, бѣжали на Низъ, но и просто сыновья шляхетскихъ семей шли туда, чтобы обучаться тонкостямъ „татарскаго танца“. Повидимому, у Косинскаго были личные счеты съ домомъ князей Острожскихъ, при которомъ онъ состоялъ раньше въ

*) Баннитъ—изгнанникъ, лишенный всѣхъ правъ.

числѣ служебныхъ дворянъ. Вообще, весь этотъ эпизодъ носитъ внѣшній характеръ войны козацкаго гетмана Косинскаго съ князьями Острожскими — одной изъ тѣхъ частныхъ, домовыхъ, войнъ, которыми была богата общественная жизнь какъ Украины, такъ и самой Польши. Но изъ-за этого внѣшняго облика частныхъ отношеній всюду прорывается общій смыслъ происходящаго. Ведя войну съ Острожскими, шляхтичъ этотъ „до чего-то большаго тянулся", по словамъ польскаго хроникера. А это большее было не что иное, какъ распространеніе козацкаго присуда на всю украинскую територію, упраздняющее дѣйствіе на ней „панскаго права": документы ясно и несомнѣнно свидѣтельствуютъ о томъ, что Косинскій требовалъ присяги „на послушенство козацкому войску" не только селянъ и мѣщанъ, но и мелкой шляхты. Такимъ образомъ, уже это первое движеніе, открывающее собою козацкую эпопею, намѣчаетъ тотъ основной мотивъ, который руководилъ всѣми послѣдующими движеніями, пока Хмельницкій не воплотилъ идею въ фактъ. Украина не хотѣла мириться съ водворяющимся панскимъ правомъ и чувствовала въ себѣ силу на отпоръ, имѣя подъ рукой такое дѣтище, какъ Запорожскій Низъ.

Едва только Косинскій успѣлъ появиться съ козацкимъ отрядомъ, зимой 1591 г., на Украинѣ и овладѣлъ Бѣлоцерковскимъ замкомъ, относившимся къ старосту князя Януша Острожскаго, захвативъ деньги, драгоцѣнности, а, главное, документы, какъ вся Кіевщина и Брацлавщина пришла въ волненіе. Косинскій съ своимъ отрядомъ скрылся въ степи, а Украина вся кишѣла маленькими купами своевольныхъ людей, которые „учиняли великіе и неслыханные шкоды, кривды, грабежи и убійства, какъ въ городахъ и мѣстечкахъ, такъ и въ деревняхъ"... Опираясь на сочувствіе населенія, Косинскій осенью 92-го года снова появляется изъ степи, теперь уже во главѣ настоящаго, хорошо вооруженнаго, войска. Низовцы тѣмъ временемъ успѣли забрать въ Кіевѣ „пушки, порохъ и всякую стрѣльбу". Украина встрѣчала козацкое войско съ полнымъ сочувствіемъ: укрѣпленныя мѣстечки открывали ему ворота, православное духовенство встрѣчало его со звономъ и процессіями. Сопротивленіе Косинскій встрѣтилъ лишь на Волыни. Укрѣпившись сначала въ Острополѣ, имѣніи кн. Василія Острожскаго, на границѣ Волыни съ Брацлавщиной, Косинскій оставилъ это мѣстечко, чтобъ проникнуть на Волынь, и занялъ Пятку, тоже мѣстечко Острожскихъ. Острожскіе, тѣмъ временемъ, располагая громадными средствами и не надѣясь на мѣстную свою милицію, привели людей изъ своихъ польскихъ владѣній и наняли венгерскую пѣхоту. На помощь къ Острожскимъ пришло нѣсколько пріятелей, и въ началѣ 1593 г. они общими силами обложили Пятку. Косинскій намѣревался прорваться вглубь Волыни, но потерялъ много людей, всѣ пушки и знамена и долженъ былъ просить прощенія у Острожскихъ. Сохранился договоръ козаковъ съ кн. Василіемъ Острожскимъ; но Косинскій, лишенный по этому договору гетманства, видимо, не считалъ себя имъ связаннымъ. Онъ тотчасъ же отправился на Низъ и снова набралъ тамъ охотниковъ для похода на Украину; но былъ убитъ, и его случайная смерть пока положила предѣлъ дальнѣйшимъ волненіямъ.

Въ томъ же году состоялось сеймовое постановленіе, въ силу котораго

„Низовцы и прочіе люди“, которые соединялись бы своевольно въ купы, почитаются pro hostibus patriae et perduelibus (за враговъ отечества и измѣнниковъ), и противъ нихъ можетъ быть, безъ всякихъ дальнѣйшихъ обращеній къ праву, двинуто кварцяное украинское войско *).

Прошло какихъ-нибудь два года, и обстоятельства уже требовали примѣненія этого постановленія. Собственно говоря, смерть Косинскаго ничего собой не умиротворила. На нѣкоторое, короткое, время броженіе лишилось своего центральнаго пункта; но оно скоро его отыскало. По странной ироніи судьбы, центральное мѣсто занялъ теперь человѣкъ, который только-что на службѣ у кн. Острожскаго принималъ дѣятельное участіе въ войнѣ съ Косинскимъ. Это былъ Наливайко — красавецъ Наливайко, имя котораго сдѣлалось у поляковъ надолго нарицательнымъ для всѣхъ представителей буйнаго украинскаго своеволія.

Наливайко не былъ гетманомъ Низоваго войска,—наоборотъ, низовое козачество относилось къ нему, благодаря его прошлому, подозрительно, если не враждебно. Около него ютилось, главнымъ образомъ, своевольное козачество Брацлавщины, гдѣ искони мужикъ былъ „пышнѣйшій нижли панъ“: Брацлавщина всегда кишѣла вольнымъ людомъ, который не хотѣлъ знать ни панской, ни старостинской власти. Съ приставшей къ нему своевольной дружиной Наливайко ходилъ искать „козацкаго хлѣба“ въ Молдавію, въ Угорщину, но въ въ 1595 г. уже былъ снова на Украинѣ, на Волыни. Но, не желая войны съ волынскими и кіевскими панами, во главѣ которыхъ стояли Острожскіе, онъ направился къ Днѣпру, этому извѣчному козацкому шляху, чтобы оттуда двинуться въ Литву „за стаціями“ (содержаніемъ) для своего войска. Интересны тѣ объясненія своихъ поступковъ, какія посылалъ Наливайко королю: трудно понять, искренняя ли вѣра въ свою правоту, или наивное лукавство, свойственное украинцу, звучитъ въ этихъ жалобахъ на литовскихъ пановъ, которые „обратились противъ насъ, безъ всякой вины съ нашей стороны, только за чуточку хлѣба, который мы поѣли въ ихъ имѣніяхъ, а, лучше сказать, и совсѣмъ не ѣли“... Какъ бы то ни было, литвины вытѣснили войска Наливайка назадъ на Украину. А Украина, между тѣмъ, волновалась. Это былъ годъ Брестской уніи, и спокойствія не было даже въ глубинѣ Волыни: тамъ происходятъ постоянные „заѣзды“ со стороны православныхъ земянъ, направленные на сторонниковъ уніи. Изъ Запорожья „выгреблись“ низовые козаки, и нѣсколько отрядовъ хозяйничаютъ въ разныхъ мѣстахъ. Самъ гетманъ низовыхъ козаковъ Лобода, человѣкъ, повидимому, далеко не заурядныхъ качествъ, расположился въ окрестностяхъ Кіева козацкимъ лагеремъ, въ которомъ были и козацкія жены и дѣти, однако, воздерживался пока отъ общенія съ Наливайкомъ. Въ атмосферѣ Украины носились замыслы „о Краковѣ, о разбитіи королевской столицы, о погибели шляхетскаго сословія“—слова не только современника, но и участника событій, знаменитаго польскаго гетмана Жолкѣвскаго: его-то именно энергія и предотвратила на этотъ разъ грозившую Польшѣ

*) Кварцяное войско содержали на кварту (четверть доходовъ) съ королевскихъ имѣній. Въ описываемое время постоянно пребывало на Украинѣ съ такъ называемымъ польнымъ гетманомъ.

ЗНАТНЫЙ МАЛОРОССІЙСКІЙ ШЛЯХТИЧЪ.

МАЛОРОССІЙСКІЙ МѢЩАНИНЪ.

ШЛЯХЕТНАЯ ГОСПОЖА ВЪ ЗИМНЕМЪ НАРЯДѢ.

МАЛОРОССІЙСКАЯ ГОСПОЖА ВЪ КИБАЛКѢ.

МАЛОРОССІЙСКАЯ ПАНИ ВЪ НАМИТКѢ.

КРЕСТЬЯНКА,—МОЛОДИЦА.

СЕЛЬСКАЯ ДѢВУШКА КРЕСТЬЯНКА.

ШЛЯХТНАЯ ГОСПОЖА ВЪ ЛѢТНЕЙ ОДЕЖДѢ.

СЕЛЬСКАЯ ДѢВУШКА КРЕСТЬЯНКА.

ДѢВИЦА МѢЩАНКА.

ПЛЯШУЩІЯ ГОСПОЖИ.

КРЕСТЬЯНКА,—СТАРУХА.